Полный текст “Nico”

Смотрите другие форматы

то.ЖИЗНЬ И ЛОЖЬ ЛЕГЕНДАРНОГО ЧЕЛОВЕКА

РИЧАРД УИТТС

1 Героическая статья The Sunday Times | биография…которая включает в себя

целую вечность’ The Times

Ричард Уиттс впервые познакомился с Нико, когда она появилась в телепрограмме , которую он вел совместно с BBC2. Позже она посетила его лондонскую квартиру, чтобы посмотреть серию фильмов с участием своего бывшего любовника Алена Делона, а незадолго до своей смерти пригласила его написать ее биографию.

В прошлом он был директором манчестерского New Music Exchange, Лондонского фестиваля в Камдене и Саут-Хилл-парка в Беркшире, а сейчас работает над новыми оперными проектами в Париже. Его образование связано с музыкой, и как перкуссионист он регулярно играл с оркестром Халле, ансамблем современной музыки Dreamtiger и группой The Проход.

Ричард Уиттс написал много полемических статей о новой музыке и современном танце, и его можно услышать в художественных программах, таких как “Калейдоскоп” на BBC Radio 4. О Уиттсе Нико сказал: “Мне нравится бывать у него дома, потому что у него хороший цветной телевизор, и у него есть пластинки, о которых я никогда не слышал”. Он живет в Брайтоне.

НИКО

“Жизнь и ложь иконы”

РИЧАРД УИТТС

“di”

Это издание впервые опубликовано в Великобритании в 1993 году издательством Virgin Books в издательстве Virgin Publishing Ltd. Лэдброк-Гроув, 332 Лондон, W10, Южная Каролина

Впервые опубликовано в 1993 году издательством Virgin Books Авторское право © Ричард Уиттс, 1993

ISBN 0 86369 655 4 С каталогом этого издания можно ознакомиться в Британской библиотеке. Набран компанией TW Typesetting, Плимут, Девон

Отпечатано и переплетено в Великобритании компанией Cox & Wyman Ltd, Рединг, Беркс

В память о Линде Доррелл (1961-1992) который погиб при крушении самолета в Катманду. Она прочитала рукопись и любезно разъяснила все автору.

‘Да ладно, Линда, ты хочешь сказать, что мужчина не может написать о такой женщине, как Нико?” “Дик… Называешь себя мужчиной?’

Никто не считает тебя красавицей в той части, которая касается абсолютной любви. Кель выбрал “плюс к красоте”, “плюс к возвышенности”, “в манерах”, “без различий в воспитании”. И я хочу, чтобы ты стал учеником, чтобы ты был в искусственном путешествии, чтобы ты был женщиной, желающей путешествовать.

Воспитание - это труд, это уникальность, это возвышенность, это секс и это то, что нас связывает.

плюс премия.

(“Ирония судьбы в сообществе: о воспитании” - Жан Бодрийяр, 1979)

Нико казалась такой красивой только потому, что ее женственность казалась полностью наигранной. Она излучала нечто большее, чем красоту, нечто более возвышенное, иное обольщение. И в этом был обман: она была фальшивой трансвеститкой. королева, настоящая женщина, на самом деле играющая королеву.

Соблазнение всегда более необычно и возвышенно, чем секс, и за него приходится платить больше.

(“Эклиптика секса”, из книги “Соблазнение” - Жан Бодрийяр, 1979, перевод Брайана Сингера)

OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO, OOOO =

Содержание

Список иллюстраций Вступление Признание

1938-1945 1946-1955 1956-1959 1960-1964

Январь—июнь 1965 года Июль-декабрь 1965 г. Январь-июнь 1966 г. Июль-декабрь 1966 г. Январь-июнь 1967 г. Июль-декабрь 1967 г.

1968

1969-1973 1974-1981 1981-1988

Дискография и фильмография

Источники Индекс

Иллюстрации

Ульрих Вольф и Криста Паффген, четыре года, 1942 год

Криста и ее мать Грете в сентябре 1944 года, в первый день учебы Кристы в школе в Люббенау

Ульрих, Хельма, Криста и Берта в Люббенау, 1943 год

Грета в 1941 году

Хельма, тетя Кристы и ‘другая мать’, 1941 год

Берлин, южный конец улицы Кристы, 1948 (Ландесбильдштелле, Берлин)

Криста демонстрирует кольца на выставке в KaDeWe, Берлин, 1954 (Герберт Тобиас)

Криста позирует для журнала Bunte (Герберт Тобиас)

Нико и принц Задим Волконски в кадре из фильма “Сладкая жизнь” Vita (коллекция Kobal) Нико рекламирует новейшую

посудомоечную машину в журнале Elle, 1961 год Нико в фильме “Стриптиз” режиссера Жака Пуатрено, снятом в декабре 1962 года, через пять месяцев после рождения Ари Нико с Энди Уорхолом в рекламном ролике для “Девочек Челси” (BFI)

Нико и Энди Уорхол в роли Бэтмена и Робина для журнала Esquire, 1967 (Globe Photos, США)

Нико и Филипп Гаррель в фильме “Шрамы внутри” (BFI)

Нико в фильме “Шрамы внутри” (BFI)

Нико и ее сын Ари, 1981 (Антуан Джакомони)

Нико на сцене, 1985 (Пола Кокс)

Нико на лондонском кладбище”, для использования на обложке альбома Drama of Exile, 1979 (Антуан Джакомони)

Вступление

История - это истина, которая в конечном счете становится ложью, тогда как миф - это ложь, которая в конечном счете становится правдой.

ЖАН КОКТО

ЧТО ЭТО за жалкий старый наркоман на шоу?’ Комедиант

Бен Элтон указывал на Нико. Я должен был сказать ему, что это было

моих рук дело, и что, по крайней мере, она обошлась дешево. Она жила всего в трех милях от нашей телестудии в Манчестере; ей нужен был только ее маленький индийский орган - никакой группы поддержки. Бен не слышал ни о ее возрожденном культовом статусе, ни о “Nico-teens”, которые сформировали ее

новых молодых поклонников, ни о том, что ее пятый сольный альбом “Drama of Exile” вышел после двух лет печально известного судебного процесса. Он знал ее как the Chelsea Девушка, Верховная жрица Сверхъестественного, суперзвезда Уорхола шестидесятых, которая “растолстела и стала наркоманкой’, как Уорхол язвительно отметил в своем дневнике.

В ноябре 1983 года Бен Элтон и я представляли “Скрипучую молодежь”. Сериал для BBC (хотя он был менее скрипучий, чем у многих). Кэ Каждую пятницу вечером программа Oxford Road Sbow транслировалась в прямом эфире на всю страну, ее продюсировали 40-летние, исследовали 30-летние, ориентировали на 20-летних и смотрели 10-летние. Выступали рок-группы. ‘вживую”, иногда по-настоящему вживую, но в основном на кассете. Нико пела по-настоящему вживую , и я заметил замечательную вещь. Она спела свою рапсодическую “Уборщицу из Lunacy” без барабанов и какого-либо направляющего импульса. Однако точность и дисциплинированность, которые она демонстрировала, были присущи классическому музыканту.

Голос Нико был описан в картине Энди Уорхола “Попизм” как ” Компьютер IBM с акцентом Гарбо” и более романтично - как ” хрупкий спасательный круг в невыразимом прошлом, охваченном чумой”. И все же у нее было глубокое, чистое контральто, без вибрато и с точной подачей. Она была профессионалом. К тому времени Нико пела уже двадцать лет, преуспев в карьере фотомодели. Ее песни, написанные ею самой, возможно, были творчеством нигилистки, как она часто утверждала; она определенно была героиновой наркоманкой. Однако ее аккуратность и достоинство противоречили представлению Бена о ней как о “жалкой старой наркоманке”.

В 1985 году я стал чаще встречаться с Нико. Она жила в общей лондонской квартире недалеко от Брикстонской библиотеки. Я жил дальше по Брикстон-хиллу, и

иногда она подходила пешком или на велосипеде, чтобы посмотреть мой телевизор, потому что “у него хорошая

цветопередача'. Однажды вечером она захотела посмотреть дублированный фильм. Французский криминальный фильм "потому что в нем снимается мой муж'. Пока я не сел рядом с ней и не посмотрел фильм, я не знал, что она имела в виду Алена Делона. * Он озвучивает свой собственный голос, я узнаю его интонацию — он всегда должен быть главным. Он хорошо выглядит для своего возраста, не так ли? Я рад, что мы оба сохранили свой имидж. Ему пятьдесят, а я на три года моложе. Я рад , что вы не можете этого сказать."Я не говорил ничего подобного, но я заметил , насколько этот фильм близок к реальной жизни. Делон играл начальника полиции, сына которого обвинили в убийстве. На самом деле у Делона был сын по имени Энтони, которого в то время привлекали к суду за покушение на убийство. Я спросил Нико, знала ли она об этом. 'О, да, он уничтожил моего сына". Я был слишком застенчив, чтобы продолжать расспросы. "Разве не забавно посмотреть этот фильм, не так ли? Он как под копирку. Конечно, Алену всегда нужен какой-нибудь скандал, чтобы его фотография попала в газеты. Ты помнишь , что его жена была замешана в убийстве, а потом все это замяли? - Ты имеешь в виду себя, Нико? 'Нет, его вторая жена, Натали. Это был тяжелый год, когда Брайан Джонс погиб в бассейне". Таким образом , она вспоминала свою историю и рассказывала мне истории, многие из которых противоречили другим.

Однажды она попросила меня написать ее автобиографию. Я ответил, что она должна написать ее сама, чтобы она была автобиографичной. * Нет, я не хочу, чтобы это было прямолинейно. Я хочу, чтобы это было больше похоже на роман, где половина правды, а половина - нет". Я сказал ей, что знаю молодую американскую писательницу, которая пользуется большим успехом. Может быть, она могла бы помочь Нико. Итак, в пятницу, 9 августа 1985 года, Нико дал концерт в Мэрия Челси, и я пригласил Кэти Экер встретиться с ней после шоу. Это была настоящая катастрофа. Это было похоже на двух кошек на заднем дворе. Кэти была дружелюбной и деловой. Нико сидела за столом с ледяным видом. Позже она сказала мне: "Мне не нравятся женщины'. Я снова случайно увидел Нико в 1988 году, и она спросила: "Как вам моя автобиография? Вы думали о ней? Я сделал кое-какие заметки. Они могут оказаться полезными'. Я не видел их до 1992 года, после ее смерти.

Когда мы виделись в последний раз, я был директором Камденского фестиваля в Лондоне, ежегодного мероприятия в области искусств. Я подумывал о каком-нибудь концерте Нико в

кинотеатре “Скала” на Кингс-Кросс. Его можно было бы показать параллельно с фильмами Уорхола, в которых она снималась, в сопровождении песен, спетых Нико и озвученных Джоном Кейлом для the Kronos Струнный квартет из Сан-Франциско. Это ни к чему не привело, но проведенное мной исследование показало, что Нико был гораздо более почитаем, чем другие люди. Я так и предполагал. Во-первых, как певица она оказала влияние на Леонарда

V X

Вступление

Коэн, Патти Смит и Сиукси Сиу, среди прочих. Во-вторых, ее образ был оригинальным. Нико был связующим звеном между психоделическими Сцена шестидесятых и “декадентский’ готический мир восьмидесятых. В-третьих, ее стиль пения, ее впечатляющая внешность и ее интроспективные лирические образы были “уникальными” в том смысле, что их наследие было не так-то просто присвоить. Как сказал Уорхол, *Нико была новым типом Суперзвезда — странная и неразговорчивая’.

В-четвертых, я увидел, что впечатление, которое произвела на публику рок-пресса, было ложным. Казалось, что это была попытка вычеркнуть ее из истории. Она была женщиной-композитором, которая не вписывалась в общие категории рока или фолка; она исполняла свои собственные произведения не с показной страстью, а с ясностью и красноречием. Они писали только о наркомане, который однажды переспал с кучей звезд. Я долгое время был свидетелем отвратительного женоненавистничества в музыкальном бизнесе, на классической, популярной, джазовой и экспериментальной сценах, и я подумал , что было бы полезно изучить ее карьеру с этой точки зрения.

Наконец, она выжила. Она бросила вызов традиционному образу наркоманки. В отличие от ее любовников Джима Моррисона,

Брайана Джонса из “Роллинг Стоунз” или Джими Хендрикс; в отличие от Эди Седжвик, Тим(ы) С Хардином и Бакли, или с Сидом Вишесом и другими, она оставалась живой и зависимой до 49 лет, когда умерла… но не от героина.

Мне жаль, что Филипп Гаррель, Ален Делон и Лу Рид отказались участвовать, тем более что у них была возможность представить здесь свою точку зрения на эту историю. Паффгены из Кельна тоже отправили меня и кинорежиссера Сюзанну Офтерингер на тщетное изучение телефонного справочника — что, черт возьми, может скрывать этот клан по прошествии стольких лет?

Я попытался описать жизнь, которая связывала Феллини с Уорхолом, Эди с Джин Сиберг, Джексона Брауна с Сидом Вишесом, Эрнеста Хемингуэя с Алленом Гинзбергом, Коко Шанель с Бетси Джонсон - не попадая в ловушку идентификации Нико исключительно по ее имени. Как сказал мне на днях мой очень, очень близкий друг Игги Поп, “Нико сошла бы с ума, чувак”.

xv

Признание

Я в долгу перед следующими лицами (в алфавитном порядке, в соответствии Нико бы это понравилось), которые потратили свое время, чтобы ответить на мои бюрократические запросы:

Тина Омонт, Ричард Аведон, Дэвид Бейли, Бинки Бейкер, Ари Булонь, Питер Браун, Джексон Браун, Виктор Брокс, Джон Кейл, Орнетт Коулман, Эдит и Пол Коттрелл, Дино Де Лаурентис, Брайан Ино, Федерико Феллини, Эйлин Форд, Антуан Джакомони, Ричард Харрисон, Мартин Хеннин, Филип Джонс, Фред Ланганберг, Джерард Маланга, Карлос де Мальдонадо-Босток, Лилу Маркуанд, Анн-Софи Моне, Стерлинг Моррисон, Пол Моррисси, Джефф Мьюир, Рудольф Паффген, Нико Папатакис, Джон Пил, Игги Поп, Жак Пуатрено, Анн-Мари Куазза, Стивен Северин, Джек Симмонс, Сиукси Су, Аарон Сикс, Поледит

Субриер, Барри Тайлер, Лутц Ульбрих, Вали, Вива, Алан Уайз, Хельма Вольф, Ульрих Вольф, Зузу.

Я надеюсь, что остальные не будут возражать, если я выражу особую благодарность ближайшим родственникам Нико (тете) Хельме Вольф и сыну Нико Ари. В этой книге они прочтут то, что их удивит, но я надеюсь, что это не причинит им боли.

Я благодарен следующим учреждениям за предоставление своих коллекций и архивов, а также за их советы и гостеприимство:

Государственная библиотека, Берлин; отдел искусств Нью-Йоркского общественного Библиотека; библиотека журнала “Роллинг Стоун”, НьюЙорк; Ландес-бильдстелле, Берлин; библиотека Польского института, Лондон; Музей Энди Фонд изобразительных искусств Уорхола, НьюЙорк; Библиотека Лондонского колледжа моды; Библиотека кинематографии, Париж; Библиотека коммуникаций-виссеншафт, Свободный университет, Берлин; Архив Аденхауэра, Кельн; Архив армии США, Берлин; Студия актеров, НьюЙорк.

В этой связи я особенно признателен Бет Коэн, библиотекарю журнала Rolling Stone, которая избавила меня от трех дней скучной работы и поприветствовала словами: *Эй, Ричард, хочешь услышать мой рассказ о Нико? “Есть ли среди зрителей евреи?” * Также, Я хочу поблагодарить мистера Винсента Фремонта из Фонда изобразительных искусств Энди Уорхола , который не побоялся, что я воспользовался его ксероксом. Кроме того, я безмерно благодарна Натали Крокет из французского журнала Marie-Claire, которая любезно объяснила мне исторические тонкости сезонов высокой моды за приятным обедом, и мне жаль только, что я забыла почти все, что она мне рассказывала.

Тщательные переводы важных документов и интервью были сделаны Наташей Шармберг (на немецком языке) и Беном Гулдом (на французском языке). Я в особом долгу перед Наташей

Шармберг, которая взяла на себя основную тяжесть этой деликатной работы в духе “Как можно меньше видеть”? Без ее терпения и коротко подстриженных волос эта биография была бы невозможна. Везде, где это было возможно, опрошенные говорили по-английски, даже в Америке.

Прежде всего, я хочу выразить благодарность Дженни Берд за ее неизменную поддержку, которую она оказывала мне в трудные времена.

Я приветствую моего друга, совместимого с IBM, Алана Кэмпбелла, который нажимал правильные клавиши после того, как я нажал неправильную. Спасибо тебе, Фиона Мактернану и Биллу Смиту за то, что позволили мне попрактиковаться на вас, Марии Томас (Scorpio) за ее ясное мышление, Мартину Лавлоку за его экипировку и Луизе Реннисон за худшее в мире впечатление от Нико. Наконец, я хочу поблагодарить Салли Холлоуэй из Virgin Publishing за мудрую реакцию, высказанную таким молодым человеком, моего агента Джеймса Хейла за его быструю реакцию на мое вегетарианство (как и Нико, “за исключением Франция”), Линдси Хакнолл за “Небесные интерлюдии” и Эндрю Кея за его дьявольское предложение.

(Для подтверждения разрешения цитировать материалы, защищенные авторским правом, пожалуйста, обратитесь к источникам, перечисленным на стр. 323-8.)

xvii век

1 1938-1945

Весь облик и сходство, почерпнутые с земли,

Все родственные связи и происхождение

Исчезли. Не осталось и следа

Чего-либо на этом озаренном лице,,

Поднятом из-под расколотого камня

Но у нее был свой собственный дух; —

Она, она сама и только она,

Ее тело явно излучало сияние. (СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ, 1805)

рассказывающий истории. Она лгала в подростковом возрасте; этому потворствовал некий

улыбайтесь и называйте это романтизацией. С 24 лет и до дня своей смерти она лгала изо всех сил, и ее друзья оправдывали эту маленькую эксцентричность. Только Нико дал ее лжи истинное название: “Я лгу, чтобы обмануть”, - призналась она в конце своей жизни. Ее знаменитые друзья часто лгали о своих днях рождения, деньгах, связях и пороках; как сказал один из них, “Такие люди, как мы, находятся в центре внимания прессы, и с ними забавно играть в игры”. Но для Нико ложь не была забавой или игрой. Она никогда не осмеливалась признаться кому-либо, насколько сильно ей хотелось обмануть мир. Ложь защищала ее от сокрушительного чувства раскаяния. По сути, Нико солгала, чтобы выгородить свою безумную мать и ее необузданного сына. Она считала , что сделала одного безумным, а другого необузданным. Она лгала им, и она лгала о них, потому что “я не хотела, чтобы они затерялись в стране, как я”.

Руководствуясь потребностями рекламной машины, Нико - Главный Девушка с обложки, Нико - безмолвная суперзвезда мистера Уорхола, Нико — мисс Поп-1966, Нико - Дитрих из the velvet underground, Нико - Богиня Луны, Нико - Гарбо из панка, Нико - Последняя Богема, Нико — Такая же несчастная, как и всегда, Нико-прирожденная лгунья создала для себя множество параллельных историй, населенных призрачными семьями. Она мысленно изобразила их в виде своего любимого готического образа - дворца. Ее многочисленные воспоминания, правдивые или ложные, подобранные по вкусу, были связаны воедино, как коридоры и крылья причудливого замка, совсем как у Феллини

Она БЫЛА ПРИРОЖДЕННОЙ ЛГУНЬЕЙ. В детстве она лгала; это называлось

снимал ее в фильме “Сладкая жизнь”. Нико бродила по извилистым коридорам своей памяти, переходя от одной истории к другой, и всякий раз , когда к ней заходила пресса, она рисовала новые панорамы, потому что “они записывают все, что я говорю, - глупо, не правда ли?” Перед смертью Нико решила написать автобиографию, “наполовину правдивую, наполовину неправдивую, смесь, которую невозможно распутать”. Название уже было выбрано: “Движущаяся цель — потому что моя жизнь следует за мной по пятам’. Когда ей не удалось найти человека, который написал бы это за нее (Нико был необычайно ленив), она оставила сыну тоненькую пачку записок. В них было меньше половины правды. |

Репортерам мировой прессы пришлось распутывать факты из ее жизни, когда она умерла в разгар жаркого испанского лета 1988 года. Они выяснили, что она родилась в Будапеште в 1944 году. Или в Берлине, 1943; Кельн, 1942; Польша, 1938. Ее родители были русскими; или наполовину русскими, наполовину турками; на четверть русскими и поляками и немцами и турками; или, если быть точным, “русскими, которые случайно проезжали через Германию”. В некрологах эти подробности были представлены с заметной долей нервозности. Лондонская “Таймс ” прокомментировала свою статью словами “по-видимому” и “вероятно”. “Индепендент ” выбрала “по разным данным” и “возможно, но, возможно, и нет’. новый “Йорк Таймс” избегла даже намека на дату. Парижское издание “Либерейшн ” напечатало их должным образом, но не выдержало критики из-за сложности описания: “Нико — роковая блондинка, поклонница элиты, ставшая жрицей хиппи”. Некрологисты всего мира устроили Нико такие проводы, за которые она в любом случае могла бы умереть: “наполовину правда, наполовину неправда”.

Близкие друзья, которые мельком видели ее необычный паспорт,

могли бы прийти к выводу, что Нико использовала весь этот камуфляж только для того, чтобы скрыть ее Нацистское происхождение. ‘Возможно, а может и нет”, она родилась на оккупированной территории во время хаоса Второй мировой войны, “очевидно” и “вероятно” стала жертвой тирании задолго до того, как выбралась из истерзанного войной чрева своей польской матери-русской. На самом деле за этой выдумкой скрывалось гораздо больше. Она родилась до войны. Ее родители были немцами. Она была незаконнорожденной. Вот почему она солгала своему ребенку, когда он спросил о своем дедушке. Он был турком. Он принадлежал к суфийской религии. Его отец был дервишем. Твой дедушка был убит нацистами в Бельзене за помощь евреям. Она стремилась оградить своего мальчика от того, что он был незаконнорожденным сыном незаконнорожденной матери. Почему она выдумала отца-турка , так и не стало ясно, но ключ к разгадке можно почерпнуть из ее заявления, которое она однажды сделала: “Я не желаю иметь ничего общего с немецким народом. Я никоим образом не отождествляю себя с ним, за исключением его

2

это -е

1 1938-1945

выносливость… Турки - это новые евреи Германии”. Она часто повторяла миф о смерти своего отца в концентрационном лагере в Германии. Бельзен. Это вдохновило немецкого журналиста спросить, была ли эта семья Еврейка: * Нет, но я отношу себя к еврейскому народу. Должно быть, в нашей семье была еврейская ветвь. И первые люди были евреями, не так ли?”

Один из ее врагов из шестидесятых заметил: “Она почти никогда не разговаривала. И когда она это сделала, она солгала. И ты почувствовала, что она была единственной в комнате, кто не знал, что она лжет. Но Нико знал это, и она знала, что они тоже это знали. Ее цель была такова: она знала правду, в то время как

они могли только догадываться о ней. Им никогда не пробраться по коридорам ее дворца, и никогда, даже за тысячу лет, они не найдут дорогу сквозь нагромождение фактов, лжи и незаконченных мыслей к ее правде. Она думала, что до тех пор, пока люди будут знать, что она лжет, ее никогда не привлекут к раскрытию преступлений, которые она совершила против своей семьи, потому что, что бы ни сказала Нико, никто не поверит. Даже ее имя было вымышленным - даже пол, отчество. У Нико, как у богини Луны Нико, не было фамилии, а значит, и семьи. Она была бы свободолюбивой натурой, если бы не одна маленькая деталь: “Нам не нужны паспорта. Они глупы. Они противоположны memento mori. Какая разница, где кто родился?’

ГРУБО ГОВОРЯ, слава Нико основывалась на ее лице, ее песнях, ее любовниках и ее наркотиках. Она была девушкой с обложки пятидесятых годов, которая принимала амфетамины, чтобы похудеть; “шведской принцессой” , которая курила марихуану на съемочной площадке “Сладкой жизни”; “самой красивой женщиной в мире”, которая ела волшебные грибы на острове Ибица; Энди Уорхолом. Суперзвезда, которая принимала кислоту, чтобы “обрести голову” (а затем потерять ее); кровная сестра Джима из The Doors Моррисон, который в своей компании жевал таблетки пейота, чтобы вызвать в пустыне завораживающие видения; композитор, который курил героин “потому что у меня слишком много мыслей”; наркоманка, которая контрабандой провозила свои шприцы через все таможенные посты Европы; и, наконец, Богиня луны и метадона. “Все говорят о наркотиках, особенно о героине”, - заметил один из ее музыкантов в последние годы ее жизни, - “Но я больше помню ее как ужасную алкоголичку. Пиво и белое вино, особенно пиво. Пинтами, бутылками. Вот тогда -то она и начинала избивать людей. Вы слышали, что фанаты твердят о “Богине Луны”, но видели бы они, как она за кулисами выпрашивала деньги! Она была настоящей выпивохой, эта Нико.’

| Нико

Нико утверждала, что пиво у нее в крови. Однажды она сказала удивленному поклоннику, что “Мне нравится пить пиво. Если

только оно не напоминает мне о моем рождении”. Как обычно в таких случаях, она отказалась сказать что-либо еще, кроме обычного “Хо, хо, хо, хо, хо”, которое было ее расплывчатым ответом., Ответ валькирии на любой любопытный вопрос. Но это замечание было почти правдой. Было одно пиво, к которому она не притронулась бы , каким бы крепким оно ни было. Кельш она терпеть не могла, потому что его варили в Кельне, где она родилась. Вид одного сорта пива вызывал у нее особую печаль. Она не могла вынести вида пивного бокала с этикеткой ‘Paffgen’, известной торговой марки семейной пивоварни в Кельне. Фринзенштрассе, главный офис Paffgen Hausbrauerei. Настоящее имя Нико было Криста Паффген. В ее сознании семейная пивоварня навсегда была связана с отцом, который бросил ее. Она резко бросила Пиво Kólsch называлось “одеколон”, и в течение многих лет она даже не могла заставить себя произнести слово ‘Паффген’. Когда журналисты когда они спросили ее о ее “настоящем” имени, то не из тщеславия отказались дать им ответ. Паффген была ее фамилией, но она никогда не видела семьи , которая носила бы это имя.

В год рождения Кристы в телефонном справочнике Кельна значилось двадцать паффгенов . Среди этих двадцати человек было несколько тетушек и дядюшек - целая сеть родственников, составляющих внушительный клан этой почитаемой и сложной католической семьи в этом почитаемом католическом городе. Фамилия Паффген сама по себе происходит от pfaffe, ‘священнослужитель’ или ‘пастор’. Один из молодых двоюродных братьев, с которым она познакомилась только в зрелом возрасте, стал выдающимся художником-модернистом К. О. Пеффгеном; другой был архитектором. Но она не считалась паффгеном, по крайней мере, в клане, и , строго говоря, они были правы, потому что она не была рождена в браке. Она даже не знала своего отца. Он был белой вороной в семье. Паффгенс, очень высокий и красивый паршивец по имени Вильгельм (в честь кайзера), который в студенческие годы путешествовал в дальние страны, занимаясь самоанализом; он следовал буржуазным немецким традициям Вандерджабря, года странствий. Он придал Кристе ее впечатляющий модельный рост в шесть футов (1,80 м), большие серые глаза, мужественный точеный подбородок и декольте. ‘Он дал мне мой высокий рост и сверхактивный ум, - верила она, - хотя не дал мне ничего, кроме бедности’.

В своих автобиографических заметках она написала, что ее отец был опиумным наркоманом: “Я была зачата опиумной наркоманкой, никто бы мне не поверил”. На другой странице она

добавила, что он был обращенным суфием , который жил в Индии, Тибете и Аравии; Махатма Ганди был ее хорошим другом. В какой-то момент она решила проследить путь своего отца до самого

4

___

1 1938-1945

Сад вечной весны, кашмирский город Сринагар, но в конце концов решил, что его путешествия было достаточно для них двоих. Нико рассказывала самые странные вещи об этом отце, которого она никогда не знала. Идея о том, что Ганди развлекает своего хорошего друга , немца, одурманенного опиумом, просто безумна, но то, что он - мистик, ищущий приключений мусульманин в центре нацистской Германии, вдохновляет, а то, что его отец - вертлявый дервиш, - это просто потрясающе. Нико шаг за шагом бродила по коридорам своей памяти. Возможно, она начала с книги о мистических аспектах ислама, которая принадлежала ее отцу. После этого он стал авторитетом в суфизме. Еще несколько шагов - и он стал обращенным суфием. К концу ее пути он стал чистокровным турком, мусульманским мистиком. Стоило ей завернуть за угол, как ее замок был переполнен предками-исламистами, которые кружились у нее над головой, вознося хвалу Аллаху.

Было бы ужасно стыдно испортить ее историю фактом, даже таким простым, как то, что правитель Турции отменил суфизм в 1925 году на том основании, что его ритуалы поиска пупка были слишком банальными для страны, стремящейся стать такой же современной, как, скажем, Германия. Но Нико , в свою очередь, могла наслаждаться образом своего турецкого отца-еретика, верующего в свою запрещенную подпольную веру. На самом деле, он был мечтателем , ставшим солдатом. Он встретил миниатюрную женщину лет двадцати пяти (он был моложе ее), и они “по уши влюбились”, как выразился бы Нико . Он был богат, а

она бедна; он был католиком, а она протестанткой; у него было будущее, а у нее - нет. Согласно семейным преданиям матери Нико, они поженились в Кельне в Наступил новый, 1938 год, и вскоре у них родился ребенок. Семья Паффгенов была потрясена до глубины души. Они заставили отца расторгнуть брак до рождения ребенка, чтобы ни мать , ни ребенок не могли претендовать на роскошное наследство Паффгенов, потому что его жена “участвовала в нем только из-за денег”. Он должен был записаться солдатом в вермахт в ожидании завоевания Германией Европы. Он сделал то, что ему сказали, и Нико родился незаконнорожденным.

16 октября 1938 года она, дочь Вильгельма и Маргариты (Греты), впервые громко закричала в Кельнской больнице Паффген. По закону Грета все еще была паффгенкой; нацистское правительство к тому времени запретило людям менять фамилию по мужу , чтобы евреи не могли прятаться за титулами нееврeев. Грете было 28 лет, и в те дни она была не самой молодой матерью, но одной из самых привлекательных. Будучи неисправимо модной, она красила свои каштановые волосы в светлый цвет и носила прическу, соответствующую моде того времени, - образ, позже известный как “Бетти Грейбл”. Фирменные знаки ее семьи

Нико

были характерные, высокие, как небо, скулы, с которых свисал бал-округлые, с нежной мякотью; в семье их называли “яблочные щечки”, хотя Нико сказал, что они, должно быть, имели в виду вареные яблоки. У Греты были такие же скулы, с четкой и правильной структурой кости, полные губы, которые она часто подводила к линии, чтобы подчеркнуть их выразительность, и нежное выражение глаз, ее “мягкий взгляд”. Все это она отдала Кристе, но, к счастью для Нико, карьера Нико не отразилась на ее росте. В ней было всего пять футов три дюйма (1,60 м), хотя ее муж был на добрый фут выше. Сочетание их физических данных дало их дочери все, что нужно, чтобы стать непревзойденной фотомоделью. Именно то, чего они ей не дали, стало причиной надвигающейся трагедии.

Через три недели после выписки из роддома малышку окрестили католичка, “чтобы сохранить честь семьи”, - заявил Нико. Она была крещена Кристой, “дочерью Христа” - довольно подходящее имя для человека, у которого набожная мать, похожая на Марию, и скрытный отец, похожий на Иосифа. В этом названии также есть что-то более пугающее. Криста была крещена накануне Хрустальной ночи, ночи, когда витрины магазинов в Евреи были разгромлены, и главные улицы Германии были усеяны бесчисленными осколками стекла, сверкающими в лучах рассвета. Когда Нико однажды назвала себя “милой маленькой нацисткой крошкой”, она признала, что родилась в нацистском раю. Это был прекрасный год для рождения в Германии, если ты не еврей, не турок и не кто-то , кто противоречит закону о защите немецкой крови и Честь Германии. Уровень занятости был высоким. Деньги имели реальную ценность. На столах снова появилась вкусная еда. Законопослушные граждане (а тогда было много законов, которые нужно было соблюдать) наслаждались отпускными поездками благодаря сервису досуга “Сила через радость”. В глазах Греты, Германия была историей успеха во всем мире. За полдюжины лет национал-социалистическое правительство вернуло страну от отчаяния к триумфу (и потребовалось еще полдюжины, чтобы повернуть все вспять). Экономический хаос начала тридцатых сменился плодородием и величием, и в течение следующих трех лет Грете жила в Германия безраздельно правила бы Европой, став могущественным рейхом, равным Америка и Россия, простирающиеся от Ла-Манша до Прибалтика, от Норвегии до Северной Африки. “Как же Кристе повезло”, - подумал он Грета, родиться в этот золотой век. Она не знала, что Криста родилась слишком поздно, чтобы насладиться этими наградами, и слишком рано, чтобы избежать последствий. Детство ее дочери прошло бы в укрытии от непревзойденной мести Европы, Америки и Россия.

1938 год, однако, был великим годом для матерей. Грете подарила

рождение детей происходило во времена бума, поскольку Германия тогда приветствовала полтора миллиона “милых маленьких нацистских младенцев’. Нацисты были страстно

увлечены семейной жизнью, хотя официально термин “семья” применялся только к родителям с четырьмя и более детьми. Великий фюрер рейха Адольф Гитлер постановил, что день рождения его матери, 19 августа, должен быть особым днем в честь деторождения. Плодовитые жены были удостоены этой чести Крест немецкой матери - бронзовый за более чем четверых отпрысков, серебряный за более чем шестерых, золотой за более чем восьмерых. Поскольку Грете Паффген была разведена, она не заводила детей. В отличие от большинства других В тот год в Кельне было 20 000 рожениц, и она не могла сказать: “Я подарила ребенка фюреру”, потому что фюрер не одобрял ‘падших женщин”. Паффгенов обязали вернуть тысячу марок , которые государство предлагало молодоженам за их первенца, и фрау Паффген жила на алименты. Даже эта сумма была сокращена, когда ее муж, с которым она жила отдельно, вступил в вермахт. Согласно записям Нико, она провела восемнадцать месяцев в католическом сиротском приюте, где “святые сестры были очень авторитарными”, хотя никаких записей о ее пребывании там нет. Грете и Кристе пришлось жить в приюте; Нико предстояло провести всю свою жизнь в чужих комнатах.

Скудные карманные деньги Греты закончились в начале 1942 года, вскоре после того, как из Парижа прибыла посылка, в которой были сушеные финики и модные трусы. Затем последовало письмо от Старшей Командование сообщило фрау Паффген, что ее муж “погиб в бою” (Нико как—то вспомнил письмо - то ли это, то ли другое - в котором говорилось о “естественной смерти”). На самом деле Паффген был убит своим командиром. Он попал в засаду и был застрелен бандитом. Французский снайпер. Пуля вошла ему в висок и застряла в мозгу. Он не умер; его можно было спасти с помощью операции на головном мозге и выздоровления, но тогда у немцев не было желания обременять свои Отечество для умственно отсталых. Правила были ясны, и ответственный офицер действовал соответственно, застрелив Паффгена. Поэтому слова Нико о том, что ее отец был убит нацистами, были чистой правдой . То, что он сам был нацистом, в первую очередь, могло показаться ей банальным уточнением.

В автобиографической заметке Нико утверждается, что ее мать и отец снова поженились бы после окончания войны. Она добавила красноречивую фразу: “Они были очень влюблены друг в друга. Из-за разницы в росте между ними были отношения отца и дочери . “Нико всю свою жизнь искала призрачную семью; не просто притворство заставило ее позвонить Джиму Моррисону и

Бобу Дилан ‘мои братья’. Однако следующие три года обеспечат

7

Нико

Краткое знакомство Кристы с благословениями, которые часто приносят семейные узы. Когда алименты перестали поступать по капле, а британские бомбы начали бомбить Кельн, Грета искала утешения у своей семьи, обосновавшейся в отдаленном Берлине. 32-летняя мать и ее трехлетний малыш отправились поездом на восток, в недолгое блаженство. Их экипаж был битком набит солдатами, направлявшимися на запуск Операция “Барбаросса”, обреченное на провал завоевание рейхом России. Два года спустя мать и дочь увидели, как эти солдаты , деморализованные, ковыляют обратно в Берлин, опережая коммунистических победителей.

Счастье, к которому они стремились, находилось за пределами Берлина, к юго-востоку от столицы страны , по дороге в Польшу. В маленьком городке жили родители Греты , и, совершая это путешествие к своим корням, Грете предприняла нечто такое, чего ее дочь никогда не смогла бы повторить. До того, как стать паффгеном, Грете была шульцем. У нее была большая и поддерживающая семья; помимо заботливых родителей, у нее было четверо братьев и три сестры. Четыре сестры и четыре брата семьи Шульц выросли в Бромберге, немецком городе, который долгое время не фигурировал на картах. Когда Грете родилась там в 1910 году, Бромберг был оживленным торговым городом на берегу реки Висла, в том месте, где река течет на север и впадает в Балтийское море. Сейчас это польский город под названием Быдгош, но в начале века он был населен немцами и входил в состав Западной Пруссии. После Первой мировой войны и поражения Германии эти земли были переданы обновленной Польше. То Шульце вместе с другими немцами было предложено “вернуться туда , откуда они пришли”. Они согласились и направились на запад, в сторону Берлина. Фашисты взяли реванш на Bydgoszsz двадцать лет спустя, когда вторжение войск сжег свои синагоги и казнен 50,000 горожан в случайном порядке.

В преданиях о Шульцах говорится, что их семья восходит к шляхтичам, польскому дворянскому роду. Отец Греты рассказывал, что его дед в 1820-х годах зарабатывал на жизнь в качестве учителя танцев, обучая юных леди из аристократических семей. Знатная семья Павловских отправила свою дочь на уроки к майстеру Шульцу. Учитель и ученица полюбили друг друга. Когда они поженились, ее титулованный отец резко лишил ее наследства. Она была католичкой, и если герр майстер Шульц когда-либо и был протестантом, то он перешел в другую веру. Говорят, что они прожили достойную уважения и трудолюбивую жизнь.

Когда волшебство железных дорог коснулось Бромберга, город обратил свой взор на запад, в индустриальную Германию, а Объединенная церковь Пруссии превратила его в центр евангельской миссии на востоке. Наиболее Немцы, включая следующее поколение Шульце, обрели Господа и пожинали экономические выгоды, которые могла принести протестантская церковь

расширять возможности — любой, кто жил в Белфасте, поймет такое место, как Бромберг. Покровительство прекратилось, когда семья переехала на запад после Первой мировой войны, но протестантами они остались. Грета родилась и осталась одной из них.

Ее падение, по словам семьи, произошло, когда за ней начал ухаживать Паффген. Паффгены из Кельна были богатыми католиками, в то время как Шульце были бедными протестантами. Паффгены знали , что Грета была “не из их числа”. Она была пиявкой, языческой пиявкой , жаждущей высосать кровь из семьи — именно так Шульце воспринимали надменных Паффгенов. Грете была лишена наследства так же жестоко , как и ее прабабушка. Шульцам было суждено так и не преодолеть жадность богачей. Неудивительно , что Кристу воспитывали в вере в судьбу.

В семье гранд-Шульц, насчитывавшей восемь детей, мать Грете была третьей. Ее лучшей подругой была пятая девочка, Хельма,

которая была на четыре года младше. Эвакуируясь из Кельна, она сначала обратилась к взрослой Хельме, потому что Хельма тоже была замужем, у нее был маленький ребенок, и она осталась без мужа, как и миллионы жен, потерявших на войне своих партнеров. Фрау Хельме Вольф было тогда 28 лет. Она обладала всеми прекрасными, уравновешенными чертами Шульце, хотя и была более элегантной, чем ее старшая сестра. Хельма была вынуждена растить своего сына Ульриха (Улли) в берлинской квартире, которую она описывала как 'полуторакомнатную'. Каждое буднее утро она покидала свою полуторакомнатную квартиру в центральном районе Шонеберга и отправлялась на работу секретарем в военный городок. Она нашла для Улли первоклассный детский сад ("милые маленькие нацистские малышки" были обеспечены государством на отлично), но ее распорядок был нарушен внезапным появлением Грета стояла на пороге, с одной стороны ее загораживали чемоданы, а с другой - Криста в своей крошечной коляске. Улли был всего на шесть месяцев старше своего двоюродного брата, поэтому они занимали половину комнаты вместе. Матери справились, поделившись оставшимся: "Это не совсем жизненное пространство", - пошутила Хельма. пошутил. У них было хоть какое-то убежище от постоянно растущей эпидемии войны, но это было не то решение, о котором мечтала Грета. Отец и мать сестер написали, предлагая немедленно переехать в их тихий сельский дом. Несколько недель спустя Криста и ее мать ехали на паровозе через пустоши к юго-востоку от Берлина. Они добрались до маленького городка Люббенау, когда отец Греты, ни много ни мало, остановил поезд, чтобы выпустить их. Он был городским связистом.

Когда малышка Криста выросла и превратилась в богиню Нико, прирожденная лгунья начала извлекать подробности из семейной саги Шульц и преподносить их прессе как свои собственные. Она рассказала Лос-анджелесскому

Нико

Упоминает, что ее настоящая фамилия Павловски. Русское

написание было принято, чтобы придать ее славянским корням правдоподобный вид; в другом месте она говорила, что у нее немецкий паспорт, но она всегда может поменять его на российский. The Guardian сообщила, что ее польская семья “сменила свою фамилию на Павловские, чтобы избежать нацистских преследований’. Некоторые из ее мелодий, как она однажды рассказала американскому фэнзину, были похожи на мелодии, которые играл ее дедушка, когда учил танцам юных леди, “прежде чем они отправились танцевать в гетто”. За этим последовал примечательный комментарий: “Почему у меня не должно быть собственного имени, а затем фамилии? Вы знаете, я родом из города с двумя названиями”. Интервьюер попросил ее уточнить. Она , конечно, не стала бы этого делать (“Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо”). Такая двойственность - Бромберг и Быдгощ, Паффген и Павловски/Павловский, Криста и Нико (одно немецкое имя и одно иностранное) - служило для создания удобных загадок, в которых она нуждалась, сначала для того, чтобы контролировать образы, которые она отражала в окружающем мире, а затем для того, чтобы скрыть от самой себя волнующую нить личных откровений. Нико размышляла о Польша, а не Германия. Она скорее говорила о вымышленном отце , чем о своей живой матери.

‘Я ЛЮБЛЮ ПРИРОДУ. Мне нравятся леса, холмы, пустыни и места, где взрывались бомбы. Города выглядят лучше всего, когда они разрушены”, - сказал Нико журналисту в 1978. “Какой же, должно быть, она несчастная корова”, - добавил он, не обращая внимания на едкую иронию, которая часто сквозила в ее замечаниях (“Они думают, что если Пм По-немецки у меня нет чувства юмора’). Холмы и пустыни вторгнутся в ее жизнь в ближайшие годы. Из окна грохочущего поезда, следующего в Люббенау, трехлетняя Криста могла видеть леса, ничего , кроме лесов, плоские просторы нетронутого леса: березы, пихты, сосны.

Пока поезд следовал вдоль реки Шпрее на юго-восток, Грета чувствовала , что тяжесть войны ослабевает. Война пришла в город, а не в страну, сказала она Кристе. В сотне километров от Берлина поезд остановился перед сигнальной будкой с надписью “Lbn”. Из будки выскочил дедушка Кристы, великолепный в помпезном полувоенном наряде государственной железной дороги Рейхсбан. Он отвел их в дом своей компании через железнодорожные пути, где они должны были жить до конца войны.

Герр Альберт Шульц был важным человеком в Люббенау. Хотя за переезды, пересекавшие городские магистрали, отвечали две сигнальные будки, по одной на каждом конце станции девятнадцатого века , в его южной будке находились рычаги управления центральным узлом. Одна линия вела поезда из Берлина в Гурлиц и Польшу, другая - в Дрезден

и Чехословакии. Он руководил поездами с войсками и оружием , когда рейх вторгся в Прагу. Он сменил рельсы, когда Германия вторглась в Польшу. Он взглянул на товарные вагоны, которые , набитые евреями, с грохотом двигались в Силезию. Герр Шульц смотрел на задние фонари проходящих поездов, а не на их груз. В работе он руководствовался печатным расписанием и все более импровизированными приказами, а также книгой, часами и телефоном. Он был добросовестным человеком, и его работа была надежной.

Гютербанхофштрассе № 4 (улица Товарного вокзала) - это комфортабельный двухэтажный дом из красного кирпича, построенный железнодорожной компанией рядом с товарным депо. ‘Это был огромный дом, по меньшей мере, четырехэтажный, с огромным внутренним двором”, - вспоминает Нико. “Ну, это было не так, но когда ты маленький, большинство домов кажутся тебе необычными”, - сказал ее двоюродный брат Ульрих, ныне известный архитектор. ‘Я скажу вам точно. В доме было четыре комнаты, а также подсобные помещения, большой внутренний двор и прекрасный сад, где могли играть дети. Кроме того, там не было большого движения транспорта и было оживленное движение поездов”, - объяснила тетя Кристы Хельма. Криста действительно была в восторге от поездов и оставалась такой до сих пор; всякий раз, когда взрослая Нико видела их, она восклицала своему менеджеру, который изо всех сил старался выглядеть заинтересованным, в сотый раз слыша:, “О, смотрите! Поезд! Знаете, это напоминает мне о моем детстве”.

Криста нашла более интересное развлечение в другом конце

дома, в месте, в тысячу раз более захватывающем, чем поезда, - на кладбище. Территория за домом была соединена с двумя церквями, которые жались друг к другу для компании. Католическая церковь Святой Марии Богородицы была сооружена в 1920-х годах из кремового камня с куполом в форме луковицы. В ней находилась евангелическая часовня из красного кирпича. Младенец Иисус висел над католическим порталом, а взрослый Иисус - над протестантским. Христос, мужчина и мальчик, служил на своем уединенном кладбище, где покойные из Люббенау ухаживали за своими семейными участками за высокими оградами из почерневшего железа с шипами. Имена похороненных были высечены золотом на надгробных плитах из блестящего черного мрамора. Пустые, экзотические названия - Тогерец, Поппшольц, Белашк, Филко — свидетельствовали о наследии Люббенау как убежища для тех, кто избежал националистических потрясений в странах на востоке. Разбитые статуи меланхоличных ангелов были увиты виридийским плющом. Ослепительные гроздья срезанных цветов украшали металлические урны зеленого цвета на восьми надгробиях семьи Клавдиев. Деревья и кусты скрадывали симметрию кладбища и создавали затененные уголки для дроздов и маленьких девочек. Криста день за днем играла в готическом раю.

Она проводила там так много времени, иногда просто бродила

где-то поблизости, - вспоминал Ульрих. - Ума не приложу, чем она там занималась. Думаю, ей нравилась тишина. В другой части дома царили все эти механизмы и движение, но здесь все было естественно и для детей таило в себе определенную тайну". Таинственность усугублялась редким зрелищем похорон. Можно было бы предположить, что город, охваченный такой войной, как война 1939-45 годов, развлек бы юную Кристу множеством занимательных ритуалов смерти, но кладбище, несомненно, к ее разочарованию, не было оборудовано для массовых захоронений.

Сначала в доме № 4 по Гютербанхофштрассе жили четверо:

Криста, Грете и родители Греты. Затем, когда жизнь в Берлине испортилась и бомбы союзников обрушились на столицу, к ним присоединились Хельма и Улли. Две сестры проводили свои будни на работе. Хельма продолжала служить в военной части и приезжала туда на выходные вместе с сыном, чтобы отдохнуть ; Грета нашла работу на близлежащем заводе, производившем летающие лодки — к тому времени участие женщин в военных действиях стало обязательным. За их детьми ухаживали бабушки и дедушки. Альберт и Берта Шульц - их кровное родство, по— видимому, никогда не упоминалось - были добрыми родителями восьмерых детей, парой , чей брак мог бы послужить примером для других, многозначительно заметила Хельма. Нико, однако, помнила, как время от времени они с Улли устраивали скандалы, во время которых они убегали в тишину садового сарая. Берта Шульц следила за порядком в доме и переходила через железнодорожные пути, чтобы накормить своего работающего мужа едой, которая была горячей , когда я уходила. Кристе она показалась похожей на бабушку из “Централа” На кастинге - матриарх из “перечницы”, с темными волосами, собранными в пучок на затылке, плотная и приземистая, как пельмень.

Дети знали ее мужа как Опи - немецкое прозвище близких по духу бабушки и дедушки. Перед выходом на пенсию он оставался гибким и активным (он умер в возрасте 93 лет, все еще находясь в Люббенау), а его постоянное воинственное выражение лица было следствием классических северных черт его лица — близко посаженных глаз и тонкого рта, - которые скрывали его открытый, жизнерадостный характер. Прежде всего, он был блестящим рассказчиком. Он будоражил воображение Кристы и Улли всевозможными историями: традиционные сказки, приключенческие истории, романы, наполненные королями , замками и инопланетными существами, рассказы путешественников об удивительных пейзажах, немецкие мифы, такие как о Нибелунгах, и импровизированные изобретения. Дети даже простили ему его настойчивое требование, чтобы они работали в поле во время сбора урожая, собирая спелые ягоды, которые им не разрешалось есть.

”Он был замечательным, самым интересным в течение дня было слушать его”, - вспоминал Ульрих. - Вы должны иметь в виду, что

тогда было мало книг, не было ни детских комиксов, ни журналов для нас, скучное радио и, конечно же, телевидения. Кинотеатр был очень популярен, но не в Люббенау - нам пришлось подождать , пока мы не вернемся в Берлин. Так что наш Opi стал фантастическим источником развлечений, который разыграл наше воображение. Когда Нико писал тексты песен о подземельях, сокольничих, охотниках, гладиаторах, бандитах и Земля Нибелунгов, ее главная движущая сила, была в меньшей степени связана с течением времени , чем с ее детским увлечением.

К своему пятому дню рождения, 16 октября 1943 года, Криста стала воплощением мечты арийца, румяной блондинкой, похожей на херувима из книжки с картинками, - своенравной, упрямой, алчной, властной и упрямоволосой женщиной, по словам семьи. Если не считать дочери могильщика, Улли была ее единственной постоянной подругой. Криста была идеальной девочкой-нацисткой, а он - идеальным светловолосым мальчиком. Помимо карликовых глаз и оттопыренных ушей, Ульрих отличался тем, что старательно, днем и ночью, надевал на себя одежду гитлерюгенда в стиле “выскочки “. Однако в глубине души он был мягкотелым, и Криста использовала его вежливое и спокойное поведение в своих “гитлеровских” целях. Юношеский кинжал. Он вспоминает, что “когда мы играли, она была забавной, дурашливой и глуповатой дурочкой. Ей нравилось, когда ее развлекали. Опи обычно ставила мне на волосы таз, чтобы подстричь их. Это ее бесконечно забавляло. Я стриглась, чтобы развлечь ее. Она была очень смешливой девочкой, но не в меру раскованной. На самом деле, она была абсолютным догматиком. Она хотела все контролировать. Она властно навязывала себя. Все остальное не имело значения, пока она не добилась своего. Мы играли в игрушки или в карты - мы освоили множество карточных игр, - и она была поглощена игрой. Она разработала методы управления ситуациями.“Криста доводила соседей до исступления одним своим действием. Всякий раз, когда ей чего-то хотелось, она начинала причитать.

Прошло пятьдесят лет, и тетя Хельма все еще слышала в своей голове певучий голос Кристы: “Тан-те Хель-ма! Тан-те Хель-ма!’

Это была очень громкая и медленная сирена. ‘Я бы пошла к ней, - вспоминала Хельма, - и я бы уходи очень быстро, потому что этот звук сводил с ума меня и соседей тоже. Полицейский спрашивает: “Чего вы хотите? Говори, что хочешь”, - и Улли тоже спрашивал ее об этом. Но она продолжала ныть до тех пор, пока все не прекращали свои занятия, чтобы она оказалась в центре внимания.’ Причина крика часто была банальной — еще одно печенье, мячик, — но это ее фирменное блюдо научило ее тому, как быстро она может привлечь к себе внимание. Позже критики назовут ее пение “завывающим, как банши’. Она отвечала: “Ну, это нормально. Я банши.’

13

Нико

Криста и Ульрих дурачились и ссорились. Будучи своенравной, она обычно побеждала. Когда матери возвращались на выходные с военных работ , Шульцы отчитывались о том, кто с кем что сделал. Грете защищала Кристу и нападала на Улли при любых обстоятельствах. “Мать боготворила ее, - заметил Ульрих, - и я всегда чувствовал, что именно по этой причине она была ”предпочтительнее” в спорах”. Хельму приводило в бешенство то, что ее сына постоянно обвиняли в шалостях Кристы. В конце концов, она забрала его обратно в Берлин, в полуторакомнатную квартиру; они предпочли бы подвергнуться бомбежкам союзников. ‘Однажды мой отец написал мне, - вспоминает Хельма. - Он сказал: “Мы видим, как небо над Берлином пылает. Ты не можешь оставить там своего ребенка. Возвращайся”. Воздушные атаки усиливались. Однажды ночью мне пришлось бежать через огненный ад с сыном на руках. Пламя подняло нас в воздух. У меня было ощущение, что мы уже горим. Я увидела, как моя сестра Дора машет нам рукой с другой стороны улицы. Она вывела нас в безопасное место, иначе мы бы погибли. Позже мое рабочее место было разрушено. Мы вернулись в Люббенау.

Они были там не единственными берлинцами. Каждые выходные Люббенау заполоняли многочисленные рабочие, устраивавшие веселые экскурсии. Болото на другом конце города было известно

как Шпревальд, и его луга, питаемые рекой, привлекали жителей мегаполиса, которые нуждались в свежем воздухе и плавании под парусом. Британцы могли бы сравнить его с Норфолкскими бродами, Американцев на тихую протоку. Шульцы, Паффгены и Вольфы насладились этим угощением у порога и взяли напрокат один из традиционных, изможденных яликов, чтобы прокатиться вокруг цепочки озер. Люббенау казался умиротворенным. Для горожан война была чем-то таким, что они видели в ночном небе, когда прожектора и вражеские снаряды вспыхивали над далеким Берлином, чем-то таким, что разносилось по вокзалу в отдаленные районы. В путеводителе того времени отмечалось, что жители Шпревальда были “честными крестьянами”, которые “твердо придерживались простых правил в стране, где небо и вода встречаются на естественных песчаных отмелях”. Честные крестьяне не задумывались ни о чьем вторжении, кроме туристов, ни о последствиях проживания в неблагоприятной местности в такое время. Вскоре они узнали, что по реке Шпрее может протекать настоящий ад.

НИКО МАЛО ЧТО ПОМНИЛА о рае в Люббенау, но многое - об аде. “Что пугает меня больше всего? Оказаться в аду. Я очень суеверна. Я действительно верю в рай и ад”, - сказала она в интервью The Немецкий журнал Twen в 1969 году. Twen был ежемесячным журналом , предназначенным для читателей старше двадцати лет, и, возможно, потому, что она была

отвечая на вопросы по-немецки, Нико давала менее туманные ответы, чем могла бы дать английским или американским писателям. Тем не менее, была одна загвоздка. “Да, я очень хорошо помню военные годы. Но это была не я, это была другая девушка. Я кажусь себе преступницей, которая всю свою жизнь проводит с поддельными документами. Я не могу отождествлять себя с прошлым. Жизнь состоит из событий, которые человек принимает или отвергает; то, что ты принимаешь, формирует

тебя. Моя память состоит из обрывков и коротких вспышек, и никогда не складывается целостной картины.

У нее были четкие воспоминания (она тоже много раз говорила об этом друзьям). о поездах, увозивших евреев в Освенцим. “Наши соседи ждали у железнодорожных ограждений, чтобы дать им еду и воду, но охранники оттаскивали их подальше от нас. Я помню, сколько голодных людей я увидел, когда поезда остановились. Товарные поезда и окна с колючей проволокой… Я жаловалась своей кузине Улли, что отказываюсь мыться мылом, сделанным из человеческих костей; материал для одежды был сделан из человеческих волос, абажуры - из человеческой кожи с татуировками.’ Она писала в своих заметках о мертвых телах, лежащих вдоль тротуаров Люббенау и Берлин: “Так и должно было быть… Никто не анализировал вопросы и ответы’. Конечно, не тогда, когда тебе было шесть.

Независимо от того, были ли абажуры из кожи и мыло на основе костного мозга пропагандистскими штампами, которые она переняла в последующие годы, в Люббенау было достаточно того, что беспокоило юную Кристу и зрелого Нико. Ульрих придерживался другой точки зрения. ‘Я могу понять ее, когда она сказала , что помнит только определенные моменты. В конце концов, именно так большинство взрослых вспоминают свое детство. Но то, что она вспомнила , странно. У меня нет таких воспоминаний. Я думаю, что она связала воедино две вещи, произошедшие в конце войны, когда ей было шесть лет. Во-первых, пленники в поездах, военнопленные. Во-вторых, хаос , царивший во время нашего бегства из Люббенау. Там было много русских, был стресс и дискомфорт. Я думаю, что она рационализировала или драматизировала определенные ассоциации, связанные с этими моментами. Почему она так поступила - это другой вопрос.’

Эти моменты начались осенью 1944 года, когда Криста и Улли пошел в школу в возрасте шести лет. Они были сфотографированы рядом со своими матерями на заднем дворе дома Шульцев, держа в руках традиционные букеты цветов, завернутые в бумагу, чтобы преподнести их учительнице. Взамен их научили всему, чему их полтора миллиона современников учились по всему рейху, — основам языка и арифметики, любви к своим матерям и уважению к родине. Отечество, ненавидеть злых русских и не беспокоиться о войне, потому что у их фюрера было секретное оружие. Единственный секрет

однако оружием, которое они увидели, был шкаф с тростями, который хранил в своем классе один из их учителей, суровый герр Йонте (“Мы все его боялись”, - признался Ульрих). Им не сказали, что в классе Советская армия оттеснила немцев обратно в Польшу, хотя они начали замечать на улицах солдат без присмотра и беженцев , направляющихся в Берлин. На Рождество им также не сказали, что немцы Союзники захватили Бельгию и Францию, хотя и узнали, что коммунисты ели детей на завтрак (но не волнуйтесь, они никогда не попадут в Германию благодаря секретному оружию фюрера). Около В марте русские были уже близко к Люббенау.

У фюрера, конечно, не было секретного оружия; дети видели лишь искалеченные остатки нацистской гордости - Девятую армию и Четвертую танковую дивизию, занимавшие оборонительные позиции в городе и вокруг Шпревальда. Они услышали чудовищный взрывы танковых снарядов и снос автобан юг Люббенау, проведенной германской армией на гитлеровского командования. Из-за болот и разлившейся весной реки Шпревальд был последним районом на востоке, который удалось удержать. 16 апреля 1945 года генерал Жуков уже начал последнее наступление на Берлин. Он был потрясен, узнав, что его коллеги по-прежнему сталкиваются с трудностями в сельской глуши. ‘Мы в Берлине. Где вы?” - пошутил офицер в записке. 23 апреля Люббенау сдался солдатам двух Дивизии советской армии, Первая украинская и Первая белая Русский. Семь дней спустя фюрер проглотил цианид, когда Русские ломились в двери Берлина. Сообщалось, что он написал: “Немцы меня не заслуживают. Пусть они сгниют.’ Какая ирония в том, что Нико часто говорил то же самое.

Из всех своих врагов немцы больше всего боялись русских — что неудивительно, учитывая операцию “Барбаросса”. Коммунисты пришли отомстить. Отступающие солдаты предупредили горожан, что у них с рук будут сорваны часы и кольца , дома

будут разграблены, а кладовые опустошены. Враг создал “трофейные бригады”, чтобы собирать все, что может пригодиться для Матушка Россия. В качестве последнего предупреждения им было сказано: “Эти подонки будут грабить весь город”. Они увидят женщину и закричат: ‘Фрау, комм”. Это была их коронная фраза, и людей предупредили.

“Мой дедушка спас наш город. Он, конечно, мог говорить по-русски и велел генералу оставить нас в покое. Я помню солдат. Это были старые монгольские крестьяне”. - Вот как Нико выразился об этом. Славяне Украины и Белоруссии (Белой Руси) жили так же близко к Англии, как и к Монголии. Эти центральноевропейцы говорили на

похожие друг на друга языки, в которых использовались заимствованные слова из польского языка, были их соседями, и именно так Альберт Шульц смог подружиться с коммунистами, и именно поэтому полковник Мызков и его денщик Ваня были расквартированы в доме № 4 по Гютербанхофштрассе. Хельма лучше всего помнит то время. ‘Нам пришлось поселить офицера в нашем доме. Ваня почему-то спал в соседнем сарае. У нас с Гретой уже была лучшая комната, и наш отец поступил умно , отдав ее полковнику, потому что на самом деле он заботился о том, чтобы каждый вечер выводить нас из дома, подальше от русских, чтобы было меньше шансов, что нас изнасилуют. Каждую ночь мы ускользали и оставались у друзей. Однажды он сказал нескольким солдатам: “Если вы прикоснетесь к моим девушкам, у вас будут неприятности”, и он мог это сделать, потому что в его доме был офицер.’

Хельма продолжила: “Однажды ночью с Кристой произошло невероятное событие. Двое детей спали вместе в одной из комнат наверху. Внезапно Криста закричала: “Ваня лезет в окно! Ваня лезет в окно!” Ей показалось, что она видит, как он свешивается с подоконника, пытаясь открыть его , чтобы попасть в комнату. Он не смог этого сделать, окно было заперто. Она увидела его

смуглое лицо, завернутое в белую простыню, как у призрака. Проблема была в том, что она звала свою мать. Дети не знали, что мы бросали их каждую ночь. Мой отец делал все возможное, чтобы утешить ее, но она была безутешна. Я действительно до сих пор не знаю , видела ли она Ваню в окне или во сне. Нико рассказала подруге, что в их доме останавливались два древних монгола. “Они смотрели, как я писаю в унитаз. Им нравилось наблюдать за мной”, - сказала она.

В отличие от многих других в то печальное время, в Опи Кристы никогда не было недостатка в работе; русским железная дорога была нужна не меньше , чем нацистам. 7 мая 1945 года, когда рейх прекратил свое существование и коммунисты официально освободили Берлин и Восточную Германию, войскам было приказано разобрать исправные рельсы, которые они нашли в западной части столицы, и перевезти их на восток, в такие города, как Люббенау, которые нуждались в ремонте путей сообщения. Генерал Жуков уже просчитал, как Берлин будет поделен между союзниками , и воспользовался единственным присутствием своей армии, чтобы захватить земли , которые он не мог удержать. Благодаря этому, Люббенау был лучше, чем Берлин, как герр Шульц настаивал, чтобы его дочери, и обе матери, обе без работы, как хотят начать новую жизнь для себя и своих дети. Но женщины не видели большого будущего в этом разгромленном крошечном городке, находившемся под контролем коммунистов. Им нужен был Берлин.

17

Нико

Шли дни, и столица оказалась втянута в странную борьбу между четырьмя союзниками, а их отец не видел способа благополучно отправить Грету и Хельму дальше. Повсюду бродили тысячи беженцев, союзники, готовые стрелять на поражение, охотились за нацистами, а несколько незащищенных маршрутов превратились в заброшенные переулки, где мародерство и групповые изнасилования были обычным делом. Однажды герр Шульц узнал, что в Берлине необходим подвижной состав для

перевозки грузов. Он сказал своим дочерям , что настал их шанс. Они должны были забраться на крышу вагона и крепко держаться за него в течение 70-мильной поездки. Охваченные тревогой, они так и сделали. Они прождали унылый час, не двигаясь с места; локомотива, который мог бы возглавить поезд, не было. Оно прибыло четыре дня спустя. Они вскарабкались обратно и уцепились за крышу трясущегося фургона. Пять часов они брели по грязной земле Альдерсхофа , расположенного недалеко от Берлина; несмотря на ужасное путешествие, они не покинули российскую зону.

Нико часто рассказывал историю о маленькой Кристе и поездке в Берлин на крыше фургона. Это была одна из немногих историй, которые она никогда не приукрашивала — локомотив, вагон, тряска в пути, пятичасовая поездка, грязный товарный склад были описаны такими, какими они были на самом деле. Вряд ли у кого-то из присутствующих остались бы сухими глаза, когда Нико рассказывала свою простую историю. Единственная проблема с этим приключением заключалась в том, что оно случилось с Ульрихом, а не с ней: Вольфы сели на поезд, Паффгены остались. Три месяца спустя, когда дорожные маршруты стали более упорядоченными, а проезд - более легким, Грета и Криста сели в грузовик, направлявшийся в Берлин. Хотя физически путешествие было легче, к тому времени проезд без разрешений и паспортов был запрещен законом. Грета и Криста больше не были жителями Кельна, они были коммунистами, живущими в Советская зона. Чтобы встретиться с Хельмой и Ульрихом, им пришлось бы действовать нелегально и пересекать границы не как гражданам, а как беженцам.

КРИСТА РОДИЛАСЬ в стране, которая была раем для нее, но адом для евреев. К тому времени, когда она стала достаточно взрослой, чтобы различать эти две страны, она знала только ад: “Меня не удивишь адом, в который я верю. Я видела ад, я ощущала запах ада, который был в Берлине , когда его разрушили бомбы. Ад похож на разрушенный город, и это прекрасное зрелище. Следующие десять лет Кристе предстояло провести в аду,

прекрасный ад.

р

2 1946-1955

Чтобы соблазнить опасную, слишком дерзкую юность,

Почему в твоей груди пылают самые сокровенные желания?

Ни один нежный родитель не успокоит тебя своими заботами.,

Ни один любимый друг не разделит с тобой ни одного горя.

Почему твой разум пылает обманчивыми надеждами?

Тщетны твои планы, задуманные разгоряченной фантазией:

Ты увидишь, как обещанная радость обернется печалью

Изгнанный из Блаженства и из своей родной земли. (СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ, 1786)

писатель. ‘Когда я была маленькой, я думала, что это такое место…

в Берлине было здание, похожее на Оперный театр. Моя мама все покупала на Шварцмаркт, но меня раздражало , что она никогда не водила меня туда. Теперь я понимаю. Шварцмаркт . По-английски это слово длиннее и не рифмуется - это Черный рынок.

В 1945 году в Берлине было мало сохранившихся зданий , не говоря уже о черном рынке. То, с чем столкнулась Криста, лучше всего описал Уильям Ширер для New York Herald Tribune тем летом: “Это больше похоже на поверхность Луны, чем любой другой город, который я когда-либо представлял… Просторные проспекты, некогда бывшие гордостью города Улицы Фридрихштрассе и Лейпцигштрассе, Курфюрстендамм и Унтер-ден-Линден были настолько завалены мусором, что пришлось

задействовать бульдозеры, чтобы расчистить проезд даже для танков и бронетехники. И повсюду стоял запах разлагающейся плоти, напоминая живым о том, что тысячи тел все еще лежат под погребальными кострами из обломков.' Очевидец Вольфганг Леонхард добавил: "Город был похож на картину ада: осыпающиеся руины и умирающие от голода люди, бродящие в изодранной одежде — все они выглядели ужасно усталыми, голодными, напряженными и деморализованными.'

Нико называл этот город "кирпичной пустыней" и вспоминал, как в шестилетнем возрасте, когда ему исполнилось семь лет, " я шел по пустынной местности в конце улицы, где мы жили, и видел трупы, лежащие среди обломков . Этот образ до сих пор является мне в снах. Это то , что я использую в своих текстах, что скрывается за моими текстами, как декорации.'

"Мое ЛЮБИМОЕ немецкое СЛОВО - Шварцмаркт", - сказал Нико в интервью

19

Нико

Действие многих ее песен происходит в пустынных ландшафтах, на границах и перекрестках, непрозрачных и покрытых инеем:

Монах-отшельник натыкается на

Облачную границу;

Замороженные предупреждения рядом с моими,

Рядом с замороженной границей. (Замороженные предупреждения, 1969)

С августа 1945 года Берлин был разделен четырьмя пограничными линиями — американской, британской, французской и Советской, разделявшими немногим более 25 миллионов кубометров щебня. Оставшиеся в живых граждане увидели, как их всемогущего фюрера сменили четыре военные диктатуры, солдаты которых не могли и не хотели делать различий между немцами и нацистами. Зоны были разграничены таким образом, чтобы предоставить командованию каждой армии равные ресурсы и население. Русские контролировали 40% территории на востоке и севере, но они уже владели всей прилегающей страной. Город возвышался подобно атоллу в советском море. С того времени, как Криста переехала туда, и до года ее смерти в Берлине шла “холодная война”. Город, который больше не был столицей Великого рейха, пережил бесчисленные глупости, когда на его улицах столкнулись капитализм и коммунизм. ‘Это действительно глупый город, вроде Манчестера или Миннеаполиса”, - пожаловался Нико. “Я не могу понять, почему они так беспокоятся. Американцы вложили много денег в западную часть города и превратили его в большую витрину, полную меховых манто и спортивных автомобилей. Восток сказал: “Мы не тратим деньги впустую, и у каждого есть работа”. Жаль , что Берлин отстроили заново. Лучше бы его оставили пустым. Сейчас из него получился бы замечательный музей. Национальный музей разрушения. Это было бы забавно, не так ли?’

КОГДА ПАФФГЕНЫ ПРИБЫЛИ в Берлин, в городе царил гражданский хаос , который позволил им, несмотря на то, что они были нелегалами, беспрепятственно проходить через охраняемые барьеры четырех зон. Они присоединились к многочисленным толпам беженцев в поисках убежища. Многие беглецы наивно полагали, что похороненные жители города оставят бесчисленное количество пустующих спален для использования живыми. Но десятки домов теперь представляли собой груды кирпичей, а военные реквизировали отели. Половина Берлина была уничтожена войной. Большинство из двух миллионов оставшихся в живых были женщинами: типичная уличная сцена состояла из бабушек, матерей, сестер и их детей - в том числе Греты и Криста, Хельма и Ульрих; мужчины были иностранцами, носили шлемы, водили

джипы. В отчете отмечалось, что в результате войны в Германии число “лишних женщин” увеличилось в четыре раза (“лишние” - это удачное нацистское слово, хотя его написала американка). ‘Все их женщины - наши солдаты”. Сначала нам лучше построить приют для сирот”, - пошутил русский генерал. На разрушенных улицах Берлина не только его люди, растягивая слова, кричали “Фрау, комм’.

Полторы комнаты Хельмы в Шонеберге уцелели. Был и бонус. Шонебергом управляли американцы, у которых был самый шикарный черный рынок в городе. “Друзья” торговали солониной и фруктовыми соками, кофе и шоколадными батончиками. Нико ничего из этого не запомнил, за исключением одной детали: “Кажется, первым английским словом, которое я выучил, было “Херши”. Позже я поехал в НьюЙорк и был потрясен, увидев так много батончиков “Херши”, расставленных рядами, как будто они ничего не значили.’ Солдаты продавали с черного хода, и продавались они дорого - пачка из двадцати сигарет могла стоить 135 рейхсмарок, что составляло полную месячную зарплату работника физического труда, — и их стиль торговца никак не смягчал сурового впечатления, которое они производили. Берлинцы называли их “русскими в отутюженных штанах”; поступали сообщения об изнасилованиях. Несмотря на то, что их плакаты гласили: “Мы завоеватели, но не угнетатели”, солдаты верили, что они здесь для того, чтобы наказать немцев, а не для того, чтобы их реабилитировать. Потребовалось два года, чтобы трансформировать негативную стратегию “отказа от братания” в более позитивную стратегию “перевоспитания”. Кристе предстояло ощутить на себе всю силу этих перемен, поскольку до этого она провела всего два семестра в захолустном нацистском классе. Теперь ее школьное обучение было возложено на Дядя Сэм.

Дядя Сэм уклонился от ответа. Учителя, уличенные в нацизме, были отстранены от своих должностей. Предполагалось, что их заменят те , кто не был образцовыми членами национал-социалистической организации учителей Лига. Американцы

создали подразделение, на которое была возложена двойная задача - отсеять лучших нацистов, а также худшие нацистские школьные учебники и заменить их “демократической альтернативой”, хотя никто не был уверен, что это означает в обществе, где 80% всей профессии учителя принадлежали к NSTL а донацистские книги были такими же откровенно националистическими, как и те, которые американцы сейчас выбрасывали на свалку ради топлива. Один учитель английского языка вспоминает беседу с приглашенным консультантом, который считал, что “самое ужасное в немцах то, что у них у всех были сказки Братьев Гримм, которые были такими жестокими, а у них должны быть хорошие вещи, как у Винни -Пуха”. Один американский профессор предложил им отказаться от этого Немецкую систему и копировать свою собственную с целью “преобразования Немецкое мышление”. Профессор Хокинг из Гарварда считал, что

напротив, потому что “немецкие стандарты образования, возможно , превосходили любые другие в мире”. Дебаты не способствовали открытию школ. Армия была возмущена тем, что дети в возрасте Кристы создавали им проблемы на разрушенных улицах, в то время как они могли бы создавать проблемы в классах.

Первые начальные школы были открыты 1 октября 1945 года, они не отапливались, и в них работали безупречные старые нацисты, которые, без сомнения, читали, к удовольствию своей аудитории, самую мрачную из сказок братьев Гримм. Кристе предложили место в школе Вильмерсдорф-Шенеберг, куда она могла бы поступить, как только у нее появится постоянный адрес. Гримм или не Гримм, но она была не в восторге от такой перспективы.

Хотя жилья было катастрофически мало, Грете удалось найти комнату в Шенеберге, на Нюрнбергерштрассе, недалеко от центра города. Мемориальная церковь Кайзера Вильгельма, башня которой, разбомбленная во время войны, теперь является

популярной достопримечательностью для туристов. Именно южный конец этой улицы Нико считала “дикой местностью… которая скрывается за моими текстами, как пейзаж”. Нико описала это жилище в своих заметках. Она вспомнила, что эта комната была одной из комнат в квартире, где семейные пары и отдельные люди вели “застенчивый, или, я бы сказала, сдержанный образ жизни”. Ей и ее матери пришлось воспользоваться туалетом этажом ниже, и в комнату просачивался дождь. ‘С тех пор, как я родилась, я ненавидела промокать, возможно, потому , что из-за сырости у меня была больная грудь - слабая грудная клетка, и я смогла преодолеть эту слабость, захотев стать известной певицей”. Кстати, эта фраза - единственный намек в ее записи на то, что раньше она подумывала о карьере певицы. ей было около двадцати пяти лет (но написала она это, когда ей было 47). Амбиции этого семилетнего ребенка были сосредоточены на сухой груди, теплой постели и ни на чем даже отдаленно академическом. Ее мать отвела Кристу в государственную начальную школу неподалеку в Регенсбургерштрассе, после чего начал искать работу.

Грете была обязана зарегистрироваться в американском военном командовании и заполнить документ, известный как “Фрагебоген”, который содержал 133 вопроса. На основании ее ответов она была отнесена к одной из пяти категорий. Пятый класс гарантировал освобождение от ответственности, Казнь по высшему разряду (“или в Южной Америке”, - пошутили берлинцы). К тому времени, когда она провела этот тест на “денацификацию”, американцы получили доступ к досье национал-социалистов; проверка ответов берлинцев была усилена в связи с потоком ложных заявлений , получивших название “Персильшайн”, потому что немцы “стали белее белого”. Грете была присвоена четвертая категория, что ограничивало ее возможность заниматься физическим трудом, что было наказанием за ее военную службу в качестве “попутчицы”. Тем не менее, она завоевала респектабельный статус и получила все, что ей причиталось.

2 1946-1955

на продовольственные карточки. Ей было трудно найти работу, но найти ее было легче . Грете мечтала о собственном бизнесе по

пошиву одежды, шила одежду для Кристы и других членов семьи, что принесло ей немного денег, но большое уважение. Она решила подрабатывать швеей, не выходя из своей комнаты. Ее текущие расходы были на удивление низкими благодаря ограниченной логике руководителя британских военно-воздушных сил. Он читал о “лишних женщинах” в Берлине и пришел к выводу, что лучше всего им было бы заняться пошивом одежды. Начались программы помощи, и с помощью одной из них он ежемесячно получал заказы на 40 000 упаковок игл для машинок, 30 000 игл для шитья и штопки , 150 000 английских булавок брутто и хлопчатобумажные нитки без ограничений. Однажды фрау Паффген купила на черном рынке швейную машинку. У нее был свой бизнес.

Сначала она шила на дому у кутюрье. Ее усердие и ловкость вызывали такое уважение, что соседи интересовались, не согласится ли она выполнять прямые заказы. “Нет, - подумала она, - стоимость ткани ей еще не по карману”. Но чем больше она делала, тем больше ей доверяли, тем больше она зарабатывала и тем более креативными становились заказы. Вскоре распространился слух, что она шила для фрау Эберхард, жены классного автора песен, который сочинил “Aufwiederseben” (“Пока не В следующий раз’). Грете могла позволить себе при случае украсить комнату цветами и угостить свою дочь; Криста была из тех детей, которые любят много угощений — шоколад, конечно, но также и оперу. Оперный театр тогда находился под контролем Советов, которые следили за тем , чтобы билеты продавались по очень низкой цене, чтобы привлечь внимание бедных семей, таких как Паффгенс посетит культурную святыню коммунистической доброй воли. - Мое музыкальное воспитание было связано исключительно с оперным искусством. Берлинский оперный театр [the Государственная опера] на Унтер-ден-Линден была нашим еженедельным убежищем от нашей комнаты в Шенеберге, которая через некоторое время оказалась комнатой в концентрационном лагере”, - написала Нико в своих автобиографических заметках. Криста не играла с куклами или домашними животными (у нее никогда не было домашних животных), но убивала время за одеждой. Ее мать набиралась уверенности в том, что сможет создавать собственные варианты модной одежды, и Криста наблюдала за ее экспериментами перед большим зеркалом с кусками ткани. Затем девочка сама нацепила шляпы на голову, обмотала взрослые юбки и костюмы вокруг своей рамки из лебединой кожи и проверила эффект в зеркале. Говорят, что на улице она пробиралась сквозь завалы и

изображала из себя сорванца; внутри она изображала принцессу-новобрачную.

Сорванец и принцесса играли вдвоем. ‘Вокруг были дети , которые делали то же самое, что и она, - вспоминала тетя Хельма, - но я не думаю, что она когда-либо заводила друзей так же легко, как Ульрих, хотя, конечно, она

Нико

всегда хотела быть в центре внимания, кто бы там ни был. Она была предана своей матери. Это была очень крепкая связь, но я помню, как однажды она сказала мне, что хотела бы, чтобы я была ее матерью. Я не знаю , чем это вызвано. Возможно, это как-то связано с тем , что мы с сестрой были очень разными матерями для наших детей. Я думаю, что моя сестра была довольно занудной. Я также помню, что Криста очень любила фантазировать. Она рассказывала о себе всевозможные истории , которые были милыми, но нелепыми. Я бы сказала: “О, перестань рассказывать истории”, - хотя, думаю, моя сестра поощряла ее, а может, и не обращала внимания.’

Грете, должно быть, было нелегко жить и работать в одной комнате и при этом обращать внимание на свою требовательную дочь, которая подолгу трудилась при свете пятнадцативаттной лампочки, питаясь скудным однообразным рационом - чуть больше тысячи калорий в день - разогретым на маленькой плите. керосиновая плита. Но Грета была жизнерадостной и амбициозной. Она жила среди находчивых людей, которые работали ради лучших времен, и не только черный рынок мог помочь ей в этом. Немногие квартиры пережили те послевоенные дни без “Кляйнера Густава”, замечательного незаконного устройства, которое заставляло счетчик электроэнергии работать в обратном направлении; чем больше электроэнергии вы использовали, тем меньше платили. Со старых парашютов содрали шелк, а с ремешков шлемов - кожу. Военных контролеров раздражало то, что они сталкивались с непрекращающимися изобретательствами и независимостью людей, которых они

завоевали (“но не угнетали”). Немецкий историк назвал творческий бум, который он наблюдал вокруг себя, “Золотыми голодными годами”. Он указал на новый жанр фильмов под названием “Трюммефильм” (Rubble films), в которых рассказывались социально-реалистические истории о послевоенной жизни. Они заменили целлулоидные грезы нацистской буржуазии, но альтернатива фильмам о руинах существовала в виде популярных комедий, таких как “Скажи правду!” (“На грани войны!”), о молодом человеке, который говорит именно то, что приходит ему в голову. Нико смутно помнила, как мать водила ее на этот фильм с Густавом, кумиром (и героем “Метрополиса”), в главной роли Фролих, одна из ее любимых немецких актрис: “Это был тот или иной вариант — что ж, мне нравится название”, - с иронией призналась она.

Историк “Золотого голода” выделила литературные группы радикальных писателей, которые работали над “искоренением рабского языка в Германии”. Рейх’. Он даже включил в программу послевоенное кабаре — напротив “Паффгенс” на Нюрнбергерштрассе был отличный клуб, - где песни и Шутки высмеивали полутона и тонкости выживания перед лицом поражения. Золотые голодные годы стали еще более золотыми, когда западные союзники ввели новую валюту, которая могла бы соперничать с русскими рейхмарками; она была выпущена с подарком каждому взрослому, включая Грету, в размере 40

Немецких марок. В те годы, когда коммунисты нанесли ответный удар, перекрыв движение транспорта и подачу электроэнергии в западные районы, начался голод. Так началась блокада Берлина, введенная летом 1948 года и продолжавшаяся всю последующую суровую зиму в течение десяти мучительных месяцев. Криста отпраздновала свой десятый день рождения в мрачной комнате, освещенной праздничными свечами.

“Вы думаете, я могу вспомнить что-то подобное? Мне было всего три года, когда это случилось”, - сказала Нико голландскому журналисту, хотя на самом деле она назвала двузначные цифры. Она помнила, что у нее был недостаточный вес и она была вечно голодна - именно в это время она научилась у своей матери

готовить простые блюда, и это умение она позже усовершенствовала , играя хозяйку дома, чтобы произвести впечатление на недоедающих рок -звезд из своей призрачной семьи. Она, конечно, помнила, что ее мать была вынуждена работать поздно ночью, когда электричество в секторе подавалось только на четыре часа из 24. Уличное радио , которое она смутно помнила; это была станция под названием RIAS, прозаическая аббревиатура , все еще используемая в американском секторе, - радио. Соседи собирались по вечерам на углах улиц, чтобы послушать из подвешенных громкоговорителей Американскую пропагандистскую музыку и новостные программы. Она даже вспомнила постоянный гул самолетов, въезжающих в город и вылетающих из него. Неподалеку находится аэродром Темпельхоф. Это неудивительно: сенсационный ответ западных союзников на советскую блокаду был известен как Берлинская Воздушный транспорт. На пике своего развития, в апреле 1949 года, было доставлено миллион тонн продовольствия и товаров , в том числе хлопка для Греты; в какой-то момент суда приземлялись каждые 22 секунды. Берлинские дети играли не с машинками, а с самолетами. В зрелом возрасте Нико даже смогла смастерить модель самолета из старой газеты, “хотя меня об этом никто не просил”.

Когда Нико надавили, она рассказала странные воспоминания о воздушном транспорте. Однажды утром она достала из ящика резиновый воздушный шар. к. сказал что-то насчет “Чмо”. На карточке, прикрепленной к мундштуку, было написано, что нашедшая должна отнести его в определенный офис, где она получит специальный приз. Криста предвидела светлое будущее: больше никакой жары, темных комнат, теплой еды, учебы. Она пританцовывала со своей матерью в офисе и демонстрировала свой воздушный шарик “Чмо”. Американцы поздравили ее с находкой и вручили шикарный подарок. Она принесла домой банку свиного сала.

НИКО. “МИСТЕР УОРХОЛ - НАСТОЯЩАЯ СУПЕРЗВЕЗДА”, - написала она, вспоминая свое детство, потому что это напомнило ей, что она уже не ребенок. Вы всегда были с ней, когда она рекламировала svmpethv. что бы ни случилось - камни из-под завала или бочка с салом. Ее друзья из Манхамана - в верхней части города

или даунтаун - не совсем понимали, к чему она клонит, и не только потому , что она никогда не рассказывала ничего путного (“Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо”). Конечно, они шептались у нее за спиной, что она говорила о Берлине, а не о Бейруте, Западное общество, а не Третий мир? Берлин, имперский город, уютно устроившийся в руках американцев, конечно же, не был тем адом на земле, который она изобразила? *Нико следовало быть во Вьетнаме, тогда мы бы лучше поняли ее, - заявила Вива. Будучи суперзвездой и проницательным компаньоном Нико в шестидесятые, Вива отразила характер Нико и пришла к выводу: “Эта девушка нуждалась в интенсивной терапии . Она считала себя царицей Савской. Нико являла собой пикантное сочетание неуверенности в себе и высокомерия. Правда заключалась в том, что она была эмоциональным калекой. Когда она рассказала мне эти маленькие истории о войне, я понял, как сильно это ее подкосило. Сегодня мы бы определили это состояние как посттравматическое стрессовое расстройство. Ветераны Вьетнама преодолели его с помощью долгих эмоциональных консультаций . Но, конечно, кто бы распознал это в Нико, если она так и не смогла толком рассказать свою историю?’

Это субъективное мнение. Посттравматическое стрессовое расстройство - это форма тревожности, которая проявляется после неприятного события. Это расстройство может быть вызвано ужасами, с которыми приходится сталкиваться во время войн , землетрясений или пожаров. Основными симптомами являются воспоминания, чувство личной изоляции, болезненность, вялость, отчужденность, непредсказуемое поведение. Все это очень похоже на Нико. Одно из медицинских определений этого расстройства гласит, что “длительная физическая депривация (например, в концентрационном лагере) может оставить у людей психологические шрамы на всю жизнь’. Нико рассказывала друзьям и журналистам о зачатии , вызванном употреблением опиума, сиротском приюте, евреях в железнодорожных вагонах, охранниках, отгонявших их так, чтобы они не могли дотянуться до еды и питья, которые она держала в руках, ее отце, убитом в Бельзене, мыле из человеческих костей, абажуре из татуированной кожи, грохоте бомб, в Русский солдат, который пытался ночью забраться в ее комнату, был убит Монгольская пара, которой нравилось смотреть, как она мочится, путешествие беженцев, тела в берлинских развалинах, дождь,

льющий сквозь потолок, и бесконечные часы в ледяном жилище, “которое оказалось комнатой в концентрационном лагере”.

Но съемная комната в берлинском квартале - это не совсем то же самое, что концентрационный лагерь. Жертвам Бельзена не вручили ни цветов, ни шоколадных конфет, ни даже банок с салом. В то время как для некоторых опера - это не что иное, как “длительная физическая депривация”, Криста вряд ли осталась бы “травмированной на всю жизнь” даже для Герберта фон Караяна. И все же она была травмирована, это точно. Она прятала горькую правду за фантазиями. Некоторые

часть ее воспоминаний была связана с фактами, часть - с восприятием. Некоторые из них были вероятными, некоторые - нет. Но, в конце концов, все они были для нее одинаковы; она наблюдала за фактом и вымыслом отстраненно, вне опасности. Как она призналась немецкому журналу Twen в 1969 году, “Это была не я, это была другая девушка… Моя память состоит из обрывков и коротких вспышек, а не из целостной картины’. Позже она добавила: “Я всегда представляю себе Только Криста, но я никогда не вижу всей картины целиком. Когда она описывала сцену целиком, она заполнила пробелы фантазией. У Нико и Кристы, двоих из них, были симптомы стрессового расстройства — воспоминания, чувство личной изоляции, болезненность и прочее. Причиной, однако, был не столько боевой стресс, сколько напряжение одиночества. Чтобы оправдать свою замкнутость, она попыталась превратить отчаяние Кристы от изоляции в триумф независимости Нико. Вот что увидела Вива, когда столкнулась лицом к лицу с ‘пикантным сочетанием неуверенности и высокомерия’ царицы Савской.

Последние восемь лет своей жизни Нико работала менеджером, англичанином, евреем, который на треть состоял из кассира в банке, на треть - из участника боевых действий, на треть - из терапевта. Алан Уайз считал, что Нико упоминала эти потрепанные войной фрагменты воспоминаний в разговорах,

чтобы привлечь внимание и сочувствие. ‘Это был ее способ извиниться. Или объяснить свое поведение. Поступая так, она напоминала вам , что жила в ужасные времена, пережила ужасные испытания. Возможно, она ударила вас по лицу, но она пыталась заставить вас раскаяться в этом. Иногда вы замечали, что это был трюк, но не все понимали. И вы должны помнить, что все эти истории имели для нее одинаковое значение. Она больше не могла отличить то, что произошло на самом деле, от того, чего она боялась. Вскоре я понял, что она не могла отличить то, что было у нее перед глазами, от того, что скрывалось за ними.“У Кристы было трудное детство, но Нико подарил ей невыносимое. “У меня было ужасное время. Я была несчастной девочкой”, - рассказала она журналисту. Криста испытывала приступы чистого удовольствия, но Нико не позволял ей этого. Она никогда так охотно не вспоминала об Оми, большом доме, карточных играх, Шпревальде, своем прохладном кладбище, опере, шоколаде, Надувной шар, наряжающийся, ее мать, двоюродная сестра и тети

.

Трудно уследить за нитями, из которых Нико сплетала свои истории. Каждая ниточка реальности переплетена с клубком фантазии, и она никогда не могла сплести одну и ту же историю дважды. Ее друзья могли бы заметить какую-нибудь деталь или смену имени, как это часто бывает

люди обременены ущербной памятью, но иногда она переносила целые события во времени и рассказывала слушателю о чем-то тривиальном, произошедшем неделю назад, как будто это происходило в Шонеберге, как будто она говорила о маленькой девочке по имени Криста, с которой никак не связана. Все ее коллеги отмечали ее исключительное чувство времени, одновременно изысканное и ненормальное, но никто не обвинял ее в отсталости. “Она была умной женщиной с детским складом

ума”, - подтвердил ее доверенное лицо по Уорхолу Пол Моррисси, “и я осторожно говорю “по-детски”, а не по-детски наивно”. Те, кто хорошо ее знал, придерживаются общего мнения: она каким-то образом укоренилась в то время в разрушенном Берлине и вела себя как десятилетняя девочка, даже когда ей было 40. ‘Прошлое, настоящее и будущее перестают иметь значение, когда они попадают в большой плавильный котел”, - сказала она о своих мечтах. “Все они начинаются в Берлине, где бы я ни была… Пустыня из кирпичей’. Нико никогда не рассказывала, какой старой она выглядела в этом воображаемом нагромождении кирпичей.

КРИСТЕ БЫЛО ПОЧТИ ОДИННАДЦАТЬ, когда груды кирпичей на ее улице исчезли навсегда. Прежде всего, они были пронумерованы, каждый из них. С них осыпалась штукатурка, и земля под ними стала ровной. Берлинские кирпичи были зацементированы и превращены в жилые дома, цеха потогонной обработки и магазины, “полные меховых шуб и спортивных автомобилей”. Быстрое восстановление города началось 12 мая 1949 года, в день, когда русские сняли блокаду. Командующий американским сектором написал, что ‘Берлин теперь стал символом свободы; его жители заслужили право на свободу; они искупили свою неспособность отречься от Гитлер’. В точности как сказал Нико, Соединенные Штаты вливали деньги в их часть города и совали свои пальто и машины под нос коммунистам. Они назвали Берлин ‘Витриной западного магазина’. Те части Германии, которые были оккупированы англичанами, французами и американцами, были объединены 1 сентября в федеративное государство. Республика. Берлинцы были встревожены тем, что столицей был выбран не их город, а скучный маленький городок под названием Бонн.

Республика присвоила Берлину ‘особый статус’. Это позволило избежать многих проблем и вызвало раздражение у местных жителей. Например, им был предложен отдельный “берлинский” паспорт в отличие от западногерманского образца. Нико всю жизнь носила берлинский паспорт; он ей нравился, потому что был ‘не совсем немецким’. Атолл в Советском море оставался таковым, хотя и становился все богаче. ‘Дикая местность’ на южной оконечности Нюрнбергерштрассе за год превратилась в современную торговую улицу. Для Нико она так и осталась дикой местностью.

2 1946-1955

Криста предположила, что попала в другую дикую местность в октябре 1949 года, когда ей исполнилось одиннадцать лет. Берлин не был для нее “символом свободы”, потому что теперь она была вынуждена перейти в новую школу, народную среднюю школу. “Я ходила туда без удовольствия. В этих школах человека только подавляют. Это жестокий метод обучения, ставящий оценки. Там не принято по-настоящему отличаться от других, но некоторые дети необычные. Я был очень грустным ребенком — теперь я счастливее, - но они думали, что я нераскаявшийся грешник’. Нико так подытожил это для Twen. Она выпендривалась на уроках, но ей нечего было сказать. Криста хваталась, лгала и придумывала истории, чтобы привлечь к себе внимание, но это никого не впечатлило. Она откровенно романтизировала ситуацию. Ее оценки были низкими, отчеты - плохими; она была капризной, замкнутой и своенравной и не могла сосредоточиться на уроках. Хельма считала, что она просто бездельничала.

Не то чтобы она все еще сидела взаперти в маленькой печальной комнате со своей матерью. Они нашли более уютную двухкомнатную квартиру рядом с начальной школой на Регенсбургерштрассе № 5, на углу с Ансбахерштрассе, в солидном шестиэтажном доме, который пережил войну и теперь был разделен на двенадцать квартир. Местность была живописной и процветающей. Но Криста чувствовала себя совершенно одинокой. Позже она часто говорила , что у нее было такое чувство, будто она смотрит на землю через микроскоп, будто большая часть человеческой жизни ничтожна и заслуживает наблюдения только с огромного расстояния. ‘Я часто чувствую, что у меня очень мало общего с другими людьми. Большую часть своей юности я был одинок, жил в какой-то глуши, и это чувство не покидало меня все эти годы”, - позже вспоминал Нико.

Однако юная Криста не была лишена честолюбия. Она знала , что была очень хорошенькой (и очень высокой, и довольно

неуклюжей) — с этим все соглашались, хотя и неохотно, — и Криста знала, что есть только одно свойство, с которым становятся очень красивыми девушки. Она считала, что работа балерины - это как раз то, что ей нужно. В то время профессия танцовщицы была самой необычной, утонченной карьерой, которую могла избрать такая девушка, как Криста, - совершенно романтичный жест в ее стремлении быть в центре внимания. В нем сочетались физические и эстетические качества; балетный мир “звездной пыли” выходил за рамки обыденной жизни. Она приставала к своей матери. Мать сопротивлялась, но недолго.

Грете, которой сейчас было около 40, не чуждалась яркости. Когда бы она ни зарабатывала дополнительные деньги, ее комната всегда была заставлена цветами и фруктами . Торты и сладости она покупала, не заботясь о предстоящих скудных днях. “Она не экономила, - заметила Хельма, - она тратила свои деньги по мелочам. Ее дочь училась на ее примере;

она думала, что это то, чем ты занимаешься.“Больше всего Грете любила слушать грампластинки своей любимой певицы Зары Леандер. “Она слушала ее и плакала, плакала, плакала. Она плакала целыми пачками. Она не могла остановиться. Ее сердце растаяло, когда она услышала Зару Линдер, - сказала Хельма. Линдер была любимицей нацистов. Она пела сочные баллады, некоторые искусные и завораживающие, о дождливых днях и разбитой любви - “Ветер прошептал мне песню”, “Ты не должен Присылай мне больше розы’, “Скованные руки”, ‘Глубочайшая тоска’. Леандер снимался на экране в запутанных мелодрамах, снятых в берлинском Студии в Бабельсберге по личной просьбе отдела пропаганды рейха Министр, Геббельс. В ее суверенном положении великой немецкой дивы была легкая ирония. Она была шведкой. Ровесница Греты, она была высокой, с рыжими от природы волосами и исключительно красивым лицом. “У нее было “коровье лицо”, как мы это называем, - удивительно спокойное, с большими шведскими глазами, как у Гарбо или

Ингрид Бергман. Как бы вы ни снимали это лицо, оно всегда было красивым", - сказал режиссер фильма Детлеф Сирк (который был более известен Голливуду как Дуглас Сирк). Геббельс возвысил ее до высокого положения, когда его попытки подкупить Вернуть Марлен Дитрих в нацистскую Германию не удалось. Сегодня он был бы потрясен, узнав, что Зара Леандер, умершая в 1981 году, стала гей-символом Отечества. Когда Грета ставила свои пластинки и плакала, Криста слушала замечательный, экзотический голос певицы. Зара Леандер пела очень-очень тихо, с бархатным тембром и сдержанным вибрато. Когда Нико начала петь пятнадцать лет спустя, она просто вспомнила свои берлинские дни и вспомнила голос любимого певца своей матери, который заставлял ее плакать, плакать, плакать. Криста планировала стать прима-балериной, а не корифеем балета. Когда ей исполнилось двенадцать лет, мать отвела ее на самый пик карьеры, по крайней мере, в Берлине, чтобы узнать ее мнение. Татьяна Гсовски была примой-балериной Берлинской государственной оперы во времена нацизма, когда она танцевала под музыку молодого Герберта фон Караяна. Будучи белой русской по происхождению, она предполагала, что советские солдаты, постучавшиеся в ее дверь в 1945 году , пришли, чтобы застрелить ее. Это не так: они приветствовали ее как художественное сокровище. К счастью для Гсовски, русское командование пожелало увидеть бурную культурную жизнь в завоеванном городе; театрам было приказано открыться как можно скорее. Как и связист из Люббенау, прима-балерина Берлина ценилась как нацистами, так и коммунистами. Она ушла со сцены, но сохраняла свое превосходство в качестве балетмейстера оперы, пока из-за разделения Запада и Востока Государственная опера не оказалась на Востоке, а ее частная школа - на Западе. Популярный журнал

—— ааа а — ММ ТРА

“Для тебя” (“Für Sie”) посвятила первую полосу в марте 1946 года портрету Татьяны Гсовски, обнимающей одну из своих студенток на сцене Государственной оперы; она была похожа на растерзанного медведя, закутанного в чудовищную меховую шубу и раздавливающего мясистый комок тюля зубами и анальной пробкой.

Это была та самая женщина, которая осматривала Кристу. Она уставилась на долговязое, пухлое, как у щенка, создание, не достигшее половой зрелости. - Что ж… - проворчала она, - вашей дочери никогда не стать примой-балериной, о которой она мечтает . Для начала, она слишком взрослая. Ей следовало начать заниматься балетом в возрасте пяти лет. Она не подойдет. Криста не поверила в это и попросила дать ей уроки балета, чтобы доказать, что мадам ошибается. Грете накопила на недельный дорогостоящий курс. Кристе это давалось нелегко , но она упорствовала, пока лень не подкосила ее. Ей наскучил строгий распорядок дня, пять позиций, удручающе скучные упражнения у станка и поразительное отсутствие гламура. Она жаловалась , что это не путь к вершине. Однажды ее мать не выдержала и вернулась к мадам Гсовски: “Есть ли смысл Кристе продолжать, если она хочет быть звездой?” Нет, конечно , нет: балетмейстер была предельно откровенна. Уроки Кристы были отменены.

Чтобы как-то скоротать время между ненавистной школой и туманной славой, которой она жаждала, Криста пряталась в очередях в кинотеатры и у стеллажей с журналами. По окончании войны Геббельс закрыл все развлекательные заведения, но не осмелился тронуть кинотеатры. Русские быстро открыли все, что он закрыл, но кинотеатры по-прежнему оставались излюбленными центрами досуга. Криста предпочитала самую романтичную литературу, какую только могла найти. “Раньше это заставляло меня смеяться”, - заявила она, немного оправдываясь.

В остальное время она просматривала журналы в поисках советов по моде и макияжу, и у нее не было недостатка в чтиве. “Лишние женщины” были главной мишенью недавно получивших лицензию издательств. Там был Констанце из Гамбурга; Хойте (сегодня) из Мюнхена; Лилит из Берлина; Капризная, шикарная, Быстрая, Она, Ты, Для тебя, Моника (‘для Католические мать и дочь”), “Банте”, “Ева дома” и “Иголка”, Нитки и наперсток - подарок для женщины. Среди нарисованных от руки рекламных роликов кольдкрема “Тоска” и духов “Чип” (“привносят атмосферу Париж - любящим парам”), статьи были выдержаны в удивительно серьезном тоне при освещении женских проблем.

Для меня не составило труда Кристу, чтобы найти такие черты, как “Вредные привычки портят ваше лицо”, доскональный трактат о каждом тривиальном аспекте миловидной женской фигуры (“Наше тело - двигатель!”), но были и другие, посвященные

социальные проблемы. Констанца опубликовала серию статей о наркомании под названием “Достать наркотики легко’:

Сегодня не так-то просто курить кокаин, героин или марихуану, потому что немецкая и иностранная полиция работают сообща , чтобы положить конец контрабанде. Но черный рынок не зависит от контрабанды. Аптекари помогают наркоманам получать наркотики. Например, морфий. По официальным данным министерства здравоохранения, число наркоманов составляет 40 000 человек. Но мы знаем больше.

Криста могла бы прочитать статьи о “Женщинах, которые живут как мужчины” (‘Всего один раз я надела униформу горничной отеля. Казалось, что эта куртка была сшита специально для меня”), другую - об ужасах карьеры на подиуме. На этих страницах было начертано ее будущее. Везде Криста оглянулась и увидела элегантное лицо главной кинозвезды Германии , высокой знойной блондинки по имени Хильдегард Кнеф. Ей было под тридцать, Кнеф не только рекламировал послевоенные чудеса - мыло “Луксор ” или нейлоновые чулки “Беллинда”, но и был заметен на фотографиях в новостях, где он лапал молодых знаменитостей того времени, таких как Жан-Пьер Омон (“Мой господин - мечта”). Она появлялась в “Бунте” или “Си” каждую неделю. Кнеф был индустрией, послевоенной индустрией (она дебютировала на экране в фильме ” 1946”), представляющей все, что было свежего и яркого в федеративной Германии. Нико

ненавидел ее. Однажды она оскорбила мужчину, который сказал, что она поет как Хильдегард Кнеф, хотя это было простительное сравнение. В Америке, Пол Моррисси считал, что Кнеф успешно совмещает актерскую и певческую карьеры, что является хорошей моделью для Нико. Она быстро отвергла это предположение, заявив, что “она никогда не нравилась моей матери”.

Нико отрицала, что брала какие-либо немецкие образцы для подражания. Тетя Хельма считала, что какие бы влияния она ни обнаружила в то время, они, скорее всего, были иностранными - например, Мэрилин Монро или Джина Лоллобриджида, или актриса бельгийского происхождения Одри Хепберн, - поскольку рекламная машина, которая переосмысливает жизнь кинозвезд, наполнила страницы немецких журналов своего рода косметической чушью Криста наслаждалась, наполовину правда, наполовину неправда.

КОГДА Кристе было ТРИНАДЦАТЬ, ее изнасиловали. Однажды вечером в дверях дома на темной и тихой улице стоял чернокожий сержант американской армии. Он окликнул Кристу, заговорил с ней, а затем попытался дотронуться до нее и поцеловать. Когда она оказала сопротивление, солдат повалил ее на землю, разорвал на ней одежду и изнасиловал. Он не сказал “Комм, фрау”, но это было то же самое

вещь. Криста потащилась домой, в пустую комнату, чтобы дождаться свою мать, которая развлекалась где-то в другом месте. Изнасилованная и покрытая шрамами, но не забеременевшая, кошмар Кристы на этом не закончился. Грете сообщила властям об изнасиловании. Сержанту было предъявлено обвинение и он предстал перед военным трибуналом. Кристу обязали присутствовать и дать свидетельские показания. Выяснилось, что сержант насиловал других девушек, которые также выступали против него в зале суда. Его повесили.

Так Нико рассказывала эту историю своим друзьям; кажется, она упоминала об этом всякий раз, когда ее обвиняли в расизме. Иногда Нико пренебрежительно замечала, что “негры не такие, как мы’. Она призналась, что ее фанатизм был вызван ужасным моментом в детстве, и если бы вы знали, что произошло, сказала она, вы бы меня извинили. Нико вполне мог рассказать травмирующую историю в точности так, как она произошла, но сейчас нет ничего, что могло бы подтвердить это, просто нет никакой информации. В архивах армии Соединенных Штатов нет записей об этом деле. Адвокатская контора военного судьи ничего об этом не знает. Ежедневные берлинские газеты не сообщали об этом, хотя к 1952 году Такой случай стал бы достоянием прессы. В газетах часто появлялись материалы, подобные следующей статье, опубликованной в апреле 1953 года:

ПРОСЬБЫ О ПОМИЛОВАНИИ

ДЛЯ СОЛДАТА-НЕГРА

Многие немцы направили прошения о помиловании в Американский военный суд в Вюрцбурге выступил в поддержку негритянского солдата Эдвардса, приговоренного к смертной казни. Эдвардс задушен 24-летнюю немку после того, как она сделала презрительное замечание по поводу цвета его кожи.

Фрау Хельма Вольф и ее сын Ульрих недавно были поражены известием об изнасиловании Кристы, о котором они ничего не знали. Ее менеджер, Алан Уайз вспомнил, как Нико рассказывала об этом из-за маленькой детали: она назвала солдата офицером, но ее описание нашивок на рукаве явно понизило его до сержантского звания. ‘Если бы эта история была правдой, это многое объяснило бы”, - рассуждала Вива. - Если бы это было неправдой, это объяснило бы многое другое.

История с изнасилованием имеет пугающее сходство с другой историей из Кошмарные истории Кристы. Иностранный солдат, дверной проем или оконная рама, распростертая девушка, ночное время, мать в другом месте — все это напоминает историю Вани, ‘монгольского’ пришельца. Тем не менее, неприятно слышать такую тревожную историю об изнасиловании и не верить в нее. Как сказала Хельма, столкнувшись с подобной загадкой,

33

Нико

“Я действительно до сих пор не знаю, видела ли она Ваню в окне или во сне’.

В 1946 году АМЕРИКАНЦЫ ПРОВЕЛИ ОПРОС среди 250 школьниц Шонеберга. Они пытались оценить свои карьерные устремления. В порядке убывания их желаний они хотели стать продавщицами, портнихами, клерками, учителями, парикмахерами. Когда пять лет спустя опрос был повторен, мало что изменилось, за исключением того, что парикмахерское дело стало более популярным, чем преподавание. Криста, с другой стороны, сделала несколько иной выбор. Она хотела, чтобы ее обнаружили. На что бы она ни обращала внимания , главное, чтобы это делало ее центром внимания; задачей первооткрывателя было бы раскрыть свой талант, но она бесстрашно работала бы, делая то, что должны делать люди, желающие быть открытыми . Она слонялась по фешенебельным улицам, заходила в самые модные кафе и шикарные магазины. Кристе было почти четырнадцать, и в этом возрасте она могла навсегда оставить школу и начать свою сказочную карьеру - быть замеченной.

Планы дочери не произвели на Грету никакого впечатления. Она отдала У Кристы было два варианта: она могла бы продолжить учебу в школе и подумать о поступлении в колледж в отдаленной перспективе, или же она могла бы пойти работать продавщицей,

портнихой, клерком и так далее, как другие. Но Криста никогда не могла поступать так, как другие. Летом 1952 года Криста закончила свое неполное образование и начала заниматься домашним хозяйством. “Ладно, что-то должно произойти сейчас”, - возразила Грете. - Ты должна помочь мне и заработать немного денег , чтобы мы могли выжить вдвоем. Последовала нервная пауза. У меня есть работа . Это идеально. Тебе она понравится. Ты будешь продавщицей в магазине.

Когда Грете разговаривала с Кристой, она использовала детское уменьшительное обращение. Она говорила с ней так, как будто та все еще была на грудном вскармливании. Точь-в-точь, как она ворковала, “маленькая-малюсенькая-доченька’. Тете Хельме было бы неловко слышать их внутриутробные разговоры. Криста отвечала бы: “мама”, “мамочкины сыночки”, “Мюттерляйн”, “Мюттерцбен”. ‘Точтерхен, ты должна помогать мне и стать продавщицей”, - успокаивала ее Грета. “Но , мамочки, я такая неуклюжая. У меня все пальцы на месте. Я не могу обслуживать покупателей”. Грета была непреклонна. - Тебе придется постараться. я устроила тебя ученицей в магазин одежды’ У Греты явно были связи, потому что в городе с высоким уровнем безработицы рабочих мест было мало. Широко распространена схема ученичества; она предполагает составление контракта между начальником и родителями. Таким образом, в 9 часов утра один В понедельник утром 1952 года Криста приступила к своей первой и последней работе в цехе.

Ее задача была до ужаса проста. Это касалось полок высотой до потолка , на которых были аккуратно расставлены большие картонные коробки с жилетами или корсетами определенного размера. Старшая продавщица спрашивала Кристе нужно было подняться по лестнице, спустить вниз коробку, подождать и поставить ее обратно. Криста поднялась по лестнице. Она схватила коробку. Она подержала ее мгновение, позволила ей вывернуться, выскользнуть из пальцев и упасть на пол. Она

наблюдала, как сотрудники обернулись и уставились на груду разбросанных жилетов. Затем она схватила вторую коробку, и произошло то же самое. Затем третью, в довершение всего. Менеджера пригласили посмотреть на беспорядок. - Я не справляюсь с этой работой. У меня слишком неуклюжие руки. Я не продавщица, я ясно дала это понять маме. Тебе придется привести ее, чтобы она увидела, какой беспорядок я устроила. Моя мама может стоять на голове и просить милостыню, если захочет, но я не гожусь для работы продавщицей". Грета подошла и быстро переговорила с начальником. Контракт Кристы был расторгнут "по обоюдному согласию'. Другие помощники были оставлены, чтобы устранить причиненный ущерб. За всю свою жизнь она проработала в розничной торговле меньше часа. Однако она рассказала участнику группы The Velvet Underground, что ее карьера в кино началась, когда итальянский режиссер Федерико Феллини обнаружил ее работающей на кассе в супермаркете. "Я могла бы преуспеть в магазине", - солгала она.

С тех пор она поступала по-своему. В любом случае, ее мать не могла найти для нее другого места ученичества. Криста была одна и могла свободно идти по своему ежедневному карьерному пути, который вел из многоквартирного дома вверх по Ансбахерштрассе к главной дороге и за угол к самому большому универмагу в Европе. Официально магазин назывался "Западный дом", но был известен всем как "самый КаДеВе (Кар-дей-вай). Жители Нью-Йорка могли бы сравнить его с Бергдорфом Гудман, лондонцы - в "Харродс". Криста каждый день сидела у его дверей, ожидая, когда ее обнаружат. Ее, несомненно, заметили бы. Избавившись от своего персонажа гослинга, она стала поразительно высокой и спортивной (хотя избегала занятий спортом — слишком по-немецки); девочка-мальчик. Она часто старалась походить на игривую Одри Хепберн из "Римских каникул". Ее шея была длинной, "как ваза", что подчеркивало потрясающее симметричное лицо, в котором гармонично сочетались наследственные черты, в частности, тонкие губы и ультравысокие скулы. Покупатели и персонал не могли не обратить внимания на этого бездельника-андрогина. Криста наивно полагала , что модельеры и фотографы используют KaDeWe как магазин на углу. Она еще ничего не знала о временах года, о шаблонных ежегодных ритуалах, с помощью которых преуспевающая индустрия моды добывает свое богатство. Так

она бесцельно слонялась без дела, ожидая, что ее обнаружат. Но однажды это сработало.

Королем и королевой немецкой моды был Эстергаард. Нравится Хартнелл в Великобритании или Хэлстон в Штатах, он создавал эксклюзивные платья и комплекты одежды в лучших традициях grand couture. Иностранцы считают Германию страной , где нет моды, жестоким и упрощенным понятием: 'Что он разрабатывает — униформу?' журналист, пишущий о моде , обратился к Хайнцу Эстергаарду. К несчастью для его международной репутации, он согласился; среди его клиентов были такие промышленные гиганты, как Beyer и Hoechst . Однако на модном этаже KaDeWe у него был салон. Там, красивых молодых женщин занимались, как модели с именем женоненавистник манекены, или чайников (Гуляй, дорогой. Обратимся, дорогие). Они отображается последняя, блестящий Эстергаард одевает очень богатых клиентов, жен Бейера и Хехста. Работать на них было не удовольствием, а честью Эстергаард, спокойно напомнили манекенщицы, и только самые амбициозные из них выдержали это ежедневное испытание. Его агенты зорко следили за новыми талантами; один из них заметил Кристу, когда тот направлялся составлять план Осенняя выставка KaDeWe 1953 года. Он вернулся к выходу с Главный помощник Эстергаарда. Два модельера обошли вокруг Криста, пока делала вид, что ничего не замечает. Они подошли к ней, и в возрасте пятнадцати лет она перестала позировать в дверях магазинов и начала позировать Эстергорду. Обнаруженный. Обнаружена! Доказав, что ее мать была неправа, она даже смогла содержать ее на приличную зарплату. Ее вера в случай оправдала себя, хотя она никогда не называла это случайностью; мать научила ее называть это судьбой. Это была ее судьба - быть обнаруженной. Обнаружена! ("Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо".)

Нико запомнил эти дни: когда их не было видно, Криста и другие манекенщицы, стараясь, чтобы одежда выглядела более удобной, чем на самом деле, прятались за ширмой, обливаясь потом, меняя наряды, накладывая свежий макияж, пришпиливая шляпы, причесывая парики, распутывая разбросанные по полу наряды и пытаюсь выяснить, что же было дальше в задании по

удовлетворению прихотей состоятельных женщин. Криста была полна решимости стать профессионалом: “Это было похоже на альтернативную школу. Я поняла, почему все должно быть именно так, как есть, чего я никогда не понимала в школе. Я могла видеть эффект от ходьбы, поворота, положения. И я была в центре внимания”. Она никогда не относилась к своей работе серьезно, но она серьезно относилась к себе, и этого было достаточно, чтобы она оставалась на работе. “Денег, которые я тогда зарабатывала, - утверждала она в 1985 году, - было достаточно , чтобы моя мать жила в достатке и ей не приходилось работать, но она

она не могла придумать, чем бы заняться вместо этого, поэтому продолжила свое шитье.’

Криста впервые задумалась об одиночестве своей матери и о своей фамилии, которую она носила, но у которой не было родственников, которые могли бы ее поддержать . Однажды Криста села в экспресс, следовавший из Берлина в Кельн. Ее мать вспомнила старый адрес в Кельне, и шестнадцать человек, которых она носила.- годовалая Криста постучала в парадную дверь “умного дома”. По словам Кристы, она сказала женщине, которая открыла дверь: ‘Меня зовут Криста Паффген. Я полагаю, что мой отец был вашим братом”. Криста рассказала своей матери, что женщина ответила: “Я скажу тебе, кто ты такая. Ты ублюдок”, - и захлопнула дверь. Ублюдок сел на следующий поезд обратно в Берлин, весь в слезах, впервые осознав свое полное одиночество.

- КОГДА я БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ в Берлине, многие мальчики меня

не интересовали. Что ж, Мне было интересно, но не более того. Я была застенчивой. Я всегда была застенчивой, в этом была моя трудность. Некоторые люди думают, что я отстраненная, в то время как я думаю, что я застенчивая. Когда я стала моделью, я встречала красивых мальчиков, действительно самых красивых мальчиков, которых только можно встретить. Они были гомосексуалистами. Самые красивые мальчики интересовались самыми красивыми мальчиками — я могу это понять. Я сама хотела быть мальчиком. Я имею в виду, почему я должна хотеть быть женщиной? Больше всего мне нравились мои друзья-гомосексуалисты. Ближайшим другом Кристы был великолепный молодой фотограф по имени Герберт Тобиас, которому тогда было двадцать лет. Она хотела быть им, а он хотел быть ею.

Тобиас — всегда Тобиас, только по фамилии — заработал свои деньги на небольшом, но оживленном рынке модной одежды федеральной Германии, поставляя студийные портреты, отражающие последние тенденции местной моды, в газеты и журналы. Он использовал манекенов, таких как Криста, и превратил их в девушек с обложки — моделей, которые работали на камеру, а не на подиуме. Его ценили за строгий, изысканный, романтичный стиль, высокий профессионализм . Один из его первых портретов Кристы был сделан в конце ювелирной выставки. Она была признана лучшей манекенщицей на параде, где демонстрировались новые изделия, и в качестве награды торговцы позволили ей сохранить кольца, которые она демонстрировала. Тобиас сфотографировал ее руки, украшенные драгоценностями. Он также опубликовал ее первый полноцветный портрет в журнале Bunte в январе 1955 года, когда Кристе было шестнадцать. Снимок сопровождался скромным текстом:

Летняя ночная вечеринка: устав от танцев, молодая женщина садится летом между разноцветными китайскими лампами

дом. Это тот фотограф, которого она ждет? В любом случае, это Тобиас из Берлина, который использует возможность наполнить наш журнал последними достижениями в области цветной фотографии-

графика.

Они также снимали монохромную одежду и украшения для Bunte и Констанца, хотя их имена почти не упоминаются в печатных изданиях. Гонорары, которые Криста зарабатывала на этих занятиях , она тратила на вечера легкого гедонизма, ужиная с ним, иногда приглашая с собой Миттерляйн, или выпивая в более спокойных берлинских гей-барах. По ее словам, он был для нее “Плохим самаритянином”, хотя со временем она познакомилась с самаритянами, которые были действительно плохими. Прежде всего, благодаря Тобиасу Криста узнала о трех великих поворотных моментах в своей жизни: Париже, Ибице и Нико.

3 1956-1959

Для воображения

Так безнадежен мир снаружи,

Мир внутри | вдвойне ценен;

Твой мир, где коварство, ненависть и сомнения И холодная подозрительность никогда не проявляются;

Где ты и|или Свобода

Обладаете неоспоримым суверенитетом.

Какое значение имеет то, что вокруг нас Опасность, вина и тьма,, Если только в пределах нашей досягаемости Мы держим в руках

ясное, безмятежное небо, Согреваемое десятью тысячами смешанных лучей Солнц, которые не знают зимних дней? (ЭМИЛИ БРОНТЕ, 1844)

С] Мне было ШЕСТНАДЦАТЬ, когда я встретил Эрнеста Хемингуэя в Париже. Возможно, мне было семнадцать. Я жил на Левом берегу в маленьком отеле на площади Контрэскарп, а он жил по соседству. Я сидела в баре, и он нашел предлог, чтобы поговорить со мной. Мой французский был очень простым, как и английский. Но он был крупным мужчиной и загипнотизировал меня. Он сказал, что пишет книгу и хотел бы поместить в нее меня, симпатичную молодую девушку, сидящую в баре. Я не знаю, что это за книга. Вы знаете ее? Вероятно, я есть во многих книгах, подобных этой, которые разбросаны по книжным магазинам, и я никогда не узнаю. (Вы знаете, что в музыкальном магазине я нашел свои пластинки под буквой “B”, для Velvet Underground, а не “H”? Лу Рид не был под буквой ”B”. Лучше быть на букву “H”, потому что здесь не так много людей на букву “H”. Так что, даже когда на чем-то стоит мое имя, я все равно не могу его найти.)

“Эрнест Хемингуэй пригласил меня на вечеринку недалеко от улицы Бонапарт. Я ничего не поняла на этой вечеринке. Там были такие люди , как Жан-Поль Сартр и Жан Жене. Но Хемингуэй был очень добр ко мне, и я думаю, он хотел заняться со мной любовью, но он был больше похож на моего отца. Он был старый, с бородой, он был похож на медведя. Он пытался меня пощупать. Он сказал, что я принцесса, но он сказал, что принцесса Нико звучит

Нико

как будто я шведка. Думаю, именно поэтому я многим людям говорила, что я шведка . В “Сладкой жизни” я должна быть шведкой, ты заметил?

*Он сказал, что если бы я была шведкой, то была бы блондинкой, а не брюнеточкой. Тогда меня часто принимали за Одри Хепберн. Знаете, он был блондином, но блондином от старости, а не от парикмахера. Он только что получил Нобелевскую премию, и я подумала , что если лауреат Нобелевской премии говорит тебе что-то сделать со своими волосами, значит, есть над чем подумать. Я могла бы стать нобелевской блондинкой. В конце концов, я это сделала. Тогда было не так-то просто сохранить свои волосы светлыми. Но мне было приятно это делать. Разве не говорят , что “блондинкам веселее”? Ну, я не согласна. Правильнее было бы сказать “у блондинок больше денег”.

Ее друзья признали эту историю “типичной” для Нико. Они согласились, что кое-что из этого может быть правдой; некоторые факты соответствуют действительности, хотя признание этого только обесценивает романтические чувства Нико. Хемингуэй был награжден Лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года, он оставался в Париже осенью 1956 года, хотя и остановился в отеле “Ритц” на Правом берегу, и это правда, что седой ветеран, которому было около 60 лет, все еще увлекался подростками, но он был там со своей женой. Что касается Кристы, то она, конечно, уехала Из Берлина в Париж в возрасте семнадцати лет. Не по годам развитый Тобиас договорился со скаутом из журнала Elle о том, что Криста будет регулярно работать с ведущим парижским фотографом моды Вилли Мэйвальд, которая оказалась немкой. ‘Я должна спросить свою маму”, - сказала она Elle в Берлине. Мама сказала “нет”. “Я думаю, ее мама боялась оставаться одна”, - предположила тетя Хельма. - Они были вместе все эти годы, так ужасно близки, и у Греты больше никого не было. У нее время от времени появлялся парень, и, возможно, она была немного эпатажной или “разгульной’, как сказали бы мы в те дни, хотя я не хочу, чтобы у вас сложилось неправильное впечатление. Возможно, мы бы сказали, что она была современной, у нее был современный взгляд на жизнь. Я думаю, Криста переняла это от своей матери. Моя сестра не была необщительной, но все же она могла быть довольно одинокой.

“Ну, на Кристу было оказано большое давление, чтобы она воспользовалась этой возможностью”, - продолжила Хельма. ‘Я имею в виду, вы можете себе представить, как это было здорово - быть такой молодой и получать предложение работать с лучшими модельерами мира, лучшими фотографами и ведущими журналами. Париж был центром мира моды, выше этого было невозможно подняться. Представьте, сколько бы она заработала!

Представьте себе славу! В конце концов, ее мать согласилась. Я помню, как Криста прилетела из Берлина, и они обе заливались слезами в аэропорту. В

так или иначе, никто из них не смог преодолеть эту отчужденность. Пока Криста была в Париже, ее мать начала страдать от разлуки. Это чуть не разбило ей сердце. Я думаю, что именно в это время у моей сестры начались проблемы с психикой, или, по крайней мере, семена были посеяны. Но Криста бы этого не увидела и даже не поняла.'

Журнал Elle устроил Кристу в ее "маленьком отеле на площади Контраскарп" в Латинском квартале, и, похоже, именно там, на краткий миг, ее загипнотизировал большой писательский талант

: ее ('О, она была полна таких безумных историй, - сказал друг, - и имена менялись каждый день"). Прежде чем застрелиться в 1961 году, Эрнест | Хемингуэй написал три книги. На каждой странице есть описания баров , и в этих барах полно девушек, все молодые и красивые , и пьют как убитые. Но книга, которую он написал в 1957 году, - это мемуары о Париже двадцатых годов. Книга называется "Праздник в движении", и, если бы Нико прочла ее, она могла бы послужить образцом для собственных мемуаров, "Движущаяся мишень". Действие начинается в 1921 году:

Потом была плохая погода. Она наступала в один прекрасный день , когда осень заканчивалась. На ночь нам приходилось закрывать окна от дождя, а холодный ветер срывал листья с деревьев на площади Контрэскарп…

В кафе вошла девушка и в одиночестве села за столик у окна. Она была очень хорошенькой, с лицом, свежим, как только что отчеканенная монета, если, конечно, монеты чеканили из гладкой

плоти с освеженной дождем кожей, а волосы у нее были черные, как вороново крыло , и подстрижены остро и по диагонали поперек щеки.

Я посмотрел на нее, и она меня взволновала . Я хотел бы поместить ее в рассказ или куда-нибудь еще, но она расположилась так, чтобы наблюдать за улицей и входом, и я знал, что она кого-то ждет. Поэтому я продолжил писать.

- ПОСЛУШАЙ. ОНА НИКОГДА НЕ ЧИТАЛА КНИГ, дорогой мальчик, она вообще ничего не читала. Я не думаю, что она действительно умела читать. Она была практически неграмотной. У нее не было ни единой идеи в голове. Она едва могла говорить; только одно предложение, одно другое, на ломаном французском, ломаном английском, ломаном немецком, на ломаном всем подряд. Она издавала много гориллиных звуков. “Хо, хо, хо, хо, хо” - таков был ее ответ на все, что бы ни говорили. “Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо”. Это, видите ли, скрывало все : ее невежество, отсутствие опыта, неуверенность, страхи. Она была милой, прелестной, прелестной девушкой. У нее было прекрасное лицо, потрясающее и

у нее правильные черты лица и крепкое тело. Она была сказочным, красивым, великолепным ребенком. Мы так чудесно провели время, гуляя по окрестностям Париж, бегущий по улицам с криком “Хо, хо, хо, хо, хо” вдоль Сена, набережные, кафе. Она всегда шутила по любому поводу. У нее был склад ума одиннадцатилетнего ребенка. Другого Нико никогда не будет, никогда, никогда.’

Маловероятно, что когда-нибудь появится еще один Карлос де Мальдонадо-Восток. Сейчас он довольно известная фигура во всем мире. Площадь Вогезов - уединенная площадь рядом с Бастилией, где любят жить кинозвезды. Он прогуливает своего

огромного пса по узким улочкам Марэ, современный Хемингуэй в костюме охотника, увенчанном охотничьей шляпой с перьями, которая меняется ежедневно. Он по-прежнему выезжает за город, чтобы поохотиться на дичь: цирковая семья Босток, из которой он происходит по материнской линии, фактически изобрела представление об укрощении львов. Выдающееся испанское имя и происхождение Мальдонадо маскируют его чистокровное английское образование (“Я ходил в довольно приличную государственную школу, дорогой мальчик”), хотя он и спорит с собакой на ломаном испанском. Мальдонадо-Босток называет себя ” старомодной жабой”, но когда Криста-подросток познакомилась с ним, ему было, должно быть , около 30 лет, он был обольстительным, лихим и беззаботным.

‘Когда я впервые встретил ее, ей было лет восемнадцать или семнадцать, не больше. Я был фотографом. Она была совсем одна, сидела в пивном баре напротив кафе “де Флор” на Сен-Жермен-де-Пре. Она сидела за одним столиком, я - за другим. Было лето, и она захотела познакомиться со мной поближе, вот так просто. И мы говорили , и говорили, и говорили, но ей нечего было сказать. Все это было какой -то абстракцией. “Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо”. И ей было все равно. Даже тогда ей нравилась атмосфера пустоты и небытия. — Я не думаю, что что-то изменилось в ее отношении к жизни с юных лет до старости. Она была недовольна человечеством, но в ней чувствовалось одиночество, и это ее очень беспокоило, я полагаю, и именно поэтому она искала друзей. Мы были друзьями, чего она хотела больше всего, а не любовниками. У нее были романы, она влюблялась в мужчин, в женщин. Но не в любовников, никогда. Никто не мог ее полюбить. Она была непригодна для секса”.

На мгновение возвращаю Хемингуэя на полку с художественной литературой, Мальдонадо-Босток был первым в череде мужчин, с которыми Нико познакомилась таким образом, по воле случая, который она научилась называть судьбой: ” За эти годы я встретила в Париже так много замечательных людей. Все они были прекрасны и волнующи, но те, с кем я познакомилась в первую очередь, показались мне самыми волнующими. Жаль, что я не могу их вспомнить, - вздохнула она

в 1985 году. “Своего второго отца я тоже встретил в Париже. Позже он стал для моего ребенка как отец, но сначала он был как отец для меня. Он был моим фотографом и моим отцом - что бы сказал об этом Фрейд? Хо-хо-хо… -> Ее отец-фотограф был известен в мире моды как Мейвальд. При крещении его звали Вильгельм, как и первого отца Нико. Престижный, состоявшийся, старший, Вильгельм Мейвальд, затем Ей было 50 лет, и с начала тридцатых годов она работала в Париже , фотографируя последние коллекции высокой моды для таких журналов, как Elle и Stern. Некоторые из его классических снимков сегодня можно купить в магазинах открыток, в том числе знаменитый Gres 1954 года. где скромная женщина в остальном обнажена в тоге с вертикальным разрезом. Его преданность Парижу причиняла ему серьезный дискомфорт во время нацистской войны. Поскольку он был явным гомосексуалистом, он долгое время жил со своим парнем Бобби и сестрой Хелен. Мейвальд был интернирован в лагерях, пока не нашел убежища в Швейцарии. Вернувшись в 1947 году, он быстро устроился фотографом в издательство Кристиана Диор и его фотографии, посвященные сенсационному успеху бренда Dior - the New Look, были использованы прессой по всему миру.

Майвальд писал о своих встречах с Нико в автобиографии, опубликованной на немецком языке сразу после его смерти в 1985 году: ” Летним днем я ретушировал фотографии за своим большим рабочим столом, и дверь в мой сад, как всегда, была открыта. Какой-то звук в комнате заставил меня поднять голову. Передо мной стояла очень красивая девушка с ясными глазами. Она была высокой и хорошо сложенной, а ее волосы были коротко подстрижены. Она застенчиво взглянула на меня и представилась … Я только что получила задание снять несколько моделей готовой одежды на Лазурном берегу. И поскольку Нико идеально подходила для этого образа, я сразу же наняла ее.

“Как всегда, нас сопровождали Хелен, Бобби и Урсула. Мы сфотографировались во множестве маленьких деревушек Прованса. Пока я отбирал снимки, сделанные накануне, и готовился к следующему дню, остальные уже отправились развлекаться. Урсулу пригласили на английскую яхту, а Нико влюбился в американца с обложки журнала. Она познакомилась с ним в каннском ночном клубе La Jungle. Мы все встретились там

позже тем же вечером , танцевали и развлекались. Но любовное приключение Нико сложилось не так, как она хотела, и мне пришлось бежать за ней на пляж, чтобы помешать ей броситься в море и утопить свое горе. Это были сплошные слезы и драмы. И когда мы поздно вечером вернулись в отель, Хелен кричала мне с лестницы: “Тебе действительно следует лучше заботиться о ребенке, потому что ты ответственный человек”.-

43

Нико

сибл: “Есть поговорка, которая сразу пришла мне на ум: “ Легче ухаживать за мешком с блохами, чем за молоденькими девушками”.

Кристе посчастливилось найти в Париже добродушного отца-немца, хотя она утверждала, что именно судьба, а не везение привела в его дом именно этот мешок с блохами. Мейвальд стал ее “Хорошим другом”. Самаритянин’. Тобиас, ее “Злой самаритянин”, страстно желал сопровождать ее от Берлина до Парижа, но полиция запретила ему въезжать в город, который он обожал. Проблема заключалась в том, что он обожал его писсуары. Во время своего последнего визита он был пойман полицейскими в писсуаре Веспасьена за то, что рекламировал торговлю наркотиками. Тобиас был иностранцем, немецким педерастом, оскверняющим гей-Париж; его быстро депортировали и запретили возвращаться. Это причинило ему сильную боль, потому что он безнадежно влюбился в красивого молодого человека, божественную фигуру, которую он видел на Левом берегу города, но так и не смог встретить. Вернувшись в Берлин, изгнанник и неизлечимо романтичный Тобиас решил изобрести свою собственную версию мужчины и полюбить ее.

Однажды он сказал Кристе: ‘Ты не можешь продолжать называть себя Криста Паффген. Даже Криста ошибается. Это не интернационально. Криста лучше, но это не соответствует твоему характеру. Ты настоящий андрогин. У моделей одно имя, так же как у фотографов и дизайнеров одно имя. Я Тобиас. У меня есть для тебя имя, и отныне ты должен его использовать. В любом

случае, это пойдет на пользу бизнесу' Криста спросила его, откуда у него это имя, каким бы оно ни было. 'Я расскажу тебе только потому, что ты моя сестра", - ответил Тобиас. "Самый замечательный мужчина, которого я когда-либо видел, живет в Париже. Я влюблен в него. Он потрясающий. Я видел его в кафе "де Флор" и в клубе "Ла Розовые румяна. Он друг писателя Жана Жене, и я узнал не только о том, что ему принадлежит "Красная роза", но и о том, как его зовут. Оказывается, он вовсе не француз — у него смуглая внешность - он грек, но родился в Эфиопии. Его зовут Нико Папатакис.'

С того дня, в Берлине 1956 года, Криста стала Нико, взяв имя человека, которого любил другой мужчина. Тобиас создал замену Нико, такую же недосягаемую для него, как и настоящая, но доступную по его желанию. Криста погрузилась в свои фантазии. Она больше не была незаконнорожденной Паффген, не была глупой школьницей, и ее нищее прошлое было стерто одним махом. В роли Нико она могла быть кем угодно - невероятно богатой, шведкой или славянкой, мужчиной или женщиной, клоном Одри Хепберн или вечной загадкой. Уже тогда она понимала, что Нико как имя было блестящим, неопределенным и неоднозначным выбором. В большинстве стран Нико, несомненно, мужчина. Это греческое имя, уменьшительное от имени святого Николая. Святой покровитель

Россия, дети и ростовщики, он - идеальное отчество для Мисс Нико Павловски. Как святой покровитель Греции, он подходит Нико Папатакис доведен до совершенства. Тем не менее, в других странах Нико считается сокращенной формой чего-то вроде Никола, женской формой имени Николас. "Это мужское имя? Вы уверены? Я никогда не думал об этом. Нико, мужчина? Я просто подумал, что это что-то иностранное", - признался один из ее британских поклонников. Что же касается настоящего Нико, то это все равно было не его полное имя. Хотя он был должным образом Никос, его все знали как старого доброго Папатакиса.

Она не встретится с Папатакисом еще три года, когда они , в конце концов, станут известны, как цирковые артисты, как Два Нико.

Когда она представилась Мейвальду, она уже назвала себя Нико: “Она застенчиво взглянула на меня и представилась . Она сказала, что ее зовут Нико. Фотограф Тобиас из Ее прислал Берлин.“Сама Нико предложила прессе и своим родственникам четыре разных объяснения того, почему ее отличала эта уединенная жизнь. слово:

(i) Она жила на острове Ибица с фотографом , чей лучший друг Нико исчез после ссоры. Фотограф начал называть ее Нико, и ей это очень понравилось , так что это прижилось.

(n) Ее полное имя было Нико Павловски, но никто не может правильно написать Павловский.

(ui) Нико - это анаграмма слова “Икона”, и Сальвадор Дали дал ей это имя из-за этого.

(iv) Она работала на модельера Коко Шанель, которая была лесбиянкой. Шанель, у которой уже было странное прозвище “Коко”, давала своим моделям имена мальчиков и предложила это прозвище Нико после романа с ней.

Удивительно, но Нико поведал историю о Шанель тете Хельме. Интригующий парадокс Нико заключается в том, что она решила убрать гомосексуальный оттенок из одной истории и заменить его лесбийским в другой. Также типично для Нико, что она привнесла в свою жизнь Дали и Шанель - Дали сменила имя, а Хемингуэй - прическу. На протяжении всей своей жизни Нико украшала свои истории именами знаменитостей, какой бы невероятной ни была связь (*Они записывают все, что я говорю, - глупо Не так ли?”).

Первый рассказ, конечно, правдив, но он превращен в нечто более экзотическое и двусмысленное. - Она играла в такого рода игры

все время, - заметил Карлос де Мальдонадо-Босток. - Она была необычной, потому что ничего не говорила, да ей и нечего было сказать . Когда она все-таки ответила, то “Хо-хо-хо” вырвалось у нее из -за угла, и это было изящно и двусмысленно, потому что люди верили , что она что-то имела в виду, или, возможно, они хотели верить, что она что-то имела в виду. Она была красивой маленькой девочкой, окруженной утонченностью, и ее реакция была такой утонченной и загадочной , на какую только способна маленькая девочка— “Хо-хо-хо”. Она была впечатлена, но у нее был свой собственный осторожный подход к происходящему, и она сама никогда не была уверена, волнует это ее или нет.

Нико начала рассказывать поклонникам, что ее зовут Принс Мушкин: ‘Из-за своих коротких волос и низкого голоса я производил впечатление мальчишки . В те дни я питал слабость к геям и хотел сам стать таким, поэтому я всем говорил, что я такой и есть… Нико был мужчиной , а Мушкин - мальчиком”. Ее друзья сходятся во мнении, что она флиртовала как с мужчинами, так и с женщинами в равной степени. ‘Но вы должны это понять, - подчеркнул Карлос де Мальдонадо-Босток, - она ненавидела мужчин и ненавидела женщин, и она хотела мужчин и она хотела женщин, но в конце концов ей никто из них не был нужен, ни в качестве любовников, она хотела друзей. Нико была одинока, поэтому она очень легко принимала дружбу и поэтому была открыта для эксплуатации. Эта красивая девушка, она была полна романтики, вы должны постоянно напоминать себе об этом, она была в другом месте”. Он пришел к выводу, что “в Нико не было ничего сексуального. Она была бесполой. Она не была ни женщиной, ни мужчиной. Она была незагрязненной. Мы часто шутили по этому поводу, я говорил: “Какая жалость, что у тебя нет маленького пениса”. Она играла в эту игру в обществе, она была вынуждена, но ни с кем не испытывала страсти. Она чувствовала себя очень неуютно с людьми, которые, по ее мнению, были нарасхват. Она всегда боялась , что в любую секунду они могут сказать: “Раздвинь ноги”. Она ненавидела этих людей. Она не хотела, чтобы кто-нибудь прикасался к ее влагалищу.

Нико играла со своим полом, чтобы защитить его, а не

исследовать . Часто считается, что такие женщины, как Нико, которые ищут общества геев, делают это потому, что геи, в конечном счете, не представляют угрозы. Но ее привлекал вид тел, которые контролировали свой собственный соблазнительный имидж. Нико желал Тобиаса и остальных просто потому, что они были “красивы”, а соблазнение - это прелюдия, а не общение. Она не ассоциировалась с ними как латентная гомосексуалистка ; она никогда бы не заняла такую позицию, потому что открыто говорила о своих желаниях, какими бы туманными они ни были. Она также не считала себя бисексуалкой, потому что считала, что сексуальность каждого человека “открыта, а не разделена’.

Она сочувствовала геям, потому что считала, что они разделяют ее отвращение к ограниченным условностям буржуазной жизни. Они действовали вне рамок морального кодекса, не допускающего освобождения. Когда она ненавидела мужчин, она ненавидела мужчин внутри себя, невзрачных мужчин; точно так же она ненавидела женщин, лишенных воображения : “Женщинам в целом нравится чувствовать себя защищенными, получать финансовую и моральную поддержку, не шевеля и пальцем… Женщины - это яд”. Тобиас — ее брат, такой же, каким были Энди Уорхол или Джим Моррисон , - в ее глазах был настоящей богемой, потому что даже в своей биологии он противостоял господствующим моральным нормам. Он был бунтарем душой и телом. Она думала то же самое об Аллене Гинзберг тоже. Они были “странными”, и с точки зрения общества, она была такой же.

Это не объясняет ни ее ненасытного желания соблазнять, ни постоянного противоречия между желанием и отвращением, которое позволяло бы ей придерживаться противоположных мнений. Она использовала свою красоту как медовую ловушку, чтобы завладеть друзьями, но когда обнаружила, что друзей редко можно найти таким образом, она в отчаянии прибегла к самым физическим реакциям, какие только могла найти из своего

лексикона романтических жестов, почерпнутых из фильмов (“Это были сплошные слезы и драмы’). Ее обольщение, привлекательность ее образа были игрой, в которую она играла; целью был не секс, а уважение. Эти игры и их повторяющиеся драматические окончания напоминают о ее играх с Ульрихом в Люббенау: “Она навязывала себя властным образом. Все остальное не имело значения, пока она не добивалась своего. Мы играли в игрушки… и она была поглощена победой’ Она завоевала право быть в другом месте.

НИКО ПРИЗНАЛАСЬ, что ее часто пугал Париж этого года. Пятидесятые годы, особенно та снисходительность, которую она там обнаружила: “Я не могла признать, что была не в своей тарелке, но в любом случае я нашла способ преодолеть свои недостатки. Вы можете подумать, что это было легко, потому что мужчины в любом случае не предполагали, что у вас есть интеллект. Но это была ловушка, или я имею в виду условности? Я не хотела, чтобы кто -то считал меня глупой девушкой, потому что я в это не верила. Я был необразованным из-за системы ограничений в школе. Вместо этого я нашел подпольный способ учиться. Многому можно научиться у других людей не тогда, когда они формальны, а когда они расслаблены.’

Другими словами, “маленькая девочка” ничему не научилась в классах, но всему научилась в ночных клубах.

Мэйвальд позаботился о том, чтобы она работала весь день и играла всю ночь напролет, “потому что модельный бизнес опирается на ту же энергию, что и танцовщица, и вы не можете позволить своему телу размякнуть”, как выразился Нико. “Я мог бы сказать, что я

всю свою энергию в Берлине я приберегал для Парижа. В Париже я никогда не был таким ленивым , потому что Вилли Мейвальд

был строгим и давал мне советы. Но когда тебе восемнадцать, и ты живешь в Париже, ты не хочешь лениться, чтобы чего-нибудь не упустить. Я старалась ничего не упустить, но и ничего не поняла". Это стало ее парижской критикой: "Я не понимала… Я была напугана… Я притворилась…" Она использовала это выражение всякий раз, когда ее просили представить Париж пятидесятых: "Я работала и веселилась , а остальное было неважно, или, по крайней мере, я не помню. Я была слишком застенчивой и мало что понимала из-за языка". Она сказала, что чувствовала себя "в центре внимания в городе , который и так уже был в центре внимания".

Работа, на которой она постоянно находилась в центре внимания , помогала Нико вставать с постели по утрам, но это стало еще проще , когда она переехала в квартиру Мейвальда ("Раус! Нико, раус!" - командовал он). Сначала он сопровождал ее в вечерние рестораны , или они вместе обедали в гостях у друзей. Он показал ей, что и как нужно есть: "Когда ты модель, всегда нелегко есть . Вы голодны, но боитесь, что потеряете фигуру. Какое-то время я принимала таблетки, которые подавляли аппетит, но они не подходили для моего цвета лица. В конце концов, мне стало все равно , и я стала есть больше, потому что я все равно была крупной, и это было частью моего характера. Я старалась не худеть с помощью диет, поэтому ела нормально или вообще ничего не ела. Но когда я ел, я ел как воробей — большой немецкий воробей. Иногда мне казалось, что это самая сложная часть моей работы - есть или не есть. Есть ли еще такая работа? Я уверен, что нет. О, помимо танцоров, они еще и невротики".

Мейвальд тщательно обучал Нико еде и питью, потому что знал, что во Франции еда и питье означают компанию, общение, товарищество; Нико больше всего на свете нуждался в друзьях . Он старался, чтобы она выглядела приветливой, но никогда не навязчивой. Его окружение было чопорным, редко богемным, но Нико принимала все, что попадалось ей на пути, и не возражала против буржуазной атмосферы - во всяком случае, пока она была на обучении. Она была ослеплена. Но как только она перестала быть Одри Хепберн и с помощью Мейвальда приобрела образ хемингуэевской блондинки с длинной челкой до бровей, скрывавшей ее пышный лоб, она затмила многих из них. Нико решила, что все головы должны повернуться в ее сторону, мужчины и женщины, буржуа и богема: "Можно сказать, что я выглядела одинаково с 1957 года в течение десяти лет, пока не сменила цвет волос ради Джима Моррисона. Возможно, мои волосы стали немного длиннее или короче в зависимости от

стрижки, в противном случае я никогда не удосуживалась что-либо изменить. Будь то

это была мода, но мне было все равно, потому что я нашел свою моду. Это придавало мне уверенности.

В безопасности она могла начать соблазнять. О Нико часто говорили , что она знала, как вскружить голову каждому присутствующему в зале, хотя она это отрицала: “Я была высокой блондинкой и держалась с достоинством. Чтобы произвести эффект, больше ничего не нужно. Техника нужна людям невысокого роста. У Энди Уорхола была техника, а у меня ее не было”. В 1985 году она призналась, что хотела соблазнять всех красивых людей, которых встречала, и при этом соблазняла всех, потому что хотела “красивых друзей (скорее, больше, чем красивого секса)’. В ресторанах и барах Парижа, рядом с Мэйвальд и в окружении бомонда, богиня-стажер оттачивала свою примитивную технику обольщения: она выглядела обворожительно, ничего не говорила, а когда ее загоняли в угол , кричала: ”Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо…” - это срабатывало.

‘Я ПОЗИРОВАЛА ДЛЯ КОКО ШАНЕЛЬ, и она развратила меня. Вот почему говорят, что я общалась с женщинами”. Нико лгала. Она никогда не работала в Шанель. Она работала с моделями, работавшими на Chanel. Мадам Шанель было 73 года, когда Нико начала работать моделью в Париже, и в то время ей нравилось работать как с манекенами, так и с принцессами, потому что “им скучно”. У их матерей и бабушек было другое занятие: любовь.’ В любом случае, Нико вряд ли понравился бы тот язвительный совет, который Шанель давала своим сотрудникам в форме пикантных афоризмов:

Величайшая лесть, которую один человек может предложить другому, - это плотское удовольствие, и только плотское удовольствие, потому что в нем нет места разуму и не может быть и речи о достоинствах, и потому что оно адресовано не характеру человека, а самому человеку.

Мадам Шанель наняла немецких моделей на короткое время в начале Шестидесятые годы, когда Нико был слишком образован как девушкой с обложки. Шанель была помешана на динамичной грации, которой Нико, как правило, пренебрегал: “Мне нравятся эти высокие немецкие девушки-патриции, потому что у них естественная походка. Сначала они выставляют бедра вперед, как животные; за ними следуют икры и ступни. Француженки и англичанки поступают наоборот: они сначала выставляют ноги, а это некрасиво”. Ближе всего Нико столкнулась с развращающей хваткой Коко Шанель, когда присоединилась к модельной команде “матроны” в конце сезона. Заведение Шанель на улице Камбон во второй половине дня после работы,

в помещении, которое они называли кабинкой. “Мы, молодые девушки, были похожи на банду”, - заметила Анн-Мари Куазза, известная модель Chanel того времени, а ныне деловая женщина и мать. *Нико заходил, здоровался с нами, девочками: “Что вы делаете сегодня вечером? Куда мы пойдем?””

Они всей командой ходили в шикарные ночные заведения, такие как Epi-Club, который в то время был популярным местом на бульваре Монпарнас; там начинал свою карьеру автор песен Серж Генсбур, а философ Деррида был завсегдатаем. Им управляла чета Кастель , и он был пристроен к бакалейной лавке, отсюда и его название. Позже Кастельс открыл ресторан Le Castel, который стал излюбленным местом отдыха горожан. Нико сейчас за шестьдесят. “Был также магазин Régine, старый магазин на улице Фор, - вспоминает Анн-Мари Куазза. “К моделям Chanel

относились как к чему-то особенному, потому что все мы не были обычными манекенщицами. Мы не были кабинкой манекенщиц, но все равно ходили компанией. Вы можете себе представить , каково было этой компании девушек войти в клуб и сесть за столик. Я думаю, мы, должно быть, производили устрашающее впечатление! Но вскоре стол был окружен, а другие столы пустели. Нико присоединялась к нам на этих прогулках, и она нам очень нравилась. Она много смеялась, у нее были очень веселые манеры.' Шведская модель Анна-Софи Моне добавила: "Знаете, она вовсе не была мрачной, но я должна сказать, что она была немного странной. Она повсюду носила с собой книгу философа Ницше. Я никогда не видела, чтобы она ее читала".

В Париже Нико была девушкой с обложки, фотомоделью, но не манекенщицей. Она работала исключительно с фотографами, в их студиях и на натурных съемках, демонстрируя последние новинки моды для журналов, будь то эксклюзивная одежда от grand couture или прет -а-порте для универмагов. В неурочное время она рекламировала бы косметическое мыло или духи (но не одеколон, если бы могла). Один из ее первых парижских этюдов - самый сенсационный и ничего не рекламирующий. Он был сделан Жанлу Сиефф в 1957 году, который был едва ли старше моделей, позировавших ему. Она сидит на табурете в гримерной, обнаженная и полная, и выглядит так, словно только что стерла макияж или слезы. Она извивается, выгибая шею, чтобы поймать объектив камеры. Нико похожа на газель.

"Нико считалась здоровой деревенской девушкой", - прокомментировала Энн-Мари Куазза. 'Такой имидж ей придали ее крупные, как яблоки, щеки и ширококостное тело, и к тому времени у нее были пепельно-русые волосы. Нико часто смеялся, что усиливало это впечатление. Если я правильно помню, ее повысили не как девушку из Германии, а как

Швейцария или Швеция. В то время в Париже рядом с нами на этой должности работали две немецкие модели, Нико и Анка, но они не считались немцами. Я не знаю, было ли это как-то связано с войной, потому что , по-моему, к тому времени все это уже должно было остаться в прошлом". Коко Шанель пережила нападки на своих пособников-нацистов. После войны она залегла на дно и только в 1954 году почувствовала, что может снова открыть свой салон, чтобы бросить вызов превосходству Диор, работодательница Вилли Мейвальд; она никогда не считала мужчин лучшими дизайнерами женской одежды.

Энн-Мари Куазза продолжила: * На снимках Нико выглядела очень эффектно. Она была волевой женщиной. В своих фотографиях она передавала настоящую индивидуальность. На самом деле, я бы сказал, что в этом разница между концом пятидесятых и сегодняшним днем, в проявлении модели как личности. В те дни вы открывали свой журнал и узнавали некоторых моделей по их индивидуальности. Моника Шевалье, Мари-Элен Арно, Николь де ла Марж, Сьюзи Паркер и Айви Николсон из Америки, Сандра Питерсон, Даниэль Лодер, чей отец был британской кинозвездой, — сейчас я уже не помню всех, но у них была особая индивидуальность, которую они раскрыли на фотографии. Я думаю , что позже, в шестидесятые, модели использовались больше для того, чтобы представлять читателя, а сейчас появилась определенная анонимность. Конечно , в первом отделе есть исключения, да и в мое время моделей было не так много. Эквивалентом Нико сегодня, по крайней мере, в качестве фотомодели, является кто-то вроде Клаудии Шиффер, тоже немки".

К девятнадцати годам Нико зарабатывала исключительно много денег. Она получила работу в новаторском модельном агентстве в Париже , которым руководил из скромного офиса недалеко от Трокадеро проницательный Дориан Ли, сестра Сьюзи Паркер. Нико зарабатывала от 80 до 250 долларов франков в час, или от 500 до 800 франков, если она была занята на целый день, - подсчитала Анн-Мари Куазза. - и я слишком хорошо помню, что именно Elle и Vogue платили меньше других, потому что считали себя более знаменитыми! В конце: "За каждый месяц она зарабатывала бы не менее 10 000 франков чистыми. [не менее 80 000 фунтов стерлингов чистыми в год по курсу 1992 года]. Она не спасла тебя * в твоем возрасте, кто спасает? Ты просто живешь!"

Нико лучше всего жила по ночам, когда. она сбежала из дразнящего мира Вилли Мейвальда и присоединилась к “своим друзьям-моделям” в подземных пещерах Сен-Жермена, рядом с ней был ее Ницше: “Все хорошее находилось в подвалах, под улицами, и находиться там было как наркотик”. Это была истинная идея богемы.’ Она

было немного поздно становиться настоящей богемой, потому что они вымерли в Франция столетием ранее — дерзкие молодые художники, которые ненавидели условности, носили неопрятную одежду и, что хуже всего, работали нерегулярно . Они были настоящей богемой Нико, “цыганами из общества”, которые делали вид, что пришли ниоткуда, и ниоткуда не собирались уезжать. По иронии судьбы, одной из любимых опер Нико была “Богема”, Облагороженная история Пуччини о романтической богемной любви в шоколадном-поздний Париж (она оправдала себя, добавив: “но мой любимый композитор - Доницетти’). Внизу, в пещерах, богема, к которой присоединилась Нико, была битниками, настолько богемной, насколько она могла найти в послевоенном мире.

Она сидела на шатких табуретках в подвальных барах среди настоящих бунтарей, фальшивых бунтарей, недовольных и не склонных к этому. Они были собраны вместе, чтобы поддержать имидж Сопротивления военного времени, вдохновленного его подпольной близостью и его миссией благотворительной подрывной деятельности. Пресса в насмешку назвала их “битниками”, после того как Российский спутник, с намеком на коммунистическое почтение. Однако Нико впервые почувствовала, что существует своего рода интеллектуальный словарь, который объясняет ее отчужденность от общества: “Мне потребовалось много времени, чтобы что-то понять, потому что это был иностранный язык внутри иностранного языка, но я знала, что я не одинока в своих мыслях’. Именно здесь она познакомилась с человеком, который изобрел Дадаизм,

Тристаном Тцарой, которому тогда было за шестьдесят, — своего рода дадаистским Хемингуэем, который красил ей голову , а не волосы (она сказала, что он научил ее играть словами).

Она ненавидела сырую, затхлую атмосферу — в те дни она не курила , — но наслаждалась беспорядком и спорами: “Я кое-что понимала в политике, которую обсуждали с умом. Это было время империалистической войны в Алжире, и я тайно поддерживал арабов против французской армии, но я не мог сказать об этом своим друзьям из общества, которые часто были противоположного мнения, но я мог сказать это в этих клубах. Мне всегда не нравились захватчики, и, конечно же, я являюсь их частью. Араб из-за моего отца.’ Ей понравилось, как политика сочетается со стилем в простой черной одежде (“Как у арабов - разве черный не идеальный цвет? За все?’). Прежде всего, ее интересовала музыка.

Нико сказала, что полюбила современный джаз в отеле “Луизиана”, где она услышала Диззи Гиллеспи, Бада Пауэлла и других, которых я забыл. Я не понимал этого языка до тех пор, пока позже не встретил профессора джаза, который научил меня всему. Но это была дикая музыка, противоречащая всем правилам, которые я знал тогда. Так что это была музыка, которой я мог восхищаться , но никогда не играть. И вообще, это была мужская музыка’. Она научилась

— Это ЛНР —

вместо этого, она сказала, чтобы дудеть конопли в отеле “Луизиана”. Поскольку она не курила, то с презрением относилась к сигаретной смеси из марихуаны и никотина, “хотя я курила трубку с гашишем, как ребенок курит первую сигарету — кашляла и кашляла, пока не покраснела. Тогда я слишком много смеялась, а мне не нравится быть уязвимой”. Поскольку на

следующее утро это ее утомляло, она решила курить марихуану, если вообще курила, то только субботними вечерами.

В сырых подвалах она слушала “как вы их называете? Шансон? Но шансон - это все песни. Они были похожи на песни протеста, но они не выражали протеста, а отражали, что меня вдохновляло. Я думаю, что на самом деле это были баллады.’ В пятидесятые годы, на пике популярности этого направления , Жак Брель, Борис Виан, Джозеф Косма и Жорж Брассенс сочинял блестящие, радикальные шансоны, которым еще не было равных по своей изящной поэзии и проникновенным мыслям. Нико обожала простоту исполнения — часто только вокалист, табурет, гитара: “Это все, что я делала, когда начинала сама”, хотя, как всегда, ей нужен был кто-то другой, чтобы играть на гитаре. Нико появилась на сцене в самом конце, вместе с туристами, когда ее любимая певица Джульетта Греко уже прошла путь от подвалов “Ле Табу ” и “Ла Роуз Руж” до большой концертной площадки “Олимпии”. Брижит Бардо была замечена в одном из таких мест, и теперь все девушки слонялись вокруг в ожидании роли Брижит Бардо, - ухмыльнулся Нико, забыв, как начиналась жизнь Одри Хепберн с Ансбахерштрассе. В лучшие свои времена богемная жизнь Сен-Жермена давала такому бунтарю, как Нико, удовлетворительный подход к жизни и смерти (“почти ничего нет”). В худшем случае это выставило напоказ презрительной прессе, а затем и глумливому Голливуду угрюмую фигуру одетого в черное битника с непроницаемым лицом, барабанящего по клавишам бонго.

Вернувшись в студию, Нико, начинающий битник, смог смириться с необычным миром модельного бизнеса, потому что “я был чужаком… Я не воспринимал это всерьез. Я мог смеяться… потому что я играл роль Нико”. Она пришла вовремя (или около того), была послушной и отлично справлялась с работой на протяжении всего сеанса. “Она была профессионалом и очень дружелюбной, и все же… немного необычной. Она придумывала истории , как ребенок, рассказывая, что только что увидела знаменитость на улице, хотя вы знали, что это совершенно невозможно. Но мы не возражали; мы приняли это как ее характер”, - отметила мадам Куазза. Лучшие работы фотомодели, добавила она, были сделаны за пределами студии. Поездки в города и на берега незнакомых стран были привилегией девушки с обложки Джоб и Нико путешествовали больше других: Швейцария, Австрия - из-за заснеженных пейзажей; Италия, Испания, Канары - из-за яркого солнца: “Я

уже не помню, куда я пошел. Все выглядело как в журнале. Я стал пресыщенным. В любом случае, я работал. Но я никогда не забуду свое любимое место - Ибицу. Думаю, я хотел бы там умереть.'

ТОБИАС, ЕЕ "ЗЛОЙ САМАРИТЯНИН", отвез Нико на Ибицу по работе; она ничего не знала об этом гористом острове у побережья Средиземного моря. Испания. Он работал там на нескольких фотосессиях для журналов и пригласил Нико на остальные - это был их шанс побыть вместе теперь, когда Пэрис была лишена его. Она влюбилась в этот изолированный остров, и ее привлекли дешевые дома, которые можно было там арендовать; климат был устойчивым, ландшафт нетронутым, а солнце создавало экстремальные сочетания лучезарного света и глубокой тени. Более того, это было место для отдыха в нерабочее время. Оно сохранило свою проверенную временем репутацию пристанища гедонистов и пиратов. Там поселилась небольшая колония богемных художников, "около 50 иностранных художников, в основном американцев", - вспоминал Виктор Брокс, один из них. "Там были писатели, такие как Джозеф Хеллер, который написал "Уловку-22", поэты, джазовые музыканты, но в основном художники - Боб Томпсон, Фрэнк и Джин Шварки… Они были там из-за света и идиллической атмосферы. Те немногие туристы, которых мы видели, по какой - то причине были в основном немцами". Испания все еще была фашистским государством, управляемым полицией Франко ("Немцы чувствуют себя в Испании как дома. Они могут ходить на пляж в ботфортах'). В 1953 году немецкая газета Der Kurier опубликовала обширную статью об Ибице:

За этими древними стенами, которые пережили века , люди могут жить дешевле, чем где-либо еще в мире, благодаря местной рыбе и овощам, хлебу и козьему молоку. Немцы могут снять здесь

жилье дешевле, чем на любом другом курорте Европы.

Вы белите дома и ворота дважды в год, весной и осенью, и собираетесь вместе на набережной в утренних лучах, когда заходят пароходы с товарами из Валенсии, точно так же, как финикийцы и карфагеняне отправляли свои корабли на залитые солнцем острова, чтобы обменять их на золотой сок оливок. Здесь Это счастье.

Загорелое, пропитанное оливковым маслом заключение отчета раскрывало

как идеально этот остров подходил такому томному человеку, как Нико: “ На Ибице не задают вопросов. Вы не считаете ни часы, ни

переживай из-за их ухода”. Проблема была в том, что именно так она вела себя везде.

‘Однажды мы услышали от местных жителей историю о том, - рассказывает Брокс, - что самая красивая девушка в мире собиралась переехать жить на Ибицу, но Гражданская гвардия наложила на нее множество ограничений. А именно - она должна все время оставаться полностью закрытой на виду у публики, она должна как можно реже выходить из дома в дневное время, она не должна вести себя вызывающе и она должна полностью оставаться сама по себе [“Вы не задаете вопросов на Ибице”]. Нам говорили, что она была чрезвычайно красива, но необычна и хрупка как личность. Среди нас, представителей богемы, было принято решение, что мы будем думать о ней только хорошее - так было принято в те дни. “Битники Ибицы могли видеть , как она прогуливалась по городу, одетая во все черное: черный шарф на голове, черные солнцезащитные очки, черные перчатки, и

длинное черное одеяние до пят. Она была скрыта от посторонних глаз, как послушная мусульманка. “Это было потрясающее зрелище, - размышляла Брокс, - необычное, совершенно экстраординарное”. Самым необычным из всего было то, что Нико согласилась с этими зловещими ограничениями. Нико могла бы объяснить это тем, что она играла Нико. Тем не менее, она знала , что никогда не выглядела лучше, чем в черном.

Однажды на Ибице Нико решила, что ее мать тоже должна приехать на каникулы. Она заплатила за проезд, встретила ее со слезами на глазах в Барселону и доставил ее на остров на пароме. Они прибыли в порт Ибицы, так как главный город на юге и весь остров носят одно и то же название. Нико нашла небольшой домик для аренды за 500 песет в месяц в переполненном и шумном городском районе са Пенья, окруженном стеной, но ее матери это не понравилось, и Нико нашла ей отдельный дом в миле от порта, в более спокойном Фигеретасе. Когда она платила за два дома, ее наличные деньги вскоре закончились: “У нас было два месяца великолепия, пока у меня не закончились деньги, и мне пришлось занять немного на корабль и поезд до Парижа’.

Ибица стала для Нико портом во время шторма на всю оставшуюся жизнь, а год спустя, когда Нико сняла дом, и для ее матери тоже (хотя ее мать штормило в порту). Привлекательность острова заключалась не только в тепле, праздности и успокаивающем ощущении отсутствия времени. Нико все больше и больше привлекали наркотики и парни , которых она могла найти после наступления темноты, когда рассеивалась черная пелена и она могла завести друзей в барах. С одной стороны, в городе были битники, которые очень хорошо отзывались о ней, а с другой - накачанные плейбои, приехавшие на каникулы из материковой Испании, из

чьи роскошные вещи мать Нико считала действительно очень привлекательными.

Именно на Ибице, во время обычных отпусков из Парижа, Нико девятнадцати, двадцати и двадцати одного года медленно проникал под кожу богемы. В каждом поколении есть свои отступники, и каждое поколение их восстанавливает. Присвоение происходит все быстрее, и каждый признак неповиновения поглощается и ослабляется с отработанной скоростью. Когда Криста была ребенком, немцы заставили индейцев навахо и французских зазу восстать против нацистов. Непокорных детей схватили, отвергли с насмешками и повесили. Потребовалось целых пять лет, чтобы туристические автобусы из Сан-Франциско, Манхэттена и Парижа заезжали в клубы и бары, где жило поколение битников пятидесятых. Над хиппи середины шестидесятых смеялись целый год, прежде чем на пригородных рынках начали продаваться кафтаны и бабушкины очки. Семидесятые Через полгода панк стал популярным товаром. Рейверы 1988 года, которые танцевали на Ибице, когда умер Нико, уже были поглощены. Однако еще в пятидесятые годы, в возрасте девятнадцати лет, Нико решила, что ей больше нравится жить эстетической жизнью диссидентствующей богемы: она хотела “вообще ни во что не верить”, потому что “все глупо” и “все, что мы делаем, вредно”. Она хотела быть “бесцельной”. Она согласилась с тем, что художники-битники “создавали что-то сами”, они были “в поиске”, и это был единственный способ жить в обществе, основанном на “эксплуатации”… и ограниченности взглядов. Но хихикающую девушку с обложки, которая развлекалась на фотосессиях и званых обедах, подспудно привлекло главное значение слова “Быть битой” ~ избитая, уставшая от мира. Джек Керуак писал в 1955 году: “Здесь мы имеем дело с косточками и черносливовым соком бедной, избитой жизни и пафосом людей на ужасных улицах”.

Ибица не была городом, где можно было бы полакомиться косточками и черносливовым соком. У битников не было времени на излишне мрачную линию, за которой следовал Нико; они весело проводили время на солнышке. У артистов были довольно хорошие наркотики, которые помогали им в их сложной задаче - создавать очень хорошие вибрации. Как говорится, они “писали в своем дыму”; марихуана и смола каннабиса были такой же частью их рациона, как и вино. Большая часть поставок была доставлена паромом из Северной Африки, особенно из Марокко: ” Найти каннабис было так просто, как будто его собрали в саду”, - сказала Нико голландской журналистке, которая не была уверена, насколько буквально она это понимает. “Глупо запрещать его выращивание. В любом случае, ничего незаконного быть не

должно, но когда-то кофе был запрещен, а теперь это бизнес. Однажды мы будем покупать каннабис в бакалейной лавке точно так же, как кофе — сублимированный в больших банках. Нет, его лучше продавать в магазинах деликатесов. Вы могли бы сначала попробовать его следующим образом

_____ ___ __ __

“——— ХА, мм…” —— ДА, это так “—

козий сыр’. Ее друзья-битники не могли собирать тяжелые наркотики в саду, но при должной осторожности могли покупать их на задворках баров.

Нико вращался между двумя социальными слоями города, обе группы были связаны своей преданностью марихуане; богатые молодые плейбои любили покурить, запивая спиртным (” В те дни все пили “Куба Либре”, потому что Баттиста все еще правил Кубой”). В уединении на своих лодках — моторных катерах и яхтах, пришвартованных в порту, - вечеринки, на которые приглашали Нико, подпитывались легкими наркотиками. Нико утверждала, что помнит одного молодого человека, который поделился с ней одним или двумя косяками марихуаны. Его звали Хуан Карлос, сказала она, Хуан Карлос де Борбон и Борбон-и-Борбон. Теперь он король Испании Хуан Карлос. “Это не единственная королевская особа, которую я встречала. И он не единственный , кто употреблял наркотики. Например, есть принцесса Маргарет Английская, а все жители Монако - наркоманы. Но я думаю, что, должно быть, лучше быть принцем, чем королем. Сейчас он, должно быть, очень скучный. Он много лет был марионеткой фашистов, и я думаю, что такие люди , как он, уезжали на Ибицу, чтобы сбежать от этой скуки. Вскоре после того, как я с ним познакомилась, он женился на принцессе из Греции. Я могла бы пойти на свадьбу, но вместо этого мне пришлось рожать ребенка. Они могли бы выбрать для этого более

подходящее время”.

Ее мать уже планировала женитьбу Нико. В гавани Ибицы она заметила идеального мужа. Хвастовство было его девизом, и Грета считала его самым обходительным дамским угодником в порту, набитом плейбоями; очевидно, он был самым богатым среди них. Нико говорили, что “в его жилах течет королевская кровь… [он] был белой вороной в семье и любил ходить босиком”. Но он был известен в городе по другой причине. “О, это он!” Он был городским плейбоем. Он был придурком. Он всегда был пьян. Все это было показухой, и он привлекал впечатлительных девушек. Я думал, у нее было больше здравого смысла”, - смеется одна из жительниц острова . Но это было не так. Она узнала его слишком быстро. Нико очень хотелось остаться на своей яхте, которая, по его словам, “стояла в гавани”. Это была чистая правда: это была старая лодка, пришвартованная к борту клуба “Наутико”, и с нее сняли двигатель. “Мы много выпили, и ничего не произошло”, - призналась она.

Теперь Грета оказывала давление на свою девятнадцатилетнюю дочь, чтобы та вышла замуж. Возможно, она была смущена тем , что полностью полагалась на заработок своей дочери, или, возможно, не видела другого способа сдержать детскую романтизацию Нико, или, возможно , хотела ограничить ее выдающуюся карьеру. Но это действительно кажется странным выбором времени

чтобы попробовать это в начале карьеры Нико в одной из самых высокооплачиваемых профессий, которые только может найти женщина. Как сказала Хельма, Грете никогда не обращала особого внимания на деньги. Давление, которое она оказывала на свою дочь, скорее всего, усиливалось из-за ее собственного непостижимого одиночества.

Нико решила, что теперь ее мать должна постоянно жить в Ибица вместо Берлина, и быть настолько близко к небесам, насколько

это возможно на земле. “Все наше хозяйство в Берлине моя мать продала за 1000 немецких марок”, - написала Нико. Она продала все, включая свое оборудование для пошива одежды . Ее сестра Хельма, однако, видела, что Ибица не была раем для Греты: “Она уехала на Ибицу, и ей больше нечего было делать ; она бросила свою профессию, а ей еще не было и 50 лет. Дом на Ибице, который мы арендовали, был обставлен по выбору моей сестры. Мебель привезли из Валенсии. Помню, там также был красивый камин. Но встречать было некого. Нико думала, что все это будет замечательно, но она не продумала все практические проблемы, и, чтобы заработать деньги на дом, Нико пришлось работать в Париже, Риме и так далее. Она нечасто бывала там со своей матерью. Я думаю, что моя сестра подружилась с немецкой школьной учительницей на острове, женщиной, но я не думаю, что их дружба продлилась долго. Там не было мужчин. Ни одного. Моя сестра заболела, у нее заболела голова. Я не думаю, что Нико понимала эту трагедию. Становилось все хуже и хуже, и моя сестра была вынуждена справляться с этим в одиночку.’

‘ЭНДИ УОРХОЛ СКАЗАЛ МНЕ, что вам не обязательно знать много людей в одном месте, чтобы познакомиться с другими, которых стоит знать. Это работает до тех пор , пока люди, которых вы знаете, в первую очередь те, кого вы знаете”, - заявил Нико. Те, с кем она познакомилась в Париже, безусловно, подходили Нико, то есть были знамениты. Она уже создала свою призрачную семью: Мейвальд был ее призрачным отцом, Мальдонадо-Босток - ее призрачным возлюбленным, Тобиас - ее призрачным братом, а манекены - ее призрачными сестрами. Париж был ее призрачным Берлином, Ибица - игровой площадкой Люббенау. Теперь ей нужны были друзья, а не семья; ей нужны были знаменитые друзья. Нико никогда не искала встречи со знаменитостями из соображений снобизма; ее привлекал их гламур. Всю свою жизнь она оставалась девочкой-подростком, сидящей в заднем ряду кинотеатра и глазеющей на захватывающих дух полубогов на экране. Теперь она видела их в реальной жизни, в обществе, в клубах, барах и на званых обедах. Гордостью группы были Маркванды.

Марквандами были французские Фонды. Кристиан Маркванд был привлекательным актером испано-арабского происхождения, который играл главную роль

N

| | |

3 1956-1959

во французских и голливудских фильмов, который начал свою карьеру в Жан Красота Кокто и зверь Кэ сразу после войны. Нико впервые увидел его на экране вместе с Брижит Бардо в фильме Роже Вадима “И Бог создал Женщину. Его брат Серж тоже был известным актером. Там была Надин, кинорежиссер, замужем за кинозвездой Жан-Луи Трентиньян; а Тина, жена Кристиана, родилась в Голливуде в семье очаровательной Марии Монтез и Жан-Пьера Омона, “месье-воплощения мечты” из немецких журналов для подростков Криста буквально обожала их. Ужин у Маркуандов мог вызвать у Нико слюноотделение; он стал двойной темой для киношных сплетен.

Маркуанды были “немногочисленными людьми”, которые познакомили ее с ” другими, кого стоит знать”. Благодаря им она познакомилась с двумя звездами, которые помогли ей сниматься в кино. Первым был элегантный актер Морис Роне, который только что закончил съемки в фильме “С гордостью назовем ее имя в Англии”. Он вовлек Нико в приключение, которое закончилось рождением ее ребенка. Во-вторых, она познакомилась с потрясающей Сильвано Мангано, которая была известна не только как киноактриса — наиболее известная сегодня благодаря роли матери мальчика в фильме “Смерть в Венеции”, - но и как жена Дино Де Лаурентиса, международного продюсера. Нико пригласили пожить в их квартире в Риме, и это предложение странным образом привело к ее дебюту в кино.

Нико рассказала прессе три разные истории, по крайней мере три из них, о том, как она получила роль в “Сладкой жизни”. Она могла бы рассказать сколько угодно версий ; и Дино Де Лаурентис, и Федерико Феллини сказали: “Я действительно не помню, как это произошло”. Она уже дважды в год бывала в Риме. Римские кутюрье изо всех сил старались вытеснить Париж с поста торгового центра и использовали в качестве помощников таких топ-моделей, как Нико:

Итальянская индустрия моды шагает вперед семимильными шагами. Кутюрье и производители изучают цвета, дизайн и фактуры хлопка и тонкой шерсти, а также традиционных шелков и цветных мехов… проблема в отсутствии организации. Было бы неплохо сказать , что Рим - это город, в котором бизнес сочетается с удовольствием. К сожалению, удовольствие здесь смешивается с еще большим удовольствием, что плохо сказывается на бизнесе.

Лондонская “Таймс” опубликовала отчет за апрель 1958 года , когда пресса начала уделять много внимания коллекциям итальянской моды. Половину покупателей в Риме составляли немцы, и Нико демонстрировал последние новинки модной одежды.

Нико

рисует для читательниц журналов Гамбурга, Мюнхена и Берлина, к большому ее неудовольствию. Но Рим избавил ее от дурного вкуса. Рим стал для нее призрачным Парижем: “Итальянские мальчики такие красивые. Вы сидите в кафе и смотрите на улицу Виа Венето, и это похоже на конвейер богов. В любом случае, вам приходится сидеть и смотреть, потому что обслуживание ужасное. Некоторые итальянцы начали соглашаться с придирчивыми иностранцами, Нико и The Times. Они заметили, что богатые жители Рима вели приятную и пустую жизнь, называемую “сладкой жизнью”, а бедные расплачивались за это. Экономика находилась в состоянии постоянного кризиса, а атмосфера упадка препятствовала социальному развитию. В то время как Нико попробовала свою первую дозу расслабляющего кокаина в глубине римского бара, режиссер Федерико Феллини планировал фильм, который отразил бы пустоту “сладкой жизни”. Но он все еще искал название.

НИКО СЧИТАЛА, что в Риме царит благословенный хаос, и больше всего это было связано с ее участием в съемках “Сладкой

жизни”, печально известного фильма, который помог ей уйти из модельного бизнеса и окунуться в реальный, поддельный мир славы. Самая длинная версия из трех историй, которые она рассказала об этом, включала в себя более отсталые черты двух других: “Я гостила в Риме у Сильвано Мангано, моего друга, в ее доме с мужем и их детьми (которые теперь сами стали продюсерами). Это было летом 1958 года, после весеннего модного сезона. Сильвано могла дать мне много советов, потому что она была моделью и сменила профессию [не совсем, но она была Мисс Рим 1946]. Ей нравились азартные игры, и она познакомила меня с рулеткой, к которой я мог пристраститься; с тех пор я люблю играть. Однажды в квартире произошел большой скандал, двое мужчин кричали друг на друга, было очень шумно, и я услышал , как что-то разбилось. Я спустился вниз и увидел, как мистер Де Лаурентис пытается помешать Феллини уйти. Забавно наблюдать за спорами итальянцев. Они похожи на борцов, которых разняли. Они часто размахивают руками, но перед ними - только воздух. Это невидимая борьба. Но здесь были кинопродюсер и кинорежиссер, занимавшиеся невидимой борьбой. Феллини увидел меня. Тогда он был еще не так стар, около Мне кажется, ему 40 лет [ему было 38], и он очаровательный мужчина. Мистер Де Лаурентис был намного старше [ему тоже было 38]. Думаю, Феллини увидел меня и заинтересовался. Но он был в плохом настроении и в бешенстве ушел.

‘Позже я узнал, что мистер Де Лаурентис дал Феллини много денег на создание нового фильма [предварительная подготовка обошлась в 100 000 долларов].

и ему не понравились эти идеи. Конечно, фильм был “Сладкая жизнь”. Он хотел, чтобы в нем снялась американская звезда, а

Феллини хотел Марчелло Мастроянни. Я думаю, Де Лаурентис хотел, чтобы Джеймс Дин умер [нет, это был Пол Ньюман]. Но Феллини хотел, чтобы Сильвано тоже сыграла главную роль в фильме ; так что он задолжал эти деньги ее мужу, и это было типичное безумие кинобизнеса. Мистер Де Лаурентис настаивал на том, что сценарий не сработает, и, в конце концов, вы знаете, он был прав, потому что Феллини пришлось многое изменить и импровизировать, и это был очень длинный фильм. В итоге у них получился фильм продолжительностью в десять часов [это, по-видимому, верно]. Энди Уорхол мог бы показать его на двух экранах и сократить время вдвое, но итальянцы не столь экспериментальны. Поэтому они внесли правки, и у них изнашиваются ножницы. Все равно прошло три часа, а для итальянцев это долгий срок , чтобы посидеть в кинотеатре. Я думаю, именно поэтому Папа Римский пытался запретить это.

“Следующим летом я снова был там и встретил нескольких друзей в кафе на Виа Витторио Венето, которые сказали, что работают над этим фильмом, и это было безумие, потому что Феллини не знал , как все будет развиваться, и никто не понимал историю. Он также хотел снять сцену оргии, но никто не знал, как это делается. Ну, я подумал, что могу им помочь, хотя , конечно, никогда не участвовал в оргиях. И они отвезли меня в “Чинечитту”, это большая студия. Муссолини построил его, чтобы снимать плохие фильмы. Я был со своими друзьями, и на столе стоял какой-то реквизит. Я взял подсвечник с фальшивой подсветкой и просто поднял его. Нет, это был канделябр. И Феллини увидел меня, подбежал ко мне и сказал: “Я мечтал о тебе. Я узнаю твое лицо. Ты будешь чудесно смотреться при свечах. Ты, должно быть, звезда “Сладкой жизни”. Должно быть, я попала в его мечты , когда он увидел меня в доме. Он представил меня Марчелло Мастроянни, который был очень привлекательным для своего возраста (ему было 35 лет). “Как тебя зовут?” он спросил. - Нико. “Нико идеален. Если я назову его имя до того, как ты появишься, зрители подумают, что к ним идет мужчина. Тогда они увидят тебя, и это будет сенсация!” Именно это и происходит в фильме.

* Что мне показалось самым забавным, так это то, что первая сцена с Мастроянни должна была состояться в кафе на Виа Венето. Знаете, тогда было очень шикарно находиться на Виа Венето. У всех столиков были зонтики от солнца, и атмосфера была очень оживленной. Все старались выглядеть красиво и… ну, они были итальянцами и очень старались, вот только итальянцы похожи на маленьких лилипутов. Я всегда боюсь наступить на

кого-нибудь из них. Итак, я думал, мы снимаем сцену на Виа Венето.

61

Нико

Но - это было потрясающе - в студии построили фальшивую Виа Венето. Я оставил настоящую Виа Венето, чтобы отправиться на ту же самую Виа, но более ровную. Вот почему я считаю, что снимать фильмы такого рода так глупо.'

Для тех, кто никогда не знал Нико как рассказчика, должно быть ясно, что ей потребовалось три беседы с писательницей , чтобы так много рассказать о "Сладкой жизни". Паузы, которых были сотни, были отредактированы (на итальянский манер). Феллини еще в 1959 году сыграл на этой черте характера Нико. Она сказала ему, что беспокоится об актерской игре. Он попросил ее сыграть Нико, модель. Он верил, что она будет играть саму себя. Она верила , что уже играет роль; Нико-модель - это роль, которую она уже сыграла. Она не знала, как сыграть эту роль дважды, "одно за другим". Первый совет Феллини "вести себя естественно" был худшим, что он мог дать этой двадцатилетней женщине с "менталитетом одиннадцатилетнего подростка'.

Чтобы помочь ей, Феллини попросил ее сделать что-то, совершенно противоречащее ее натуре. Таким образом, по его расчетам, ей придется играть эту роль. Он попросил ее говорить, быть словоохотливой, говорить и говорить на протяжении всех сцен. Заткнуться она могла только тогда , когда с ней разговаривал Мастроянни. Она могла говорить все, что угодно, на любом языке, потому что потом всегда можно было добавить что-нибудь еще - типично итальянское понятие, которое является проклятием для многих кинозрителей. Нико практиковалась в разговорной речи. Она придумывала свои собственные языки и тараторила на непонятном языке. Мастроянни это нравилось. Это стало характерной чертой их импровизированных диалогов:

Марчелло: | На каком языке ты сейчас говоришь? Нико: Эскимос. Хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо…

Появление Нико в фильме настолько важно, что неудивительно, что Феллини набросился на нее. “Сладкая жизнь” повествует о распутных и бессвязных похождениях скучающего журналиста Марчелло и его любопытствующего фотографа по прозвищу Папарацци (признаком выдающегося положения этого фильма является то, что он дал свое имя любопытствующим фотографам сенсационной прессы - папарацци). Они проходят через девять извилистых разделов, каждый из которых раскрывает напряжение и недомогание, лежащие в основе “сладкой жизни”; какая ирония в том, что сейчас этот фильм превозносят как символ целой эпохи. В первой части Марчелло колеблется между двумя женщинами: его старой возлюбленной Маддаленой и потрясающей секс-богиней , которая приезжает в Рим. Эту роль играет бывшая мисс Швеция Анита Экберг, блондинка, сластолюбивая. Фильм черно-белый, и она

это серебро. Анук Эме играет постаревшую Маддалену, смуглую, замкнутую.

Остальная часть фильма посвящена поиску этого визуального, динамического баланса. Пепельно-русые волосы Нико и ее искрящаяся внешность создают определенную гармонию. Они сделали ее шведкой, как и Экберг. Ее появление, как и предсказывал Мастроянни, “сенсационное” (это сцена 75, если считать всех). Он проходит сквозь шумную толпу в кафе “общество ” на Виа Венето и замечает Нико за кадром:

Марчелло: ^ Нико! [Нико появляется справа от камеры, спиной к камере, с копной ярких светлых волос. Она поворачивается к нему анфас]

Марчелло: | Нико! Как ты?

Нико: Марчелло! Я собираюсь в Бассано, в замок моего жениха.

Марчелло: | Почему бы тебе не взять меня с собой? Папарацци хочет сфотографировать тебя для модного журнала.

Нико: Я закончил работать моделью год назад. Так что хватит.

Они находят машину, за рулем которой старая герцогиня со своей таксой, и отправляются в замок. Нико, проявляя виртуозную драматургию, умудряется говорить на протяжении всей сцены. В замке, который называется Бассано ди Сутри, сегодня вечеринка. Она проводится в честь Нико и ее жениха, принца:

Маддалена: Это Джулио и Нико, его возлюбленная-шведка. Она будет принцессой. [Нико смеется и кусает своего жениха за палец]

Позже Нико надевает рыцарский шлем и расхаживает с ним по залу.

Такой я помню ее с шестидесятых годов. Скромная, но немного дерзкая. Она была такой, какой вы видите ее в “Сладкой жизни”. Ей определенно не нужно было сниматься в этом фильме!” - заявил фотограф Дэвид Двор замка.

“Когда я знал ее, она была точно такой, какой вы видите ее в “Сладкой жизни”. Помните ту сцену, где она много смеется в замке? Она вставляет металл! на голове у нее был козырек, а вокруг - лошади. Такой она могла быть, как ребенок, игривой, милой и по-настоящему веселой”, - вспоминал композитор Джексон Браун.

“Я помню ту сцену в “Сладкой жизни”, где она кусает парня за палец . Вот какой она была”, - более мрачно сказал композитор Джон Кейл.

Возможно, они запомнили ее лицо, но никто не мог вспомнить имя, которое было указано в титрах. Это была Нико Оцак, и никто не знает почему.

Во время съемок Нико познакомился с Анук Эме, которая сыграла Безумную Далену. Она рассказала, что кинозвезда сказала ей: “Забавно, что тебя зовут Нико. Моего мужа звали Нико. Сейчас мы в разводе. Он был Грек, и раньше он управлял ночным клубом в Париже.

Нико не осмеливался произнести ни слова.

ЕЕ ФРАЗА ‘Я закончила работать моделью год назад. С меня хватит’ исходила от чистого сердца. Нико четыре года снималась на обложке, шесть лет была моделью, и с нее было достаточно. Ей был почти 21 год, она была абсолютно бесцельной, но очень амбициозной. Съемки были совсем не такими веселыми, как она думала ; вокруг было слишком много народу, и техники , казалось, были в центре внимания больше, чем она сама — “Сумасшедшая!’ Но в жизни должно быть что-то большее, чем позирование, подумала она; должно быть что-то творческое, что она могла бы сделать. Она обдумывала варианты , пока пару недель после съемок бродила по шикарной светской жизни Рима. Нико начала замечать, как наркотики, выпивка и озорство прекрасно сочетаются, когда ей было скучно, но больше всего ей нравились азартные игры.

Ей нравились карточные игры и рулетка. ‘Когда вы играете в азартные игры, вы либо верите, что все зависит от случая, либо от судьбы. Я родился под знаком Весов в середине месяца, поэтому я очень фаталистичен. Я люблю играть в азартные игры, по крайней мере, когда могу позволить себе проиграть. Но мне нравится играть в эти игры, и еще больше мне нравится в них выигрывать”. Нико вспоминала, что именно в Риме она впервые осознала важность астрологии. - Это не вопрос рационального мышления, но вы можете объяснить это таким образом, вот что я узнал. Посмотрите на море. Приливами управляет Луна. Мы не можем

управлять морем, но Луна может. То же самое происходит и с нашей жизнью. Планеты и звезды определяют ее с того момента, как мы появились на свет. То же самое и с женскими проблемами [менструациями]. Они изменчивы , как море.’

Возможно, ее жизнью занимались звезды, но не ее дневник. Она вдруг вспомнила, что у нее были назначены съемки в другом фильме, по-настоящему хорошо организованном. Нико отплыл на пароме, чтобы присоединиться к съемочной группе на великолепном итальянском острове Искья. То

£<““=— 9 ””———- 0!”————

работа была найдена для нее через ее друга Мориса Роне, обходительного киноактера (а позже режиссера культового фильма “Бартлби”). Фильм был снят на французском языке и назывался “Пленэр Солей”. В разные периоды своей знаменитой жизни он был известен во всем мире. Америка и Англия - как Пурпурный полдень, Пылающее Солнце или Жажда Зла, в зависимости от грубости его распространителя. Его темой были обман и двуличие. Этот фильм-триллер в стиле нуар, представляющий собой элегантную версию романа Патриции Хайсмит, должен был сниматься на яхте - своеобразной декорации, которая была фирменным блюдом режиссера Рене Клемана. Он только что получил премию “Оскар” за иностранный фильм “Запрещенные игры”, за портрет двух детей (очень похожих на Кристу и Ульриха), которые целыми днями обустраивали кладбище для мертвых животных. Он терпеть не мог студии и восхищался техническими проблемами, связанными с маленькими и неудобными помещениями.

Клеман был педантичным, одержимым деталями человеком. У него не было времени на бездельников. И уж точно у него не было времени на Нико. Приехав, она обнаружила , что ее роль была

передана обычной французской актрисе, Мари Лафоре. Нико была потрясена вдвойне: она упустила свой шанс и впервые обнаружила, что ее роль - главная женская (хотя это был во многом “мужской фильм’). Еще больнее ей стало, когда фильм получил хорошие отзывы зрителей. Исполнитель главной роли подошел и подставил ей плечо, чтобы выплакаться. В качестве утешения он предложил увезти ее на несколько дней в какое-нибудь интересное место. Влюбчивого молодого актера в главной роли звали Ален. Делон. Нико была на седьмом небе от счастья, когда встретила его; он был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела. По ее словам, она знала, что судьба свела их вместе. Ее мать уговаривала ее выйти замуж, и вот он, тот самый мужчина.

“Мы уехали ненадолго и влюбились друг в друга”, - вспоминал он. Нико, хотя сомнительно, что Делон помнил что-либо подобное. В то время его постоянной любовницей была другая немка, очаровательная актриса Роми Шнайдер, которая также появилась в фильме, - женщина, чья печальная жизнь во многом совпадает с жизнью Нико. 23-летний Ромео когда-то был парашютистом во французской морской пехоте, и между его крепким телосложением, крепкой осанкой, компактной фигурой, элегантными манерами и миловидным лицом существовал удивительный контраст. Делон был французским Джеймсом Дином, и Нико познакомилась с ним в самом начале его блестящей карьеры. Он и по сей день остается культовой кинозвездой, которую обожают и ненавидят, а также за которой безжалостно следят авторы светской хроники. Даже когда Нико только познакомился с ним, Делон был демонически амбициозен. Через пять лет он основал собственную продюсерскую компанию, с помощью которой активно избавлялся от своего имиджа симпатичного мальчика

и превратился в крутого парня, которым он наслаждался как на экране, так и за его пределами. Нико назвал его “самым опасным

человеком, которого я когда-либо встречал'. Делон хвастался своими связями с преступным миром, и это очаровало ее еще больше. "Он был похож на цыгана, - утверждала она, - с выразительным взглядом и темными волосами, и я хотела его для себя. Я никогда раньше не чувствовала себя такой собственницей. Всякий раз, когда я его видела, это было очень эмоциональное чувство . Моя рука дрожала, как дрожала рука моей матери, когда она болела, я не могла это контролировать.'

Вдали от съемочной площадки Plein Soleil Нико заявил, что провел с ней несколько дней по острову, чтобы 'влюбиться'. После всего лишь нескольких дней "влюбленности" они разошлись по своим рабочим местам: Делон - в Рим и Висконти, Нико - в Париж и Мейвальд. Друг, который знал их обоих, сказал, что "для их жизней было бы лучше , если бы они оба утонули там, на Искье, - все, что угодно , лишь бы они больше не встретились и не сделали то, что сделали".

4 1960-1964

Как ясно Она сияет!

И это будет моим сном сегодня ночью — Я буду думать, что небеса из великолепных сфер Движутся по своему пути света

В бесконечном блаженстве на протяжении бесконечных лет;

я думаю, что наверху нет ни одного мира.,

Насколько могут видеть эти напряженные глаза,

Где мудрость всегда смеялась над Любовью, Или Добродетель склонилась к Позору;

Где, корчась под ударами Судьбы,, Искалеченный негодяй был вынужден улыбаться,; Чтобы соответствовать своему терпению, а не ее ненависти,, Его сердце все это время бунтовало;

Где удовольствие все равно приведет ко злу, И беспомощный разум напрасно предостерегает; И правда слаба, а предательство сильно; А радость - самый верный путь к Боли.

(ЭМИЛИ БРОНТЕ, 1843)

С] Мне БЫЛ 21 год, КОГДА я ВСТРЕТИЛ Уильяма Берроуза в Париже. Я остановился в маленьком отеле на площади Контрэскарп, а он жил по соседству. Я сидел в баре, и он нашел предлог, чтобы поговорить со мной.

Он сказал, что пишет книгу и поместит в нее меня, хорошенькую

молодая девушка сидит в баре. Я не знаю, что это за книга. Вы

знаете это?" Музыканты Нико серьезно уставились в пол. Наконец один из них подал голос: "Но, Нико, разве ты не рассказывал нам ту же историю о

Эрнест Хемингуэй на прошлой неделе?' ' О да, он тоже там был.

Нико придумывал истории о случайных встречах ("Это был вопрос судьбы, а не случайности. Рулетка - азартная игра, но я думаю, что жизнь - это вопрос судьбы'). Никто не мог понять почему; она могла бы рассказать гораздо больше удивительных историй о случайностях, которые на самом деле были правдой. И все же она чувствовала себя обязанной солгать, если правда проливала свет на ее семью,

либо ее физическая, либо призрачная семья. Вот почему она никогда никому не рассказывала замечательную историю о том дне, когда встретила настоящего Нико. Однако настоящему Нико было нечего скрывать: "Это был 1960 год. В то время я жил в Нью-

Йорке, хотя у меня также была квартира в Париже. И Я знал девушку китайского происхождения по имени Чайна Мачадо - она была модным редактором Harper's Bazaar. И тем летом мы решили приехать в Париж отдохнуть, хотя работа всегда была рядом. Она организовала фотосессию для Дика Аведона в Париже, отчасти для того, чтобы воспользоваться этим визитом. Так вот, Китай пригласил меня на ужин, который они устроили в студии во время фотосессии. Мы сидели за большим столом - Аведон, Мачадо, модели, я — и вдруг Чайна окликнул меня: "Нико!" В этот момент девушка, сидевшая рядом со мной за столиком, повернулась и уставилась на меня. - Нико? - позвал я. Я сказал "да". "Ты живешь в Париж?" Да. - У вас был ночной клуб? - спросил я. Я сделал. Она ответила: "Меня тоже зовут Нико, из-за тебя". С этого момента мы никогда не расставались. В течение двух лет мы решили жить вместе, Нико и Никоночка. До той истории с Делоном.'

Нико Папатакису было тогда 42 года, это был привлекательно красивый мужчина, которого Нико хотела бы соблазнить, какой бы слабой ни была ее вступительная фраза. Его мать была эфиопкой, отец - греком, и он родился в Аддис-Абебе. Молодой и активный, он поселился в Париже после войны и открыл ночной клуб "La Rose Rouge" ("Красная роза") на Левом берегу. Вместе с "Табу" это был центр для "нового поколения", жаждущего шикарных богемных развлечений в сырых подвалах. Папатакис обслуживал социальный мир бунтующих интеллектуалов - представителей богемы, которые стали битниками, - и, как всегда, когда интеллектуалы становятся бунтарями, их мир состоит из выпивки, наркотиков, секса и песен. Он поставлял напитки и песни. После того, как философ Жан-Поль Сартр посетил концерт певицы Джульетты Греко, пресса окрестила все это мероприятие "экзистенциалистским", хотя сам Сартр ответил, что "оно было таким же экзистенциалистским, как туалет".

Когда в 1951 году Папатакис женился на кинозвезде Анук Эме, их шафером был Жан Жене. Они не знали, что их шафера вскоре должны были освятить, хотя и не в церкви. В течение года он стал известен как Святой Жене, благодаря книге Сартра с таким названием, в которой он описал историю о том, как Жене , нераскаявшийся вор и гомосексуалист-проститутка, стал выдающимся писателем, который "поместил добро в ад, а зло - в рай'. Папатакис был близким другом Жене - настолько близким, что он продюсировал его печально известный фильм "Un Chant d'amour" ("Песня о любви"), метафорическое, немое, черно -белое исследование гомосексуалистической любви в тюрьме. Фильм

был запрещен к показу

во Франции и других странах уже более двадцати лет. Сегодня Папатакис - уважаемый режиссер семи культовых фильмов, сюжеты которых тесно связаны с сюжетами Жене. Его первый фильм в качестве режиссера “Бездны” (1963), был снят по пьесе Жене “Служанки” и, в свою очередь , был объявлен вне закона после того, как во время его презентации в Каннах в 1963 году чуть не вспыхнули беспорядки Фестиваль. Его последний фильм “Эквилибристы” (“Канатоходцы”) (1991), основан на реальной истории о любовнице Дженет, которая погибла в результате падения. В нем есть персонаж по имени Криста Паффген.

“Мы жили вместе, Нико и Никоночка”, - вспоминает Папатакис. ‘Когда-нибудь кто-нибудь кричал: “Нико!” мы оба оборачивались. Конечно, это было странно, но в то же время прекрасно , что между нами была такая маленькая игра.“Папатакис был одним из первых, кто перелетел Атлантику на новейших самолетах, чтобы навсегда объединить бизнес и развлечения, Европу и Америку. Он пригласил Нико присоединится к нему, путешествуя между континентами. Благодаря связям , подобным тем, что были в Harper’s Bazaar, она получила достаточно работы для съемок на обложке в Нью-Йорке, чтобы самой оплачивать дорогу и жить. По словам их друзей, их отношения были “игривыми и невинными, с приступами ярости”, “скорее братом и сестрой, чем мужем и женой; они были скорее братьями и сестрами, чем любовниками”. Папатакис был на двадцать лет старше (Мейвальд был старше на тридцать лет). Он ответил, что *Нико отличалась удивительной непосредственностью. Она могла быть наивной во всем. На самом деле она была очень застенчивой, но в то же время могла быть слишком уверенной в себе. Это было результатом ее замкнутости, и все же она постоянно находилась на виду у публики — она была противоречивой.

‘Следующим летом [1961 года] она взяла меня с собой на Ибицу, чтобы познакомить со своей матерью, и из этого стало ясно, где кроется источник некоторых ее проблем. Ее мать нервничала и переживала из-за вещей , которые мы воспринимали как должное. Она думала, что соседи что-то замышляют против нее, что они

причиняют ей зло за ее спиной. Дело в том, что Нико была очень привязана к своей матери. Она заботилась о ней, поддерживала ее как мать, хотя и не осознавала, в чем проблема. Этот защитный аспект Нико Нико была очень сильной женщиной, и это было важно понять в ее жизни.

Папатакис принял странности Нико, потому что был поражен ее удивительной физической красотой: “Внешность Нико была потрясающей. Она никогда не была той, кого можно назвать классической красавицей, но совершенно уникальной. Своеобразный. Я никак не мог прийти в себя от того, что строение ее лица, с точки зрения ритма, было таким исключительным, а еще эти огромные кости… Но она не могла всю жизнь полагаться на этот образ. Я видел это

Нико

в ее карьере должны были произойти перемены. Карьере модели скоро придет конец. Это начинается в возрасте чуть за двадцать, и я хотел, чтобы Нико была к этому готова. Это было нелегко, потому что она никогда не относилась серьезно к своей работе моделью, хотя и была профессионалом. Она была амбициозной. Она хотела стать художницей. Это неудивительно, потому что на протяжении всей ее жизни ее окружали художники. Так или иначе, она была художницей.

“Я проводил много времени, слушая певцов и разговаривая с ними, из-за “Красной розы”. В те дни была не только “Греко”, Я слышал и общался со многими. Я дошел до того, что мог по их речи распознавать, умеет ли кто-то петь. Я распознавал таланты и поддерживал некоторых артистов, и к тому времени, когда я встретил Нико, я мог отличить поющий голос от голоса говорящего. У Нико был такой глубокий тембр. Однажды в Нью-Йорке (я бы сказал, в 1961 году) я спросил ее: “ Ты поешь? Ты могла бы петь”. Она не задумывалась об этом. Поэтому я отвел ее к преподавателю вокала в Нью-Йорке. Сейчас я не могу вспомнить, кто это был, просто учительница пения. Она училась там, а также в актерской школе - студии Ли Страсберга “Актерская студия”.

Папатакис был прав, что смотрел в будущее. К тому времени

Нико уже бралась за работу модели, которая открывала перед ней слишком широкие возможности. Однажды она позировала в последних образах Мадлен де ла Рауш для Harper's Bazaar , но за этим последовала дешевая реклама кольдкрема. Совершенно очевидно, как ее имя было выдвинуто на эту конкретную должность:

НЕОКОЛ действительно омолаживает кожу шеи и устраняет все недостатки. Я гарантирую оптимальную эффективность полного курса лечения Неоколом.

Искренне ваша, Жанна Пиобер.

Попробуйте это дома - Neocol.

На обложке одного из выпусков Elle Анн-Мари Куазза изображена в новейшем жакете Chanel из красной с золотом шерсти, а внутри - соломенная шляпка.- блондин Нико в домашнем халате в лососевую клетку надменно стоит, сжимая в руках новейшую модель посудомоечных машин Electrolux: "Все чисто… Пять человек моют посуду за шесть минут!" Карлос де Мальдонадо-Босток просмотрел объявление: "Боже, она уже выглядит уставшей до слез. Сколько ей лет на этом фото? 21, 22, 23? Она выглядит ужасно, как домохозяйка, как ее ужасная мать. Слава богу , сегодня никто не увидит ее вещей.' Анна-Софи Моне, самая Шведская модель, подчеркнула, что Нико был "хорошей моделью, очень профессиональной-70

сионал, хотя к тому времени было очевидно, что она не воспринимала это всерьез. Я думаю, она просто хотела заработать денег и заняться чем-то другим, хотя чем, я не знаю. Я думаю, она бралась за любую работу, какую бы ей ни предлагали — она

всегда была занята. Она зарабатывала ужасно много денег.’

Нико и Папатакис вместе с Карлосом и Анной-Софи (которые поженились) совершали трансатлантические перелеты в разные сезоны. В то время Папатакис работал с режиссером Джоном Кассаветисом над его первым фильмом. Кассаветис, родители которого были греками, откладывал часть денег, заработанных им в качестве Джонни Стаккато, крутого чувака-частного детектива из популярного сериала, который раскрывал преступления и взрывал джаз в богемных барах, и на эти сбережения Папатакис создал “Тени”, провокационный портрет расизма, в котором он выступил сопродюсером. Тем временем Нико подписала контракт с самым известным модельным агентством в мире, Eileen Ford в Нью-Йорке.

По словам Нико, Эйлин Форд отвела ее к личному врачу Форда, который регулярно давал Нико сильные таблетки амфетамина, чтобы похудеть. (Амфетамины тогда еще не были запрещены законом.) По словам Нико, именно с этого момента началась ее будущая наркотическая зависимость. По крайней мере, так было Заявление Нико. Эйлин Форд, по-прежнему президент Ford Models Инкорпорейтед, не помнит никакого Нико. С другой стороны, Энн-Мари Куазза, несомненно, работала на Эйлин Форд в 1962 году. ‘Она была нам как мать. Нас было так мало, и мы были для нее как дети. Она организовывала вашу работу, места, где вы останавливались , и ваш досуг, она создавала ваш образ, она заставляла вас работать, и она знала вас. Эйлин Форд брала вас с собой куда—нибудь вечером и сопровождала, и вы в этом очень нуждались - мы, маленькие иностранцы в этом чужом большом городе! Мисс Форд тоже заставила вас работать. В первый же день, когда я приехала, грязная и уставшая, ‘сбитая с толку”, как мы бы сейчас сказали, она заставила меня провести фотосессию с Ирвингом Пенном. Наверное, это была худшая фотосессия в моей жизни! Но я должен сказать, что не могу припомнить Нико среди них, а Эйлин наверняка запомнила бы кого -то вроде Нико. Возможно, Нико работала в другом агентстве - по-моему, было такое, которое называлось Plaza Five, но в нем не было стиля Эйлин Форд”.

Нико написала, что “на данном этапе моей жизни для меня не было слишком много работы, кроме бесцельной беготни по острову Манхэттен. Наверное , “спид” (или таблетки для похудения)… это придало мне больше энергии. Какое-то время она жила в Вест-Виллидж и часто встречалась с поэтом Алленом Гинзберг на улице; у них завязалось “приятное дружеское

знакомство”, - написала она, знакомясь с этим термином.

71

Нико

Помимо занятий пением и актерским мастерством, она научилась водить машину. Представление о том, что Нико водит машину, долгое время оставалось предметом шуток среди ее многочисленных музыкантов, но их насмешки относились к категории “женщина-водитель’. Она просто показывала им свои американские права и просила показать их. Как только она смогла легально водить машину, она купила красный спортивный автомобиль “Феррари”, модель, которая получила подходящее название “Берлинетта”. “Она не очень долго им пользовалась. У нее был роман с каким-то мужчиной, который украл их у нее и исчез, - проворчала тетя Хельма. - Она просто не знала, что делать со всеми этими деньгами, которые у нее были, вообще не представляла. Ей нравилось устраивать вечеринки, она приглашала на них весь мир. Ей нравилось купаться в деньгах.’

Карлос де Мальдонадо-Босток вспоминает то время именно так: - Все было довольно весело. У меня было жилье в Нью-Йорке на Восточной 48-я улица, и каждый вечер там было полно друзей. Насколько я знаю, там не было наркопритонов; мы все равно знали, как хорошо провести время. Мы ходили в клуб под названием “Л’Интердит”, расположенный рядом с Отель “Готэм”. Мы заходили туда и угоняли “Феррари”, устраивали подобные розыгрыши. У нас совсем не было денег, мы были бедны как церковные мыши, но все равно прекрасно проводили время. Мы часто путешествовали… Но, знаете, забавно , я просто не могу вспомнить, откуда у нас брались деньги.’

Анна-Софи подчеркнула, что у Нико всегда были деньги, и она всегда покупала что-нибудь для всех. Еда, напитки, маленькие подарки. Когда бы она ни приходила ко мне, она всегда приносила цветы. Я думаю, что некоторые люди пользовались ее щедростью. Было очевидно, что она хотела завести друзей. Щедрость была искренней, но также она хотела укрепить свою дружбу. Я знаю, что ходят разговоры о лесбиянстве. Да, она

хотела, ей нравились многие девушки. Она обожала их, но я не думаю, что это было что-то большее, чем желание подружиться с ними. Я думаю , что частью этого было умение рассказывать истории. Она придумывала истории, всегда что-то придумывала, не сходя с места. Она сделала это, чтобы было что сказать, чтобы заинтересовать вас".

"У меня был роман с Жанной Моро", - заявила Нико своему менеджеру. Позже она добавила, что "Жанна Моро тогда работала над фильмом с Франсуа Трюффо о любовном треугольнике [Жюль и Джим, 1961]. Интересно, можете ли вы сказать по фотографии, что она счастлива от любви к женщине, а не к мужчинам, в которых вы должны верить ?" В "уважаемом Жюле и Джиме" Моро одновременно простодушен и сознательно соблазнителен. Тогда она была на десять лет старше Нико и, безусловно, более стройной. "По крайней мере, она не была типичной женщиной", - намекнул Нико. "Она красива и загадочна. Она привлекает ваше внимание одним взглядом, именно такими и должны быть сильные люди". Нико когда-то был

на вопрос, кто ее любимая киноактриса. "Бетт Дэвис", — ответила она, - "или ее сестра - как ее зовут?" "Ее экранную сестру звали Джоан Кроуфорд". 'Нет, ты имеешь в виду Жанну Моро".

"У Нико были романы с женщинами, и я помню, как она рассказывала мне о Моро", - размышлял Карлос де Мальдонадо-Босток. "Она считала, что быть лесбиянкой - это шикарно. Это было похоже на то, что она читала Ницше; вероятно, она носила книгу с собой , потому что это было модно. То же самое и с ее платьем - ей было все равно , как она выглядит за пределами студии. Это тоже была мода, богемная мода. Это своего рода показной бунт, и она переняла это у других людей. Она все равно была красивой , ей все сходило с рук, она могла носить все, что угодно, и выглядеть потрясающе. Но ей было все равно. Богема борется с обществом, но она боролась не столько с обществом, сколько с самой собой. Она была нигилисткой. Нигилисткой она

стала не потому, что читала Ницше, ей просто нравилась эта атмосфера пустоты, ничто. Видите ли, это уже было в ее жизни, ей не нужно было вдаваться в подробности. Вероятно, это делали другие люди

для нее, знаете ли, надели атрибуты, из-за которых все казалось более наигранным, чем было на самом деле. Вероятно, это были те же самые люди, которые забрали

использовала ее деньги, я бы не удивился. Что , черт возьми, она сделала со своими деньгами?'

Нико ЧАСТО называла себя нигилисткой: "Я нигилистка, поэтому должна признать, что мне нравится разрушать, но у кого-то должна быть причина уничтожить себя'. В другом месте: "Что касается религии, то, к счастью, с раннего детства нигилизм казался мне наиболее подходящим решением с тех пор, как я начал мыслить'. Книга Ницше , которую девушка с обложки носила с собой, называлась "По ту сторону добра и зла", или , скорее, "Йенсайт фон Гут и Босе", поскольку у нее была оригинальная немецкая версия — при этом Нико была более рациональной, чем претенциозной. Хотя ее друзья, по понятным причинам, предполагали, что она никогда не читала эту книгу, ее взгляды на жизнь основывались на трактате, насколько она его понимала . "Его стиль старомоден, как будто он только что переписал Библию'. Это было правдивее, чем она думала, поскольку предыдущей книгой Фридриха Ницше была "Так говорил Заратустра", которую он написал в стиле Священных Писаний. В своей книге "По ту сторону добра и зла" он предупреждал о 1886 году, что люди будут бороться против бессмысленности жизни, которую они наблюдали, теперь, когда "Бог умер". Они заменят абсолют, которого им не хватало, новым - национализмом; нация придаст своей жизни новую цель.

Чтобы прийти к такому выводу, Ницше исследовал истоки

мораль, и сделал это, проследив этимологию слов “добро ” и “зло”. Он верил в два вида морали - грубо говоря, в привилегированную мораль хозяев и в развращенную мораль рабов. Именно рабская мораль определяла кодексы Господства как дегенеративные. Гордыня считалась ими греховной и заменялась смирением. Свободу они превращали в послушание. Когда Нико читала подобные вещи, она чувствовала себя оправданной. Моральный кодекс Мастерства был ей больше по душе — никто никогда не обвинял Нико в смирении или послушании. Гордость и независимость были ее хобби. На этом же основывалось ее презрение к национализму. Нико считала, что, будучи нигилисткой, она противостоит отталкивающему, лицемерному стремлению к угнетению и геноциду , характерному для национализма, который она не только видела мельком, но и пережила.

Она воевала на два фронта, когда она преподносится ее Ницше круглый шикарный погреб клубы левого берега. Прежде всего вот этот Mádcben, это арийская немецкая девушка, вцепившись в работе одного из Любой философов Гитлера. Единственное, чего ей не хватало , - это повязки со свастикой на рукаве и хлыста для верховой езды. Дело было не только в ее внешности. Ей нравилось провоцировать реакцию в разговоре, притворяясь, что она обожает фашизм, но всегда в тоне, который она считала ироничным. Одной из ее подруг была киноактриса Зузу, которая, казалось , была прообразом Нико в ее карьере — от модели до актрисы и певицы — и в ее романах. В 1961 году Зузу снялся в первом фильме Бернара Блиера “Гитлер, которого я не знаю”. Нико насмехался над Зузу: “Я знал Гитлера, и с ним все было в порядке. Ее близкие друзья никогда не считали ее нацисткой, но она легко поддавалась претенциозности и насмешкам. Ее картонный спутник Ницше оказал влияние на Сартра и экзистенциалистов, но только влияние, а не источник. С течением лет Нико все более решительно цитировала Ницше в своей версии, навлекая на себя всевозможные неприятности. Не только участники пикетов в Дании называли ее фашистской коровой.

Во-вторых, она была девушкой с обложки. Позже она была девушкой с обложки, которая снялась в кино. Еще позже она стала девушкой с обложки, которая занялась пением. Наконец, красавица, ставшая наркоманкой. В тринадцать лет, в возрасте, когда ее, по всей видимости , изнасиловали, она была девушкой; в 21 год она была девушкой с обложки; в 26 лет она была “новой

девушкой Нико”; в 35 - “девушкой-певицей”; даже в возрасте 44 лет рецензент назвал ее “старой доброй девочкой Нико’. Когда она не была девушкой, она была подружкой. Мальчик, читающий Ницше, - признак продвижения по службе, но девушка с обложки, читающая Ницше, считается просто позерством. Ее противоречия и постоянные выдумки отчасти объяснялись тем, что

простая борьба, которую она предприняла, чтобы преодолеть удушающее окружение, созданное вокруг нее теми, кому она доверяла и кого любила (‘Не любовниками. Никогда. Никто не мог полюбить ее. Она была невыносима’).

НИКО ВЗЯЛА НИЦШЕ с собой на экскурсию. Америке, как ей сказали в Ибица (по мнению американцев) была родиной битников. Ей предложили прочитать “Дорогу в страну Оз”, библию битников, написанную дизельным маслом Джеком Керуаком, и она прочитала половину книги, прежде чем решила, что “в ней слишком много слов”. Вместо того, чтобы читать ее, она заявила, что будет проживать ее в дороге. Однако сначала, как истинный битник, она должна была подумать о своей карьере. Сначала она брала уроки пения, ла-ла-ла-ла, поднимаясь и опускаясь по гаммам, а затем занялась актерским мастерством. Она заплатила свой гонорар и каждую неделю появлялась в актерской студии, и, как она помнила, время для этого было выбрано идеально, потому что студия тогда не была полна эгоцентричных ничтожеств, обычно встречающихся в таких местах; вместо этого “Мэрилин Монро училась в моем классе. Это было очень захватывающе”. Никто не может отрицать, что Монро была там, поскольку в то время студия не вела записей. Вполне возможно , что в конце 1961 года Мэрилин Монро и Нико (как вариант, Норма Джин Бейкер и Криста Паффген) сидели в одной комнате и смотрели, как Ли Страсберг расталкивает толпу новобранцев. Мэрилин Монро , несомненно, пользовалась услугами Страсберга и время от времени заглядывала на сеансы

даже в конце своей жизни. Она преклонялась перед Страсбергом, как и Нико.

Польский еврей Ли Страсберг вырос в Нижнем Восточном районе Нью-Йорка Сторону и получил актерское образование в социалистических театральных труппах Тридцатые годы. Его многочисленные поклонники утверждают, что как "художественный наследник великого русского актера и режиссера Константина Станиславского, Страсберг воспитал поколения лучших актеров и актрис мира, включая Джона Гарфилда, Марлона Брандо, Джеральдин Пейдж, Пола Ньюмана"., Ева Мари Сейнт, Мэрилин Монро, Джейн Фонда, Стив Маккуин, Джеймс Дин, Дастин Хоффман, Энн Бэнкрофт, Аль Пачино, Деннис Хоппер и многие другие. Его техника была известна как Метод - так говорили его недоброжелатели, потому что он был "шарлатаном, который превращал актеров в наркоманов'. Хотя Нико была "бесчисленным множеством других", она с гордостью говорила, что "я была ученицей Ли Страсберга" (однако те, кто присутствовал, считались не студентами, а членами студии). 'В актерской студии я научилась быть самой собой", - сказала она, и в этом есть доля правды. Трудно представить, что же, черт возьми, Ли Страсберг мог бы научить ее.

Есть три истории, касающиеся Нико и актерской студии. Она сама сказала, что в ноябре 1961 года работала с

Нико

Сын Страсберга Джон в пьесе Уильяма Страсберга “Привет, там, снаружи” Сароян, иногда в маленькой квартирке на углу 78-й улицы и парка Авеню, в старом таунхаусе, в то время как Лили Мур, подруга и модель, уехала на зиму в Лапландию [!], сдав мне свою квартиру в субаренду”, а иногда “в резиденции родителей Джонни в Сентрал-Парк-Уэст’. Было бы интересно послушать, как Нико обращается к всеамериканским речам Сарояна, хотя один из мужей Мэрилин Монро, драматург Артур Миллер, действительно отзывался о Сарояне как о “недоступном человеке, который очень любит дружбу и одиночество и понятия не имеет о цене доллара”. это говорит о нем как о кандидате на роль брата-близнеца Нико.

Во-вторых, Нико рассказала искаженную историю о том, что по какой-то неясной причине , связанной с иммиграцией, ей посоветовали не рассказывать “людям из НьюЙорк” о своем истинном происхождении, и поэтому она внезапно стала албанкой. Нико, однако, беспокоил ее явный немецкий акцент, и она надеялась , что занятия со Страсбергом помогут ей избавиться от своего “иммиграционного звучания”. Страсберг отвергла это предположение, поскольку было бы “абсурдно терять [свое] европейское качество”. Она пришла к выводу, что скорее останется иностранкой, чем иммигранткой: “На самом деле нужно быть Еврей, чтобы быть настоящим иммигрантом”. Она поделилась этой мыслью с Элией Казан, родившимся в Греции режиссером фильма “На Уотерфронт, который тогда работал над фильмом “Америка, Америка” об иммигрантах. Казан иногда преподавал в актерской студии, хотя и не в начале шестидесятых. Нико все равно познакомилась с ним, возможно, сначала через Папатакиса, и, по ее словам, он сказал ей: “Что бы ты ни делала, делай это в свое время. Не делай этого при других”. С тех пор я верю ему на слово”.

Наконец, Нико однажды рассказала эту историю против самой себя. Когда она заговорила По-английски ее гласные звучали удлиненно, как ее кости; интонации, которые она произносила,

позже стали постоянной шуткой Энди. Команда Уорхола. В актерской студии Ли Страсберг разработал дыхательное упражнение, в котором попросил актера спеть “С днем рождения” , растягивая слоги, но сохраняя мелодию. Он пропел ‘Хааа-пи-и”. Страсберг крикнул: “Нет, дольше”. Актер пропел: “Хаааааааа-пиииииииии”. ”Нет, дольше”. Он пропел: “Хаааааааааа-пиииииииииии”. “Нет! Дольше!” *Хаааааааааа… - Страсберг повернулся к Нико: - А теперь попробуй ты.

‘ХАААААААААААААААААААААААААААААААААА АААААА…’

‘ Нет! Короче! Короче!”

Однажды ноябрьским вечером 1961 года, когда она разучивала общеамериканские реплики из “Привет, там”, ей позвонил мужчина, который

она прочитала, что только что поселилась в отеле “Сент-Реджис”, и поздоровалась с ним. Он пригласил ее к себе. Она не видела Алена Делона два года, но ее рука дрожала. Он по-прежнему был самым красивым мужчиной , которого она когда-либо видела, и по-прежнему “самым опасным’. Они прокатились взад и вперед по Манхэттену на ее спортивной машине и ” трижды были остановлены копами за превышение скорости” (она не уточнила, было ли ее превышение скорости делом дорожной полиции или отдела по борьбе с наркотиками). Нико была одержима Делоном, и он потакал ее одержимости. Она спала с Делон был в отеле, и они зачали своего сына. Делон отказывается распространяться на эту тему, но маловероятно, что он был соучастником донорства. В те дни существовал обычай испытывать оргазм - мужчина отстранялся непосредственно перед кульминацией. Противозачаточные оболочки были | * дразня мачо, таблетка только-только появилась на свет, а другие громоздкие приспособления еще только предстояло изобрести. И Делон, и Нико были Католики в своем роде и делали естественные вещи, которым учат католиков, но они “все портили и портили”, как

заметил один мой друг. Другие считали, что Делон воспользовался “девушкой, которая была готова идти до конца”, или что Нико воспользовался его желаниями. Но, по мнению Делона, к утру все было кончено

.

‘Я как раз уезжала в Париж, - вспоминала Мальдонадо-Босток, - когда Нико пришел в себя, очень счастливый и взволнованный: “Я только что переспала с Аленом Делоном!” Это было похоже на то, что Белоснежка встретила своего принца. По какой-то причине она была одержима этим ужасным человеком”. Четыре месяца спустя в Париже, Нико появился в салоне Chanel во время весенних показов 1962. ‘Я помню, как однажды она появилась, вся загорелая”, - заявила Энн-Мари Куазза (Нико была в командировке на Багамах). Она сказала нам: “Я самая счастливая девушка в мире. Я встретила самого красивого парня в мире. Я хотела ребенка, и теперь он у меня будет от него!” Мы все посмотрели на нее. “Кто он такой?” “Ален Делон!” Можешь себе представить, какое воцарилось молчание. “Но, Нико, он не твой парень”. “О, нет, нет”, - ответила она. “Нико, ты сумасшедший!” “Но я ничего от него не хотела. Я не просила об этом. Я просто хочу иметь собственного ребенка”. Для нее это было похоже на сказку.

Она написала матери, чтобы сообщить ей чудесную новость. Грета была подавлена. Она увидела, как перед ней всплыло ее собственное прошлое. Криста родилась незаконнорожденной, и этот незаконнорожденный плодил еще одного незаконнорожденного. Она хотела, чтобы Криста вышла замуж, а не плодилась. Как говорила ее сестра, “Это было похоже на греческую трагедию”; судьба повлияла на семейную линию. Грета сказала дочери, что та должна сделать аборт, сейчас, немедленно, пока не стало слишком поздно, чтобы предотвратить катастрофу. Криста была непреклонна.

Она сделает то, чего сначала требовала ее мать. Она выйдет замуж, она выйдет замуж за отца; просто все произошло наоборот, вот и все. Мать и дочь были потеряны в мире, где мужчина волен уклоняться от ответственности , предписанной genesis, а женщина обязана компенсировать это.

Нико Папатакис по-прежнему был партнером Нико, но он узнал о беременности позже всех остальных. “В то время я был в Париже, работал над фильмом Кассаветиса “Тени”. Если я правильно помню, Нико была в Париже, но она позвонила мне. Она была очень странной, ей , очевидно, было трудно в этом признаться. Она сказала: “Я беременна, и отец ребенка - Делон”. Хорошо, я сказала, если ты любишь этого мужчину и хочешь оставить ребенка, это твое дело. “Я хочу оставить ребенка”, - ответила она. Я спросил, ты уверен? “Да, да”. Почему? “Потому что я хочу отвезти ребенка к Алену Делону, показать ему и выйти за него замуж”. Я была удивлена. Я сказала, хорошо, но мы расстанемся. Нам пришлось расстаться из-за того, что она сказала, а это было опасно. Тогда я предупредил ее, я действительно предупредил ее: “У этого человека было много романов, и ему было все равно. Пожалуйста, не пытайтесь шантажировать Делона. Не шантажируй его”. Для нее все это было похоже не на что-то реальное, а на что-то из фильма.’

ОНА ДУМАЛА О ФИЛЬМАХ. “Сладкая жизнь” завоевала Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале 1960 года, хотя объявление было заглушено яростным улюлюканьем христианских фанатиков. Фильм, к большому сожалению, не понравился зрителям. “Восторг Нико” был заклеймен как “парад нигилистов, развратных и праздных отбросов общества, которым нечего предложить обществу, кроме отвратительного запаха”. Но все запомнили ее лицо; ее сразу же начали искать для других постановок. Феллини сказал ей, что ему бы очень хотелось снова использовать ее , но, честно говоря, она была слишком ленива для дисциплины съемок. Тем не менее, она рассматривалась на главную роль роковой женщины в другом знаковом фильме шестидесятых, “В прошлом году в Мариенбаде” (“Анна дерньер в Мариенбаде’). Это был бы отличный выбор для Нико, учитывая его тематику — загадку памяти - и обстановку, представляющую собой дворец с бесконечными коридорами и казино рядом с ним. В то время как молодые На эту роль была приглашена Дельфина

Сейриг, а с Нико был заключен контракт на что-то более приземленное. Ей предстояло сыграть главную роль в крупном фильме со встроенным многоязычным названием “Стриптиз”.

Режиссер полетел с контрактом на Багамы, где Нико снимался в фотосессии для Harper’s Bazaar. Жаку Пуатрено было 40 лет, и он был “настоящим солдатом”. Он был одним из многих режиссеров, В том числе и Папатакис, который висел на фалдах французских *Новых

— /C(C(CÓCÓÉÓÉÓÉÓÉÓÉÉ———c—”!“ÉOoe 0Ó0OÓ
_____

4 1960-1964

В начале шестидесятых “Волна” возродила кинематограф, чтобы воплотить в жизнь свои собственные проекты; никогда еще французская киноиндустрия не была так загружена , как в 1962 году. Пуатрено, должно быть, был поражен, обнаружив , что его исполнительница главной роли беременна. Ребенок должен был родиться в августе, съемки фильма должны были начаться ненамного позже. Нико пообещала, что к ноябрю сможет приступить к работе , и у нее будет прекрасная няня - ее мать.

Беременную сопровождали шведки Анна-Софи и Карлос Нико отправилась на Ибицу. Энн-Софи вспоминала, что “Мы провели там месяцы июнь и июль. Нико арендовала дом для своей матери, который находился на холме недалеко от города Ибица. Было страшно видеть ее мать, потому что она явно была больна. Она развивалась У него была болезнь Паркинсона, но еще было что-то не в порядке с психикой. Проще говоря, у нее была паранойя - все были против нее, пытались отравить. В отношениях между ними произошла своего рода перемена : мать стала для дочери ребенком”. Карлос де Мальдонадо-Босток добавил: “Этот маленький домик был чем-то вроде низкобуржуазного; у меня от него мурашки по коже. Там была потрясающая женщина, мать,

которая была похожа на хозяйку, а Нико - милая маленькая девочка Гретхен. Но физически они были полной противоположностью — мать была худая, а Нико высокий, - и в психологическом плане мать полностью полагалась на Нико, потому что в остальном она была абсолютно одинока. Я думал, что она отвратительна. Может быть, я жесток, но именно так это и выглядело.'

Анна-Софи предполагала, что мать останется на Ибице, но Грета отказалась остаться. Она хотела присутствовать при родах Нико; она настаивала на том, что, хотя она может заболеть, у нее, по крайней мере, есть опыт. 'Нико хотела, чтобы ребенок родился в Париже, она хотела, чтобы ее ребенок был французом, поэтому нам пришлось вернуться с матерью', - вспоминает Анн-Софи. "Вы не представляете, как это было трудно. Во-первых, Нико из-за беременности не разрешили лететь самолетом, поэтому нам пришлось добираться до Парижа на лодке и поезде. Мы провели ночь в Барселоне - Нико, ее мать и я. Мать начала выть. У нее началась истерика, ей показалось , что за ней гонятся незнакомцы, начались пугающие галлюцинации. Нико попросила меня сводить ее маму на пляж в Барселонетте - думаю, она думала, что это успокоит ее. Мы просидели там два часа или больше, и все это время она была непредсказуема. Затем нам предстояла поездка на поезде, и это действовало на нервы, потому что мать реагировала нестабильно, привлекала внимание и не поддавалась контролю. В Париже у меня была маленькая квартирка на улице Жакоб, и

Я отказалась от этого, чтобы Нико и ее мать могли оставаться вместе во время родов".

Нико

Нико поступила в клинику в Нейи-сюр-Сен, шикарном пригороде к западу от Парижа, 9 августа 1962 года. Нико Папатакис отвез ее в клинику. - Там ему негде было переночевать, - заметил Карлос, - поэтому я позвонил своей подруге Жанник, которая предоставила ему койку. Затем произошла задержка. В ту ночь, 11-го, когда это случилось, мы все были у Реджины, в старом доме, а не в том

ужасном новом. Папатакис был с нами. Он был в ужасном состоянии, ждал телефонного звонка из клиники, ждал новостей. Я должен сказать вам, что Папатакис был хорошо известен своим характером — вы знаете, он сильный человек. Я помню, как однажды жил -был бразильский художник по имени Мандела (сейчас он мертв), и Папатакис защищал его от нападения трех алжирцев… В общем, позвонили из клиники. Я никогда не слышал, чтобы кто-то так жестоко разговаривал по телефону! Он оскорблял всех подряд. Выяснилось, что хирург решил сделать кесарево сечение, чтобы лишить Нико ребенка. Папатакис был вне себя от ярости. Он настаивал на естественных родах. Я склонен с ним согласиться. Он бросил трубку и вылетел от Реджины в больницу".

Папатакис добавил: "Я был зол на это высокомерие хирурга. Такие мужчины всегда хотят открыть людям душу! Он не имел права обсуждать это с Нико, который был не в том состоянии, чтобы спорить. Итак, я приехала, и ребенок тоже. Поскольку в то время я был поблизости, я мог соблюсти одну из формальностей и "объявить" о рождении ребенка в ратуше, что является французским обычаем. К сожалению, я считаю , что это должна делать семья, а Нико не была знакома с этим и не имела возможности заниматься бумажной работой". У нее родился сын, которого назвали Кристиан Аарон. Они записали предполагаемую фамилию матери, Паффген.

Из этого можно сделать вывод о трех вещах: подписи, шраме и имени ее сына. Единственным документом, связанным с рождением, было свидетельство, подписанное Нико Папатакисом. Почему именно он? Это потому, что он действительно был отцом? Один из друзей Нико высказал мнение, которое, по слухам, было распространено в УМЭ: "Она жила с Папатакисом в период зачатия. Делон отрицает свою ответственность. Нико была влюблена в Делона. Она много чего придумала. У мальчика смугловатый цвет лица' Однако факты говорят против этого. Во-первых, мальчик вырос похожим на Делона; это одна из первых вещей, которые вы замечаете в нем. Во-вторых, Папатакис не брал на себя ответственность за ребенка, он только присутствовал при рождении, в то время как мать Делона позже взяла на себя ответственность. В-третьих, есть показания Мальдонадо-Босток: "Папатакис был порядочным парнем. Он был честен в этом вопросе. Я думаю, он просто хотел, чтобы с Нико обращались правильно.

Он прожил с ней два года и все это время был добр к ней. Я думаю, что у них была романтическая связь, почти без физической близости. В отличие от Делона, он просто вел себя благородно.'

И еще есть шрам. Позже Нико часто упоминала о шраме на теле, полученном в драке. Иногда она говорила, что получила его от Джона Кейла, иногда от Игги Попа, или от насильника, или от чернокожей лесбиянки в баре. Она никогда не упоминала о его источнике - операции кесарева сечения. Помимо Возмущенный естественными родами, Папатакис, должно быть, подумал , что Нико - модель, чье тело должно быть идеальным. Хуже того, она как раз собиралась сниматься в фильме, где по контракту должна была сниматься обнаженной.

Наконец, имя ребенка - Кристиан Аарон. С - для Кристы и А - для Алена (у Алена Делона есть еще как минимум двое детей, Энтони и Анушка), конечно. Сегодня он известен всем как Ари, уменьшительное от Аарона. Ари считает, что Аарон произошел от имени Пола Ньюмана, персонажа фильма об Израиле "Исход", и его матери просто понравилось это имя. Однако в его полном названии христианское имя сочетается с еврейским, что является очень удачным выбором. Прежде всего, Аарон означает "маленький лев", а Ари родился под знаком Лео, лев.

Нико покинула клинику и поселилась со своей матерью в прекрасной студии в Марэ, которую Папатакис арендовал для нее. Она не знала закона, касающегося гражданства. Она предположила, что Ари теперь француженка. 'Она не считала нужным что-либо излагать на бумаге", - прокомментировал Мадам Поледит Субье, сводная сестра Алена Делона. ' Она была Немка, и она хотела сына-француза. По закону это было невозможно , потому что у нее не было отца, ничего не было зарегистрировано ни на имя отца, ни на имя кого-либо из французов. Как гражданка Германии , она должна была обратиться в консульство Германии в Париже, которое является эквивалентом нашей ратуши, для регистрации Ари. Так что он не был… Немцем, он не был французом, он вообще никем. Когда он достиг совершеннолетия, а во Франции ему исполнилось четырнадцать, он стал лицом без гражданства. Это был полный абсурд, и причиной тому была ее наивность. Но ведь именно так

она и жила. Сама она не была гражданкой Германии, она была с какой-то маленькой планеты, бедняжка.'

Через шесть недель после родов Нико решила, что было бы неплохо отвезти ее малышку на Ибицу (это также была полезная уловка, чтобы уберечь ее мать от беды). Нико сняла для себя апартаменты в новом многоквартирном доме у гавани. Снова одевшись в черное , чтобы угодить Гражданской полиции, Нико уносила маленького Ари из своей квартиры в дом ее матери на холме каждый раз, когда он становился ребенком.

горсть. Занавески были задернуты, и в тишине Нико могла расслабиться в одиночестве и разучить сценарий своего стриптиза. Чтобы помочь себе в обучении, она купила последнюю новинку - магнитофон, чудовищную машину весом в тонну. Однако вскоре она обнаружила, что может найти ему лучшее применение. По вечерам из своего номера над спальней она часто слышала современные джазовые импровизации, исполняемые на разных инструментах. Она записывала их на пленку, просто так. В редкие осенние жаркие дни она слышала сверху мягкие звуки флюгельгорна, исполнявшего импровизированные рапсодии ("это была тренировка на трубе"), и записывала это на пленку.

Однажды утром сверху донесся звук не флюгельгорна, а футбольного мяча - удар, крик и шлепок, когда он упал на ее балкон. Несколько минут спустя она открыла на осторожный стук в дверь. Она открыла его красивому молодому Виктору Броксу, джазовому и блюзовому музыканту из Манчестера, Англия. Это был его футбольный мяч, его флюгельгорн и его джазовая группа, которую Нико поймал. Она пригласила его войти и ошеломила тем, что тут же включила кассету с записью выступления группы. 'Нам , богеме на острове, было сказано оставить ее в покое, — вспоминал он, - и мы так и сделали, так что я нервничал, как маленький ребенок: "Пожалуйста , можно нам вернуть наш мячик?" От ее вида просто захватывало дух (черная одежда и длинные светлые волосы), но она была очень застенчивой. Ее

интересовала группа свободной музыки, которой я руководил, и она хотела знать все о джазе и блюзе, абсолютно все. Она начала подниматься по лестнице, и я рассказывал ей об истории форм, стилей, ключевых музыкантах, певицах, таких как Бесси Смит, — обо всем, что я мог ей рассказать и сыграть на ней. Она просто сидела и внимательно слушала, хотя у меня не было возможности узнать, как много она восприняла. Затем она стала приходить на занятия по импровизации. Для участия в них существовало правило — нужно было принести инструмент. Нико принесла свой магнитофон.' Вскоре у них завязался роман, который продлился несколько недель, пока Миттерляйн присматривала за ребенком.

Виктор Брокс и сегодня, в свои пятьдесят с небольшим, остается равнодушным ко всему нелегал, но в остальном настоящий богемец, спящий не более пяти часов в сутки, путешествующий по Европе или Калифорнии с потрепанным футляром от флюгельгорна, ловящий попутки, чтобы успеть на следующий концерт до того, как уйдет его преданная публика. Но когда Нико встретил его в 1962 году, он был в богемном авангарде и параллельно с Орнеттом изучал джаз в свободной форме Коулмен, как и многие другие джазовые музыканты, ждал продолжения Ибицу в связи с приездом чернокожего композитора Чарли Мингуса, который в то время написал в своей автобиографии, что сыт по горло НьюЙорк, и у меня возникло сильное искушение уехать из него куда-нибудь

богемный, как Ибица. Он так и не появился. Нико, напротив, был начеку и внимательно слушал, и на этом неподвластном времени острове он начал понимать , что музыка - это язык, который можно сочинять заранее или в режиме реального времени, и что композиция, лежащая в основе музыки, является отправной точкой, просто отправной точкой исполнения. Позже она сказала, что "это был профессор джаза… который познакомил меня с музыкой". Очевидно, ее учитель пения в Нью-Йорке познакомил ее с чем-то другим. Нико никогда не забывала доброту Виктора Брокса, ее друга. 'профессор джаза", хотя она больше не видела этого конкретного любовника более двадцати лет. "Однажды, примерно в 1985 году, - смеется Брокс, - мне совершенно

неожиданно позвонили по телефону. Он просто спросил: “Виктор? Это Нико. У тебя есть какой-нибудь наркотик?” ‘

ТЕПЕРЬ НИКО нужно было кормить троих — Ари, ее мать и ее собственный рот. Она не могла играть джаз и джазменов в течение всего сезона; она оставила свою мать на Ибице и улетела с ребенком обратно в Париж для работы над фильмом “Стриптиз”, где для целей налогообложения называла себя “Криста Нико”. Когда она приехала, Мейвальд приготовил сюрприз. Он пригласил Нико и Ари в студию и снял цветной портрет для Elle. Он появился на обложке рождественского выпуска 1962 года. Нико и Ари, Мадонна с младенцем. С другой стороны, фильм был чуть менее чем святым:

В КИНОТЕАТРЕ на ПЛЕНЭРЕ В клубе “Мэдисон”, недалеко от Елисейских полей, Жак Пуатрено (режиссер “Парижских портов Клакан”) работает для Lambor films над стриптизом. Я разговариваю с ним во время перерыва на прокладку кабеля. Неподалеку звезды Криста Нико и Дэни Савал едят кусочек сыра.

Что скрывается за этим откровенным названием “Стриптиз”? Сентиментальная комедия. Мой фильм рассказывает историю молодой иностранной балерины, которой скучно в маленькой труппе. Этой девушке нравится профессия, но она стремится к большим высотам. Однажды она случайно встречает Дэни Савал, стриптизершу, которая любит свою работу и хорошо зарабатывает. Девушку заманивают в этот мир. Мой фильм начинается с того момента, когда девушка готовится раздеться . Это показывает ее изоляцию, неприятие друзей и всего, с чем она сталкивается, включая красивого молодого плейбоя , которому нравится ее характер, но не профессия. Она пересматривает свою жизнь и дает последнее представление, выбрасывая все, включая драгоценности.

‘В этом фильме две основные темы: одиночество красивой девушки, ранимой и чужой, а также жизнь других людей. Париж между полуночью и утром, жизнь тех, кто растрачивает свое существование впустую.’

В номере “La Cinématographie Francaise” от 8 декабря другие газеты повторили свои напряженные попытки превратить что-то мягко порнографическое в нечто глубоко проникновенное. Это было бы приятно Кристе Нико нет конца, иначе странно было бы думать, что она никогда никому не рассказывала об этом фильме, хотя это единственный мейнстримный фильм, который она когда-либо снимала, и в котором она действительно сыграла главную роль. Мисс Криста Нико, как и Нико Оцак из “Сладкой жизни”, больше никогда не появлялись на публике, по крайней мере, под этими именами. Когда Cinemonde любезно спросил Нико, какой момент был для нее самым трудным, она долго и упорно думала, прежде чем ответить:

Это был эпизод, в котором я была полностью обнажена. Они сделали это так, как я предпочитала. Они удалились с площадки.

Затем я выпила несколько бокалов портвейна. И они заиграли навязчивую мелодию, чтобы помочь мне пережить это испытание.

Что касается остального, то женщина всегда знает, как быть в курсе ситуации.

Съемки, должно быть, были чистилищем для Нико, но адом для режиссера. Нико не могли понравиться ни ирония сценария, ни необходимость заучивать диалоги. По крайней мере, ей удалось избежать иностранного акцента. Но ей не сошла с рук эта дрянная одежда и ужасный парик, которые ей подарили. В любом случае, банальный двойной блеф серьезной художницы, которая занимается стриптизом ради ощущения приключения и самореализации, не убедил бы ее друзей-художников, даже Эрнеста Хемингуэя. В качестве искупления девушка с обложки, которая носила Ницше, могла пересчитать деньги по окончании работы; ей нужен был каждый франк, чтобы прокормить три рта.

Как только чек оказался у нее в руках, она полностью забыла о фильме, что было даже к лучшему, учитывая популярность фильма в прессе. Когда в мае 1963 года на экраны вышел фильм “Стриптиз”, рецензенты отдали предпочтение ее акценту и фигуре:

Конечно, следует возразить против иностранного акцента исполнительницы главной роли, мисс Кристы Нико. Ее дикция ужасно напряжена, а акцент немного грубоват. Но, тем не менее, очаровательная внешность мисс Кристы Нико компенсирует это.

телосложение, не только красота ее больших глаз, но и скульптурное очарование ее тела.

Только напыщенные бумаги, как “Фигаро” мог пожаловаться на нефть акценты в секс-Фильм. Лучший обзор фильма пришли из Католический журнал сторожевая, описания дю синема:

Тип: Психологическая драма.

Моральная оценка: Несмотря на некоторые комичные выходки и описание опасностей, с которыми сталкивается молодая девушка, стремящаяся быть в центре внимания, мы вынуждены запретить этот фильм, поскольку слишком многие сцены и изображения неприемлемы с нашей точки зрения.

Комментарий: Благими намерениями вымощена дорога в ад. | Мы

думали, что нас заинтересует эта — увы! — банальная история молодой девушки, которая попадает в объятия сомнительных типов. Но, честно говоря, это не более чем предлог для представления зрелища, не уважающего человеческое достоинство. Вот почему мы окончательно отвергаем этот фильм как пустой и унизительный.

Премьера “Стриптиза” (с Кристой Нико в главной роли) состоялась в Париже в том же месяце , что и “Леопард” Висконти (с Аленом Делоном в главной роли), “8!/ Феллини (с Марчелло Мастроянни в главной роли) и “Что бы ни случилось с малышкой”

Джейн (в главной роли Бетт Дэвис). Через три года Нико не просто превзойдет их всех.

НО СНАЧАЛА ЕЙ нужно было вырастить ребенка. Нико и нанятая кормилица ухаживали за Ари, как могли. Вилли Мейвальд, ее сестра, покровитель, ее призрачный отец, делал все, что мог, чтобы помочь. Он открыто пригласил Нико и ее ребенка в свою многолюдную квартиру , чтобы составить им компанию. Он не в первый раз видел, как женщины страдают от последствий продажности мужчин: “Обычно модели ведут жизнь, несколько отличающуюся от той, которую вы можете себе представить. Не у всех из них есть богатые мужчины, которые могут положить к их ногам целое состояние. Напротив, я едва ли знаю модель, с которой мужчины не обращались бы дурно. Я до сих пор вижу этих жутких парней, которые, как сутенеры, поджидали меня перед моей студией, чтобы забрать у девушек деньги, которые они у меня получали.

“Однажды вечером на кухне модели Кэтрин Харли девушки готовили ужин. Было невероятно жарко. На девочках были только лифчики и трусики-слипы, поверх которых они повязали фартуки.

Нико

не успевая снять накладные ресницы , они помешивали

деревянными ложками в больших кастрюлях. Проигрыватель пластинок — старый, моноблочный, Дансетт — громко играла поп-музыка. Кики, маленькая натурщица, которая всегда позировала мне в кукольных платьях, носилась из одной комнаты в другую на абсурдно высоких каблуках, а за ней гонялось множество маленьких тявкающих собачек. Тем временем бойфренды моделей , сидя за огромным столом с ножами и вилками в руках, в нетерпении ждали, когда принесут еду . В соседней комнате моя сестра Хелен сидела у кровати Нико и ее малыша. Она снова и снова повторяла Нико: “Теперь, наконец, ты должен сообщить отцу. Я продиктую тебе письмо…”

Делон ничего не сделал. Он не мог понять, почему он должен это делать: Делон не считал себя ответственным. На протяжении всей оставшейся жизни Нико - 25 лет — он колебался от галльского пожатия плечами (как будто это была, знаете ли, “одна из тех вещей’) до прямого отрицания. По ее словам, он сказал своей матери, что ” во всем виноват Босх, это она виновата”. После того, как французская ежедневная газета Libération опубликовала некролог Нико, в котором упоминалось об отцовстве Ари, адвокаты Делона добились публикации опровержения.

АРИ ПАС ДЕЛОН Ари: Ален Делон, отец Энтони Делона, самым категоричным образом отрицает (как он всегда делает) информацию о 23 июля в нашей статье рассказывалось о 25-летнем Ари, сыне певца Нико.

Нико был опустошен тем, что Делон не проявил к нему никакого интереса. Тем временем он женился на молодой ‘актрисе’ по имени Натали, “и четыре года спустя это закончилось убийством”, - огрызнулся Нико. Она снова и снова пыталась наладить с ним контакт, но ей отказывали верные друзья Делона, которые защищали амбициозную звезду. Она также помнила об опасениях Папатакиса, что рождение ребенка было формой шантажа, и когда она подумала об этом, то испугалась за свою жизнь. Делон, по ее словам, был дьяволом с лицом ангела. ‘Дети никогда не вырастают такими, как вы ожидаете”, - сказала мать Алена Делона немецкому журналисту в 1984 году. “Я думаю, что мой сын такой же злой, как я добрая… Все люди, важные или неважные для него, которые приближаются к моему сыну, страдают… Когда он совершает какую-нибудь глупость, за это

приходится расплачиваться всем. Однажды меня вызвали в школу. Все мальчики дрались, кроме Алена. Директор сказал мне , что все сражались за моего сына или против него. Где бы он ни был

—

4 1960-1964

обеспокоенный, ты начинаешь как победитель, а заканчиваешь проигравшим. Он харизматичен, прирожденный соблазнитель. Ты можешь только капитулировать. Середины не существует. Для женщины это еще хуже; для женщины с очень сильным характером это ужасно для них обоих. И с ним ничего не ясно, совсем ничего". Нико встретила свою пару.

Вилли Мейвальд решил, что если он не сможет заполучить Делона, то он найдите мать Делона — кого-нибудь, кто понял бы страдания другой матери, кто признал бы ее внука и заставил бы ее сына принять на себя отцовскую ответственность. Мейвальд был удивлен, узнав, что мать Делона по-прежнему зарабатывает на жизнь в маленьком сувенирном магазинчике в южном пригороде Бург-ла-Рен, недалеко от замка Со. Мадам Эдит Делон, мама Ари. Эдит была уже не Делон, а Булонь. Она рассказала немецкому журналисту, что "До того, как у меня родился сын Ален, я прожила с его отцом четыре года. Его отец умер у меня на руках". Она снова вышла замуж и завела другую семью, в которую вошла сводная сестра Делона, Поледит Булонь, чье необычное имя произошло от имени ее родителей, их обоих вместе взятых. Пауледит (ныне замужем и известна как мадам Субриер) в семье больше известна как Диди, тетя Ари - мама Эдит была второй матерью Ари, а тетя Диди - третьей. Запутанные осложнения , связанные с этими меняющимися названиями (Субье-Булонь, Булонь-Делон, Вольф-Schulz, Schulz-Páffgen) встречаются всякий раз, когда авторы пишут о женщинах, которые рождаются с фамилией своих отцов и выходят замуж с фамилией своих мужей, и, похоже, у них никогда не было имени, чтобы назвать свое собственное — за исключением, конечно, Нико.

Мама Эдит приняла Ари как своего внука. Она сказала, что

сделает все, что в ее силах, чтобы помочь, но ее сын придет в ярость, как только она вмешается: “Я - его нечистая совесть’. Нико, в любом случае, отметила, что ее собственная мать позаботится о ребенке, пока она работает, хотя и забыла упомянуть, что ее мать живет на отдаленном средиземноморском острове. Связь с Делоном была налажена, и Нико уехала с Ари на Ибицу. Она была довольна тем, что создала для своей безопасности семью двух типов. У нее была призрачная семья из мужчин - Мэйвальд, ее призрачный отец Папатакис, ее призрачный муж Мальдонадо-Босток, ее призрачный любовник Тобиас, ее призрачный брат. Затем была ее настоящая семья, состоящая из женщин - Грета, тетя Хельма, мама Эдит, Диди и, наконец, ее маленький сын, “маленький лев’. Она считала , что заложила отличный фундамент, на котором сможет построить свою жизнь в качестве работающей матери и богемы в свободное время. Она не понимала, что, отправив своего маленького льва на Ибицу, она посадила его в клетку.

87

Нико

В течение целого года и более Нико работал исключительно моделью в Путешествовала по Европе и Америке и брала все, что попадалось под руку, зарабатывая деньги на содержание трех человек, хотя Нико считала, что у нее два рта и одна голова: ее мать начала посещать специалиста, и помощь , в которой она нуждалась, можно было получить только в одной из частных клиник острова, в которой работала Нико. предполагалось, что он заплатит. Иногда она забывала о молодом рте и стареющей голове, и ее мать с пустыми руками ждала следующего произвольного визита своей заблудшей дочери. Когда Нико приехала, она увидела, что ее мать трясется от болезни Паркинсона, и почувствовала тошнотворный запах гниющего дерьма. Грете на несколько часов оставляла Ари без присмотра и внимания. Однажды на острове Нико гуляла по улице со своей матерью, когда с Грете случился какой-то припадок. Она попросила прохожего помочь ей отвезти мать в клинику. Этим человеком оказался Д.Г. Паффген из Кельна, дальний и теперь

непростой родственник.

После этого инцидента Нико больше не мог выносить возвращения на Ибицу: “Мое сердце разрывалось, когда я видел, как страдает моя мать. Мне было невыносимо это видеть”. Она прекрасно знала, что ее мать не была матерью своему ребенку, но была вынуждена работать и под прикрытием фатализма не обращать внимания на последствия своего отсутствия. Когда в январе 1964 года врач передал через Мейвальда сообщение о том, что ее матери необходимо лечь в больницу на период лечения, Нико пришла в отчаяние. Мейвальд напомнил ей, что Булони были готовы помочь. Он позвонил, и они согласились помочь Нико с воспитанием Ари в Париже. Нико тут же улетел в Лондон на задание и оставил их наедине с проблемой. ‘Мне было поручено поехать на Ибицу, чтобы забрать Ари у бабушки”, — вспоминает Полидит, тетя Диди. “Я приехала и была потрясена. Мальчика держали в комнате, в которой было довольно темно, и он был напуган, скорчившись, как животное. Это то, что мне запомнилось больше всего: он был больше похож на маленького испуганного зверька , чем на полуторагодовалого ребенка. Мать Нико не отпустила его. Она не отдала мне его документы на въезд, поэтому я не смог его забрать. В конце концов, мне пришлось вернуться в Париж с пустыми руками. Моя мама решила , что она должна поехать туда и взять все в свои руки. Должен добавить, что для нас это было нелегко, потому что мы должны были сами оплачивать свой проезд. Нико никогда не платил ни пенни.’

Эдит Булонь связалась с Нико в Лондоне по телефону и заставила ее прислать копии своих документов с именем Ари: “С этими документами я отправилась к французскому консулу на Ибице, чтобы объяснить, что я делаю. Затем я обратилась к врачу, чтобы получить справку о том, что бабушка

— –- –- — — С о с н “АаАА– адди. см.

не была подходящим опекуном, так как лежала в больнице с болезнью Паркинсона. Я получила еще одно разрешение на въезд

во Францию с Ари. То, что я сделала, было похищением, законным похищением! Мы держали Ари в Бург-ла-Рен. Мой внук был таким замечательным. Внезапно появилась Нико и попросила “одолжить” Ари, чтобы она могла отвезти его в Лондон. Ну, она была матерью. Они полетели в Лондон. Но три дня спустя Нико позвонил мне, ‘Пожалуйста, приезжай и забери Ари обратно”. Теперь мне пришлось ехать за ним в Лондон . Она так и не спросила, хватит ли у меня денег на эти путешествия. Я поехал в Лондон, пробыл там пару дней и привез его обратно в Париж - как я надеялся, в последний раз. Но когда дело касается Нико, последнего раза не бывает.’

НИКО РЕКЛАМИРОВАЛ ОДЕЖДУ, кухонные принадлежности, мыло, парфюмерию, средства для мытья посуды, косметику, постельное белье, крем для лица, граммофонные пластинки и стиральный порошок (“Оксидол! Пока еще лучший!”) во Франции, США, Канаде, Италии, Германия, Бельгия и Испания. Она смертельно скучала, была на последнем издыхании и отчаянно хотела чего-то нового. Она думала, что испортила свою карьеру в кино из-за “Пленэр Солей” и стриптиза; никто не просил ее сниматься, и никто, кроме ее учителя пения, не слышал, как она поет. Как и десять лет назад, Нико решила, что пришло время снова открыться. В мае 1964 года, весной в Париже, по воле случая, который она называла судьбой, она познакомилась с новой привлекательной певицей, которая услышала, как она поет одну из его песен. Он велел ей заткнуться не потому, что она была плохой, а потому, что ему не нравилось, когда женщины пели его песни. Это различие было существенным. Пытаясь остановить ее пение, он спровоцировал ее на новую карьеру. Это было не совсем то же самое, что “дискавери”, но для 25 -летнего Нико это стало толчком к успеху.

Роберт Циммерман был еврейским мальчиком из среднего класса, жившим в Американец со Среднего Запада, который сменил не только свое имя, но и акцент (на оклахомский говор) ради своей профессии исполнителя народных песен. В этом смысле Боб Дилан был такой же личностью, как и шведская модель Нико. Когда она познакомилась с ним, ему было 23 года, на два года меньше, чем ей. Вышел его второй альбом.; это стало сенсацией, и не только для Нико. Он начинал как исполнитель фолка и блюза в манере, типичной для подростков. Он был поклонником американской богемы, пока в 1960 году не открыл для себя музыку Вуди Гатри. Ветеран Гатри, композитор “Bound for Glory”,

был блестящим автором острых ‘протестных’ песен. Дилан настолько успешно проявил себя, что достиг непревзойденного положения певца и автора песен, которому, по мнению многих его поклонников, еще не было равных. Нико не понял

немного о его музыке. ‘Тун, тун, тун, тун, бэйби: вот как это было”.

Дилан выступал в Лондоне в поддержку своего альбома и получил больше признания, чем кто-либо тогда ожидал. Он был новой иконой, о чем Нико знала еще до того, как встретила его. Дилан решил приехать в Париж на несколько дней, но не для того, чтобы играть, а чтобы встретиться с Хьюзом Офре, который переводил его песни на французский. Так он случайно познакомился с Нико. Они встретились на улице, и их познакомил общий друг. Боб Дилан сказал, что помнит ее по фильму “Сладкая жизнь”, и изобразил достаточный интерес, чтобы вскоре получить приглашение в ее квартиру-студию. Они провели там вечер и неделю: “Он был таким очаровательным. Я еще не встречала никого, похожего на него, - уверенного в себе, очаровательного и молодого. Он не относился ко мне очень серьезно, но, по крайней мере, его заинтересовала моя история, которую он счел печальной, особенно о моем ребенке. Поскольку я была из Берлина, он спросил меня, знаю ли я драматурга Брехта. Я рассказал ему, что у Брехта был театр в Берлине, но нам запретили туда ходить, потому что он находился в советском секторе. Он сказал: “Видишь? В Америке такого бы никогда не случилось. По крайней мере, мы можем свободно все видеть”. Я сказал: “Но это американцы мешают нам пройти”. Для человека, который проповедовал о политике, он не слишком хорошо знал свою историю. В любом случае, как насчет Уильяма Берроуза? Разве его книга не была запрещена в его собственной стране? Я могла бы купить его в Берлине.

Потом мы вместе ненадолго поехали в Грецию, в небольшое местечко недалеко от Афин, и он написал мне песню обо мне и моем маленьком ребенке. Я была первой, кто спел ее на публике [неправда, это была Джуди Коллинз]. Но ему не понравилось, когда я попыталась подпевать ему. Я подумал , что он ведет себя

как шовинист, и его немного раздражало, что я не умею петь должным образом - по крайней мере, в такт мелодии, — поэтому он придал мне решимости петь для других людей". Песня называется «ll Keep It with Mine", и ее вступительный куплет звучит так::

Ты будешь искать, детка,

Любой ценой,

Но как долго, детка,

Сможешь ли ты найти то, что еще не потеряно? Все тебе помогут

Некоторые люди очень добры

Но если я смогу спасти тебя в любой момент, Давай, дай мне это,

Пожалуйста, оставь его у себя.

—

Нико держала его при себе в течение тех коротких недель во Франции и Греции, но в то время как Боб Дилан возвращался к славе и богатству, она вернулась к одежде и кухне, духам и мылу (к которому она добавила коньяк , когда снималась в серии банальных рекламных роликов для испанского телевидения). Она упомянула Дилана, что хотела бы петь на публике, и он предложил ей попробовать себя в одном из клубов Нью-Йорка, например в "Голубом ангеле", где певчие могли бы найти работу. Когда осенью 1964 года работа моделью в следующий раз привела ее на Манхэттен, она случайно познакомилась с мужчиной, который знал посредника, знакомого с букером из "Голубого ангела ", который искал певицу для выступления на нескольких вечерах. Заведение было названо в честь фильма тридцатых годов с Марлен Дитрих в главной роли певицы из кабаре-садистки, и Нико воспринял это как хорошее предзнаменование. Клуб был шикарным заведением на окраине города, где выступали такие люди, как братья Клэнси и Томми Макем отправился "продаваться" более богатым посетителям;

Нико получила там назначение в качестве “Девушки из “Сладкой жизни” (вероятно, они надеялись , что посетители вспомнят об Аните Экберг). В сопровождении фортепианного, бас-гитаристского и ударного трио она исполнила стандарты, усвоенные на уроках пения и истории у “профессора” Брокса. Ее любимым соло было ‘My Funny Valentine’ Роджерса и Харта. ‘Впервые я услышал эту песню в исполнении джазмена Чета Бейкера. Он сыграл на трубе, а затем | спел ее. Я подумал, что это очень умно, как красивый магический трюк. Вы знаете, что именно Чет Бейкер познакомил меня с героином?” Автор спросил ее, пользовалась ли она с ним одной иглой. * Нет, нет. Я имею в виду, что я впервые увидела героин. Он впервые показал его мне. Мне было около 24 лет, когда я впервые начала петь в Нью—Йорке - он был рядом. Конечно, все думают, что я начала это делать, когда была маленькой. Они ничего не знают. Чет Бейкер был таким красивым, просто красавцем, но он слишком увлекался наркотиками, чтобы полюбить меня.

Она утверждала, что терпеть не могла “Голубого ангела”. Это было нечто большее Стриптиз, а не Сладкая жизнь. - Эти люди были ужасны. Они были пьяницами, слепыми пьяницами. Они предлагали мне выпить, выкрикивали в мой адрес непристойности и пытались меня растерзать. Такое поведение было унизительным. Они бы не поступили так с Марлен Дитрих, поэтому я бы этого не потерпел. Я ответил им тем же или отказался продолжать. Итак, это продолжалось недолго.“Правильнее было бы сказать, что она не продержалась долго. Нико опаздывала, забывала строчки песен и ворчала на публику (она со всей невинностью думала, что они пришли послушать ее). Утешения были незначительными, но запоминающимися: “Со мной разговаривал один человек , который знал Гарбо, которая тогда жила в Нью-Йорке в уединении; Я ее не виню — в любом случае, в Нью-Йорке все живут в уединении. Он сказал, что я похожа на нее. Мне было лестно сознавать, что я разделяю ее

Нико

ее характер и внешность. Когда она умерла, я думаю, что-то перешло в меня, что-то от Гарбо. Разве это не романтично?

“Она вернулась в Париж, чтобы поработать моделью и увидеть Ари, - вспоминает Поледит Субье. “Она была ужасной матерью, на самом деле. Совершенно не подготовленной к этому. Когда она приехала , она сказала, что привезла ему подарок. Можете себе представить, что она привезла своему крошечному ребенку? Сыр Камамбер.’

р

5 января-июнь 1965 года

Поля от Ислингтона до Мэрибоун, До Примроуз-Хилл и Сент-Джонс-Вуда: Были застроены золотыми колоннами, И там стояли Иерусалимские колонны.

Ее Малыши бегали по полям

И Агнца Божьего среди них видели И прекрасный Иерусалим, его Невесту: Среди зеленых лугов.

Панкрасс и Кентиш - город отдыха Среди своих высоких золотых колонн: Среди своих золотых арок, которые Сияют на звездном небе.

Дом варганов и Зеленый человечек; Пруды, в которых купаются мальчишки, приводят в восторг: Коровьи поля у фермы Вилланов: приятное зрелище в Иерусалиме. (из книги “К евреям”, УИЛЬЯМ БЛЕЙК, 1815)

С] Я понял, ЧТО ЧТО-то НЕ ТАК, как только увидел стол. Она очень красиво накрыла его к чаю, но там был еще один чайник. Кувшин с ромом. Странно, что я увидел его там днем. Затем еще раз,

на завтрак - стакан рома. “Именно тетя Хельма обратила внимание на ром , когда навещала свою одинокую сестру в 1965 году, а Грете выпила его. Нико пренебрегала своей матерью, которая оставалась в плену на Ибице; недавний приступ вины заставил Нико отправить 200 американских долларов своей тете в Берлин. “Возьми отпуск от своей работы и навести мою маму. Вы получите удовольствие от отдыха”, - убеждала она. Хельму было не одурачить. Она знала, что Грете отчаянно одинока, и чувствовала ее изолированность по ее нервным и меланхоличным письмам, но только приехав на испанский остров, она поняла, что Грете не просто одинока, она больна. “За завтраком у нее дрожали руки. Она пыталась скрыть это от меня. Сначала я подумал, что это еще один признак того, что

она стала алкоголичкой. Но в конце концов я догадался, что это было Болезнь Паркинсона. В последний раз я видел ее в Берлине шесть лет назад. Разница была ужасающей. Она много лежала в постели. Я ходила за ней по магазинам, и она рассказывала мне, как по-испански называются яйца и хлеб, чтобы помочь мне. Но она так и не вышла. Я ходила за покупками и готовила. Ей нечем было заняться. Даже швейной машинки не было. Ничего. Мне некуда было идти. Я даже не могу сказать, что она жила в раю, потому что, когда я туда приехала, погода была ужасной - то дождь, то шторм. Мне пришлось десять дней ждать в Барселоне корабль, который переправил бы меня на остров. Она была там заключенной, пьяной и нуждалась во враче. Но она больше не могла позволить себе нанять врача. Нико не прислал ей денег.’

У Нико не было лишних денег, особенно в 26 лет, когда он был

изношенным манекеном. К этому возрасту модели обычно уходят в тень, и их агенты увольняют их с твердым советом: покупайте бутики, разводите лошадей, но, прежде всего, выходите замуж из-за денег. Модели, которые были на десять лет старше Нико , получили титул леди Астор, баронессы фон Тиссен или принцессы Георга Голицына. Те, кому суждено было последовать за ней, уходили на пенсию в объятия богатых менеджеров и рок-звезд. Нико со своим маленьким сыном оказалась зажатой между ними. В любом случае у нее не было особого желания отбывать наказание в обычном порядке; замужество, как она теперь решила, было всего лишь одним из многих карьерных шагов. Она найдет что-нибудь еще. Ее снова раскроют. Это сработало у дверей KaDeWe; ей просто нужно было найти новые двери, новый KaDeWe, равный Берлину. Все говорили, что 'хеппенинг' местом проведения теперь был Лондон. "Они видели "Сладкую жизнь" и хотят жить ею. Лондон - это своего рода Рим без автомобильных гудков", - сказал ей Мэйуолд. Там был офис ее агентства, она все еще выглядела достаточно хорошо для работы, а в Лондоне процветала индустрия моды. Она поехала. К сожалению, она выбрала не тот город.

Проблема Нико заключалась не только в ее возрасте, но и в ее стиле. Королевой моды в Лондоне была Мэри Куант, пионерка мини-юбок, и она была невысокого мнения о таких манекенщицах, как Нико. Она сказала: "Я хочу , чтобы девушки-модели, которые выглядят как настоящие люди, носили мою одежду, предназначенную для настоящих людей. Мне нужны девушки, которые преувеличивают свою реальность, а не надменную нереальность, как это делают модели от кутюр."Нико никогда не выглядела как "реальный" человек; "надменность" и "нереальность" будут преследовать ее до самой могилы. Ее очарование отличалось от очарования Джин Шримптон, модели-шалуньи, которая определяла стиль нью-Лондона. Шримптон продвигал знаменитый фотограф того времени Дэвид Бейли, который утверждал, что "Джин не была чопорной манекенщицей, которая позировала

манекенщица в витрине магазина. Казалось, к ней можно было почти прикоснуться. “Нико была не из тех, к кому можно прикоснуться, даже почти. Агент узнал о ее насущной проблеме Черри Маршалл:

5 января-июнь 1965 г.

К 1965 году юбки стали задираться на четыре дюйма выше колена… Я с некоторым ужасом наблюдала за этой тенденцией, видя, как мои элегантные модели ростом в пять футов восемь дюймов превращаются в гигантских пауков… Кто бы мог подумать, что под юбками длиной до икр скрываются тонкие, как палки, ноги с красивым изгибом в лодыжках, но костлявыми коленями и бесформенными бедрами? Молодые модели наслаждались ими, но моделям старше двадцати пяти и ростом пять футов восемь дюймов приходилось нелегко.

Нико было 26 лет, рост - пять футов и одиннадцать дюймов. Что еще хуже, она пыталась отказаться от амфетамина, и ее вес увеличился. “Тогда все принимали таблетки для похудения “спид”, когда это было разрешено законом. Я почти не знал никого, кто этого не делал. Вот почему мы могли бы так много работать! признанный Дэвид Бейли. Он сразу заметил ее проблему с весом: “Мне и в голову не пришло спросить Нико, сколько ей лет. Она выглядела достаточно молодо. Но она была толстой — ну, я имею в виду, более полной, чем другие. Вес, очевидно, был для нее проблемой. Он не контролировался. Чтобы стать моделью в тот период, нужно было быть очень худой. Я помню, у нее была правильная стрижка, похожая на длинный шлем, из тех, что Шримптон был первопроходцем. Она была немного шустрой, но это было нормально. Вы чувствовали, что она пытается продлить свою карьеру. Я сделала несколько ее снимков для Vogue, но не думаю, что они были использованы. Она не была очень рекламной; она была необычной, сногсшибательной, но необычной.’

Нико снимался в посредственной рекламе для престижных журналов , таких как Town, и в новинках газетной индустрии -

цветных приложениях. Например, холодным мартовским днем она провела на Трафальгарской площади, работая над американской рекламной кампанией лондонских дождевиков от тумана (Энди Уорхол заметил рекламу и вставил копию в свой альбом для вырезок). Одиноко уставившись в землю, с длинными волосами и губами, она избегала взгляда молодого, модного мужчины, изнуренного заботами и меланхоличного, который стоял, наклонившись, рядом с ней. Рекламный текст обыгрывает их осенний образ жизни и содержит столько туристических упоминаний о Лондоне, сколько позволяет страница:

Бывают ли в Лондоне туманы? Не спрашивайте в Скотленд-Ярде. Просто оглянитесь вокруг. Для этого не обязательно быть Шерлоком Холмсом

как распознать лондонский туман, даже в самый настоящий лондонский туман. Наденьте дождевик по моде. Сходите в Сохо. Пройдитесь по Пикадилли. Прогуляйтесь по Трафальгарской площади. Где бы вы ни находились, Лондонский туман всегда будет противостоять стихии, как Страж Колдстрима. Бывают ли в Лондоне лондонские туманы? Бывают ли бури в чайнике? Лондонский туман.

Это был текст из “Таймс”. Короткие предложения. Рассказывающий вам, что делать. Диктаторский. В рекламе ее последнего задания в Лондоне был текст, который Нико сочла зловещим:

Жизнь сегодня стала смелее. Лучше. Больше веселья. Ситуация меняется. Везде. И сегодня все больше и больше людей получают

дополнительное удовольствие от курения с помощью сигар Grandee.

- Это правда, произошли перемены, и я тоже хотел измениться. Но я подумал, что должен предоставить это решать судьбе. Я не буду противоречить своей судьбе — вот что я думал. Неправильно всю жизнь стремиться к чему-то одному , не так ли? В Лондоне было из чего выбирать, и это было хорошее место, где можно было не выбирать. Все было открыто, и единственное, чего я хотел, - это ничего не закрывать в своем будущем. Когда Я слышу, как за мной закрывается дверь, и это заставляет меня заплакать. Это как прогулка по дворцу, как по замку в “Сладкой жизни”. Ты идешь по коридорам, и двери за тобой закрываются, и ты можешь идти только вперед, но ты знаешь, что однажды ты можешь вернуться к этой двери другим путем, и теперь она закрыта для тебя, и ты достиг конца чего-то, что было в твоей жизни. Этого необходимо избегать, и поэтому [всегда смотрю вперед и позволяю случаю вести меня за собой, чтобы избавиться от ностальгии, которая мешает художникам продвигаться вперед”. Нико сказала это в 1985 году писательнице, которая тогда настаивала на том, чтобы она рассказала больше о Лондон. - О, все это время шел дождь, и было много вечеринок.

ЭСПРЕССО-БАРЫ, мотороллеры Lambretta и Vespa, парни в модных костюмах и солнцезащитных очках, пиццерии, казино: Лондон действительно становился римским, как утверждал Мейвальд. Лондонский абитуриент стал итальянцем (Лондон, как им напомнили, был римским названием) в ответ на рок-н-ролльную американскость жирных байкеров, Бары Wimpy и The Flintstones. Нико нравилось любое культурное разногласие. Особенно ей запомнилось, как она читала о модниках, сражающихся с рокерами на набережных атрофированных приморских городов (” Забавно видеть, как люди дерутся вообще ни за что, например, футбольные фанаты. Я

5 января-июнь, 1965

предпочитаю это место людям, которые за что-то борются,

например, нацистам). Ей также понравился разрушающийся лондонский пейзаж, покрытый коркой сажи, “каким мог бы выглядеть Берлин, если бы его оставили в покое’. Позже, однажды Лондон был приведен в порядок, она сказала бы то же самое о Манчестере.

Редактор американского журнала Encounter написал в В 1964 году Лондон был “единственным европейским мегаполисом, которому удалось сохранить сочетание зелени и серости, жизненной силы и в то же время определенной мягкости. В Париже этого нет. Рим - деспотичный город. Берлин - особый случай. Все остальные - просто деревни. Иностранцы также отмечали, что Лондон наводнен молодыми людьми.: “Создается впечатление, что вся молодежь Британии приехала жить в столицу. Любой чистокровный американец поймет, что случилось с нашим старым союзником. Да, как только война закончилась, пришло время рожать детей. Сейчас Лондон, как и НьюЙорк и Лос-Анджелес, до краев переполнен бэби-бумерами (более чем на миллион больше, чем в предыдущем поколении), из которых “Битлз” - всего четверо”, - заметил автор. Встречайте редактора, ошибочно, поскольку “Битлз” родились во время войны.

Он был одним из немногих, кто писал о Лондоне как о “старом городе, полном молодежи”, а о Берлине - как о “молодом городе, полном стариков”. Расцвет “свингующего Лондона” был проанализирован и обсужден задолго до того, как эта фраза была придумана американским журналистом для журнала Time в апреле 1966 года. Нико, вечный приверженец джет-сеттинга, счел это своего рода случайным событием: группе влиятельных людей наскучил город X, и они переехали в город L. Такое переключение внимания , по ее мнению, можно было объяснить только капризом, основной потребностью человека в переменах и новизне. Хотя “жить в таком месте было дешевле”. В Лондоне больше, чем в Париже”, она была озадачена, почему так происходит: “Я считаю , что когда у вас есть определенная сумма денег, вам больше ничего не нужно , потому что все становится бесплатным. В Лондоне вы, казалось , вообще ни в чем не нуждались. Но это был вопрос психологии, а не экономики.’ Однако она согласилась со следующим политическим аргументом, который, по ее словам, она почерпнула из вторых рук на званом обеде и который ей скорее понравился: ее соратники обвиняли внешнюю политику Америки в разжигании инфляции, а тори - в том, что они взвалили на себя бремя нового лейбористского правительства Гарольда Вильсона с их собственными финансовыми проблемами. “Я верю в заговоры и

подлость правительств, особенно тех, которые контролируют другие страны", - многозначительно сказала она. "Что ж, нет ничего необычного в том, чтобы обвинять иностранцев".

Национальный дефицит, который не приносил никакой пользы коренному населению, превратил Британию в дешевое место для иностранцев, особенно в индустрии культуры, которые могли бы использовать навыки опытных студийцев страны. Нико

нашла множество социальных объяснений более запутанными, потому что, по ее словам, ей не хватало понимания понятий "класс' и 'бесклассовость'. Нико было проще поверить, что молодые люди имеют хорошую работу и получают зарплату, которую можно потратить на развратные выходные и ухаживания. Розничная торговля обновилась, чтобы удовлетворить их новые потребности. Крошечные магазинчики одежды превратились в "бутики", парикмахерские превратились в стилистов, размещавшихся в "салонах", оформленных в естественных тонах и освещенных прожекторами, а Джон Стивенс превратил глухой переулок в торговый центр. Карнаби-стрит ("Это было дерьмо. Биба мне понравилась больше всех").

Нико сказала, что в Лондоне она заметила два типа людей: "те , кто тратит свои деньги в течение недели, и те , кто тратит их по выходным. На вечеринках мне рассказывали, что этот человек - лорд такой-то , а этот человек приехал из Ист-Энда, но они оба были веселыми людьми и у них были одинаковые деньги, но один из них (житель Ист-Энда) тратил их только по выходным. Мне сказали, что их происхождение больше не является проблемой, но мне все равно всегда рассказывали об их происхождении, и мне всегда говорили, что это не проблема. Мне казалось, что все были зациклены [одержимы] происхождением. Конечно, я происходил из бедной семьи, но им и в голову не пришло спросить меня об этом, потому что я не был англичанином.

Они предполагали, кем я был. Я понял [тогда], что в Лондоне

могу сказать, что я кто угодно. Я могла бы быть принцессой, потому что у меня были манеры принцессы. Для них не имело значения, кем я была, пока они принимали мою внешность. Конечно, я хотела большего, потому что это было поверхностно. Как будто правил больше не существовало, и я подумал , что это хорошо для них, но плохо для меня… Знаете, что я подумал? У молодых богатых людей заканчивались деньги, и они искали, чем бы заняться. И они взяли бедных людей в качестве образцов для подражания. Я серьезно! Чтобы проверить, как двигаться дальше. Они купили магазины и занимались тем же, чем и обычные торговцы, но превратили эту работу в нечто более приятное. Мне было жаль Дэвида Бейли , потому что они говорили, что он был успешным, несмотря на свое образование. Они продолжали говорить это за его спиной, и что это не было проблемой. Что ж, Я тоже был успешным, несмотря на свое образование, но когда я сказал это, они подумали, что я шучу".

Лордом Нико, таким-то лордом был лорд Сноудон, шурин королевы и фотограф по профессии. Он присоединился к ряду законодателей моды, которых постоянно превозносят их дорогие друзья в журналах "Town", "Queen" и "Private Eye". Сатирик Джонатан Миллер писал, что "в настоящее время существует любопытное культурное сообщество, сногсшибательно модное, где лорд Сноудон и

другие отчаянные любители зернистых увеличений и размытых макетов толкаются со звездами коммерческой художественной школы Мерси, оформителями витрин и Карнаби Уличные торговцы брюками. Здесь главное — стиль, "Taste '64" — это крутая линия и остроумная дерзость молодости. Традиции не имеют большого значения для талантов каждого из этих людей, а возраст может измениться сам по себе' Нико часто казалось , что она старше всех на вечеринке.

‘ВСЕ было ОЧЕНЬ ПРОСТО, как на фабрике. Много вечеринок, много разговоров, много взглядов, много флирта, много выпивки, много наркотиков - вот как это происходило”, - резюмировал Нико. Сначала ей нужно было где-то жить . Как обычно, она провела несколько дней в отеле “Гросвенор” на железнодорожном вокзале Виктория (чуть более просторном, чем Гютербанхоффштрассе, Люббенау); затем она переехала на несколько улиц дальше , в квартиру в Белгравии, которую снимала подруга-модель. Ей нужны были деньги на одежду, такси и ее скромную долю в квартплате; все остальное она зарабатывала на вечеринках, включая обманутых сопровождающих, чтобы оплатить последующие счета в стильных ресторанах. Ее знакомые в сфере моды водили ее по модным местам: соседнему Челси (тогда еще довольно дешевому), Мейфэру, клубам Ad Lib и Annabelle’s, Marquee, где играли ритм-энд-блюзовые группы, пабу Chelsea Potter на культовой Кингс-роуд и “Барн Эсмеральды”, клуб, принадлежащий модным мошенникам из Ист-Энда, братьям Крэй. Но она была равнодушна к этим местам. Она ценила тех, с кем встречалась, а не то, что она встречала; мысли об Ари и Грете терзали гедонистические желания, и она искала своих новых благодетелей, источники богатства, нового Эстергаарда, нового Тобиаса, которые помогли бы смягчить ее вину. Когда она впервые познакомилась с “Битлз”, она решила, что Пол Маккартни был бы тем , кого одобрила бы ее мать”, - но он всегда выбирал неподходящий момент, ворчала она, имея в виду скорее свой выбор времени и его подружек.

Чтобы привлечь внимание благотворителей, она одевалась безупречно, в соответствии с модными тенденциями того времени. У нее были пепельные волосы длиной до плеч, и она следила за тем, чтобы ее одежда оставалась настолько шикарной и модной, насколько позволяли небеса и Мэри Куант. Современный стиль получил название “модернистский”, что обычно сводится к ‘Мод” - модернисты носили модернистскую одежду. В одежде модников гармонично сочетались итальянская мода и британский арт-дизайн. Одежда была геометризирована и окрашена в кислотные тона. Мальчики надевали элегантные костюмы и тонкий макияж; девочки надевали короткие трикотажные платья и принты в стиле оп-арт или пейсли, их косметика была очень бледной, чтобы подчеркнуть густо подведенные глаза, веки которых были утяжелены одним или несколькими волосками.

два комплекта накладных ресниц. Золотое правило гласило: “Кожа плохая, макияж хороший”. Один мальчик сказал в интервью Sunday Times: “Я не хочу быть похожим на своего отца. Я хочу быть умным”. Нико понравился этот образ. Она чувствовала себя созвучной любому стилю, сочетающему простую элегантность с инновациями, хотя модернизм она восприняла скорее как стиль от кутюр.

‘Она была воплощением хладнокровия, - свидетельствовал один из очевидцев событий в Челси , - стоя в углу в полутьме, она была в центре внимания. Она была высокой, и это помогало, и у нее были эти блестящие, властные глаза, которые пристально смотрели сквозь пелену сигаретного дыма. Она была немного развязной, вы сразу понимали, что она не шутит, но она была такой красивой - очень благородной, - что вы не могли удержаться и не посмотреть на нее в ответ”. Дэвид Бейли вспоминал, что с ней было весело, она была очаровательной и скромной, смешливой и щедрой: “Она действительно была такой , какой вы ее видите”. в “Сладкой жизни”. Ей определенно не нужно было сниматься в этом фильме! Друзья спрашивали ее, почему она больше не появлялась на экране со времен Феллини (Нико ничего не говорил им о стриптизе). Она не смогла толком ответить. Она вспомнила, что Папатакис, который, в конце концов, был кинопродюсером и режиссером, сказал ей, что она “не такая уж ненормальная, как Монро” из-за дисциплины съемок (подразумевая, как она предположила, что это разрушит ее, “как Монро’). Она считала, что ее карьере, возможно, помешал роман с Делоном, который был предметом сплетен за ее спиной, и считала свою замкнутость серьезной проблемой: “Я слишком застенчива , чтобы сниматься. Я не могу притворяться кем-то другим, потому что я уже кто-то другой.’ Она боялась, что ее личная жизнь находится под угрозой разрушения ее общественного будущего. Это была ошибка, что Гарбо и Дитрих так ничего и не добился. Она решила, что отныне они будут ее менеджерами-фантомами.

И все же, если она хотела сделать карьеру на экране, она выбрала правильное место. С тех пор, как фильмы о Джеймсе Бонде привлекли внимание международной киноиндустрии к производственным паркам, расположенным вокруг Лондонские эмигранты из Голливуда и европейские модернисты посещали эти

относительно дешевые и эффективные студии. Так, на одной из вечеринок Нико познакомился с французской актрисой Катрин Денев (которая позже вышла замуж за Дэвида Бейли), на четыре года моложе, но гораздо менее наивная — Денев тогда снималась в Южном Кенсингтоне в фильме Романа Полански “Леденящее душу отвращение”. В другой раз Нико познакомился с итальянским режиссером Антониони, который готовился к работе над “Взрывом”, оригинальным фильмом о свингинге Лондон. Она рассказала подруге, что примерно в это время у нее был роман на одну ночь с французским режиссером Франсуа Трюффо, который снимал свою версию английского научно-фантастического рассказа “451 градус по Фаренгейту”.

100

5 января-июнь 1965 года

Кажется странным, что Нико так и не нашла возможности сняться в этих европейских фильмах, находясь в Лондоне. У нее были контакты - хотя и без агента — и она поощряла знакомства, если ее история о Трюффо правдива. Возможно, она была менее известна как потрясающая шведская модель из Лос-Анджелеса Dolce Vita и многое другое в качестве беспокойной бывшей когорты Алена Делон, который в тот самый год переживал тяжелые времена в Голливуде. Снятые в Лондоне фильмы об этих европейцах или об американских изгнанниках Стэнли Кубрик (работает над фильмом “2001”) и Джозеф Лоузи, а также британские режиссеры Джон Шлезингер, Линдси Андерсон и Джек Клейтон - все они включают в себя роль, которую Нико могла бы сыграть, если бы встала вовремя, в нужный день и выучила нужные реплики. Никто из ее друзей не может объяснить этот недостаток в ее жизни. Они говорили, что она сочетала в себе одновременно глубокое желание и извращенную бескорыстность, непреодолимые амбиции и застенчивый тон, усталые от жизни размышления и преступное сердце, и все это в мутной смеси силы и неуверенности в себе, проницательности и заблуждений. Они не могли разобраться в этом, и именно поэтому (по их мнению) у нее никогда не было должных перерывов: “Это был страх иметь дело с другой Монро”, - сказал

один режиссер. ‘Она была первой девушкой, которую я встретил и которая поразила меня своим обаянием. Она напугала меня”. Существует научное определение термина “отклонение от нормы”: очевидное смещение звезды.

Однажды вечером в начале марта 1965 года Нико встретился с The Rolling Stones. Все пятеро участников выдающейся бит-группы - термин “рок-группа” тогда еще не был изобретен - Мик, Кит, Брайан, Билл и Чарли собрались на вечеринку звукозаписывающей компании, чтобы отпраздновать успешное турне по Австралии и выход их второго альбома, того самого, со знаменитой обложкой Mod автор: Дэвид Бейли. Это был еще один шаг в поразительном двухлетнем росте лондонской группы и стало итогом всей их карьеры, поскольку жизнь The Stones полностью состояла из гастролей и записи альбомов (а в случае Брайана Джонса - из рождения детей). Нико позаботился о том, чтобы она в первую очередь познакомилась с их менеджером. Ей сказали , что он ищет “девушек, которые могли бы стать звездами’. До сих пор она встречала руководителей музыкального бизнеса старого образца, закулисных шулеров в скучных костюмах, и была поражена, встретив Эндрю Луга Олдхэма.

Для начала, он был на четыре года моложе ее. Рыжеволосый Олдхэм был дерзким молодым модником, который носил солнцезащитные очки в помещении, наносил макияж на лицо, носил серебряный фирменный браслет на запястье и демонстрировал самодовольство на рукаве. Его имя было одной из немногих неизменных черт его характера: незаконнорожденный ребенок, он получил фамилии обоих родителей, потомков своего голландско-американского

отец, который погиб на войне, пролетая над Германией. Олдхэму удалось поставить “Роллинг Стоунз” в один ряд с The Beatles (их менеджером был его бывший босс); журнал Vogue назвал его ” молодым магнатом”, но он больше заботился о продвижении по службе, чем о бюджете. Его молодость и показушность пришлись

не по вкусу продюсерам Джобсворта, работавшим на муниципальных площадках и в варьете; чтобы избежать столкновения культур, он быстро объединился с ветераном шоу-бизнеса по имени Эрик Истон , который руководил гитаристом-хамом с неизменной ухмылкой по имени Берт Уидон и здоровенной пианисткой миссис Миллс.

В то время как Эрик Истон продавал The Stones на бирже, Олдхэм продавал их всему миру. Например, без ведома группы он написал примечания ко второму альбому, которые вызвали крайне негативную рекламу и вызвали гневные вопросы в Палате лордов:

Поройтесь в карманах в поисках добычи, чтобы купить этот диск с классными песнями и модными словами. Если у вас нет хлеба, найдите того слепого, стукните его по голове, украдите у него бумажник, и вот, у вас есть добыча. Если положить в багажник, хорошо, еще один продан.

Олдхэм безжалостно подкармливал прессу дерзкими заявлениями и дерзкими лозунгами, такими как “Вы бы позволили своей дочери выйти замуж за качающегося Стоун?’ В интересах постоянного освещения событий в средствах массовой информации он поднял “Стоунз” как сатанинские соперники “Битлз” — мятежных, сексуальных Южане бросают вызов милым, чистоплотным парням из Ливерпуля. Однако за кулисами он заключил с менеджментом The Beatles вежливую сделку по предотвращению столкновений , чтобы помочь обеим группам в составлении графиков выпуска пластинок. “Он умел сглаживать неприятные моменты”, - вспоминал Мик Джаггер. “На самом деле у нас с The Beatles были хорошие отношения. Все это было игрой на публику”. Олдхэм никогда нельзя было обвинить в тактичности: “Поп -музыка - это секс, и вы должны показать им это в лицо”.

Нико рассказала Эндрю Лугу Олдхэму о своей работе моделью в La Dolce Вита и ее дружба с Бобом Диланом. Он был сразу же заинтригован. Некоторое время он пытался запустить the supreme female singer. Годом ранее, в феврале 1964 года, он удивил The Stones, задержав их в их обычной студии на Денмарк-стрит для записи бэк-вокала для восемнадцатилетней чернокожей

вокалистки Клео Сильвестр. Они были смущены, вспомнив, что год назад она была девушкой Джаггера, которая провалила прослушивание в качестве их бэк -вокалистки. Теперь, с их помощью, она записала 'To Know Him Is To Love Him', песня 1958 года, первоначально спродюсированная Олдхэмом. Американский герой, фанатичный Фил Спектор. Слишком мало произошло с

Версия 1964 года, хотя Олдхэм осмелился попробовать - это было бы замечательным и новаторским поступком - вывести молодую чернокожую певицу на расистскую британскую музыкальную сцену (исключением, подтверждающим правило , стала новая песня малышки Милли "My Boy Lollipop", вышедшая в апреле 1964 года). Но этот недостаток успеха никогда не мешал Олдхэму выдавать себя за спектора с Денмарк-стрит.

О нем говорили, что он слабо представлял, что такое продюсерская работа, но "Эндрю привык думать, что все возможно, если приложить к этому достаточно усилий". В студии он разбирался в точных технических жаргон был ограничен: "Это "Д" означает "Божественный", это действительно очень заманчиво." Он выпустил безвкусные инструментальные синглы, которые исполняла группа студийных чтецов, достойных названия The Andrew Oldham Оркестр. Он охотился за молодыми женщинами, которые умели бы петь в дерзкой манере, воплощенной в бесстыдных имитациях black soul. Он также искал певиц, которые могли бы скопировать более обходительную соседку soul, изысканное атласное меццо-сопрано Дионн Уорвик; ее успех в американских чартах, сочиненный Бертом Бакараком и Хэлом Дэвидом, вскоре был распространен за океаном в грубой форме двумя белыми подражателями, Дасти Спрингфилд (настоящее имя Мэри О).Брайен) и Силла Блэк (на самом деле Присцилла Уайт, это очень ироничное изменение имени). Олдхэм слишком поздно вмешался; он не смог вовремя найти своих звездочек . Чтобы удовлетворить свою страсть, он пригласил вокалисток группы The Ronettes, которых сам Фил Спектор

записал на разогрев к первому туру Stones по Британии в качестве хэдлайнеров. Но затем он заметил тенденцию, которая заставила его резко изменить свое мнение.

Все началось с Поющей монахини. Pallid, acoustic и righteous, В начале 1964 года пластинка The Singing Nun была самой продаваемой в США не менее десяти недель. Затем была выпущена пластинка Джоан Баэз — pallid, acoustic и righteous. Питер, Пол и Мэри, те самые. Фолк и госпел-направления вошли в топ-100 хит-парадов. Для аналитиков это означало возможность занять рыночную нишу, которая была бы полной противоположностью black soul. На самом деле, это направление расцвело как раз в то время, когда Motown превратился в коммерческую силу. Ключевые элементы были впервые заимствованы из акустического фолка — тонкий и пронзительный тембр, задумчивые тексты. В широком смысле это вернуло музыкальной индустрии безвкусный и уязвимый тембр голоса белого подростка.

Поп-фолк превратился в возрождение крутой богемы. По мере своего расцвета он становился все более пестрым, оставаясь белым и тощим во всех своих разновидностях. В фолк-рок-лексиконе музыкальной прессы певцов-мужчин называли “трубадурами”, женщин - “певичками”, а их песни “балладами”, что было грубой попыткой обозначить стиль белым цветом.

Нико

Европейское литературное наследие. На самом утонченном этапе своего развития их песни были сдержанными, погруженными в себя и пропитанными вопросами и иронией. Эти баллады послужили гимнами для погруженных в себя, неуверенных в себе дочерей и сыновей закаленных войной родителей и в конечном итоге обеспечили долгую карьеру Джони Митчелл и Леонарду Коэну. На ранней и наименее изощренной стадии своего развития он представлял собой самое триумфальное открытие Сэнди Шоу, Твинкла и Эндрю Луга Олдхэма - семилетнюю школьницу из монастыря по имени Марианна Фейтфул. Он познакомился с ней

на вечеринке. - Откуда он узнал, что у тебя есть голос? поинтересовался Мода. - Он этого не делал. У меня нет.

“Вот и еще одна вечеринка, год спустя, и еще одна потрясающая девушка”, - подумал Олдхэм. Он смотрел на Нико и взвешивал варианты. Она не была стройной школьницей, но знала об этом из первых рук. Феллини и Дилан, и я стремился преуспеть в этом мире. В профессиональных отношениях Олдхэма с женщинами был еще один фактор. Он не только поставлял певиц для своего бизнеса, но и обеспечивал свою группу подружками. На вечеринке, где Олдхэм впервые встретился Марианна Фейтфул, Мик Джаггер умудрился облить шампанское ей на платье в ужасно изощренной попытке привлечь ее внимание. Теперь Олдхэм заметил, что Брайан Джонс пристально смотрит на Нико; взгляд, призывающий к сближению, был направлен в обе стороны. Он повел себя соответственно. “Давай встретимся снова и поговорим о карьере”, - предложил он. ‘Как насчет завтрашнего дня?” - спросил Нико, пожалуй, чересчур нетерпеливо. “У нас начинается турне. Приезжайте и перехватите нас где-нибудь. Мы можем поговорить после концерта”. - Вот как Нико описал этот разговор.

Шоу, на которое она попала, проходило в Париже 17 апреля 1965 года. Вилли Мейвальд нашел для нее небольшое задание в городе, и она смогла навестить своего сына Ари. Она была поражена, узнав, что ее коллега-актриса Зузу провела некоторое время с Брайаном Джонсом; по крайней мере, тогда она смогла провести Нико мимо охраны “Олимпии ” за кулисы. Ее визит записан в книгу с неудачное название, истинные приключения Роллинг Стоунз по Стэнли Бут:

Брайан был с французской моделью по имени Зузу. После одного из показов за кулисы зашла девушка. Она сказала с североитальянским акцентом, что ее зовут Анита. Она была моделью и снималась в итальянских фильмах. За несколько лет до этого, когда ей было семнадцать, она поехала в Соединенные Штаты и жила в доме в Гринвич-Виллидж, где также жили поэты Фрэнк О’Хара и Аллен Гинзберг; в то время она

она была напугана до смерти. Теперь ей было уже не семнадцать, и она больше не была напугана до смерти. Брайан ничего не знал о ней и не думал, что умрет, любя ее.

Он не умер бы, любя ее, и ее звали не Анита. Трехмесячный период встреч и расставаний, который Нико провел с Джонс , надежно задокументирован. Существуют различные мемуары и биографии, ни в одной из которых нет точной информации о ней. Как и в “Настоящих приключениях”, в них Нико путают с более поздней возлюбленной Брайана Джонса. Анита Палленберг была девятнадцатилетней моделью, поразительно привлекательной, с длинными светлыми волосами. Она немного походила на Нико и, по мнению Джонса, была подходящей заменой. Для представителей прессы и помощников группы , которые позже написали свои мемуары, одна “немецкая цыпочка” ничем не отличалась от другой.

Анита Палленберг рассказала, что впервые встретила Джонс после концерта в Мюнхене 14 сентября 1965 года. Билл Уайман подтверждает это в своей убийственно точной и изобилующей датами автобиографии. Фотограф , который в мае видел, как Джонс и Палленберг вошли в гостиничный номер в Лос-Анджелесе, чтобы вернуться через два дня после приема кислоты, увидел Нико. Это тоже был типичный момент в их романе, если верить Нико. Это было захватывающе и пугающе. У Джима [Моррисона] был лучший секс, который я когда-либо испытывала внутри себя. Но Брайан занимался лучшим сексом, когда мог. Он принимал слишком много наркотиков. Он был мне как младший брат, и Иногда мне приходилось останавливать его, чтобы он не разрушил все, включая самого себя. По крайней мере, это было единственное, что я мог сделать, чего не могла Анита Палленберг.”

Брайану Джонсу было 22 года, и он был самым симпатичным в группе. “Как гитарист он был хорош собой”, - сухо заметил один из авторов Melody Maker. Он постоянно соперничал за внимание публики с вокалистом группы, Миком Джаггером. Его светлые

волосы были длинными и лохматыми, а стрижка “под пудинг” стала его визитной карточкой, которую он использовал , чтобы привлечь внимание к своим толстым сексуальным губам. На заре своей карьеры он был бизнесменом и шулером группы; когда-то их называли ‘Брайан Джонс, Мик Джаггер и The Rolling Stones. Но он также был из тех богатых детей, которые, как вошло в поговорку, стали бунтарями. Благополучное детство в Челтнехеме и образование в государственной школе, очевидно, подготовили его к взрослой жизни, полной излишеств. В подростковом возрасте у него было четверо сыновей от разных женщин. Двоих из них назвали Джулиан, в честь его джазового кумира Джулиана Кэннона-болла “Эддерли. Гастрольный фотограф группы Эл Ароновиц написал о нем:

105

— АААА

Нико

Брайан всегда был денди. В конце концов, он был похож на принца , у которого закончились игрушки. Однажды он составил список своих женщин, и за один месяц их стало шестьдесят четыре , а такие темпы не позволяют позволить себе роскошь секса на одну ночь.

Кэти Этчингем, одна из самых давних подруг Брайана, вспоминала, что “иногда там было две или три цыпочки, потому что Брайану часто нравилось больше, чем одна за раз. Однажды я пришла к нему после того, как он позвонил, и застала его в постели с двумя цыпочками. Он просто бросил их одежду на кровать и сказал: “Вы не против уйти?”

Джонс был очень увлечен наркотиками, хотя они неизменно вызывали у него физические проблемы, потому что он страдал астмой и нуждался в регулярном медицинском обслуживании.

Поэт Брион Гайсин написал, что - Брайан был из тех людей, которые принимают все, что им дают. Предложите ему пригоршню таблеток, снотворное, кислоту, что угодно, и он просто проглотит их все". В прессе о Брайане Джонсе пишут, что он настолько сломленный человек, что трудно поверить, что 64 женщины, не говоря уже о Нико, в месяц захотят провести долю секунды в его объятиях. компания. "На самом деле все очень просто", - заявил Нико. 'Он был сексуален. Он соблазнял девушек. Он был очарователен, пока не запер дверь". В другой раз Нико сказала, что предпочитает "Роллинг Стоунз" "Битлз" (с которыми она встречалась на вечеринках), потому что последние - это "шоу-бизнес", а "Stones" жили на нервах и больше походили на бунтарей в моем представлении. Ты знаешь , что подружка Мика, Марианна Фейтфул, вышла из монастыря [школа]? Я тоже вышла из монастыря, в монастырском стиле. Я хотел быть в центре и на краю, вы понимаете? "Битлз" могли бы дать мне время на "н-и-к-е", но тогда я хотел провести время в "б-а-д". В этом смысле я был глупцом.

Джонс был садистом, который мог стать покорным. Нико никогда не признавалась в склонности к мазохизму, хотя предпочитала анальный секс натуральному ("Она не хотела, чтобы кто—нибудь трогал ее влагалище"); она говорила, что ей нравится "турецкий способ - мой отец был турком". Нико дала пять примеры ее встреч с Джонсом, и в каждом случае ее рассказ - это воспоминания сабмиссива. Однажды он принял несколько таблеток амфетамина, которые сделали его нервным и импотентным. Он хотел заняться с ней сексом, но не мог справиться с эрекцией. Он наотмашь ударил ее по лицу, оставив синяк. В другой раз, споткнувшись, он попытался проткнуть булавкой от броши ее половые губы, что привело к порезу. Она также сказала, что он подложил ей заряженный пистолет

засунул ей во влагалище фаллоимитатор. Она рассказывала о его любви к церемониальным свечам, об их золотистом пламени, о

капании горячего воска на его соски и о том, как он заливал жгучим воском волоски у нее на влагалище, которые Нико приходилось срезать ножницами, как только воск остывал и застывал. По ее словам, Джонс также использовал свечи в качестве фаллоимитаторов. По случаю того, что фотограф заснял отель в Лос-Анджелесе, они оба приняли ЛСД, наркотик, вызывающий авантюрные галлюцинации и смену настроения - “удачное путешествие” или “неудачное путешествие”, в зависимости от результатов. Джонс связал Нико для анального секса, который он провел без смазки. У нее началось сильное кровотечение, из-за чего ей стало плохо , но она осмелилась обратиться за медицинской помощью в отель, только когда , наконец, осталась одна и “пришла в себя’.

Это были истории, которые Нико рассказала двадцать лет спустя. Зузу, однако, утверждает, что Нико запугивал Брайана Джонса. * Он боялся ее, конечно, боялся, и он был напуган нашими столкновениями с ней. Мы были на вечеринках, и если Нико заходила в комнату, Брайан говорил: “О нет, тебе лучше ненадолго исчезнуть”. Она была крупной, угрожающей женщиной”. Действительно, Анита Палленберг сыграла ведущую роль в ее романе с Брайаном Джонсом. Их друг Ронни Мани (Ronny Money) заметил , что “в тот момент он старался получить как можно больше удовольствия . Анита была великолепна. Она приводила Брайана в восторг — все, о чем молодые парни только читали, он получал на блюдечке с голубой каемочкой. Она была бисексуалкой и устраивала сцены’. Через два года после его встречи с Нико, когда Анита Палленберг в конце концов бросила его ради Кита Ричардса, Джонс предстал перед судом за хранение наркотиков; судья обязал его посетить психиатра, чтобы суд мог ознакомиться с отчетом о его психическом здоровье. С некоторой иронией было отмечено, что у эксперта, к которому он обращался, доктора Нойштаттера, немецкая фамилия. Психиатр написал:

Сексуальные проблемы мистера Джонса тесно взаимосвязаны с его агрессивностью… Он все еще очень увлечен Эдиповы зацикленности. Он очень смущен ролью матери и отца в этих отношениях. Отчасти причиной его замешательства, по-видимому, является очень сильное негодование, которое он испытывает по отношению к своей властной и контролирующей матери, которая отвергла его и явно отдавала предпочтение его сестре.

Нико думал о нем как о “моем младшем брате”, что было не слишком

блестящая мысль в данных обстоятельствах. Наверное, было бы забавно подслушать, как Брайан Джонс и Нико обсуждают своих матерей.

*

— sm =

Нико

‘ОНА БЫЛА ТАМ ЗАКЛЮЧЕННОЙ, болела и нуждалась во враче. Но она больше не могла позволить себе нанять врача. Нико не прислал ей денег.’ Тетя Хельма вернулась в Берлин из своего “отпуска” на Ибице. Она с трудом могла поверить в состояние своей сестры, чье тело было парализовано . Коварное течение болезни Паркинсона - импульсивную дрожь конечностей и покачивание головой, растущую скованность движений — можно было бы контролировать с помощью лекарств, если бы Грете постоянно получала консультации врача и были средства для покрытия расходов на лечение. Деньги, которые ей были нужны на лекарства, тратила ее дочь. Но Нико покупала ЛСД, а не леводопу; она платила , чтобы усилить свое чувство “внутренней правды”, а не для того, чтобы облегчить несчастную жизнь своей матери. Тетя Хельма поинтересовалась, знает ли Нико о серьезности ситуации. У ее матери не было медицинской страховки, а Нико не платил по договорам аренды виллы. Хельма попыталась связаться с Нико. Для нее было логично предположить, что она живет в Америке, последней стране, из которой Нико связывался с ней. Именно оттуда она писала. Но логика редко оказывала влияние на действия Нико.

КОГДА НИКО сказала, что ее влекло к Брайану Джонсу, потому что он был “сексуальным”, она сказала половину правды. Кроме того, ее сильно привлекал бизнес. Джонс был ее помощником у своего менеджера, который был открыт все часы напролет, человека, который сказал: “Давай встретимся снова и поговорим о карьере”. [Справедливости ради, дочь Греты могла бы сказать, что она видела Олдхэм - для шоу, а Джонс - для прослушивания. Ей нужна была новая карьера, и вот, согласно журналу Vogue, появился ‘молодой магнат’, который хотел обсудить это. Она также знала, что он не так сильно торопился, как она. Нико терпела садистские капризы Джонс, чтобы обосноваться рядом с Олдхэмом. Она также хотела, чтобы их отношения были основаны на подлинной переписке. Нико пытался обсудить с Джонсом поэзию, а затем музыку, но “он был слишком пьян, чтобы говорить о чем-либо, и часто я тоже’. Она считала , что он “слишком ленив [!], чтобы быть настоящим артистом, но он был одарен и мог бы сочинить какую-нибудь оригинальную музыку”. Я продолжал это повторять, но он называл меня занудой.’

Ее раздражало, что ее общественная и личная жизнь сливались воедино таким грубым образом — ее призрачные менеджеры, Гарбо и Дитрих, никогда бы этого не допустили. Однако она знала, что Джонс мало что может ей предложить, поскольку рок-пресса тогда цитировала его слова: “Я еще не связал себя узами брака с девушкой (неудачный оборот речи). В конце концов, сколько девушек я мог бы найти, которые согласились бы на это?

заваривай мне чай, готовь еду, убирай в моем доме и разговаривай со мной разумно , пока я сижу и наблюдаю, задрав ноги кверху?’

Однако вскоре должен был состояться разговор с Олдхэмом при необычных обстоятельствах, и сделка была заключена. Однако до этого, Нико предстояло встретиться в Париже с мужчиной,

который дал бы ей гораздо больше. Мейвальд в своих мемуарах кратко описал это: “У нее был дар находить интересных людей. Однажды вечером (1965) мы были вместе в ночном клубе “Кастель”, когда она познакомилась с группой американцев. Одним из них был молодой американский художник Энди Уорхол. Вскоре она вернулась с ними в Америку, научился петь и стал одной из звезд Бархатного Под землей.’ Если бы только все было так просто.

Энди Уорхолу было 36 лет, он был на десять лет старше Нико и не так “молод” , как предполагал Мейвальд; Уорхол был нестареющим, как и Нико. Его бесконечно раздражало, что он был известен как странный представитель поп-арта , а не как серьезный художник. Когда Илеана Соннабенд впервые рискнула выставить его картины с изображением электрического стула в своей галерее в Париже в 1964 году, он был в восторге по двум причинам: это был его европейский дебют и признание его работ. Но все знали, что Соннабенд была замужем за своим агентом Лео Кастелли, поэтому ее выбор не считался полностью беспристрастным. И вот, год спустя, она показывала его новую работу “Картины с изображением цветов мака”, и выставка имела относительный успех. Изображение цветка намекало на все - от наркотиков до смерти; оно подходило городу, только что примирившемуся с Импрессионизм после крупной выставки; он казался необычайно модным на заре ‘силы цветов’. Соннабенд оплатил стоимость четырех обратных рейсов из Нью-Йорка. Уорхол привел свою новую “подружку”, и Соннабенд, по признанию Уорхола, была не против доплатить, “потому что знала, что художник привлечет больше внимания, особенно в Париже, когда рядом с ним красивая девушка’.

Квинтет американцев, с которыми Нико столкнулся в замке , состоял из среброволосого Уорхола, его среброволосой “королевы” Эди Седжвик и их сопровождающих, Ассистент Уорхола Джерард Маланга (“Он выглядел хорошо, как Элвис Пресли, но не такой толстый — ну, я не знаю, правда. Хо-хо-хо …), друг Эди и организатор Чак Вейн (‘Я вообще ничего о нем не помню. Может ли кто-нибудь?”), и человек, который дал Нико под предлогом подойти к их столику, ее обычная, дружелюбная Американец, живущий в Париже, по имени Денис Диган. Нико дала о себе знать остальным обычным способом, назвав свое имя и добавив “Роллинг Стоунз” пополнили ее список самых устрашающих знаменитостей. ‘ Эди была слишком

она была занята своей помадой, чтобы послушать, но Джерард рассказал мне о студии, где они работали в Нью-Йорке. Это называлось “Фабрика”. Он сказал, что я был бы рад навестить его, когда в следующий раз приеду в НьюЙорк, но Эди перебила его каким-то глупым замечанием о цвете моих волос. Энди заинтересовался, что я снимался в кино и буду работать с The Rolling Stones. Конечно, он согласился. Когда Уорхол написал в своих “мемуарах о замке “, что описал его в точности так, как это сделал бы Нико: “Они только что закончили съемки У Wbat появилась новая “кошечка” в Castel’s, и казалось, что все заведение сияет от таких звезд, как Теренс Стэмп, Урсула Андресс, Питер Селлерс, Вуди Аллен, Роми Шнайдер…’

Естественно, все зависело от того, что Нико подразумевала под “работой” с The Rolling Stones. Если только у нее не было мыслей о приготовлении чая и уборке дома для Брайана Джонса, она явно пребывала в заблуждении по поводу разговора, которого у нее еще не было с их менеджером. Но, в очередной раз, ее интуиция не подвела. Эндрю Луг Олдхэм дал ей шанс спеть ‘с’ The Stones. По словам Нико, он сделал предложение в лос-анджелесском отеле, где группа остановилась на несколько дней в мае, чтобы записать следующий сингл “(I Can’t Get No) Satisfaction”.

Однажды днем, по словам Нико, Олдхэм отвел ее в сторону. Она утверждала , что он отвел ее в уединенный туалет неподалеку, где они оба выдохнули по одной строчке его “спида”. “Пришло время заключить сделку”, - вспомнила она его слова. “Я собираюсь основать звукозаписывающую компанию “Роллинг Стоунз”. Они будут продюсерами, как и я, и мы сможем дать передышку людям, которых мы любим, таким, как ты, Нико. Как только мы уладим все дела с юридическими лицами, для тебя будет заключен контракт. Я думаю, для начала мы выпустим три сингла. Мы начинаем выпускать сингл в середине лета, так что подумайте о сингле в летнем стиле. Все, что вам нужно сделать, это подписать контракт и спеть. О’кей?” Олдхэм забыл, что Нико уже десять лет заключает деловые сделки. Она не была новичком и согласилась подумать , как только увидела контракт. В глубине

души она была довольна. ‘Я подумала, что каждый снимок Брайана того стоит . Потом я подумала, что стою в туалете с этим человеком!”

Но Олдхэм не рассказал ей всей истории (если рассказ Нико действительно был ее полной историей). В преклонном двадцатилетнем возрасте он был близок к отставке с поста менеджера The Stones. К 1965 году группа превратилась в такой крупный бизнес, что ему пришлось признать в частном порядке, что он не мог полностью справляться с требованиями. Его талант заключался в создании имиджа. У Stones почти не оставалось возможностей для создания имиджа, и по мере того, как практические финансовые вопросы становились все более актуальными, Олдхэм находил утешение в наркотиках.

—

В конце концов, он осознал беспокойство группы по поводу качества его работы с Эриком Истоном. В Штатах он встретился с Алленом Кляйном, бухгалтером, чья грубая и язвительная манера поведения была выигрышным подходом в профессии бухгалтера. Между ними была достигнута договоренность о том, что Кляйн займет пост исполнительного директора (нового Истона) в то время как Олдхэм номинально сохранит свою должность и откроет собственный бизнес, который будет называться Immediate Records. Они решили сохранить | все это дело оставалось в тайне до августа, когда подошел срок продления контракта The Stones с Decca. Однако Олдхэм не мог молчать, и в колонке светской хроники New Musical Express от 28 мая появилась загадочная заметка: “Эндрю Олдхэм надеется записать Нэнси Синатру в Голливуде. История оценит причастность Кляйна по язвительному выражению, известному в среде профессионалов как “де-Кляйн”. Нико улетел обратно в Лондон. Она сразу же отправилась на вечеринку и была удивлена, обнаружив там Джерарда Малангу с их общим другом Денисом Диганом (они бродили по городу в поисках галереи для выставки Уорхола). Именно тогда Маланга дал Нико номер телефона фабрики

Уорхола, чтобы он позвонил “в следующий раз, когда я буду на Манхэттене”. Но Нико отложил его в сторону. У нее на уме было только одно : она должна найти песню для своего дебютного сингла. Она решила , что лучшим выбором будет баллада Боба Дилана “Ill Keep It with Mine”, которую он написал, думая о ней. Его песни уже помогли продвинуть ее в мире музыки. | карьера: “Blowin‘ in the Wind” прославила Питера, Пола и Мэри, в то время как “It’s Not Me, Babe” стала таким большим хитом для The Turtles, что ее переиздали как “I’ve Got You, Babe”, чтобы выпустить Сонни и Шер. Если бы только Дилан позволил ей спеть это. И снова ей повезло. Дилан слонялась по Лондону. Он только что завершил сенсационно успешное турне по Британии, о котором Д. А. Пеннебейкер подробно рассказал в документальном фильме “Не оглядывайся назад”. Нико пропустил заключительный концерт в Королевском Альберт-холле, но , как и следовало ожидать, нашел его на вечеринке. Он ужасно себя вел. Боб был под кайфом, угрюмый и высокомерный, как всегда. Я никогда не видел его таким

худым и бледным, как спичка. “Он все время расспрашивал меня о “Стоунз” и их одежде. Что они носят сейчас? Какие рубашки? Какие ботинки? На нем была кожаная куртка, но не байкерская, и синяя рубашка с отложным воротником. Это было так обыденно. Он выглядел как мастер на все руки, но хотел стать звездой “Роллинг Стоун”. Это было забавно, потому что многие парни пытались быть похожими на него! Он слишком сильно хотел соответствовать моде, но ему потребовалось много времени, чтобы свыкнуться с переменами. Он всегда был параноиком по поводу таких вещей и людей вокруг

5 января-июнь 1965 года

он, когда там был фотограф, спросил: “А разве было бы плохо попасть на эту фотографию?” Когда он впервые увидел “Не

оглядывайся", он был потрясен. Шокировало его не поведение, а то, как он выглядел, его образ в глазах мира, навсегда запечатленный в этом фильме, - спичка в кожаной куртке. Он хотел быть Брайаном [Джонсом]. или Джим [Моррисон], не фолк-певец, и именно поэтому он сначала хотел запретить фильм. Это странно, потому что у него была своя внешность, когда он перестал пытаться быть кем-то другим - волосы, как у Дилана, понимаете? Все артисты проходят через это. Они делают себя красивыми понемногу. Иногда они пересиливают себя и теряют уважение - посмотрите на Лу Рида. Это не всегда тщеславие; это делается ради поклонников, чтобы быть героем, идеальным идолом.'

Нико рассказал Бобу Дилану о сделке со звукозаписывающей компанией. "Он был не очень лестного мнения обо мне. Ему не нравилось, когда женщины пели. Джоан Баэз сопровождала его в этом туре, но он не позволил ей петь. Он завидовал, потому что она была более известна в Америке. Она добилась большего успеха в синглах, чем он."Нико напомнил ему о "ее" песне, и она вспомнила, как он сказал: "Ну, я собираюсь отдохнуть на побережье. Я вернусь примерно через неделю, чтобы записать кое -что с несколькими британскими парнями. Почему бы нам тогда не попробовать?" - Она пожалеет о своем согласии, и не только потому, что "down the coast" означало побережье Европы. Дилан, его подружка-зайка из "Плейбоя" и его дородный менеджер Альберт Гроссман позволили смеси португальской еды, напитков и наркотиков взять свое. Джоан Баэз вспоминала: "Все говорили: "Мне надоело жить в Англии, давайте поедем куда -нибудь, где есть хороший ресторан". Я имею в виду, ты живешь с Альбертом Гроссманом, ты будешь есть. Все сбежали и вернулись больными. И я не знаю, был ли у Бобби тонзиллит, сифилис, или просто болел живот, или что-то еще. Он провел три дня в лондонской больнице.

После выписки Дилан меньше всего думал о работе с Нико. Но она упорно держалась за него, и в конце концов его заманили в лондонскую студию, чтобы он продолжил частную сессию, которую он провел. Он хотел понять механизм перехода от акустики к электронике и от соло к группе. Он тайно попробовал это сделать с английской ритм-энд-блюзовой группой, но у него ничего не вышло. Теперь, во время этой бессвязной сессии, они собирали все по кусочкам, как могли. Нико часами слонялся без дела: "Я сидел с подружками. Знаете ли вы, что девушек называли "цыпочками"? Мы были похожи на цыплят [куры] ждут нашего петуха. Я чувствовал себя слишком старым для этого. Нет,

не слишком старый, но слишком опытный. Но именно такими мы были тогда. Мы ждали

для мужчин. Я не люблю ждать мужчин. Мне нравится, когда люди ждут меня — это делает отношения более равноправными.' К концу дня Дилан был пьян, но все же сел за пианино, чтобы Нико мог спеть "Pll Keep It with Mine" — одна репетиция, один дубль. Запись была переведена на ацетатный демонстрационный диск ('демо'). Это было не плохо и не хорошо, но очень быстро. Прежде чем Нико успела это оценить, Дилан сказал ей: "Это будет мой следующий сингл. Что ты думаешь?' Он начал петь на пианино. Нико язвительно ответил, что это не так хорошо, как "ее" песня. Он сыграл ее "Like a Rolling Stone'.

Она идет по нашим зеленым лугам: Агнец Божий идет рядом с ней: И каждый английский ребенок на виду, Дети Иисуса и его невесты,

Прощающий прегрешения и грехи

Чтобы Вавилон с жестоким Богом,

С Нравственным и самоправедным Законом Не был распят в сатанинской синагоге!

Что делают эти золотые Строители Возле скорбного, вечно плачущего Паддингтона Стоящие над этими величественными

руинами

Где сатана одержал первую победу?

Где Альбион спал под Роковым деревом И золотой нож друидов, Утопал в человеческой крови, В жертвоприношениях из человеческих жизней. (из ‘К евреям’, УИЛЬЯМ БЛЕЙК, 1815)

была замечательным образом обнаружена человеком, который руководил The Rolling Stones. Вскоре она подписала контракт со звукозаписывающей компанией; была выпущена престижная песня Боба Дилана. Нико скоро станет очень известной певицей, такой же знаменитой, как… Она знала, что нет певицы, которая была бы так же знаменита. Там была Джоан Баэз, “которая выглядела как лошадь”, и Марианна Фейтфул, “которая выглядела как чья -то подружка”. Была Мэри из “Питер, Пол и Мэри”, “но я заметила, что ее имя стояло последним’. Нико могла вспомнить только двух примадонн, которым она могла бы подражать в своем стремлении быть лучшей, “и у них были одинаковые имена”. Она думала о Марлен и Мэрилин, Дитрих и Монро. “Кто-то сказал что-то забавное о Бетховене, - размышлял Нико в 1986 году. “Его называли великим композитором, потому что он

Спустя девять МЕСЯЦЕВ после ее решения снова открыться, Нико

у него был замечательный менеджер. Видите ли, мы никогда не думали, что у великих художников могут быть менеджеры. Кто был менеджером Микеланджело? Вы знаете? Но в наши дни, всякий раз, когда я встречаюсь с музыкантом, я встречаюсь и с его

менеджером. Я понял, что мне необходимо иметь менеджера, такого же, как я. Микеланджело - или, по крайней мере, Боб Дилан.' "Значит, менеджер Дилана подойдет", - решила она. Альберт Гроссман был известен как Плавающий Будда из-за своего огромного роста. Он был 40-летним бизнесменом, известным своей защитой, которую он оказывал своим артистам , и печально известным тем, что доставлял неприятности всем, кто вставал у него на пути; его стиль хорошо виден в фильме "Не оглядывайся", когда он с воплями выгоняет менеджера отеля из номера. Как и легендарный Дилан, он руководил самой популярной фолк-группой того времени - Peter, Paul and Mary. Нико выпила с Гроссманом и упомянула о предстоящем контракте на запись альбома. Интересно, будет ли он заинтересован в том, чтобы возглавить ее? 'Конечно", - ответил он. "Я уже думал об этом, с тех пор как Боб рассказал о вас. Конечно, мне было бы интересно… в Состояния. Там я и работаю. Прямо сейчас я ищу девушку-вокалистку - в Америке.' Нико хихикнула. Она уехала из Штатов, чтобы сделать себе имя в Лондоне, и теперь у нее был шанс заключить сделку с самым влиятельным менеджером в округе, но уже в Штатах. Она сказала, что свяжется с ним, и пообещала прислать ему копию своего дебютного сингла. Первым шагом была запись, что-то осязаемое, чтобы продать ему.

Гроссман был не единственным менеджером, который искал певицу. Один из руководителей сказал ему: "Если ты сможешь найти девушку, которая выглядит как Мэрилин Монро и поет, как Мэри Трэверс, ты завоюешь мир". У Гроссмана уже была Трэверс; она была дочерью Питера и Пола Мэри, длинноволосая блондинка и невероятно красивая. Он понял причину, стоящую за советом своего друга. Дело было вот в чем: группы были следующим шагом на пути к успеху, они были новым стилем хард-эйдж, трайбл, электрик; группы были похожи на банды, группы были мальчишескими (и девушки могли преданно любить Брайана или Мика, Джорджа или Пола). В отличие от этого, soft edge должен быть женственным, холодным, пассивным, погруженным в себя, непроницаемым, акустическим. Именно так формировались варианты в 1965 году. Однако музыкальный бизнес не был прозорливым. Он не мог предвидеть таких сильных индивидуалистов, как чернокожий виртуоз Джими Хендрикс или "уайт блюз " Дженис Джоплин. Но он мог бы более внимательно отнестись к неизбежному переходу к андрогинности. Тем не менее, Боб Дилан уже сделал свой выбор. Гроссман создал группу The Hawks, которая в конечном итоге увенчала свою карьеру

названием ultimate group., The Band. Теперь Гроссману нужна была Девушка.

Нико не была девушкой в том смысле, в каком это принято у мальчиков. Она чувствовала глубокое замешательство и

недовольна тем, что о ней говорят. Она не была девочкой, цыпленком, птичкой или куклой. Нико была 26-летней женщиной , которой нужно было содержать мать и ребенка. Как объяснил Пол Моррисси, “она была умной женщиной с детским складом ума, и я осторожно говорю “детским”, а не инфантильным”. Тем не менее, она нуждалась в работе и под давлением обстоятельств придумала девушку-певицу по имени Нико для 40-летнего толстяка и 20-летней худышки. “Я играла роль, которую должна была сыграть. Это было похоже на возвращение к Страсбергу. Это было весело, правда. Но это не было игрой на сцене или на записи. Я снималась по контрактам. Я ходила на прослушивания каждый раз, когда встречалась с Эндрю, Брайаном или Бобби. Я был слишком застенчив, чтобы быть самим собой, и мне легче играть кого-то другого, не так ли? Это похоже на то, как в детстве я был добр к Американцам за шоколадом. Но это нормально, потому что ты добиваешься успеха и можешь жить своей настоящей жизнью, оставаясь незамеченным. Вот что Гарбо так и сделала, и Дитрих тоже. Это то, что я могла бы сделать”. Так далеко она никогда не заходила

.

ТЕМ ЛЕТОМ 1965 года Лондон был залит грязным дождем. Самым дождливым летом за последние годы на улице не было даже плаща от лондонского тумана. Coldstream Guard смогла справиться со стихией: ‘Город был похож на Венеция зимой, а я хотел побывать на Ибице. Но я должен был записать свой “летний” альбом под дождем”. Эндрю Луг Олдхэм основал

компанию Immediate Records совместно с Тони Колдером, продюсером Marianne Успех Faithfull. Они предложили Нико типовой договор. Олдхэм сказал ей, что метка будет распределена главным, Philips и специализируемся на новый талант поет свою материалу или обложки Американские хиты. В случае с Нико, добавил он, у нее не было своего материала, и поэтому они искали американскую песню. Она сыграла ему демо Дилана. “Это отличная песня, - отреагировал он, - но она слишком унылая для дебюта. Это будет хорошим продолжением”. К своему ужасу, Нико узнала, что ее контракт не позволяет ей высказывать свое мнение в подобных вопросах . Брайан Джонс посоветовал ей не беспокоиться, поскольку Олдхэм был опытным специалистом и знал торговлю “вдоль и поперек” (“Мне было интересно, какую профессию он имел в виду. Я думаю, торговлю наркотиками”). Джонс пообещал помочь ей, обучить ее написанию любой песни, которую она выберет, и, кроме того, сыграть на гитаре во время записи.

Олдхэм подошел к Дилану так близко, как только мог. Он выбрал Вторая песня другого исполнителя группы Гроссмана, молодого канадского композитора Гордон Лайтфут. В те дни он был довольно гламурной личностью , на его песни делали каверы Элвис Пресли, Дилан, Барбра Стрейзанд и Джонни Кэш. Однажды его провозгласили “канадским мистером Фолком”.

однако в 1966 году его престиж упал. Нико был равнодушен к песне, что вполне соответствовало ее названию. “Tm Not Saying” (как написано на этикетке) - типичный номер группы Lightfoot, на который Дилан оказал влияние своими протяженными строками и умными поворотами мысли:

Я не говорю, что буду сожалеть.,

За то, что я мог бы сказать такое, что заставило бы тебя плакать.,

Я не могу сказать, что я всегда делаю все, что ты от меня хочешь., Я не говорю, что это будет правдой, но я попытаюсь.

Запись состоялась однажды в студии звукозаписи в Сохо. Денмарк-стрит (пять фунтов в час). Продюсировал Олдхэм. Он стремился к живому, поп-звучанию и нанял струнный оркестр Дэвида Уиттакера, чтобы придать ему текстуру, а глокеншпиль добавил милую, звенящую контрмелодию. Джонс бренчал на гитаре в сопровождении ударной установки, что в совокупности создавало убогий ритм, слишком напоминающий “The Swinging Busker’. Нико было рекомендовано звук, как Марианна Фейтфул, которой она обижалась — у тебя на помню, я был самым старым человеком там, и они хотели, чтобы я звука как маленькая девственница’.

Удивительно слышать сегодня этот рекорд и мгновенно распознать Сильный голос Нико. Ее фирменное контральто звучит с самого начала; в конце концов, песня Лайтфут была переложена на си-бемоль мажор , чтобы придать Нико глубокие ноты для пения, которые находятся за пределами обычного диапазона “девичьих голосов” и принадлежат стране теней Зары Леандр и Дитрих. Единственный раз в своей вокальной карьере она Можно уловить блеяние Марианны Фейтфулл - смущающе тонкую и нервную попытку сыграть вибрато, которую Нико затемнил, когда она в следующий раз работала в студии. The New Musical Express восторженно отозвался о сингле:

Народный и коммерческий, с энергичным ритмом — это Я не говорю о том, что он написан Гордоном Лайтфутом, который ранее-активно сочинял песни для Peter, Paul & Mary. В нем подчеркивается самый привлекательный голос девушки-певицы Нико. Flip side - это скорее песня протеста под названием “Последняя миля”.

За прошедшие годы эта пластинка стала культовой для коллекционеров благодаря “песне протеста”, написанной Джимми Пейджем для сессии Нико. Эндрю Олдхэм записал несколько собственных текстов , из которых Пейдж за считанные минуты превратил в сносную песню:

Нико

Реки созданы для того, чтобы течь,

Так почему бы не позволить им течь?

Люди созданы для того, чтобы показывать,

Так почему бы не позволить им показывать?

Немного посмеяться, немного улыбнуться, потому что мы начали с последней мили.

Детский разум искалечен,

Они видят только черное,

Человеческий разум убит,

Так почему бы не дать ему увидеть?

Немного посмеяться, немного улыбнуться “Потому что мы преодолели последнюю милю.

Этот поистине ужасный фарс - не более чем пересказ глупой речи, с которой Олдхэм выступил на Таймс-сквер в Нью-Йорке , объявляя о поглощении Klein: “Сегодняшнее звучание, лицо и образ мыслей в большей степени связаны с надеждой на завтрашний день и реальностью разрушения, чем слепые, которые не могут видеть своих детей в течение долгого времени”. страх и разделение.’ (Возможно, слепые, разлученные со своими детьми, были теми, кому по приказу Олдхэма проломили головы на обложке альбома The Stones пятью месяцами ранее.) Неудивительно, что Нико не нравилось играть роль девочки для таких безнадежно тупых мальчиков.

Не только песня привлекла к этому альбому культовое внимание . Еще более волшебным является сочетание Нико с гитарным дуэтом Брайана Джонса и Джимми Пейджа. Пейдж в то время был 21-летним сессионным гитаристом, который был принят на работу в Сразу же стал продюсером “Олдхэма”. Он сыграл на всевозможных синглах, попавших в поп-чарты, в том числе на синглах группы The Stones, но наиболее примечательным стал “My Generation” группы The Who и “It’s Not Unusual” Тома Джонса. Мало кто догадывался тогда, что хрупкий, страдающий астмой сессионный музыкант вырастет в выдающуюся фигуру рок-музыки, создателя группы Led Zeppelin и героя-шамана. Коллекционеры слышат рычание Великого Зверя за ‘The Last Mile’. Они знают, что Джонс и Пейдж увлекались оккультизмом, и они подозревают, что Нико тоже увлекся темной стороной черной магии, вплоть до “последней мили”. Но именно так склонны думать коллекционеры пластинок.

Нико как-то спросил сценариста: “Вы знаете, что Брайан был ведьмаком? Мы интересовались такими вещами, и он очень серьезно относился к этому. Мик знал и был его врагом. Иногда это было опасно”. Она

в другой раз он сказал, что Джонс увлекался оккультизмом, но “он был как маленький мальчик с волшебным набором”. На самом деле это было для него оправданием , чтобы быть противным и сексуальным. Он читал книги старого англичанина, который был дьяволом. Я сказал Брайану, что знаю дьявола, а дьявол был немцем!’ Древнеанглийским дьяволом был Алистер Кроули (1875-1947), который называл себя Великим Зверем. Джимми Пейдж позже купил его дом и собрал памятные вещи о мастере. Три человека по отдельности подтвердили одержимость Джонса: поэт Брион Гайсин, кинорежиссер и оккультист Кеннет Энгер и историк позднего блюза Алексис Корнер, хотя Корнер осторожно добавил: “Его больше интересовали атрибуты, чем философия”. Что касается Нико, то это еще одна полуправда,

усугубленная ошибочной идентификацией. Анита Палленберг не делала секрета из своего авторитета в магических искусствах. Когда в 1979 году она была арестована за убийство в Салеме, штат Массачусетс, на нее также было заведено дело о колдовстве (у Салема такая репутация). Похоже, что даже для коллекционеров пластинок одна “немецкая цыпочка” ничем не отличается от другой.

Нико увлеклась колдовством так же, как она - кулинарией-анархисткой. Книга и Камасутра. Они были слегка подрывными, непокорными альтернативами господствующей культуре. Она принадлежала к поколению , которое искало альтернативы во всем. Многие из коллег Нико разделяли неприязнь к ограничениям, налагаемым традиционным материализмом. Одного или двух из них можно было бы успокоить, внеся небольшие изменения в законы о наркотиках или пойдя на небольшие уступки либерального правительства. Другие были сделаны из более прочного материала. Позже Нико рассказала рок-журналисту о том, что у них было: “У нас было два пути. Можно было прогуляться по улице или, по собственному разумению, зайти внутрь”. (Она снова думала о своем дворце Dolce Vita). Те, кто вышел на улицу подышать затхлым воздухом, стремились к переменам через общественные действия, отстаивание гражданских прав и агитацию. Другие исследовали внутренний путь к самопросвещению, избавляясь от грязи ортодоксии, или , как они тогда говорили, “сногсшибательный”. Нико считала, что она видела последствия массовых изменений и боялась их: “Это то, что сделали нацисты. Именно это случилось с Германией”. Она предпочла остаться дома, ища “внутреннюю правду”, как, по ее мнению, это делал ее отец. Не отец—солдат, а отец-суфий.

Поиск альтернатив часто начинается с противоположностей. В начале шестидесятых годов, по мере того как христианские церкви разрывались между замкнутыми традициями привилегий и популистскими устремлениями “приходского священника”, количество публикаций по языческим религиям и оккультизму утроилось. Определенная секта баптистов

запустил смехотворную кампанию (“Дьявол на вашей улице?”) которая обеспечила хорошую рекламу тем, на кого они нападали. Популярные воскресные газеты регулярно публиковали истории о ведьмах-домохозяйках и захудалых пригородных шабашах. Увлечься было нетрудно, и, как многие скучающие мальчики его поколения, Брайан Джонс был очарован. Он читал все, что мог найти, и научился любить извращенный дух оккультизма. Нико, конечно же, нравилась близость к возможностям, которые были скрыты или запрещены, и она была заинтригована обратным использованием христианских символов. Прикосновение к табу вызывало внутренний трепет ; в таких вопросах Джонс и Нико были единомышленниками, и их легко было провести. Но, как обычно, Нико был слишком ленив, чтобы зайти далеко.

В интервью немецкому журналу Twen она сказала: “Я очень суеверна. Я действительно верю в рай и ад’. Она имела в виду именно эти места, а не их владельцев - Бога и сатану. В то же время она сказала: “Я язычница. Но я тоже религиозна. Я думаю, религия также существует в язычниках, как язычество существует в религии, потому что оно было там первым”. Она отказалась от дальнейших объяснений. Таким образом, “язычник” означает все и в то же время ничего, что делает его идеальным словом для Нико. В тот момент она буквально использовала это слово для обозначения “дохристианина”, хотя обычно использовала его вместо “атеиста”, чтобы передать “нехристианина”, чтобы намекнуть, что ее тянуло к религии, но она не стремилась к ней. Нравится Брайан Джонс, она “больше интересовалась атрибутикой, чем философией”; маленькая Криста слонялась по кладбищу, а не по церкви. Что касается ‘Последней мили”, то глупо обременять ее возможностями, выходящими за рамки ее семидюймовых достоинств.

1 августа 1965 года “Немедленный” стартовал с утомительно скучной пресс-конференции, на которой в максимально мягкой форме говорилось о смене руководства “Роллинг Стоунз”. Нико величественно восседала в центре главного стола, единственная женщина среди этой компании раскованных и чопорных бизнесменов: Олдхэм, его партнер Тони Колдер и менеджер компании Philips по производству галстуков старой школы. Рядом с фотографией этой необычной команды, как и всегда, в пятницу, 13 августа, в “Нью Мюзикл Экспресс” была опубликована точная

копия, как и всегда, Пресс-релиз Олдхэма:

Три сингла составляют первый релиз альбома Andrew Собственный лейбл Олдхэма, Immediate Records, выступит в следующую пятницу (20-го). Среди них песня, спродюсированная им самим, “Tm Not Sayin” певицы new girl Нико; американский хит “Hang On Sloopy” группы The McCoys и диск новой британской группы the Fifth Avenue под названием “The Bells of Rhymney’.

120

6 июля-декабрь 1965 года

В тот пятничный вечер Нико совершила нечто престижное, что обеспечило ей больше бесплатных обедов, чем все, что она когда-либо делала в Англии. Она появилась в программе “Готово, спокойно, вперед!”. Эта новаторская телевизионная программа была особенно известна в Америке, где ее никто не видел. В лондонской студии, заставленной строительными лесами, были представлены поп-звезды, выступающие вживую перед потрясающей толпой заводных парней и девчонок, как сказали бы в те дни. Шоу начиналось с колоритного слогана “Выходные начинаются здесь!”, а песни сопровождались привычными вставками от молодой леди, известной как Королева моды, чей микрофон часто работал. Нико продвигала свою группу “A”, появляясь в шоу с Сонни и Шер, The Animals, Братья Уокер, а также следующие за ними с самой популярной пластинкой-новинкой этого месяца, Джонатан Кинг поет песню “Все полетели на Луну”. Вскоре после этого запись программы была стерта, и, несомненно , не без оснований.

Две недели спустя Melody Maker опубликовал в своей колонке для рейверов заметку о сплетнях : *Нико говорит, что ее следующим синглом будет ранее не записанная песня Боба Дилана. ’ Очевидно, она рассказала одному из авторов о демо - версии “ll Keep It with Mine”. Однако продолжение не было выпущено. Нико больше никогда не записывалась для Immediate,

и ее контракт остался невыполненным. Она жаловалась на то, что Олдхэм не выполнил свою работу должным образом, не сумев найти место в чартах для сингла и из-за плохой дистрибуции. Вот первое проявление типичной черты Нико: она обвиняла менеджера в структурных проблемах, которые не зависели от него напрямую. Если дистрибуция была плохой, значит, он сам виноват в этом; если промоутеры не воспринимали ее всерьез, это было потому, что он ее подводил. Менеджер представил ей всю систему, и она лично высказала свои претензии. В случае с Олдхэмом это было наивно. Он сразу же добился успеха с песней “Hang On Sloopy’. Он занимал первое место по продажам в течение шести недель подряд; рынок решил, что именно на нем следует зарабатывать деньги, и все бизнес-ресурсы Immediate были направлены на это. По правде говоря, Нико неплохо зарабатывал в Олдхэме. Он организовал соответствующую рекламную кампанию, показал ее на телевидении для рекламы перед выпуском, разместил ее фотографию в музыкальных газетах, а ее имя - в колонках светской хроники. Нико это не успокоило. “Он был идиотом”, - ворчала она двадцать лет спустя.

Нико нашла утешение в словах стареющего сотрудника звукозаписывающей компании , с которым она познакомилась на вечеринке и чье имя позже не смогла вспомнить. Он сказал ей: “Синглы - это история. С каждым годом люди покупают все меньше и меньше. А на долю девушек-певиц приходится лишь 20% продаж. Ты

на пути к успеху. У нас есть будущее — будущее групп и будущее альбомов. И вот что я вам скажу: девушка, возглавляющая группу, была бы настоящей победительницей”

‘ВРЕМЯ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, потому что во всем мире оно одинаковое. Это может быть десять часов в Лондоне или десять часов в Будапеште. Поэтому я не очень хорошо помню время. Но я

помню места. Запомнить их очень легко . Такси в Нью-Йорке желтого цвета. В Лондоне оно черное. В Берлине есть скоростная железная дорога. В Париже - метро. На Ибице есть лодки. Вот откуда я знаю, где нахожусь. И солнце.' Странно, что Нико никогда не упоминал о языке; к настоящему времени этот непокорный Ученик народной школы знал четыре языка - английский, французский, немецкий, итальянский - и достаточно хорошо владел испанским, чтобы купить хлеб и марихуану. Она не выучила их, а "нахваталась", хотя и не возражала , когда поклонники предположили, что она получила дорогостоящее образование в частных школах по всей Европе. "Я получила хорошее образование в нескольких странах", - призналась она с предельной откровенностью. Во второй половине 1965 года Нико занималась языками , переезжая из страны в страну в поисках… работы, конечно, поскольку у Мейвальда были для нее небольшие поручения, которые поступали не так легко. Однако она искала не только работу, но и своего сына, который все еще жил с Булонями в Париже. Предполагается, что она жаждала увидеть его прямо тогда, потому что только что сделала аборт в Лондоне, обнаружив, что беременна от Брайана Джонс (об этом Нико говорит лишь вскользь; ей было бы стыдно упоминать о таких вещах, особенно после ее ссоры с матерью из-за Ари). В какой-то момент она взяла трехлетнего Ари на короткий отдых в Берлин.

Ее двоюродный брат Ульрих теперь был начинающим архитектором, женатым и обеспеченным, и вовсе не принадлежал к богемному миру Нико. Он вспоминает, как обедал в берлинском ресторане со своей семьей, Нико и Ари. Ему приходилось переваривать не только еду: "Меня очень смущало, что она игнорировала своего сына. Я имею в виду, что он бродил по другим посетителям, стаскивал тарелки и столовые приборы со столов, играл с чужой едой, поднимал шум и устраивал беспорядок. Она продолжала говорить так, как будто не имела к этому никакого отношения, как будто матерью мальчика была кто-то другой. У нее не было ни малейшего желания наказывать его, каким бы разумным он ни был. Он был совершенно свободен делать то, что хотел, но из-за этого у него не было социального статуса. И все же, если он причинял себе боль или искал ее внимания , она щедро утешала его. Она поступала и так, и этак

бездумно и заботливо. [это было необычно - так обращаться с ребенком

“.

Тетя Хельма, должно быть, напомнила Нико о том, как сильно заболела ее мать , поскольку Нико все-таки еще раз посетила Ибицу. Легко представить , как она точно так же реагирует на Грету и Ари, предлагая им лишь выплакаться на загорелом плече. В глубине души она знала, что ее мать не смогла бы выжить таким образом, потому что в моменты, когда она была под кайфом от своей печальной, больной матери, она говорила своим американским друзьям вполголоса , но только вполголоса и не более того. Но она не смогла справиться с чудовищностью этого, не тогда, когда столкнулась с этим лицом к лицу, и у нее не было денег, чтобы возместить причиненный ущерб. В то время, когда она была наедине с дешевыми журналами в портовых барах, контраст в ее жизни проявился особенно остро. На их страницах она прочитала о своих “друзьях” The Rolling Stones, Бобе Дилане, Алене Делоне и Энди Уорхол. Она видела свои фотографии, на которых она придавала гламур низкосортным товарам. У нее был доступ к славе, но доступ к деньгам был у мужчин . И, судя по журналам, ни у кого из них не было доступа больше, чем у седовласой палочницы с Манхэттена. Конечно, на этот раз, подумала она, ей удастся отделить деловую сторону от личной . В конце концов, этот Уорхол не был воплощением мечты.

В начале ноября Нико прилетела в НьюЙорк, где познакомилась с The Rolling Stones, Бобом Диланом (который только что тайно женился на красотке Playboy Саре Лаундес) и его менеджером Элом Гроссманом. Предстояло немного поработать моделью, в том числе съездить в северную часть штата , заплести косу и потеребить оленя на снегу для рекламы * Бернхард Альтманн (Bernhard Altmann) сшивает косички размером с детскую косичку на кашемире цвета взбитых сливок”. Вернувшись на Манхэттен, Брайан Джонс взял Нико отправилась на фабрику Уорхола, которая, как она с разочарованием обнаружила, была всего лишь четвертым этажом склада на Восточной 47-й улице Улица. Он был покрыт серебряной фольгой (“Серебро все портит”).- груша”, -

отметил Уорхол) и была полна модных людей, которые занимались множеством дел или вообще ничего не делали. Нико поприветствовала Уорхола и Малангу , подарив им копию своего альбома “Immediate”. Это был мудрый шаг, поскольку этот диск стал для нее пробой в The Velvet Underground и ее билетом к славе в качестве новой суперзвезды Энди Уорхола и званию “Мисс поп-музыка 1966”.

Нико сразу же прошла кинопробу. Это был не самый выдающийся момент в ее карьере. Все, включая Боба Дилана, проходили этот тест (“вступительный экзамен”), когда впервые посетили Фабрика. Они сидели на стуле в хорошо освещенном углу склада , а Джерард Маланга в течение трех минут направлял на них камеру . Очевидно, что тест Нико прошел успешно, так как несколько дней спустя

Нико снялся в настоящем фильме Уорхола, двухсерийном фильме под названием ” Чулан, в котором она живет в чулане с парнем-геем Рэнди Боршайдт на 70 минут без приключений. Коннотация - гейская; “раскрытие тайны” означает публичное признание гомосексуальности, хотя Нико этого не заметил. Это был первый из шести Фильмы Уорхола, в которых ей предстояло сниматься, были более запоминающимися, чем ее дебют.

Под серебристыми трубками и облаками наркотика она познакомилась с бандой Factory: Билли Наймом, который накрыл фабрику фольгой, битником по имени Ундина, который описывал себя как “бегающего, стоящего, прыгающего наркомана”, дородной Бриджит Берлин, чей отец управлял Hearst Corporation и множество других, из которых самой очаровательной была тонкая, как вафля, модель Эди Седжвик, которую Нико вскоре заменила на посту первой леди фабрики. Но самым полезным сотрудником, которого она встретила, был молодой человек, еще один молодой человек, который влюбился в нее. Обходительный, язвительный на язык Пол Моррисси начал снимать фильмы, которые, как предполагалось, должен был снимать Уорхол. Он

также руководил делами Уорхола и продолжал заниматься этим в течение девяти лет. Джерард Маланга называл Моррисси “чем-то средним между капитаном китобойного судна из Новой Англии и Бобом Диланом”; банда , окружавшая Уорхола, нервничала из-за этой остроумной свечи зажигания, так же как он был нетерпим к их пристрастию к наркотикам и художественным претензиям . Его неуемная ирландская причудливость была характерной чертой, которой Нико очень наслаждался в их многолетних платонических (безответных) отношениях. В конце концов, именно он подвел итог карьере Энди Уорхола как “оформитель витрин, который занялся живописью, когда ему сказали, что его работы похожи на современное искусство’.

Рассказ Пола Моррисси о суперзвезде Нико начинается в стиле Опи Шульца “Когда-то давным-давно”: “Мы должны вернуться немного назад, к тому времени, когда нога Нико еще не ступала на завод; я имею в виду, не позднее начала Ноябрь. Энди начал получать фиксированный доход от Leo Галерея Кастелли. Но он не занимался никаким искусством. Он на несколько лет ушел из мира искусства, чтобы повысить свою цену и сделать более ранние работы более привлекательными для коллекционирования. Он получал тысячу долларов в неделю. И он не хотел платить никаких налогов, поэтому решил потратить оставшиеся деньги на создание небольших фильмов; час проявленной 16-миллиметровой черно-белой пленки стоил 200 долларов. Ну, за 200 долларов мы точно не собирались конкурировать с Голливудом. Но этот парень, Йонас Мекас, арендовал театр за пределами Бродвея на вечер понедельника, когда там не показывали спектакли, и называл его Синематекой. Так вот, Энди всегда искал способы сохранить свое имя в газетах, и это оказалось

что кинокритик из “НьюЙорк таймс” рецензировал этот материал в Синематека, так что мы бы там что-нибудь показали, и имя Энди попало бы в “Таймс”. Эти фильмы были по-настоящему

экспериментальными, никто в здравом уме не думал, что у них будет аудитория. Когда Энди начал снимать, камера не двигалась, совсем. Тогда я сказал: “Энди, давай попробуем передвинуть камеру”, а Энди ответил: “Ну и ну, я не знаю”. Он был ужасно неопределенным во всем. Я действительно стал его менеджером в том смысле, что вел все переговоры; я также должен был подсказывать, что делать. Энди вставал утром и спрашивал: “Что мне сегодня делать?” и вы должны были указывать ему, что делать. Полицейский говорил: “Давайте снимем фильм“ , а он отвечал: “Отлично, о чем мы будем снимать?”, и я предлагал идею, или у него на уме было что-то, что он услышал где -то еще… не совсем в Голливуде.

‘Мы начали перемещать камеру и снимать две катушки — мы сделали одну, а потом подумали: “О, ну что ж, давайте сделаем еще одну, может быть, получится лучше”. Итак, я проецировал ролик в течение 30 минут, и в нем не было ни одного кадра, так что он просто продолжался и продолжался, камера, возможно, увеличивала и уменьшала масштаб пару раз, но это было довольно скучно. Однажды мне это надоело , и я включил вторую катушку в то же время на другом проекторе, чтобы посмотреть, есть ли в них что-нибудь интересное, и, соединив их вместе, я сделал их еще лучше. Я сказал об этом Энди, он сказал: “О, боже, эм, ладно” , и мы начали показывать фильмы в синематеке по две катушки за раз. Так появилась технология мультипроекции, которую мы использовали на шоу Velvet Underground и которая принесла нам репутацию авангардистов.’

Моррисси и Уорхол всегда искали способы привлечь на фабрику новые деньги и обеспечить “работой наших сотрудников”. Они говорили, что подойдет все, что угодно. Тем не менее, они были поражены, когда им позвонил старый театральный продюсер. Майкл Майерберг позвонил и рассказал, как Уорхол планировал организовать дискотеку, которую он строил: “По какой-то непонятной причине он хотел открыть дискотеку в авиационном ангаре в районе Квинс, куда никто в мире не ходил. В Нью—Йорке было не так много дискотек, и все они были маленькими, как “У Артура”, “у Ундины”, “Сцена” - какой-то богатый парень арендовал подвал с танцполом размером со стульчак для унитаза. Мы пошли в офис Майерберга над знаменитым рестораном Sardi’s, и он сказал Энди: “Ты ходишь на дискотеки, и у тебя есть эта девушка, Эди Седжвик , и ваши имена постоянно мелькают в газетах, когда вы ходите в клубы. Я хотел бы нанять вас, чтобы вы ходили на эту дискотеку каждый вечер”. Энди всегда интересовали люди, предлагающие ему деньги, но проблема

я был здесь, чтобы никто не поверил, что Энди действительно ходит в Квинс каждый вечер!

“Этот парень пытался нам угодить и предложил: ” Давайте назовем это дискотекой Энди Уорхола. Или вы можете придумать название”. Мы сидели там, слегка ошарашенные, но Энди сказал: “Э-э-э… э-э-э”… Подъем. Энди Уорхол поднялся. “Конечно, этот парень понятия не имел, что Энди немного капризничает: “По-моему, это нормально”, - ответил он. Мы сказали, что подумаем о сделке. На улице я сказал Энди , что мы могли бы сходить на его дурацкую дискотеку, и он мог бы нам заплатить, но это не имело смысла, если у нас не было какой-то финансовой заинтересованности. В те дни на дискотеках были записи и концерты групп. Я сказал Энди, что мы найдем рок-н-рольную группу, и тогда у нас будет повод пойти туда , потому что это была наша группа, а Энди был бы похож на Брайана Эпштейна. Он сказал: “О, это здорово”. И я сказал ему, чтобы он не беспокоился по поводу искусства , потому что Кокто однажды управлял боксером-призером. И вдруг Энди загорелся идеей руководить группой, и я просто попытался расположить к себе Майерберга”.

Моррисси позвонил Майербергу и сказал, что Энди согласится на сделку, если он продвинет их группу на разогреве. Майерберг сказал: “Отлично. Как называется группа?’ Моррисси сглотнул. У него не было никакой группы. Он что-то невнятно пробормотал, сказав, что даст ему знать. Он просидел на фабрике целую неделю, обхватив голову руками, пытаясь во всем разобраться: “Оказалось, что Фабричные дети не любили ходить слушать музыкальные группы”, - жаловался Моррис-сей. “Они бы пошли, только если бы это было мероприятие вроде “Роллинг Стоунз”. У Джерарда Маланги была подруга Барбара Рубин, которая была знакома с молодым певцом по имени Лу Рид. Она попросила Джерарда снять новую группу, которая Лу присоединился к группе, у которой была забронирована трехдневная резиденция в

Уэст-Виллидж. Заведение называлось “Кафе Bizarre” - или это было кафе “Wha”? Они были рядом друг с другом. Эти кафе были остатками от Битники пятидесятых; у них были фолк—певцы, поэты и прочая чушь для туристов, и ими управляли итальянцы - Уэст-Виллидж - настоящая мафия”. Маланга одолжил у Уорхола камеру “Болекс” и попросил Моррисси помочь ему установить экспонометр и зарядить камеру. Именно так Моррисси познакомился с The Velvet Underground, которые взяли свое название из дешевой секс-рекламы.

Моррисси считал, что они были восхитительны: “У Джона Кейла была замечательная внешность, и он играл на электрическом альте, что было настоящей новинкой; но лучше всех была барабанщица Морин Такер. Вы не могли оторвать от нее глаз, потому что не могли понять, мальчик это или девочка. Ни у кого раньше не было девушки-барабанщицы.

Фр

Она не пошевелилась, такая спокойная была. Но у тебя должно было быть

три вещи, необходимые для управления группой: гитара, усилитель и менеджер.

Ну, у них даже усилителей не было. Морин была всего лишь

взяла с собой, потому что у ее брата был такой же, который можно было одолжить. Я спросил их,

* Как бы вы отнеслись к тому, чтобы Энди Уорхол был вашим менеджером? Мы

ищете группу, мы можем гарантировать трудоустройство, мы можем открыть вам

на большой дискотеке с большой рекламой мы подпишем контракт с

я найду тебя и заключу с тобой контракт на запись альбома”. Если бы что-то не сработало, то

если бы они так поступили, через неделю здесь не было бы ни одной группы. Это

сила совпадения. На следующий вечер я привел Энди с собой. Он

сказал: “О, да, здорово. Мне нравится это слово “андеграунд’ в их

имя.” Но он всегда соглашался. Он просто хотел, чтобы что-нибудь произошло.’

На той же неделе Нико поступила на работу на фабрику. Морисси

вспоминал об этом случае: “Энди сказал: “О, привет!”, но он всегда здоровался

к стене. Он познакомился с ней в Париже, но никак не мог вспомнить этих

вещи. Он всегда прикрывался улыбкой и “хитом”? ” Нико

дал им копию “I’m Not Sayin”, которую они тут же сыграли

и ‘вроде как понравилось’. Моррисси сразу же увидел решение одной из проблем.

проблема, которая возникла у него с The Velvet Underground: “Энди, проблема

разве у этих людей нет певца? Есть парень, который поет, но у него есть

никакой индивидуальности, и никто не обращает на него ни малейшего внимания. Они

нужен кто-то с толикой харизмы.’ Певец с песней ‘no

личностью’ был Лу Рид, а решением стало “самое прекрасное

girl in the world”, стоя прямо на фабрике. В тот вечер они отвели

Нико на концерт группы. После этого Моррисси предложил

сделку. Он предложил немного денег, на которые группа могла бы жить и

оплачивать аренду, а также кое-какое оборудование. - Но, - смущенно добавил он,

* вам нужно будет подписать контракт с менеджментом, и вам нужен певец.

.. и, э-э, мы знаем эту певицу, и, э-э, что, если бы она спела с твоим

группа?' Они послушали пластинку Нико. Моррисси наблюдал за их реакцией

'Этот кислый маленький Лу Рид сразу же ощетинился. Он был

с самого начала был настроен враждебно по отношению к Нико. Я сказал им, что, по моему мнению, Нико мог бы

станьте частью The Velvet Underground и просто вписывайтесь в это

| имя.' Лу Рид ответил: "Давайте оставим Нико в стороне от этого дела. То

"Velvet Underground" и Нико."Даже в названии они занимают второе место. "Это потому, что я была девушкой", - усмехнулась Нико.

'Вы должны помнить, - напомнил Моррисси, - что мы заполучили эту группу только благодаря дискотечному контракту Майерберга. Но он продолжал тянуть время, и концерт все откладывался. Наконец, мы договорились о дате в апреле 1966 года. "Вельветы" собирались открыть заведение в пятницу. В предыдущий понедельник я позвонил Майербергу, но

6 июля-декабрь 1965 года

он сказал: “У нас изменились планы. Я не могу пригласить твою группу. Мы начнем с “Молодых негодяев”.” The Rascals были группой итальянцев из Нью-Йорка, которыми руководили люди, управляющие кафе в Вест-Виллидж. На самом деле, я не должен был удивляться. Однако, я сидел в этой комнате с группой, которая думает , что в пятницу они начинают работать в большом клубе. Но, по случайному совпадению, в тот же день…”

В тот же день Нико объявила журналисту, что ее общественная жизнь процветает чудесным образом, а ее личная жизнь “тоже процветает, но не меньше, чем раньше’. В свои 27 лет она была в центре внимания, куда бы ни пошла, и все думали: “ей было от двадцати до бесконечности… с умом ребенка и внешностью архангела”. В 1985 году Нико призналась, что она была ребенком, который играл женщину, и ее жизнь пошла лучше всего, когда Я познакомилась с мальчиком, который играл мужчину. Хо-хо-хо… >Этим мальчиком был Уорхол. Проведя с ним четыре месяца, она решила, что он больше похож на воплощение мечты, чем она предполагала. Дело было не в том, что он был красив, а в том, что он был ‘братским’. В 1986 году Нико сказал, что они были похожи на “Гензеля и Гретель”… хотя, я думаю, он хотел быть Гретель. Печальным последствием этих игр стало то, что Нико пришлось напомнить, как Гензель и Гретель были обречены - нет, им суждено было встретить злую ведьму: “О да, мы встретили злую ведьму. Ее звали Валери”.

пу

7 января-июнь 1966 года

Время, реальное и воображаемое

На широком склоне горы,

(Я не знал, где именно, но это было какое-то волшебное место)

Их крылья, похожие на страусиные, вместо парусов, расправлены,

Двое милых детей бегут наперегонки без конца,

Сестра и брат!

Они намного опередили друг друга;

И все же она всегда бежит с перекошенным лицом,

И смотрит и прислушивается, не идет ли позади мальчик:

Ибо он, увы! слеп!

По неровностям и гладким дорожкам он проходил ровным шагом,

И не знает, был ли он первым или последним. (СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ, 1828)

и месяцы, и времена года уплывали в невыразимый космос, оставляя за собой блаженный простор неразрывного пространства. Там, не стесненные временем, золотые дети Вселенной вдыхали гигантские ароматы, расшифровывали Камасутру и превращали ее в заклинания концептуальных альбомов, с микроскопической тщательностью изучали Сказочных Мохнатых Братьев Фрик и выразительно вглядывались в пустое пространство, сквозь которое они отчетливо видели космических цыган, хобгоблинов и некоторые виды Богов. ‘Я не могу вспомнить ни одной даты. Я не думаю, что кто-то может”, - пожаловалась Нико. Ее подруга, кинозвезда Тина Омон , мужественно пыталась вспомнить, как они с Нико посетили рай для хиппи в Италии. Позитано: ‘Это было в семидесятых, в 1978 году? Нет, это было, когда я это сделал Феллин - Казанова. Когда это было? 1971? 1968? Ну, это было где-то тогда, между 1968 и 1978 годами. “Они были не одиноки в своей амнезии. Фотограф Дэвид Бейли умолял: “Пожалуйста, не просите меня запоминать даты или даже годы. В шестидесятые годы, я думаю , мы даже не знали, в каком году живем, не говоря уже о том, что было после. Все это как-то очень удачно слилось воедино. Теперь, когда время вернулось к нам, задача состоит в том, чтобы превзойти шестидесятые и следовать за ними по пятам. Автор Роберт Хьюисон утверждает, что они появились в 1963 году и прекратили

свое существование в 1975-м; это делает стилистический

В НЕИЗВЕСТНЫЙ ДЕНЬ безымянного месяца в шестидесятых годах, дней

чувство. Его противник, консерватор Кристофер Букер, связывает 1956-1966 годы как один долгий радужный сон, за которым последовал кошмар, начавшийся в 1966 году и сменившийся мрачной реальностью 1969 года; но тогда это было бы правдой, поскольку он сформулировал свою теорию еще в 1970 году. Каким бы образом ни была зафиксирована морфология, 1966 и 1967 годы выделяются как сенсационные. Нико считала, что они были впечатляющими, чего не разделяли ее мать и сын: “Я всегда оказывалась не в том месте и не в то время. Но когда я была с Энди Уорхолом, мне казалось, что я все поняла правильно”, - заявила она. Она, безусловно, получила беспрецедентное внимание, и ей это нравилось, независимо от того, подходили место и время для этого или нет.

Подходящим местом был Манхэттен, но она еще не нашла подходящего жилья в пределах Манхэттена. Сначала она остановилась в отеле “Челси” на Западной 23-й улице, 222. Нико возвращалась в этот удивительно невозможный уголок снова и снова, часто забывая, что она все еще должна за квартиру с прошлого визита (считается , что она все еще должна за квартиру). “Челси” был построен много веков назад,

и семья Бардов, которая до сих пор управляет им, превратила его в гостиницу длительного проживания, когда он был кооперативным многоквартирным домом; Стэнли Бард и его отец, должно быть, спорили по счетам почти со всеми художниками и богемлянами, нуждающимися в нью-йоркском приюте: Диланом Томасом, Бренданом Бехан, Эдит Пиаф, Артур Миллер, Кэтрин Данэм, Уильям Берроуз, Джексон Поллок, Вирджил Томсон,

Аллен Гинзберг; а затем рок-звезды, в том числе Дженис Джоплин, о чьем пребывании там Леонард Коэн написал знаменитую песню. Не прошло и года после ее первого визита, как Нико тоже спела песню Лу Рида о наркотических пристрастиях современных уорхолиток — Бриджит Берлин, Ингрид Суперстар, Мэри Воронов, Сьюзан Боттомли (которая называла себя International Velvet).:

Дорогая Ингрид нашла свою изюминку Она провернула еще один трюк

Ее угощения и время меняются местами У нее есть проблемы, которые нужно решить

Бедная Мэри, она так встревожена

Она не может выключить свет в своей комнате

Она свернула Сьюзен калачиком

И теперь совсем ее не видит А вот и они!

7 января-июнь 1966 года

Смотрите, как они бегут сейчас А вот и они идут сейчас

Девушки из Челси

Нико недолго была девушкой из Челси; она поняла, что не выдержит зимы с исторической системой отопления отеля. Вскоре она присоединилась к коллеге-модели в квартире в Вест-Виллидж

и взяла все под свой контроль в своей обычной царственной манере. Оттуда она с важным видом направлялась на фабрику (“Это было скорее плавной походкой, что-то вроде кошачьей походки гусенка”, - отметил Уорхол). Ее выход из фабричного лифта в студию на четвертом этаже всегда был чем-то вроде выхода, как будто она демонстрировала платье от Шанель, даже если на ней был обычный брючный костюм (“очень модно и элегантно в белых шерстяных брюках, двубортных блейзерах, бежевых кашемировых водолазках с высоким воротом и в этих облегающих брюках с высокой талией”).” мрачные туфли с большими пряжками”, - писал Уорхол, с присущим ему королевским вниманием к модным деталям). Несмотря на то, что на фабрике было полно влюбленных в себя людей, она все равно привлекала их внимание. Пол Моррисси сказал Уорхолу, что она была “самым прекрасным созданием, которое когда-либо жило”.

Кроме того, у нее был характерный голос и акцент. Американцы обожаю классический иностранных диалектов и беззастенчиво подкупают владельцев сделать слуховой идиоты сами для домашних развлечений, так как многие Европейцы могут давать показания. В книге Уорхола “Попизм” есть анонимная цитата о голосе Нико, которая с тех пор использовалась в бесчисленных статьях и комментариях: “Компьютер IBM с Акцент Гарбо.” Эта фраза приписывается Уорхолу, что неверно. Предполагается, что это относится к ее певческому голосу, что очень неверно (позже он напишет о ее певческом голосе). Это считается скорее точным , чем шутливым, что на самом деле очень неверно. На самом деле это никоизм, наполовину правдивый, наполовину нет. Ее голос был глубоким, как у Гарбо и Голос Дитрих и миллионов женских голосов в Германии и Скандинавии и других регионах мира, потому что низкий голос - это не расовая черта. Но у нее была маленькая хитрость, которую она придумала, чтобы люди были полностью внимательны и не перебивали ее. Это был утонченный вой Либбенау, ее детской сирены, которая гремела в Гютербанхофштрассе, ‘Тан-те-Хель-ма! Тан-те Хель-ма!’ Она просто растягивала свои фразы до неизмеримой длины. Во—первых, она растягивала гласные, во-вторых, добавляла неуместные паузы, в-третьих, ее слова были настолько расплывчаты, насколько позволял ее словарный запас, - в лучшем случае, как у оракула, в худшем - как у сумасшедшего.

Есть четыре попытки передать голос Нико на картине Уорхола.

Нико

Книга о попизме: “Нет, это неправда”; “Я хочу звучать как

пища, которая плавает в воздухе’. Последняя фраза - идеальный, загадочный Нико. Для нее это простая и очевидная вещь; она имеет в виду, что ей нравится посасывать кусочки фруктов, плавающие в банке с сангрией. Она думает о сангрии, апельсинах и банках и говорит об этом. Возможно, вы не думаете о сангрии, апельсинах и банках — они могут прийти вам в голову в последнюю очередь; в этом ваша беда. Джон Кейл из The Velvet Underground сказал: ‘Это нервировало. Она выбрала странное время. Вы задавали ей невинный вопрос, например: “Как дела ?”, и она целую вечность смотрела на вас с непроницаемым видом. Как только вы переставали ждать ответа, минут через десять она вдруг говорила: “О, прекрасно”. И только вы должны были помнить, что все в порядке. У всех были с ней проблемы. Таким образом, она сохраняла контроль над ситуацией. Это всегда срабатывало в ее пользу.

Типичный разговор Нико был записан ее последним менеджером, Аланом Уайз:

Алан: Ты хочешь сказать, что Джим Моррисон был похож на Иисуса Христос, или что он был Иисусом Христом?

Нико: Мне нравится новая машина.

Алан: О. А какую машину ты бы хотел?

Нико: Ему около 2000 лет.

Алан: Машина?!

Нико: Нет, Господи Иисусе.

В этих сюрреалистических фразах заключалось чувство юмора Нико. Уорхол сразу заметил это и полюбил ее за ледяные реплики, которые она бросала. Он предположил, что у них общее чувство юмора, уходящее корнями в Среднюю Европу, поскольку Энди Уорхол на самом деле был Эндрю Уорхол, родившимся в чешской семье в промышленном городке Питтсбург. Их объединяло гораздо больше, чем чувство юмора: отец Уорхола умер, когда ему было тринадцать, и он до сих пор присматривал за своей матерью Джулией, для которой купил квартиру на Манхэттене. “Энди и Нико нравилось общество друг друга”, - сказал Джон Кейл. - В том, как они оба вели себя, было что-то соучастническое Лу Рид, например. Лу был чистокровным нью-йоркским евреем (его зовут Луис Фирбанк), в то время как Нико и Энди были в некотором роде европейцами (как и я - я валлиец). В те дни Лу был очень самоуверенным и педиком . Мы звали его Лулу, я - Блэк Джек, а Нико - Нико. Он хотел быть настоящей стервой и обрушивать на нас самые резкие упреки.

F

всем, кто был рядом. Лу всегда бегал со стаей, и на фабрике было

полно королев, с которыми можно было побегать. Но Лу был очарован Энди и Нико.

Энди его совершенно напугал, потому что он не мог поверить

что кто-то может быть таким добрым и в то же время озорным

таким же трансвеститом, каким был Лу, таким же жизнерадостным геем

юмор. Всем нам было забавно наблюдать за всеми этими проделками | продолжаю, с Рене Рикаром и его злобными играми, над которыми можно было только посмеяться, потому что они были такими возмутительными. Но Лу пытался конкурировать. К несчастью для него, Нико мог бы сделать это лучше.

* У Нико и Энди был немного другой подход, но они уловили разницу. Лу выходил из себя снова и снова. Энди всегда был очень внимателен к нам. Лу не мог до конца понять этого, он не мог уловить ту дружбу, которая Энди так и сделал. Хуже того, Лу мог сказать что-нибудь язвительное, но Энди Я бы сказала что—нибудь еще более язвительное и… приятное. Это разозлило бы Лу. На Нико это произвело тот же эффект. Она говорила такие вещи, что он не мог ответить. Видите ли, у Лу и Нико был своего рода роман, завершенный и с запором у обоих. В то время он написал для нее такие психологические песни о любви, как “Будь своим зеркалом“ и “Женщина Роковой”. Когда все развалилось, мы по-настоящему осознали, как Нико может быть хозяйкой разрушительного стиля. Я помню, как однажды утром мы собрались на фабрике на репетицию. Нико, как обычно, пришел поздно. Лу поздоровалась с ней довольно холодно, но просто “Привет” или что-то в этом роде. Она просто стояла там. Было видно, что она ждала ответа, когда придет время. Спустя столетия, как гром среди ясного неба, прозвучали ее первые слова: “Я больше не могу заниматься любовью с евреями”. Какое это было хорошее начало дня!

7 января - июнь 1966 года

“СУПЕРЗВЕЗДА” - это ТИТУЛ, подобный “Леди”, “графине” или “королеве”, и он давался верным придворным и очаровательным женщинам (редко мужчинам), которые сопровождали Энди Уорхола на вечеринки и открытия галерей. Она также была изъята, когда пришло время расстаться с действующей суперзвездой . Уорхол выбрасывал одну из них, когда Нико впервые пришел на его фабрику. Эди Седжвик была спутницей Нико , с которой он познакомился в Париже, и которая, по ее мнению, “была слишком поглощена своей помадой, чтобы обращать на нее внимание”. Как и все в прошлом и будущем За исключением Нико, Седжвик была ребенком из показушно богатой семьи. Из своего дома в Новой Англии, где избалованные люди носили такие громкие имена, как Соуси и Пушистик, 22-летняя Эдит Минтурн Седжвик переехала в верхнюю часть Манхэттена, откуда ее возили на роскошном лимузине “Мерседес” на вечеринки, и снова на вечеринки , и снова на вечеринки. Мисс Седжвик была известна всем как Эди, просто

Нико

Мисс Паффген была известна как Нико. Она была идеальной модницей, андрогинкой, с глазами лани, худенькой, как амфетамин, и сильно накрашенной (‘Кожа плохая, макияж хороший’). Уорхол заметил: “Я видел, что у нее было больше проблем, чем у кого-либо из тех, кого я когда-либо встречал”. Таким образом, Эди была для него идеальной Суперзвездой.

Суперзвезда медленно угасала. До конца 1965 года Эди была для Энди хорошей маленькой богатой девочкой. Она снималась в фильмах Уорхола (“Винил”, “Бедная богатенькая девочка”, “Кухня”, “Сучка” и еще десять); она подстригла волосы и покрасила их в серебристый цвет, чтобы они соответствовали его парику; она возлежала с ним в своем “Мерседесе” и ездила на бесчисленные приемы; она полностью оплачивала счета за еду; она носила свои леопардовые шубы и блистательно красовалась перед папарацци; она приносила все те незначительные жертвы, на которые только может пойти суперзвезда. Но она также принимала все наркотики, которые ей предлагали (“Я думаю, наркотики — это как клубника”, — сказала она), у нее начали заканчиваться семейные деньги, и - что было самым опасным признаком - она начала расспрашивать о своей “карьере’. Эди больше не была сверкающим украшением, а становилась диссиденткой; бедная маленькая богатая девочка превращалась в довольно бедную и знающую женщину.

Боб Дилан в последнее время встречался с Эди и соблазнил ее мечтами о славе. С точки зрения Уорхола, он давал ей идеи, которые были намного выше ее уровня; он также подозревал, что Дилан познакомил ее с героином. Как вспоминает Пол Моррисси, “Дилан постоянно звонил Эди и встречался с ней на дискотеке под названием Arthur’s , и Эди все время видели с Диланом, что раздражало Энди. Она все еще была той Эди, которую мы все знали, — живой, забавной и милой девушкой, - но теперь люди говорили, что она могла бы стать большой звездой, а этот Энди Уорхол растрачивает ее талант впустую. Однажды, Я ужинал с

Эди и Энди в “Рыжем человеке”, и я всегда помню, как она сказала: “Со мной произошла замечательная вещь. Моим режиссером будет Альберт Гроссман. И Бобби сказал, что я собираюсь сняться с ним в фильме. Но мистер Гроссман говорит - вы знаете те фильмы, в которых я снимался с вами? Никогда не показывайте их. Я никогда не подписывал контракт на выпуск, и я думаю, что они плохо повлияли бы на мою карьеру.” Единственная причина , по которой люди были так заинтересованы в том, чтобы получить частичку ее творчества, заключалась в том, что эти фильмы с участием Энди сделали ее знаменитой! Было шокирующе видеть, что она могла быть принята к исполнению’

Фильма о Дилан не было. Фабричная команда предположила, что это был всего лишь план Дилана, направленный на то, чтобы держать Эди под рукой для своих гнусных целей, но тогда они не знали о сверхъестественном сходстве ее истории с той, которую вскоре поведал им Нико. Эди также не знала, что Дилан только что женился на красотке из “Плейбоя”; она

никогда не ожидала, что встану в очередь за чем-либо, не говоря уже о любви. За ее спиной съемочная группа хихикала, называя Эди “тупой сучкой’.

Она поняла, что ее звездные дни подошли к концу, как только встретила Ингрид фон Шефлин. Фон Шефлин на заводе окрестили Ингрид Суперзвезда, потому что она выглядела как ‘уродливая Эди’. Они подстригли ей волосы, как у Уорхола в парике, и наложили грим, чтобы сделать сходство болезненно заметным. Несомненно , для них обоих было тяжким бременем такое пренебрежительное отношение, хотя ни один из них не представлял угрозы для другого. Нико жалел их обоих: ‘Эди была

полной противоположностью мне во многих отношениях. Можете себе представить, она никогда не знала ничего, кроме богатства ? Я думаю, она выставила себя дурой, чтобы произвести впечатление на этих мужчин. Ей следовало бы проявить больше достоинства. Она слишком много двигалась. Но она была милой, как маленький мальчик, прелестный мальчик, который впервые в жизни играл с косметикой. Ингрид была прекрасной и грустной. Над ней издевались, и она этого не понимала, хотя и догадывалась об этом. У Эди есть призрак, меланхоличный призрак. Я знаю, что это правда.

Уорхол считал, что сменить Эди на Нико - все равно что сменить цвет с серебристого на малиновый. 'Нико и Эди были настолько разными, что на самом деле не было веских причин сравнивать их", - заявляли пописты. "Нико была женщиной-суперзвездой нового типа. Бэби Джейн [Хольцер] и Эди была общительной американкой, общительной, яркой, жизнерадостной и разговорчивой , в то время как Нико была странной и неразговорчивой. Вы бы спросили ее о чем-нибудь , и она, возможно, ответила бы вам через пять минут. Когда люди описывали ее, они использовали такие слова, как "воспоминание о смерти" и "жуткий". Она была не из тех, кто забирается на стол и танцует, как Эди или Джейн ; на самом деле, она скорее спрячется под столом, чем будет танцевать на нем. Она была загадочной европейкой, настоящей богиней Луны.'

Нико была богиней, а Эди - досадной помехой. Седжвика отправили на пастбище в северной части штата Вудсток, где Дилан и У Гроссмана был свой дом и свои жены. Выйдя на пенсию в 22 года, Эди время от времени возвращалась на фабрику, надевая одежду с длинными рукавами, чтобы скрыть следы героиновой зависимости от игл. Она носила их с длинными рукавами вплоть до своей последней передозировки и похорон в возрасте 28 лет. Нико пришел в ужас, увидев, как она опускается. Энди не нравился Бобби Дилан, потому что он украл у него картину и Эди. Но сначала я не мог связать Эди, Боба и ее проблему с героином, в отличие от Энди. Для некоторых вещей ты рожден, и Эди была рождена, чтобы умереть от своих удовольствий. Она должна была умереть от наркотиков, кто бы их ей ни дал. В любом случае, наркотики - это поверхность чего-то более глубокого. Когда мы говорим о наркотиках, мы имеем в виду нечто другое. Они - симптом. - Нико произнес это как "Симптом". Том, - и слегка хихикнул.

Нико

Когда ее попросили высказать свое мнение, она сказала: “Ты живешь либо снаружи, либо внутри, и некоторые лекарства помогают тебе жить внутри. Эди Седжвик хотела жить внутри, потому что снаружи ей больше нечего было видеть. Но она была всего лишь оболочкой. Она умерла, потому что внутри тоже ничего не было. Брайан Джонс умер, потому что внутри было слишком много всего. Они умерли в одном возрасте, знаете ли.’

Когда Уорхол бросил Эди, он потерял свою любимую дочурку (лимузин был наготове, счета оплачены, гламурные снимки гарантированы). Но он заменил того, кто пытался выглядеть как он , на того, кто вел себя как он. Вместо близнеца у него теперь была сестра: “две монахини, которые не в бегах”, - пошутила Вива. Сама католичка, Вива считала фабрику чем-то вроде Ватикана. Они были двумя европейцами. Католики из бедных семей, которые преуспели в обществе , ничего не говоря и сохраняя хладнокровие. Ультрафиолет (которая скрыла свое настоящее имя от Изабель Коллин-Дюфресн (Isabelle Collin-Dufresne), ставшая впоследствии суперзвездой, записала в дневнике: ‘Я очарована Нико. Я вижу в ней Энди, воплотившегося в певца. Она такая же безжизненная, как и он, хотя однажды я видел, как она медленно проливала слезы, когда пела в the Dom… Когда они с Энди впервые встретились, ни один из них не знал, что сказать. Они просто стоят и чувствуют вибрации друг друга. Разговор между ними проходит примерно так:

Нико: Привет, Энди.

Энди: О, привет.

(Тишина. Через некоторое время…) Нико: Энди.

Энди: Хммм.

Ники: Я…

(Тишина)

Энди: Что? Нико: Я… подумал…

(Тишина) Энди: Что? Нико: … подумал о тебе…

Энди: Что ты говорил, Нико? Нико: Ничего.’

НИКО ОСОЗНАЛА СВОЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ благодаря мужчинам. Многие женщины ее возраста понимали, что замужество обеспечивает статус, к которому они стремятся в жизни.

—

Благодаря этому они обрели новую идентичность, наглядную и неизменную, отраженную в фамилии мужчины, за которого они вышли замуж. Нико, которая ценила необычность выше покорности, добилась своего статуса другими способами. Она попыталась разрешить свой очевидный кризис аутентичности, и сделала это еще до того, как идеи феминизма вдохновили ее на другие варианты. Во-первых, она взяла мужское имя, а затем приняла стиль, которым больше всего восхищалась в гетеросексуальном обществе, - стиль тихих, воспитанных геев, которые лучше всего выживали в ортодоксальном обществе благодаря своему публичному молчанию и загадочной личной жизни. Энди Уорхол был ее моделью, практически немым, который стоял на своем в окружении кричащих королев (“Я предпочитаю оставаться загадкой”, - сказал он). “На самом деле я

никого не знал в Америке, кроме Энди. Я просто стоял рядом с ним. Что бы он ни делал, я следовала за ним. Думаю, какое-то время я была влюблена в него, хотя мы никогда не разрывали нашу дружбу, - сказала она Твену в 1969 году.

“Энди нравится, когда другие люди становятся для него Энди. Он не хочет всегда и во всем отвечать. Иногда он предпочел бы быть на моем месте или на месте кого-то другого. Например, во время радиоинтервью, когда я не смог прийти, он встал на мою сторону - сказал то, что я бы сказал. Я думаю, это часть поп-арта, что каждый может выдавать себя за кого-то другого, что тебе не обязательно всегда быть самим собой, чтобы быть самим собой. Если завтра я найду кого-нибудь, кто во многом похож на меня, и приглашу ее сюда петь, она может побыть Нико, пока я буду заниматься чем-нибудь другим”. Все это она рассказала в марте 1967 года для любопытного журнала под названием В Нью—Йорке” - Путеводитель по популярной стороне сингла “НьюЙорк” (позже он был использован для оформления обложки ее первого сольного альбома). Автор пришел к выводу, что ‘Она прекрасна. И в мире, где так многим можно легко завладеть по прихоти или за обещание, она никому не принадлежит”. За исключением, кажется, Энди Уорхола. Джерард Маланга, однако, добавил: “Хотя Энди и Нико были очень хорошей парой, Нико был независимым в отличие от Эди. Нико никогда по-настоящему ни в чем не нуждался от Энди, а Энди хотел, чтобы женщинам что-то было нужно от него, чтобы он мог им отказать.’

Красноречивый комментарий Нико: “Не обязательно всегда быть самим собой, чтобы оставаться самим собой” - это своего рода афоризм, который можно найти в высказываниях Уорхола, хотя его книги, такие как “Попизм”, написанные совместно с Пэтом Хаккеттом, часто были написаны “с” или “под руководством” другого автора, который записал то, что сказал бы Уорхол, а не то, что он сказал на самом деле. Когда Нико предложила написать автобиографию под названием “Движущаяся мишень “, которая была бы “наполовину правдой, наполовину неправдой”, ее друзья решили, что она в очередной раз слабо подражает Уорхолу, и не слишком разумно. Там

7 января—июнь 1966 года

однако, есть достаточно доказательств того, что Нико могла придумать колкую сентенцию или милую аксиому еще до того, как она с ним познакомилась. Уорхолизмы и никоиз - мы близкие родственники с моральной точки зрения; в ее призрачной семье он был ее уменьшающимся в размерах фиолетовым братом, который умер от скуки незадолго до нее (“У меня будет Энди, с которым я смогу посплетничать в могиле’). В роли Пола Моррисси сказал, что они были братом и сестрой - один умер богатым , а другая бедной, ‘и оба несчастливыми’.

Тем не менее, с Нового 1966 года и до самой смерти Уорхола летом 1968—го Нико прожила “самые счастливые дни в своей жизни - хо-хо-хо…” Она провела их, разрываясь между любовниками, наркотиками, фильмами и музыкой, учась сочинять прекрасные песни и играть на гитаре. они. Нико верила, что дружба с Уорхолом позволяла ей наслаждаться роскошью жизни, с которой она сталкивалась в течение следующих двух лет . Она бы поблагодарила Уорхола больше всего, потому что *он никогда не стоял на пути, когда я открывал двери. Он наблюдал за тем, как я это делаю, точно так же , как я наблюдала за собой. Мы оба были любителями подглядывать. Никто не понимал этого в нашей близости.’

В январе 1966 года The Velvet Underground - “и Нико” - были готовы к выступлению. Они подписали контракт на управление с Корпорация “Уорвел”. Военными директорами были Уорхол и Моррисси, которые получали по 25% доходов the Velvets и 25% доходов Нико от работы, которую им предоставляла корпорация . Пол Моррисси уже заработал 25% от доходов Уорхола, *что немного усложнило задачу, потому что я получил что-то глупое, например, 15,625% от Нико, а Энди получил 9,375% - ну, мы так и не заработали ни гроша, так что, в конце концов, это не имеет большого значения ” Финансовая ставка была большой достаточно, чтобы оправдать несколько проб перед их дебютом, который тогда еще был неизбежен, на дискотеке Майерберга в

Квинсе. Они начали с фильма, снятого изумленной съемочной группой для кабельного телеканала WNET. Они приехали, чтобы снять короткометражный фильм об Уорхоле, который он превратил в видеозапись репетиции группы на фабрике. Он записал на пленку вступительное слово для съемочной группы, в котором довольно долго, целых тридцать секунд, бестолково болтал:

Мы спонсировали новую группу, которая называется The Velvet Underground, и… э—э-э… и мы пытаемся… э—э—э… и поскольку я больше не верю в живопись, я подумал, что это будет отличный способ объединить… э—э—э… и у нас есть шанс объединить музыку и искусство, и… э-э-э… фильмы - все вместе, и

— и - мы вроде как работаем над этим, и завтра в 9 часов состоится прослушивание всего проекта, и если все получится , это может получиться очень эффектно.

The Velvets не участвовали в прослушивании. у них не было ни малейшего желания быть просто ‘очень гламурными’. Они были встревожены, увидев, что фабричные работники настроены очень гламурно, особенно Джерард Маланга , который предусмотрительно захватил с собой хлыст, чтобы исполнить то, что он называл “своим танцем с хлыстом”. На самом деле им было наплевать на Пола Моррисси играл со своими проекторами, потому что он проецировал что-то неясное и не в фокусе на стену позади них. Но все это походило на какой-то цирк. ‘Думаю, именно это Пол назвал бы нашим преимуществом’, - прокомментировал Нико. Она тоже была не в восторге от этого хаоса, потому что он отвлекал ее от решения вопроса, который она считала самым важным на земле , - сколько песен ей предстояло спеть и что она делала, когда не пела. Лу сказал:

“Нико, ты всегда можешь вязать”. Я сказала, что он может убираться к черту. Он огляделся и спросил: “Ну и где, по-твоему, мы сейчас находимся?””

9 января группа, вместе с Нико и абсолютно всеми остальными, провела неортодоксальную публичную репетицию на ежегодном ужине Нью-Йоркского общества клинической психиатрии в отеле dapper Delmonico Отель. Уорхола попросили прочитать лекцию, но вместо этого он предложил устроить “перформанс”. Есть несколько фотографий , на которых Эди танцует ватуси рядом с очень строгим Нико. Ultra Violet тоже присутствовала на мероприятии и описала его так ‘Энди и the Underground проводят шоковую терапию для 175 хорошо одетых психиатров и их надушенных, тщательно причесанных жен’. Клинические психиатры, должно быть, видели, как на сцене позировали несколько бывших и будущих пациентов, не только Лу Рида, но и Эди, обитательницу многих психиатрических лечебниц. Однако им так и не удалось вызвать Нико . ‘Я бы предпочла принимать наркотики, чем оказаться в психушке”, - заявила она.

‘Что я должна делать в The Velvet Underground? Какова моя роль? Когда мне будут платить?” - Это была жалоба не Нико, а Эди. Синематека организовала ретроспективу Эди В феврале 1966 года были представлены все ее фильмы с Уорхолом, а также дебютный фильм из ее последних работ. Из-за скандала между Эди и Диланом весь проект был заменен на показ фильма “The Velvet Underground”, который проходил дважды в неделю. Уорхол показал только новый фильм “Лупе”, где Эди сыграла мексиканскую диву Лупе Велес. В своем

в финальной сцене ее заставили блевать над унитазом, который был Это способ Уорхола сказать “Прощай, Эди’.

На смену унитазу пришли The Velvet Underground - и Нико. Ей дали спеть две песни и побряцать на тамбурине за спиной Лу Рида (“Мы не могли бы выбрать инструмент хуже, чтобы подарить

Нико. У нее было уникальное чувство ритма', - сказал Кейл). Весь вечер не совсем так назывался "Энди Уорболз Ап". Была внесена соответствующая поправка:

ЭНДИ УОРХОЛ, UP-TIGHT представляет концертную программу THE VELVET UNDERGROUND ЭДИ СЕДЖВИК ДЖЕРАРД МАЛАНГА ДОНАЛЬД ЛАЙОНС БАРБАРА РУБИН БОБ НОЙВИРТ ПОЛ МОРРИССИ НИКО ДЭНИЕЛ УИЛЬЯМС БИЛЛИ ЛИНИЧ

Рядом с газетным объявлением, на котором изображена перекличка завсегдатаев фабрики , помещена фотография. На ней изображены Уорхол с the Velvets и Эди. "Я помню, мое имя было где-то в самом низу, и я заплакал", - отметил Нико. Энди сказал мне, чтобы я не беспокоился, это была всего лишь репетиция. Эди пыталась подпевать, но у нее ничего не получилось. Мы больше никогда не видели ее на сцене. Это было прощание с Эди и моя премьера одновременно . Они включили запись песни Боба Дилана "Pll Keep It with Mine", потому что иначе у меня не было сил петь. Лу хотел спеть все. Мне пришлось стоять там и подпевать . Мне пришлось делать это каждый вечер в течение недели. Это самый глупый концерт, на котором я когда-либо выступал".

Нико стал главным техником, когда в марте команда Factory дала концерты в двух университетах - в Ратгерсе в Нью-Джерси и Анн-Арборе в Мичигане. Шоу больше не было напряженным, но Неизбежное извержение пластика (вскоре они решили, что название можно было бы неизмеримо улучшить, заменив "Извергающийся" на "Взрывающийся", что очень Шестидесятническое представление о прогрессе). - У меня все еще были американские права, и я был единственным, кто умел водить машину. Эди раньше была их шофером,

или, я имею в виду, ее шофер был их шофером. Теперь я был их шофером и певцом'.

Уорхол дал драматический отчет о том, как Нико водила машину в попизме ('Все это было дерьмово, но он все равно этого не писал", - сказала она в 1985 году): * Нико была за рулем, и это был незабываемый опыт. Я до сих пор не знаю, были ли у нее права. Она пробыла в этой стране совсем недолго, но все время забывала об этом и ехала по британской стороне дороги… Нико вела машину просто безумно, когда мы въезжали в Энн-Арбор. Она неслась по тротуарам и газонам людей… Энн-Арбор сошел с ума. Наконец "Вельветы" произвели настоящий фурор. Стробоскопы были волшебными, они идеально сочетались с музыкой chaos , которую играли Velvets, а длинный кусок фосфоресцирующей зеленой ленты Sylvania, которую Джерард теперь использовал для своих танцевальных номеров, выглядел потрясающе, когда на нем вспыхивали стробоскопы". Это типично для The Factory, что он мог запечатлеть целый день, проведенный в студии. концерт с точки зрения его светового шоу.

Затем наступило роковое утро понедельника, когда Пол Моррис-сей с ужасом узнал, что молодые негодяи захватили Заведение Вельветов в Квинсе. 'Но так совпало, что в тот же самый день, - продолжил он, - мне пришлось пойти с Энди в кафе, чтобы он мог сфотографироваться с Алленом Гинзбергом по какой-то богом забытой причине. Я сижу и рассказываю Энди, что у нас есть группа, но нет концерта, когда парень за соседним столиком наклоняется ко мне и говорит: "У вас рок-н-ролльная группа, и вам нужен зал для выступлений ? Мы только что провели танцевальный концерт на 8-й улице, он называется The Dom. Это большой зал со сценой и баром. Если вы отправитесь туда сейчас, то, вероятно, сможете арендовать его на выходные." Итак, я отправился на площадь Святого Марка, где это было - не в таком шикарном районе, как сейчас, — познакомился с парнем по имени Стэнли, который был поляком, потому что клуб был польским национальным общественным клубом ("Дом" означает "дом"), и арендовал его.

'Во вторник я говорю Энди, что мы должны придумать 2-3 000 долларов за концертный зал и рекламу в "The Village Voice", а "Голос" заканчивается примерно сегодня днем". Это стоило больших денег, намного превышало бюджет, но он сказал: "Ну, если ты уверен…" Я имею в виду, что он был великолепен в этом плане; он не читал контракты или что-то в этом роде, он просто доверял тебе. Честно говоря, ему очень повезло, что все всегда

шло так хорошо. Так что я пошел в “Виллидж Войс” и взял рекламу на всю страницу, это единственная реклама, на которую у нас было время, и больше ничего, только эта бесхитростная, дешевая реклама”. Копия сохранилась в альбоме Уорхола.:

141

Нико ХОЧЕШЬ ПОТАНЦЕВАТЬ И СВЕСТИ С УМА с ВЗРЫВАЮЩИЙСЯ ПЛАСТИК НЕИЗБЕЖЕН

жить ЭНДИ УОРХОЛ

THE VELVET UNDERGROUND и

НИКО

Живая музыка, танцы, Ультра-звуки, Визуализация, Световые эффекты Дэниел Уильямс, цветные слайды Джеки Кассен, Дискотека, Прохладительные напитки, Ингрид Суперстар, Еда,

Знаменитости и фильмы, в том числе: Винил, Сон, Еда, поцелуи,

Империя, Кнуты, Лица, Шлюха, Хеди, Буч, Банан И т.д.,

И т.п., И т.п., И ВСЕ ЭТО В ОДНОМ МЕСТЕ И В ОДНО ВРЕМЯ

Программа повторяется в субботу, 9 апреля, для подростков, карапузов и Утренний танцевальный марафон Тилли Дропаут стоимостью 1,00 долл.

Бедная Ингрид - суперзвезда, которую ставили между едой и

прохладительными напитками, хотя, по крайней мере, у нее было свое место, в отличие от Эди. Успех рекламы превзошел все ожидания, и в пятницу вечером 750 человек пришли поразить воображение (к сожалению для потомков, никто не сможет вспомнить, как это произошло). Ходили на утренник подростки, Карапуз и Тилли). Форма проведения вечера была основана на испытанной структуре хэппенинга - одновременного проведения мероприятий, впервые предложенного десятилетием ранее композитором -ветераном Джоном Кейджем (Джона Кейла смущало, что люди путали его с композитором постарше, которого он уважал, “и я иногда получал гонорары Джей Джей Кейла, и я думаю , блюзмен получил мое!’). Кейл считал, что “многое из того, что делал Энди, казалось разбавленной версией авангардной сцены в центре города. Ранее я работал с композитором Ламонтом Янгом , и мы занимались философским отношением к искусству. Ламонта интересовали продолжительность и долговечность, и поэтому мы рассмотрели Долларовые купюры Энди, “Элвисы” и банки из-под супа - с серьезным подозрением. Работа Ламонта была длительной, а Энди занимался повторением. У нас сложилось впечатление, что такие люди, как Энди, перерабатывали и разбавляли сильные идеи. Тем не менее, он сделал это популярным, и

то, как он создал эту мультимедийную кампанию вокруг the Velvets, является примером того, как копирование может принести пользу.

“НьюЙорк Таймс” упомянула об этом событии на странице для женщин. “Первая статья о The Velvet Underground была опубликована на женской странице The Times, и вся она была посвящена Нико”, - вспоминал Пол Моррисси. “Вы можете себе представить, как это понравилось Лу Риду. На самом деле речь шла о том, что Нико стала “новой девушкой года”. Затем речь шла об этом необычном событии, в ходе которого были применены вещи, которые раньше не использовались -

стробоскопы, пленки, пять проекторов слайдов—каруселей - о, я вам об этом рассказывал? Должен сказать, это был единственный вклад Энди. Он взял несколько цветных гелей (кажется, зеленый и красный) и резак для проделывания отверстий в бумаге — он помнил это со времен учебы в художественной школе! - а еще он проделал отверстия в геле и вставил их в рамки для проекторов слайдов. Эти маленькие штучки творили чудеса, потому что они дополняли черно-белые фильмы, которые мы показывали. Цвета просто прыгали по залу, это было так динамично. Вы можете увидеть, как они работали, потому что мы поместили их на оригинальную обложку первого альбома The Velvet. Затем мы использовали их в фильме Chelsea Girls. У Нико эти отверстия на лице.

“В следующем месяце нас пригласили принять участие в съемках the Exploding Plastic Это неизбежно на Западном побережье, в баре Whisky a’Go-Go в Лос-Анджелесе и в зале Filmore Auditorium в Сан-Франциско (Swillmore Я назвал его “Вомиториум”; им руководил тот парень, Билл Грэм, самый ужасный человек, которого я когда-либо встречал; он плакал и умолял нас пойти туда: “Вы должны прийти, это так много значит для меня”. Ужасный дурак. Как только мы добрались туда, он сказал Стерлингу: “Я надеюсь, что вы, матери бомба”). Так вот, Сан-Франциско всегда считал, что именно он изобрел световое шоу. Но что у них было, так это сарай, где стояла камера -обскура и немного масла в стеклянной миске. Они переставляли масло и вешали картину на стену. Это была просто абстрактная картина , плавающая вокруг, очень скучная. Ни стробоскопов, ни слайдов, ни ламп, ни энергии. Так что мы сразу же стали по-настоящему известными, the Velvets стали знаменитыми в течение месяца, и они так и не оправились от этого. Все произошло очень быстро.

* Мы получили резиденцию в Калифорнии благодаря парню, который пришел в the Dom и попросил о помощи. Он сказал: “Я знаю рок -сцену вдоль и поперек, я работал на Эла Гроссмана, я возьму на себя управление и выпишу вам квитанции, и я смогу начать бронировать билеты для вашей группы”. Ну, у меня не было для них никаких заказов, кроме этих университетов, и в те дни не было подходящих агентств по бронированию групп — Гроссман был и менеджером, и агентом для своих людей

- в общем, я согласился. Он устроил нас в это заведение на время поездки. Казалось, все прошло отлично (реклама гласила: “Отрывайтесь! Не обращайте внимания! Поездка Вон!”). Однажды вечером Джим Моррисон из The Doors пришел посмотреть шоу; должно быть, тогда он впервые увидел Нико. Но через несколько дней два менеджера поссорились, и заведение обанкротилось. Из-за правил профсоюза нам приходится оставаться на месте весь срок контракта, чтобы получить свои деньги. И вот тогда -то и появился этот акула Билл Грэм, плачущий и умоляющий.

“Вы также должны помнить, что тогда еще не было такой крупной структуры рок-индустрии. Хорошим примером было размещение. Я приехал в Лос-Анджелес за несколько дней до этого, чтобы проверить такие глупые вещи, как то, достаточно ли в клубе розеток для подключения проекторов, и самые сложные Моя задача состояла в том, чтобы найти место, где группа могла бы остановиться. Отели не принимали группы. Я поместил Энди и “респектабельных” людей в Мотель “Тропикана”, но они не взяли ни “Велвет”, ни Нико. Они сказали, что группы снимают дома, и меня познакомили с замечательным парнем по имени Джек Симмонс. Он был лучшим другом Джеймса Дина, а теперь управлял большим заведением под названием “Касл”. Это действительно замок , окруженный парком. Нико полюбила это место и позже некоторое время жила там с Джимом Моррисоном. Итак, вы видите, как бы прямолинейно вы ни пытались управлять этими операциями в те дни, в итоге вы все равно сталкивались с этими безумными, экзотическими альтернативами.

“Мы вернулись с Западного побережья в конце мая, и я по глупости вернулся к Стэнли в “Дом” и сказал, что хотел бы снова арендовать это место с сентября. “Знаешь что, - сказал он, - тот парень, который работал на тебя, арендовал его у некоего мистера Гроссмана”. Они открыли его осенью и назвали “Фермой воздушных шаров”. Так вот, парень пришел ко мне и сказал: “Ваша группа не работает”. “Нет, - процедил я сквозь зубы, - похоже, у него нет агента”. “Так почему бы тебе не поработать на ферме по производству воздушных шаров?” Сукин сын! Он согласился на аренду. Это было в точности то же самое, что мы устроили в те несколько апрельских дней, только теперь все

контролировали они. А потом, в конце концов , они продали аренду за бешеные деньги одному парню, работавшему в Columbia coffee company, который хотел продвигать кофе среди подростков, и превратили это место в гигантскую безумную кофейню, совмещенную с дискотекой, под названием “Электрический цирк”, но это уже другая история…’

Нико ничего этого не мог понять. “Я всегда думал, что то, что делали The Rolling Stones, было очень просто. Они путешествуют и дают концерты, сидят в студии и записывают пластинки. Им за это платят , и они живут на эти деньги. Я думал, что это было

хаос возник из-за неорганизованности, а не потому, что так было нужно. А потом, когда мне пришлось делать это самому, я снова увидел, насколько простой была идея и насколько сложной была реальность. Это было потому, что люди продавали людей другим людям, которые приходили посмотреть на них. Это были только люди, никаких машин. Тогда я понял, почему Энди хотел быть машиной. Он сказал , что хотел бы быть машиной, чтобы ему не приходилось принимать решения или причинять боль людям [на самом деле он сказал: “Я не хочу, чтобы мне причиняли боль”]. Я это понял. Но я не понимал, что происходит каждый день , и не понимал, почему мы были знамениты, но у нас не было работы . В конце концов, я был рад, что у меня появилась некоторая независимость. Я искал все способы укрепить ее. Но когда ты женщина, эти люди думают, что ты просто трудная, а не умная”.

“Ее характер - это присутствие, и оно внушительное. Слушать, как она поет для вас, - все равно что слушать, как поет для вас статуя Свободы: ее жесты застывшие, цвет лица такой, как будто кто-то изваял его из яичной скорлупы, а в ее освещении присутствует все то почтение, которое Лувр оказывает Венере Милосской.’ Эта цитата Шеридана не о Нико, а о Марлен Дитрих Морли, но если бы он увидел Нико в “Доме”, он наверняка написал бы то же самое. Она знала, что на сцене она была в центре внимания. Это было не так уж сложно. Трое мужчин из “Вельвета” “Андеграунд”

часто были одеты в черное и стояли спиной к зрителям. Освещение было приглушенным, чтобы на задней стене были видны фильмы Уорхола. Нико был на дюйм выше изможденного Джона Кейла. Лу Рид настоял на том, чтобы Нико пела большую часть песен, поэтому каждое действие Нико было значительным. На ней был брючный костюм из белой кожи, бархата или шерсти, и она стояла в центре сцены, застыв на месте, а ее лицо было освещено ярким прожектором. Она не двигалась и не улыбалась. “Пол сказал, что я никогда не должна улыбаться на фотографиях или на сцене. Он был моим фотографом, и концерт был съемкой’.

*Вне подиума, я думаю, Нико никогда в жизни не надевала платья , - заметил Пол Моррисси. “Она носила слаксы - как Хепберн, Гарбо, Дитрих. Это считалось своего рода андрогинным образом, потому что на сцене это был мощный образ, но в целом я бы сказал , что она выглядела ужасно достойно, выделяясь на фоне остальной группы в этом бело-черном ключе. Все было устроено так, что ей нужно было просто стоять там, чтобы привлечь к себе внимание. Лу не могла этого сделать. У Нико было десять лет практики. Более откровенное высказывание о сексуальности Нико было записано другой суперзвездой, Ultra Violet. Она пошла в Дом и заявила в своей автобиографии, что “у Нико мужской, атональный голос. Она похожа на девушку, с длинными светлыми волосами, хорошо-145

Нико

красивый рот, высокие скулы, длинные ресницы и светлый люминесцентный макияж. Но когда она поет, трудно определить ее пол. Вы даже не уверены, поет ли она, так мало жизни вырывается из ее уст. Неподвижная, как статуя, она повторяет низким-низким голосом с сильным немецким акцентом слова, которые вы не можете разобрать из -за громкости музыки.’ Один из рецензентов предположил, что “она гипнотизировала публику своим божественно чувственным, но бесполым взглядом”. Другой написал, что она выглядела и звучала как инопланетянка, от которой захватывает дух.

Даже самый циничный рецензент смягчился бы перед Нико. Исключительно язвительная и похотливая статья в “Бостон Глоуб ” начиналась словами: “Пожалуй, лучшее, что я могу сказать о

“Расширяющейся пластике” Уорхола Неизбежность заключается в том, что она не расширяется, не пластична и, конечно, не неизбежна… В худшем своем проявлении, которое было в большинстве случаев, фильм “три в одном” был сосредоточен на садизме, скорее как перевернутая картина. Эпопея Сесила Б. Демилля проникнута простодушной страстью , а не благочестием. Я не думаю, что вы хотели бы, чтобы я рассказывал вам обо всех безумных подробностях, но вот несколько деталей, которые отличают эту дикость. сюжет: молодого человека бичевали цепью и кнутом, когда он был привязан к стулу; женщина-имитатор рычала во время песни. (‘I Feel Pretty” сменилось на “I Feel Funny”) без единой нотки музыки в голосе; какой-то дикарь изображал обезьяну под неслышимую музыку; над женщиной, лежащей навзничь на операционном столе, трудились двое мужчин, один из которых вертел штопальной иглой возле ее левого плеча. ухо, и тот, кто угрожал ей плоскогубцами за правую мочку. Все эти виньетки были сняты одновременно, изображения иногда были четкими, иногда увеличенными, иногда сокращенными. Когда у мистера Уорхола наконец закончилась пленка, он начал новую серию. Он пригласил танцующих девушек, я имею в виду парней с длинными спутанными волосами, а также рок—н-ролльную группу и красивую блондинку-певицу по имени Нико, одетую в белые брюки-кюлоты и бархатную куртку с поясом, - изящный цветок среди сорняков. Нико продемонстрировал хладнокровие, которое согрело бы сердце битника. “Нико был бы глубоко оскорблен описанием “хрупкий”.

Но этот цветок среди сорняков все равно застрял во второй части списка. Она спела три песни, а затем ударила в свой выбивающийся из ритма тамбурин под сухой голос Лу Рида. Он был собственником , и не без оснований. Песни принадлежали ему, и он пел их хорошо. Нико очень хотела спеть “I’m Waiting for the Man”, но ее более поздние записи показали, что Рид мог бы спеть ее лучше. Пол Моррисси и Нико снова и снова допытывалась у него по этому поводу, находя предлог, чтобы она спела песню, или чтобы он написал ее, имея в виду ее, но он сопротивлялся. Джон Кейл отразил это “на протяжении всего

в семидесятые и восьмидесятые я надеялась, что Лу напишет для нее еще одну песню , такую как “All Tomorrow’s Parties”, “Femme Fatale” или “Pll Be Your Mirror”, но он так и не написал. Я бы сказал ему, что работаю с Нико над ее новым альбомом, каким бы он ни был, а он бы просто сказал: “Правда?’ - и ничего больше, без тени интереса. Он мог бы написать для нее замечательные песни. Это позор, и я очень сожалею об этом”. Кейл предположил , что “три психологические песни о любви” были написаны в то время, когда Рид был в восторге от Нико, хотя ведущий гитарист группы Стерлинг Моррисон предупредил, что “можно сказать, что Лу был влюблен в нее, но влюбленность Лу Рида - это своего рода абстрактное понятие. Когда отношения испортились (“Я больше не могу заниматься любовью с евреями”). Рид стал соавтором еще трех песен, в том числе “Chelsea Girls”, а затем “nothing more, ever”.

“Если на минуту оставить в стороне личные особенности, то возникла реальная практическая проблема с тем, что делать с Нико в песнях, которые она не пела”, - заметил Стерлинг Моррисон. ‘Она ходила взад и вперед , как это делали певцы в старых фильмах. Ну, знаете, как там… Джордж Рафт сидит за передним столиком, а Марлен Дитрих наклоняется, чтобы закурить, - Нико думал, что вы именно так и поступаете. Энди сказал: ”Пусть она поиграет на тамбурине”, а Пол сказал: “Пусть Нико споет все песни”. Так продолжаться просто не могло”. Действительно, в журнале smart magazine Status за июнь 1966 года есть рецензия, в которой автор, как только оправился от “безвкусицы” Dom, описывает выпускной вечер Нико: “*Она снова превратится в воскресного клоуна, И плачь за дверью”, - поет Нико, которая затем легко проскальзывает за кулисы, ускользает от объятий нетрезвого поклонника и грациозно сворачивается в клубок поклонников.’

Джон Кейл описал еще один момент напряженности: “Нико долго сидела в гримерке, если там вообще была гримерка, а потом на сцене у нее где-то была свеча, и нам пришлось ждать, пока она ее зажжет. Это был своего рода ритуал — для ее же собственной удачи или чего-то в этом роде, - и она поддерживала группу, поддерживала концерт. У Лу было очень мало времени на женщин и их наряды, и этот ритуал его по-настоящему раздражал. Самое смешное было в том, что она делала все это,

чтобы улучшить свое выступление, а потом начинала петь не в том ритме! То, с чего она начала в этой песне , стало настоящей сенсацией вечера! Лу шипела через всю сцену: “Мы знаем, что делаем, Нико”.

Нико знала, что делает, и ей это не нравилось: “Я хотела стать певицей. Я был на сцене с микрофоном, и там была группа, но я был похож на манекен. Энди хотел, чтобы я был там для наглядности

ссылка. Я была моделью на сцене. Я занималась тем же , чем занималась в течение десяти лет, и мне было грустно, потому что это не приносило результатов. Я знала, что в этот момент мне суждено изменить свою жизнь. Это было не изменение, а нюанс [вариация]. Я рассказал об этом Энди и он сказали, что Пол говорил о записи альбома с этими песнями. Он сказал, что это было бы хорошо для меня, потому что люди слышали бы меня, но не видели. Я сказал, что надеюсь, что смогу спеть больше песен, чтобы они знали, что я здесь”.

В июне Пол Моррисси вошел в историю следующим образом: “Мы арендовали студию звукозаписи на две или три ночи, и это обошлось примерно в 2000 долларов. Энди заплатил, как обычно, а я сидел там, и The Velvets играли свои песни. Лу вообще не хотел, чтобы Нико пел. Мне пришлось с ним поругаться. я бы сказал: “Но Нико поет эту песню на сцене”, а он бы ответил: “Ну, это моя песня”, как будто это была его семья. Он был таким мелочным. Даже сегодня он выглядит несчастным, как ходячее бедствие. Что с ним не так? Он женился на мужчине, он женился на женщине… В любом случае, Нико спел три песни, вот и все. Этого было недостаточно, но потребовалось очень много споров , чтобы дойти до этого. На этом альбоме Энди Уорхол представляет The Velvet Underground & Nico, этот альбом был издан 25 лет назад, но Мы с Энди так и не получили от него ни пенни. Как только мы записали кассеты, мы попытались продать их компании, которая должна была выпустить альбом и

распространить его. Никто не хотел покупать кассету. Это было слишком сложно. На какое-то время мы как бы застряли на этом. Энди сказал: “Другие люди добиваются успеха, у которых нет таланта. Мы здесь, с вами, великолепные люди, и у нас ничего не получается”.

Джон Кейл подчеркнул, что сессия преподнесла мало сюрпризов для Бархат. - Мы обычно записывали наши репетиции на пленку, чтобы проверить. Нико был очень уязвим к этому. Мы слушали и слышали, как она сбивается с ритма или берет неправильную подачу в начале. Мы сидели там и хихикали: “Ну вот , опять она!” - что сейчас могло показаться немного жестоким. Она была глуха на одно ухо (у нее была пробита барабанная перепонка). Это было интересное времяпрепровождение. Время от времени она срывалась и теряла контроль над подачей; она была очень чувствительна ко всему этому, и позже, когда я продюсировал ее альбомы, я просил ее петь, а музыкантов играть на отдельных сессиях. Но я упоминаю о воспроизведениях, которые мы делали, потому что люди сказали бы, что мы просто импровизировали и шумели на сцене, но на самом деле то, что мы делали, было дисциплинированным и целенаправленным. По сути, Лу писал эти песенки в стиле poppy little, а моя работа заключалась в том , чтобы замедлить их звучание, сделать их “медленными и сексуальными”. Кроме того, все было глубже. Песня, написанная на букве “E”, исполнялась на “Ди”. Морин не использовала тарелки. У меня был альт (не высшая скрипка), и Лу

у нас была большая гудящая гитара, которую мы называли “страусиной”. При этом создавался ужасный шум, и именно так, например, звучит “All Tomorrow’s Parties”. Кроме того, у Лу и Нико были глубокие голоса. Все это сделало запись совершенно уникальной.’

‘Затем права купил лейбл Verve”, - сказал Пол Моррисси. “Verve был джазовым лейблом, прежде всего. MGM владели Verve, а MGM - мюзиклами. Тогда никто особо не занимался рок-н-

роллом. Были такие лейблы, как Capitol, которые выступали с английскими группами, но им нужны были только поп-песни для радио. Человека из Verve звали Том Уилсон. Он был очень интересным человеком; он был ужасно высоким , я думаю, он учился в Гарварде, и он был негром. У Тома Уилсона была громкая репутация. Он открыл Саймона и Гарфанкела для себя. Columbia records, и они были золотой жилой для этой компании. Он сказал: “Я думаю, что Нико великолепен. Я куплю у вас кассету”, — он назвал нам, вероятно, ее стоимость. И он купил пластинку из-за Нико.

“Тогда Том сказал: “Послушайте. Единственное, что мне не нравится в этом альбоме, так это то, что в нем не хватает Нико. Вам нужно записать еще одну песню от Нико. И здесь нет ничего, что мы могли бы использовать на радио, так почему бы нам не попросить Нико спеть другую песню, которая подошла бы для радиопостановки?” (Они никогда не выпускали альбом, если не могли одновременно выпустить сингл). С того момента, как они его купили, до того, как выпустили, прошло около года. Он был выпущен в марте 1967 год, и к тому времени мы уже не сотрудничали с the Velvets , а Нико выступала сольно. Итак, Лу сочиняет эту песню, которая ужасно безвкусна, под названием “Sunday Morning”: “ Утро воскресенья, Без предупреждения”, да, она такая дурацкая.

‘Для Нико это прозвучало неплохо, потому что она привнесла что-то странное во все, что было в “Surn-day Mourning”. Том согласился, и мы отправились в студию, оплатившую запись bp MGM-Verve. Каким-то образом, в последнюю минуту, Лу не позволил ей это спеть. Он спел ее! The little creep. Он сказал: “Я хочу спеть ее, потому что это будет сингл”. Том Уилсон не смог справиться с Лу, он просто взял то, что получил. Позже он пригласил Нико обратно в студию и то ли спел ей куплет, то ли озвучил ее голосом Лу, или что-то в этом роде, я точно не помню. Тому Уилсону пришлось заставить Нико выбрать этот вариант, можете себе представить. Мы всегда боролись изо всех сил, чтобы привлечь внимание бедной Нико. Сама она не боролась с подобными вещами , она была очень застенчивой и скромничала. Она могла сделать небольшое замечание. Или же она часто хихикала. Она бы хихикала, как девчонка”.

Нико редко отзывался плохо о Лу Риде. Он подарил ей три ее самые известные песни; она пела “All Tomorrow’s Parties” до самой смерти, часто подбирая правильные слова. “Лу был очень милым”.

призналась она. На фабрике его все любили, он был довольно милым, знаете, и говорил забавные вещи. Мы часто ссорились. Я плакала. Но он мог бы быть добр ко мне". Семь лет спустя Рид записал замечательный альбом под названием "Берлин". Нико верила, что некоторые песни были написаны о ее жизни и что она была девушкой по имени Кэролайн (буквенное обозначение "С" для Кристы). - Нет, - заявил Джон Кейл, - это была другая девушка. Ее звали Дэррил. Настоящая заблудшая душа, у которой было двое детей, одного из которых забрали. Красивая девушка с утонченными чертами лица, которая могла бы привлечь опасных людей". Самая длинная песня группы, "The Kids", слишком сильно контрастирует с жизнью Нико , чтобы ее можно было утешить:

Они забирают у нее детей

Потому что они сказали, что она плохая мать Они забирают у нее детей

Из-за того, что, как они слышали, она натворила Чернокожий сержант BBC был не первым, кто это сделал И из-за всех лекарств, которые она принимала, всех до единого.

Возможно, Дэррил, если это действительно был Дэррил, была той женщиной, в которой Нико нуждалась, чтобы побыть Нико, "пока я буду заниматься чем-то другим". Нико часто говорила о том, что "живет отдельно" от своей жизни: "Я назову свою книгу "Трогательная". Цель, потому что моя жизнь преследует меня по пятам"; "Это была не я, это была другая девушка"; "Я скрывалась от самой себя"; "Я ребенок , который играл в женщину". Нико однажды сказала, что раскол проявился сильнее всего, когда она услышала, как поет "Femme Fatale" во время записи, и усилился

вскоре после этого, когда она увидела себя в фильме “Девушки из Челси”. Именно тогда, летом 1966 года, Нико наиболее отчетливо осознала, что живет двумя параллельными жизнями; одна из них была поверхностной, а другую она отложила. Тогда она решила загладить свою вину. Она хотела вернуть своего сына в НьюЙорк. Йорк, где он был зачат, и она будет отвечать за его развитие. Она будет зарабатывать деньги как Нико-Суперзвезда и тратить их как Криста, хорошая мать.

150

l

8 июля-декабрь 1966 года

Говорят, что это был климат, в котором,

Ночь более прекрасна, чем день.

Но кого же обольстил этот прекрасный юноша,

Этот красивый мальчик задержался здесь?

Один, ночью, маленький ребенок,

В таком тихом и диком месте —

Неужели у него нет ни друга, ни любящей матери рядом?

(из ‘Скитаний Каина’,

СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ, 1798)

дом был исключительным. Она просто подходила и говорила “Привет”, как

хотя в последний раз вы видели ее час назад. Не было никакого

предупреждения, никакой договоренности. Она приехала и , исчерпав ваше гостеприимство, уехала". Мадам Поледит Субье воспитывала сына Нико в Париже. Они готовились к празднованию Это был четвертый день рождения Ари, когда Нико во второй раз за свою короткую жизнь сказал "Привет", чтобы забрать его с собой. "Она сказала, что у нее есть хорошее место в Нью-Йорке, где она поет. Что ж, она была его матерью, поэтому у нее были на это права. Но она всегда была против самой себя. Она не хотела нанимать кого-то, кто бы заботился о нем . Она боялась за него, если его не было рядом с ней. Но когда он у нее родился, она была поглощена своей работой, и , по-моему, за ним вообще никто не присматривал".

Она увезла его в Америку, где он мгновенно стал кинозвездой , как и его отец. Ари сыграл роль Ари, точно так же, как Нико сыграл Нико в "Девушках из Челси". В один прекрасный день это была "гротескная, уродливая трата целлулоида", а в другой - "самый известный андеграундный фильм из когда-либо снятых", собравший в прокате полмиллиона долларов, и все согласились , что это не что иное, как "жгучее видение ада" Энди Уорхола. Саркастическая реплика в адрес flower power. Это вызвало столько же негодования и этической шумихи, сколько и La Dolce Vita. Нико сравнила их по-своему : "Я не могу сказать, что было лучшим для меня. Я плачу на протяжении всего выступления в "Челси Герлз" и смеюсь на протяжении всего выступления в Лос-Анджелесе. Сладкая жизнь. Я думаю, это единственное отличие.'

В период с лета 1966 по весну 1967 года Ари был

ВСЯ ЕЕ ЖИЗНЬ БЫЛА СТРАННОЙ. Даже то, как она попала в

фотографировался столько же раз, сколько и наследный принц. Он проводил свои дни , играя на фабрике с командой Уорхола, и есть много очаровательных снимков Ари, сидящего на коленях у

Уорхола или среди Суперзвезды. Его внешность производила невинное впечатление в обстановке, которую легко можно было счесть декадентской и продажной. Было высказано предположение, что его присутствие было использовано для того, чтобы придать заводу более чистый и привлекательный вид. Восток Издание Village Other описало новых друзей Эра как “амфетаминовых монстров, отчаянно поглощающих едкие остатки своей сексуальности”, хотя New York Herald Tribune заглянула в студию и обнаружила только трезвенников, которые “невинно возились с камерами, отвечали на телефонные звонки, искали потерянные серьги”. Действительно, той осенью, после того как девочки из Челси прошли проверку, полиция часто наведывалась на фабрику , но поведение маленького мальчика с длинными волосами вряд ли произвело бы впечатление на представителей закона. Он не был знаком с правилами поведения в обществе или Во время заводских разборок он мог свободно перемещаться между фракциями и устраивать столько беспорядка, сколько ему заблагорассудится. Ultra Violet вспоминала, что Ари ‘проводил время лучше всех нас’.

Полиция, возможно, и не видела фильм, но они бы прочитали восторженные отзывы и восторженные выпуски новостей, в которых описывались “видения безудержного гомосексуальности, наркомании, наготы и богохульства: ужас нашего времени в миниатюре’. Не такой миниатюрный; показ фильма занял бы семь часов, если бы Пол Моррисси не разделил его на две части, чтобы показать параллельно. Фильм состоял из двенадцати катушек, каждая продолжительностью 35 минут. Первоначальная идея была проста: на каждой катушке должна была быть запечатлена сцена в комнате за Отель “Челси”: Номер 416, The Trip; Номер 116, Hanoi Hanna (Королева Китая) и так далее. Песня Лу Рида “Chelsea Girls”, в которой также указаны номера комнат, была заказана для сопровождения фильма, хотя он не успел закончить ее вовремя, что немного разозлило Нико , поскольку она хотела спеть ее в саундтреке; вместо этого баллада дебютировала на ее сольном альбоме. Номера комнат для показа фильма были сняты, когда Стэнли Бард из “Челси” подал судебный иск. Его лаконичная структура была дополнена двойным экраном Моррисси; Уорхол сухо заметил, что “если вам наскучит один, вы всегда можете посмотреть на другой’.

У Нико были смешанные чувства по поводу ее вклада: “Я нахожусь на экране в течение часа и предпочитаю одну сцену другой. Есть сцена, где мое лицо разрисовано узорами, и это должно быть, о, психоделическим. Разве это не называется

“Путешествие по порядку”? Это психоделическое зрелище, только если ты под кайфом смотришь его. В противном случае это просто цветной портрет. По-своему это красиво, но похоже на

шелкография, которую сделал Энди, но я не могу повесить ее у себя на стене. Ее можно увидеть только на стенах кинотеатров. Энди так и не нарисовал мой портрет , потому что я не мог позволить себе его купить. Он снимал их только для богатых людей, которые платили ему деньги. Но таким образом он может зарабатывать на моих фотографиях, которые он запечатлел на пленке. И каждый раз, когда он продает фильм, он зарабатывает больше денег. Ну, я бы сделал

Я предпочел картину, потому что всегда мог продать ее за наличные. Но я

| не удается продать фильм.’ Ей был выплачен гонорар в размере 2000 долларов, как только Челси У девочек получилось неожиданно вкусно.

Две ее работы обрамляли остальные десять в том порядке , в котором они чаще всего появлялись в первые дни. Возможно, так и задумывалось. Элегантная красота Нико контрастировала с суровостью и ожесточенными истериками остальных . Уважаемый критик Рэймонд Дарнат в статье для британского журнала дал фильму одну из немногих разумных рецензий. Уорхол сохранил ее в своем альбоме для вырезок.:

Тема жизни-в-образе повторяется, уравновешивая вступительную часть

и заключительные эпизоды. На первом изображена светловолосая певица Нико

у себя на кухне, одержимо смотрясь в зеркало и подстригая | откидывает невидимые пряди волос со лба, разговаривая с мужчиной и ребенком. На последнем изображено ее лицо (выражение которого странным образом смешивает Катрин Денев в “Отвращении” с “девушкой с зонтиком” Юнис Леви в “Геростратe”), залитое разноцветными огнями и стробоскопами.

В какой-то момент показ фильма был изменен, чтобы сделать начало более непристойным, потому что эпизоды с Нико были исключительно сказочными. Теперь, скорее всего, его откроют плохие парни. На одном экране молодой и симпатичный Эрик Эмерсон спотыкается и раздевается. На другом Ундина изображает папу римского и обрекает женщину на вечную смерть за кадром. “Ундина должна быть папой и Боб Дилан должен быть президентом”, - позже решила Нико. Ей понравилось Ундина, великолепная, диковинная актриса-гей ее возраста, ‘в Оливье из подполья”, чье настоящее имя Роберт Оливо было присвоено в честь его любимой роли Одри Хепберн (ночной клуб “Ундина” не имел к нему никакого отношения). Но Нико был обеспокоен жестокими выходками Ундины и ее женоненавистничеством. “Фабрика была на грани чего-то. Обстановка могла быть напряженной. Вы могли бы быть втянуты в насилие, как Ундина или Джерард, если бы не сохраняли своего достоинства”. Это объясняет, почему сам Джерард Маланга написал

что “Нико - настоящая звезда, потому что она держится на расстоянии и профессиональна в общении”.

По ее словам, в “Девушках из Челси” были две сцены, которые встревожили Нико . Одна из них была комедийной. Ветеран Мари Менкен играет Мать Джерарда Маланги. Она ужасно сердита из-за того, что он женился Ханой Ханна (Мэри Воронова, сидящая у края экрана). Нико не понравилось, как получился импровизированный диалог. “Ты любишь свои игрушки”, - кричит

Менкен своему предполагаемому сыну. “Я люблю своего ребенка. Так не должно быть: ешь, пей, кури… Я хочу, чтобы ты был великим в этом мире! Не обращай внимания на все эти штучки с утешением для детей! Каждая мать говорит, что дети никогда не оправдывают ее ожиданий. Боже мой, что мне стоило произвести тебя на свет! Мне следовало сделать аборт!’ Это усилило чувство вины Нико перед ее матерью и сыном. На публике она превращала это в лояльную заботу о Уорхол. ‘Я думаю, в этой сцене было что-то такое, что касалось Энди и его матери на заднем плане. Это забавно и страшно одновременно. Я никогда не понимал, как Энди может делать это без страха”.

Вторая сцена, которая не понравилась Нико, была та, в которой Ундина играла папу римского из Гринвич-Виллидж. Накачавшись амфетамином, папа Ундина отчитывает молодую женщину, которая пришла к нему в комнату на исповедь (“Я хочу, чтобы ты попала на небеса. Для этого я здесь, не так ли? Чтобы привести свою паству к вечному блаженству. Где же рай?! Ты сама разберешься, Мэри. Я дам тебе дорожную карту’). На самом деле актриса, Рона Пейдж, не была завсегдатаем фабрики.; Ундина не встречалась с ней раньше. Во время импровизированной сцены она называет папу Ондайна мошенником, и он взрывается. Он дает ей пощечину, избивает ее и разыгрывает потрясающую сцену такого женоненавистнического презрения , что позже ее можно было оправдать только тем, что они “играли”. Это было не так. Нико знал об этом и испытывал острый дискомфорт. Еще более тревожной была тирада папы Ундины: * “Ты зануда, моя дорогая, просто зануда! Ты мерзкий ужас! Как ты смеешь! Как ты смеешь! Ты ублюдок. Я обманщик?! Ты обманщик!! Ты маленький подонок! Нико никогда не нравилось это слово - “обманщица”.

В 1979 году Нико впервые за десять лет увидела девочек из Челси и заплакала. Она не помнила, чтобы фильм был представлен в том виде, в каком она видит его сейчас. В левой части экрана она видела себя цветную, культовую, “спотыкающуюся”. В правой части папа Ундина произносил монолог, оправдывающий его нападки на актрису:

Возможно, это исторический документ. Я не люблю бить людей. Я считаю, что это некрасиво и скучно. Но когда я вижу что-то настолько глупое

8 июля-декабрь 1966 г.

-

как я только что увидел, просто сидя здесь и притворяясь, я должен выкручиваться. Я должен ударить по этому и поставить это на место. А его место подо мной. Подо мной. Куда-нибудь, где не хотят быть чуточку умнее. Боже, прости их — меня, я прощаю их.

Ундина смотрит вниз, на экран справа от него. Там, в представлении зрителей, сидит Нико, “ниже его, ниже него’. Он пристально смотрит на Нико, когда говорит о “такой глупости, какую я только что видел, - просто сидеть здесь и притворяться”. Нико счел это невыносимым. “Никогда не знаешь, как будет использован твой имидж. Энди сказала бы, что все решает случай, но я верю в судьбу больше, чем в случайность”.

В другой ее сцене, “Кухне”, Нико запечатлена крупным планом, она подстригает свои светлые волосы и ведет светскую беседу с Эриком Эмерсон и Ари. ‘Знаете, у Энди никогда не было сценария. У него никогда не было сюжета. Вместо этого вы были в ситуации. Вы бы отреагировали в этой ситуации. Для моих сцен Пол и Энди не смогли придумать ситуацию за меня. Я не смог бы сыграть Папу Римского или Деву Марию. Я уже был Нико. Так что в одной сцене я был Нико, и они освещали мое лицо. В другой мы были на белой кухне. Я

| думаю, они хотели найти что-нибудь белое, не так ли? Белая девушка с

| светлыми волосами в белой комнате. Ари был там, и я думаю, они хотели

| держать Ари под контролем, поэтому Эрик тоже был там. Тогда Энди сказал, что я должен что-то предпринять. Но они хотели, чтобы меня снимали крупным планом на протяжении всего фильма. Я могла бы приготовить что-нибудь на кухне, но нет, там

было слишком людно [“Не думаю, что она так уж хорошо готовила”, - сказала Вива]. Там были ножницы, и, возможно, Пол сказал “Подстричь волосы”. Я не хотела. Но это было то, что я могла сделать, и это попало в объектив камеры. Эти ублюдки заставили меня подстричься’

В одной руке она держит двустороннее зеркало в хромированной оправе, в другой - серебристые ножницы. Все белое, серебристое и отражающее (“Серебро заставляет вещи исчезать”, как сказал Уорхол). Это сцена чувственного нарциссизма, в которой мы - вуайеристы. Когда Нико начинает плакать, слезы текут без видимой причины; камера неумолимо продолжает снимать. - Я хотел остановиться. Во многих фильмах о Энди, ты услышишь, как кто-то скажет, что хочет остановиться. Вы заметили? Они никогда этого не делают. Они никогда не прекращаются. Я устал и думал об Ари и Эрике как о его отце. В какой-то момент я задумался, смогу ли я найти другого отца. Может быть, я думал об Эрике, в любом случае, сейчас я не помню.” В титрах фильма показательно перечислены коллеги Нико по фильму таким образом:

Нико

Блондинка на кухне

и в световых проекциях ……. Нико Миан имджейтчен ……. Эрик Эмерсон Бойин Китохем ……..8.. Ари Эмерсон

Эрик Эмерсон только добавил бы ей проблем, хотя у нее действительно был с ним роман, когда снимались “Девушки из Челси”. Красивый бисексуал, который утверждал, что “употреблял все наркотики и трахался во все дырки на фабрике”, Эмерсон вызвал бархатную “Андеграунд” и “Нико” были изъяты из продажи в 1967 году; Уорхол поместил фотографию Эмерсона

на заднюю обложку. Нуждаясь в деньгах на наркотики, или на свою защиту по обвинению в торговле наркотиками, или и на то, и на другое, он решил, что подача в суд на MGM за несанкционированное использование его имиджа принесет ему немного денег. MGM немедленно отозвала альбом с рынка, к глубокому разочарованию группы, а Уорхол стер фотографию с обложки аэрографом. Год спустя, после того, как он выпустил альбом Factoryite Сьюзан Пайл забеременела, Эрик Эмерсон умер от передозировки героина.

Позже Нико пошутил, что, возможно, из Ундины получился бы лучший отец. “Знаете, Ундина была красива на вид. У него были приятные черты лица. Он мог бы играть мои роли, но я не мог быть истеричным [театральным]. По-моему, все движения совершают мужчины”. От внимания аналитиков не ускользнуло, что Эди, Нико и Вива играют особую роль в фильмах Уорхола. Наиболее прямолинейно об этом высказалась Эми Таубин: ‘Женщины на фабрике были не столько объектами вожделения, сколько моделями для трансвеститов”. На стене фабрики висела шелкография с изображением гей-иконы Марлен Дитрих; Уорхол создавал кинопародии на звезд Джин Харлоу, Хеди Ламарр и Лану Тернер (‘их женственность настолько преувеличена, что становится скорее комментарием к женственности, чем чем-то реальным”, - говорит автор сценария, Рональд Тейвел); а такие трансвеститы, как Джеки Кертис, Кэнди Дарлинг, Холли Вудлон и Марио Монтес, который ведет съемочную группу “Девушки из Челси”, занимали почетное место в фильмах Уорхола. Ему хотелось бы самому быть трансвеститом, хотя их присутствие становилось все более заметным по мере того, как роль женщин уменьшалась, особенно в обществе. 1968 год, когда роль трансвестита в общественной жизни стала менее запретной.

Заводские трансвеститы и такие, как Уорхол, которые жаждали быть такими же смелыми, преклонялись перед звездами, которых они никогда не встречали, перед совершенными лицами и телами, которые они видели только в безопасном двухмерном пространстве на экранах кино и телевидения. Как мужчины, они подражали самой экстремальной парадигме того, чего боялись больше всего: женщинам. Они делали это, чтобы преодолеть свое благоговение и зависть к полу, который их родил

в этот мир. Эди и Нико были их манекенами, день за днем расхаживая по фабрике и рассказывая мужчинам о том, как быть женщиной. Тощий маленький Эдди был моделью для мальчиков и Амазонский Нико моделью для мужчин. В глазах общественности они были такими же иконами, как Гарбо, — образами, созданными скорее для созерцания, чем из плоти и крови, - но на фабрике они были не более чем кинетическими манекенами. 'Они видели в Нико икону, но скрытную или двусмысленную", - считает Пол Моррисси. 'Она была похожа на Гарбо. В ней было очарование, класс, достоинство. Она даже отвечала на такие вопросы, как Гарбо, окольными и остроумными путями'. Так же поступал и Уорхол, но у них был один и тот же учитель - Гарбо. 15 сентября в кинотеатре "Синематека" состоялась премьера "Девочек из Челси" 1966 - Нико пошел с нами, но в тот вечер был "под кайфом" и ничего не помнил. Показ был настолько успешным, что его показали в паре кинотеатров на окраине города для непрерывного показа. Обзор "НьюЙорк Таймс " ("Гротескный зверинец заблудших душ, скулящих в психоделическом лунном пейзаже. Редко жизнь среди нечестивцев описывалась так достоверно") гарантировал аншлаги и развратные посиделки в баре- | подшучивание на табуретках. В то время журнал Cheetah процитировал слова Пола Моррисси , заявившего, что "Вступительная сцена "Девочек из Челси ", в которой Нико расчесывает волосы, будет продолжаться, когда вся "наркотическая риторика будет забыта". Заключительный комментарий Нико к фильму подтвердил, что она достаточно хорошо владеет английским, чтобы разобраться со смешанными метафорами: "Вы заметили, что у фильма нет названия из одного слова?" У фильмов Энди были простые названия. Это были простые слова [Самоубийство, Поцелуй, Еда, Sleep] и это были элементарные сюжеты. Я думал , что фильм будет особенным, потому что у него особое название. Все оказалось сложнее; я имею в виду не только три слова, но и то, что под словом "Девочки" подразумевались и мальчики . И "Челси", как будто это как-то связано с Лондоном, ну, знаете, с размахивающим Лондоном, который тогда был в моде. Я знал, что они думали не только о создании фильма, но и о его продаже. Оно Это сложный фильм; он похож на лабиринт, как в отеле "Челси". Но это как сложная фотография Энди. Он смотрит на своих друзей.

Подглядывает. И это похоже на старый театр, понимаете? Сцена, на которой было всего три стены, а камера и Энди показали последнюю стену. А я - картина на стене”

НИКО ДО сих пор помнила, что сказал ей представитель звукозаписывающей компании — ‘Девушка, возглавляющая группу, была бы победителем!” В любом случае, трудно сказать, был ли этот человек проницательным или глупым. Был только один

рок-группа, лидером которой была женщина и которая привлекла к себе внимание *winners’. Сан-Франциско 1966 года взрастил Джефферсона Airplane, группа с двумя вокалистами, что-то вроде аранжировки Лу Рида и Нико , которая работала немного более комфортно. Грейс Слик (настоящее имя Винг) была на год моложе Нико и больше походила на мать-землю , чем на богиню Луны. Другие женщины в американской музыке были чернокожими и пели в “Мотаун” или исполняли фолк-музыку; это не совсем “девушка, ведущая группу”. “Я никогда не видела, чтобы такое происходило до появления панка. Не странно ли, что на это уходит так много времени, по крайней мере, десять лет? Как ты думаешь, Сьюзи и Могли ли Баньши существовать в шестидесятые годы? Я так не думаю. Вы видели их в последнее время? Я видел видео, и они выглядели как что-то из Калифорнии двадцатилетней давности. Что ж, возможно, так даже лучше. “Теперь у них есть кондиционер для волос”, - заметил Нико в 1985 году.

Нико было совершенно ясно, что The Velvet Underground могут продолжать работать независимо от того, присоединятся к ним “-и Нико” или нет. У группы никогда не было много концертов (она была слишком странной, чтобы быть популярной , и слишком молодой, чтобы стать культовой), и поэтому каждое свидание было для Нико большой возможностью. Но на сцене ей

практически нечего было делать. Она спела три песни и исполнила роль умиротворенной богини в “driven god” Лу Рида. Она стояла неподвижно и пела или слонялась по сцене с потерянным видом. Не помогло даже то, что публика и пресса подумали иначе и выставили Риду второй счет, в то время как они столпились вокруг Нико, задавая вопросы такого рода, на которые она машинально отвечала: “Хо-хо-хо-хо’. Рид был взбешен тем , как легко она добилась своего; он заявил, что Нико должен уйти, о, уйти, уйти, уйти. Он отметил, что она не внесла никакого вклада в написание песен (”Я думала, мужчины пишут песни, а женщины их поют”, - утверждала она), и она была помехой со своими дурацкими свечами, глупыми отвлекающими факторами и слабым контролем над своим маленьким ребенком. В глубине души он тоже был встревожен (Нико на это надеялся) тем, что после расставания с Эриком Эмерсон Нико завел роман с Джоном Кейлом. В то же время Лу Рид был прав, ставя под сомнение ее профессиональное поведение; она определенно была склонна втягивать группу в свои проблемы. Джерард Маланга вспоминает, как The Velvets ехали на концерт в Торонто: “Когда мы сказали ей, что для того, чтобы попасть в Канаду и вернуться обратно, ей нужен паспорт, она не обрадовалась, потому что подумала, что мы украдкой посмотрим на дату ее рождения. Нико была очень тщеславна по поводу своего возраста; она никогда не показывала , сколько ей лет [на тот момент ей исполнилось 28]. Она намеренно не упоминала об этом и из-за своего тщеславия поставила под угрозу выступление всей группы. Нам пришлось свернуть с маршрута и добраться до малоизвестного пограничного пункта. Нам пришлось спрятать ее в кузове фургона технаря среди колонок, барабанов и

переправить ее контрабандой, в обе стороны. “Возможно, это был первый раз, когда Нико незаконно переправляли через границу, но Криста помнила другой случай.

Если группа могла обойтись без нее, то Нико могла обойтись и

без группы; она могла петь сольно, как это было во времена Blue Angel. Ее хронически скудный андеграундный репертуар состоял из семи песен — по одной песне Боба Дилана, Гордона Лайтфута, Джимми Пейджа и четыре песни Лу Рида, а также все, что ей удавалось спеть за его спиной. Она еще не приняла близко к сердцу образцовый совет Уорхола:, 'Всегда оставляй их желать меньшего'. Этого списка было достаточно, чтобы сделать великолепный двадцатиминутный сет ("Тридцать с ее появлением", - язвительно заметил один из них

| из ее музыкантов). Беда была в том, что она не умела играть ни на одном инструменте, даже на тамбурине. Она вспомнила, что этот недостаток не помешал ей присоединиться к группе "профессора" Брокса на Ибице, и поэтому решила возобновить свое знакомство с магнитофоном. С Лу С кассетой Рида за спиной Нико открыла свой сезон неандертальского караоке.

Пол Моррисси продолжил свой рассказ о заводских буднях Нико следующим образом: "Итак, сейчас осень, и у нее есть маленький мальчик, она живет в НьюЙорк, и у нее нет денег. Группа тоже не работает. Так что я вернулся в Дом на площади Святого Марка, чтобы встретиться с этим парнем Стэнли. Он был очень хорошим парнем. К тому времени ферма по производству воздушных шаров находилась на верхнем этаже, но у Стэнли был длинный бар внизу и дискотека рядом с ним — два помещения, которые были как бы объединены. Он сказал: "Эта дискотека сводит меня с ума. Это заставляет

| много денег, но на это приходят только негры. Я немного боюсь, если кто-нибудь подерется… . Я бы хотел, чтобы дискотека была для белых, а не для большого количества негров. У меня есть идея. Эта девушка, Нико, - негры ее терпеть не могут. Начнем с того, что у нее нет ритма. Я думаю, если бы Нико спела в моем баре , это привлекло бы много белых и заставило бы некоторых негров уйти."

'Ну, ладно, я огляделся, но ей негде было выступить. Негде было присесть. Я придумал эту странную расстановку. Представьте себе это. Там есть длинный бар с барменом и напитками. В нижней части бара мы установили платформу, что-то вроде небольшой сцены, установленной на уровне барной стойки. Именно там она сидела. Это действительно выглядело немного странно. Нико собиралась выступать на разогреве, просто исполняя свои песни. Я ждал этого с нетерпением, потому что не думаю, что зрители the Velvets когда-либо по-настоящему

слышали Нико за всем этим шумом - они хорошо видели Нико, она была такой эффектной в середине группы, но это было , пожалуй, все. Поэтому я подумал, как бы нам сделать так, чтобы она выглядела столь же драматично в этом маленьком пространстве. Я сказал, давайте отложим несколько фильмов

она.” Я не мог присутствовать там каждый вечер, пока она жила, поэтому купил 8 -миллиметровый проектор и снимал людей, выпадающих из самолетов, прыгающих с парашютом. Мы поставили ширму, чтобы вы могли видеть, как за ее спиной люди постоянно падают с неба.

“Потом я связался с группой - Джоном, Лу и Стерлингом, гитаристами, они почти не работали, - и я сказал им: “Послушайте, У Нико есть работа. Ей нужен гитарист. Как вы думаете, кто-нибудь из вас смог бы это сделать?” Лу не хотел этого делать — конечно, не хотел. И он не хотел, чтобы этим занимался Стерлинг. И он знал, что Джон боится его, так что договориться было трудно. “О, Лу, если ты не хочешь, чтобы я…” Это было так глупо. (Я думаю, что позже Джон поднялся.) Лу сказал: “Это плохо сказывается на имидже группы”. Я ответил: “Это ужасно. Ей нужна работа, у нее есть несколько песен. Не мог бы кто-нибудь из вас помочь ей?” Тогда Лу сказал: “Мы запишем это на пленку”. И они записали свое гитарное сопровождение на кассету с помощью этого большого уродливого устройства. Этой бедной женщине, Нико, приходилось сидеть на возвышении за стойкой бара, наклоняться и нажимать кнопки на огромном магнитофоне, потом снова наклоняться, петь свою песню и наклоняться , чтобы нажать “стоп”, прежде чем заиграет следующая песня. Это было так мучительно, агонизирующе ужасно. Каким-то образом она справилась с этим так изящно, как только могла. Через пару вечеров я просто не смог больше терпеть. Мне пришлось найти кого-нибудь, кто согласился бы играть вживую. Я думаю , Стерлинг приехал и помогал в течение нескольких недель.’

Десять лет спустя, в середине семидесятых, Нико могла только вспоминать о домогательствах клиентов The Dom, с которыми сталкивалась каждый вечер: “Я бы никогда больше не пела в клубе из-за прекрасных воспоминаний об этом. Это было не очень легко из-за всех этих пьяниц, которые приходили и спрашивали меня, не хочу ли я выпить, пока я пою. Иногда Мне пришлось быть очень грубым. Я пел, знаете ли, и ко мне подходил человек и говорил: “Не хочешь ли шампанского? Вот , детка, выпей!” Это было как в “Голубом ангеле”, то же самое.’

Ари каждый вечер ходил в клуб, куда его звала сотрудница фабрики Сьюзан Пайл практиковалась с ним во французском (Ари уже тогда немного знал французский , английский и немного немецкий; Уорхол вспоминал, как он говорил странные вещи, например: “Я хочу бросать горячие снежки’). Пол У Моррисси была квартира неподалеку, в Нижнем Ист-Сайде, и он отводил Ари туда переночевать после первого выступления. После закрытия клуба, около четырех утра или позже, Ари возвращался к своей матери. Друг Поледит Субье, живший в то время в Нью-Йорке, отправился в центр города, чтобы понаблюдать за происходящим в баре. “Он рассказал мне, что Ари бродил вокруг, собирал пустые стаканы и

допивал остатки алкоголя. Конечно, это могло закончиться только катастрофой, что и произошло.’

‘У меня было ТАК много ВСТРЕЧ с Энди. Так много, что трудно вспомнить. Мне нравилось все, что мы с ним делали. Однажды я пошла с ним в магазин, и он заставил меня надеть бумажный пакет и написал на нем мое имя. Он хотел продать это, но никто не захотел покупать. Мы делали такие глупости, каждый день что-то странное. Это хорошая жизнь, да? Каждый день делать что-то новое и странное ?’

Abraham & Straus - это ответ Бруклина на предложение KaDeWe. Магазин организовал рекламную акцию на бумажное платье ‘из белоснежной саржи от Kaycel R’. Вы надевали его один раз и выбросили; было неразумно надевать его под дождем. На этот раз был придуман дополнительный трюк. За 2 доллара, которые вы заплатили за платье, вы получили бесплатную коробку красок. В ноябре, в день проведения этой специальной акции, магазин покрыл экраны серебряной фольгой “в честь мистера Уорхола”, так что витрина стала чем-то отдаленно напоминать фабрику. Перед ними Нико легла в белом платье, белых чулках и белых туфлях — платье, честно говоря, не совсем “мешковатое”, - в то время как Энди Уорхол и Джерард Маланга засунула под пояс гору бумаги. Затем они взяли громоздкую деревянную раму и семь раз прошили платье шелкографией “ХРУПКАЯ”. Несмотря на то, что она помнила, ее имя так и не было написано, хотя, учитывая обстоятельства, “ХРУПКАЯ” звучит очень похоже. Во французском журнале есть фотография, на которой запечатлена эта сцена (“Юмор очень крутой на фоне происходящего” - вот подпись, очень крутая). Нико выглядит как беременная женщина, лежащая на операционном столе под пристальным взглядом доктора Уорхола. У ее поднятых ног стоит Ари уставилась на него с открытым ртом, как будто ждала, что вот-вот появится младшая сестренка . Нико выглядит явно встревоженным. Это, несомненно, самая эксцентричная фотосессия, которую она когда-либо видела.

Ультрафиолет описала эту сцену в своей автобиографии, добавив , что Нико спел “All Tomorrow’s Parties” в микрофон, который она затем передала ужаснувшемуся Уорхолу. Загнанный в угол, чтобы произнести речь, он заявил: “Нико - первый психоделический певец с The Velvet Подземный. Они исполняют песни по два часа, а в перерывах между ними раздается только жужжание охранной сигнализации”. Ultra Violet заявила, что “зрители выглядят озадаченными… Энди застенчиво достает из кармана своей кожаной наклеите на бумагу несколько бананов размером больше, чем в натуральную величину, и приклейте их на платье Нико. Худощавая женщина кричит: “Я думала, он собирался нарисовать что-то от руки. За этим я и пришел”. Магазин

сотрудник берет микрофон: “Это для того, чтобы показать вам, как вы можете сделать это сами. Платье, которое только что сшил мистер Уорхол, будет передано в дар Бруклинскому музею искусств”. Действительно, так оно и было, и там оно останется.

Из всех повседневных дел, разных и странных, которые Нико делал для Уорхол, самой странной была свадьба модника в Детройте 20 ноября 1966. Необычная церемония была с подозрением опубликована в “Детройт Ньюс” под следующим заголовком:

Только не На Свадьбе

Мы Так И Планировали. Священное супружество сменилось нечестивым столпотворением во время того, что вчера было объявлено свадьбой в государственном выставочном центре “Колизей”.

Одетая в белое мини-платье длиной на восемь дюймов выше колен и белые сапоги до бедер, 19-летняя студентка Рэнди Росси-зарекомендовавшая себя танцовщицей гоу-гоу, стала невестой продавца одежды, Гэри Норрис, 25 лет, на фоне череды одновременных ” событий”.

Около 4500 гостей с лохматыми волосами заполонили арену для проведения предсвадебных ритуалов. Электронные устройства визжали, гитары и барабаны пульсировали, а скрипка добавляла шума, когда фиолетовые и оранжевые огни разбрасывали точки и квадраты по сцене. “Эй, мы действительно являемся свидетелями чего-то, это история, настоящая история!” закричала молодая девушка.

‘Это не та свадьба, которую мы планировали для нашей дочери”, - сказала миссис Росси, когда со сцены донеслись жуткие крики . - Он уже достаточно взрослый, чтобы понимать, чего хочет, - добавила миссис Норрис, в то время как Нико, одетый в лиловый брючный костюм, обхватил микрофон обеими руками и начал мычать какую-то песню.

Выдав невесту замуж, мистер Уорхол, “отец поп -арта”, безмятежно восседал на коробке с томатным супом, раздавая автографы на банках. Цветная пленка с изображением лица Нико

мелькала на задних занавесках, пока она читала несколько подходящих, но неразличимых предложений из желтой книги.

Газета Detroit Free Press тоже была там, комментируя с не меньшей долей иронии, что “суперзвезда” Уорхола Нико спел странную и совершенно непонятную песню в сопровождении электронных аккомпанементов рок-н-ролльной группы The Velvet Underground. Нико, высокая, долговязая девушка с прямыми светлыми волосами, начала петь как раз в тот момент, когда микрофоны

что-то пошло не так. В результате ее голос звучал как у бедуинки, поющей

похоронная песнь на арабском языке, сопровождаемая фальшивой сиреной воздушной тревоги. Нико, всегда стремившийся к экзотическому статусу, был бы рад , если бы его считали бедуином, особенно в брючном костюме цвета лаванды.

Быть суперзвездой, по ее мнению, очень хорошо, но это все равно что топтаться на месте. “Она была очень амбициозной, но в то же время независимой и не хотела жить по общепринятым правилам. Для нее всегда было проблемой переключиться на что-то другое, - предположила вечно наблюдательная тетя Хельма. Когда 1966 год подошел к концу, Нико подвела итоги своего года. Она снова сыграла в печально известном фильме, присоединилась к рок-группе и записала альбом, который вскоре должен был выйти в свет, ее сын снова был на ее попечении, и ее образ снова появился на страницах мировой прессы, посвященных искусству и светской хронике. Но во все времена она была романтическим украшением Энди Уорхола; от нее можно было легко отказаться, как от Эди, и потерять все из-за разрыва отношений. Она решила, что должна

продвигать свою независимость как певица и развивать новые связи за пределами фабрики.

В невероятно веселом рождественском номере журнала Hullabaloo pop magazine были напечатаны две фотографии Нико, одетого в “супермодные наряды от New York’s flipped out Paraphernalia!’ Слюнявый текст показывает, как быстро доверчивая пресса могла изменить факты из жизни Нико : * Нико уже был известным человеком в Лондоне. Нико неоднократно появлялся в английском сериале “Super Ready, Steady, Go!”. Телешоу и исполнила хит “I’m Not Sayin’… Пиджак двубортный , с крупными пуговицами, а брюки не заужены и не расклешены, а прямого кроя дополняют этот элегантный наряд. Синий блейзер с медными пуговицами прекрасно скроен, чтобы выглядеть потрясающе в любое время.’ После всего, через что ей пришлось пройти, чтобы кардинально изменить свою карьеру, Нико закончила В 1966 году, как и в конце 1956-го, она занималась моделированием одежды. В следующем году, наконец, все изменится навсегда.

163

9 января-июнь 1967 года

| построил для своей души роскошный дом удовольствий,, Где я мог бы жить в свое удовольствие.

| сказал: “О Душа, веселись и пируй”, Дорогая душа, ибо все хорошо”.

Я выбрал огромную скалу-платформу, гладкую, как начищенная медь . Сверкающие крепостные стены

С ровных лугов, поросших густой травой Внезапно взошел свет.

На нем я построил его прочно. На уступе или полке Скала

поднималась прямо, или по винтовой лестнице. Моя душа хотела бы жить одна-одинешенька В своем высоком дворце там.

И “пока мир вращается снова и снова, - сказал я, - Царствуй отдельно, тихий король,

Неподвижный, как, пока Сатурн вращается, его непоколебимая тень Спит на своем светящемся кольце”.

На что моя душа с готовностью откликнулась: “Поверь мне, в блаженстве я пребуду В этом великом особняке, который построен для меня, Таком царственно-богатом и обширном’. (из ‘Дворца искусств’, АЛЬФРЕД ТЕННИСОН, 1836)

В начале 1967 года Нико увидела своего отца по телевизору. Пожилой человек, худощавый и все еще невероятно высокий, сидел в студии, которую он делил с воинственным ведущим, который задавал ему вопросы о психоделических препаратах. “я впервые приняла ЛСД более десяти лет назад. Это было забавно”. Нико была рада, что ее отец с такой готовностью поддержал ее образ жизни; более того, он даже смог принять в нем участие и найти его таким же замечательным , как и она. - Смотри, это мой отец. Он все еще принимает наркотики’ Остальные в комнате уставились на экран. Но, Нико, это же философ,

ИИ

9 января-июнь 1967 года

Олдос Хаксли’ Ее глаза расширились. Какое странное имя. Он Турок?’

“Вы повсюду читаете, что Энди Уорхол никогда не употреблял наркотики. Но это было неправдой. Он принимал амфетамин - разновидность амфетамина, я забыл его название. Он пил таблетки. Он сказал мне, что таблетки - это нормально. Его мать принимала таблетки, президент Соединенных Штатов принимал таблетки, так что для него не было проблемой принимать таблетки. Он не любил ничего более таинственного, чем таблетки. В этом было наше самое большое отличие. Я хотел проникнуть внутрь, понимаете, в свое тело. Брайан Джонс сказал, что это мир, который мы еще не открыли, мир изнутри. Америка и Россия боролись за выход в открытый космос, но мы хотели выйти во внутренний космос; мы не были бы астронавтами, мы были бы интранавтами. Энди сказал: “О, Нико, внутри ничего нет. Я скрываю свою душу”. Ну, в общем, он принял наркотик, чтобы быстрее прийти в себя и не скучать по тому, что было внутри. Может быть, поэтому ему было так скучно.’

Нико принимала два разных психоделических препарата в течение нескольких лет. До этого времени она знала марихуану, амфетамины, немного опиума и немного кокаина - наркотики для работы и отдыха. Тогда, по ее мнению, наркотики были полезны для того, чтобы помочь ее телу ускориться (в работе), а разуму - замедлиться (в отдыхе). Однако психоделические препараты, которые “расширяли сознание”, давали нечто более глубокое. Благодаря им она почувствовала, что способна думать. Они придали ей уверенности, в которой окружающие ее люди слишком часто отказывали: “На работе вам не нужно думать. Вне работы мой мозг работает слишком быстро, и у меня слишком много мыслей. Когда я принимаю наркотики, я могу мыслить более ясно. Это признак того, что мне нужно знать, что я могу думать. Иначе люди заставили бы меня поверить, что я глуп. Никто не верит, что у модели или певца есть мозги, не так ли? Композитор - да, конечно, но тогда я композитором не была.“Даже когда она сочиняла, никто никогда не называл Нико композитором.

Она утверждала, что с двумя психоделическими препаратами ее познакомил Брайан Джонс. Кто бы это ни был, он, конечно, должен был быть знаменитостью. Один гриб был натуральным, другой - синтетическим. ЛСД (лизергиновая кислота, “гораздо удобнее’). Она серьезно относилась к химическим препаратам (“прямо как немка, хо-хо-хо”) и поддерживала психиатра доктора Тимоти Лири в его евангелической кампании по преодолению недостатков в мире путем пропаганды психохимической индульгенции. Преследуемый преподаватель Гарварда был прав,

думала она, в своем стремлении к психоделической утопии, а полиция была совершенно не права, когда приставала к нему. Лири вдохнула новую жизнь в начинания поколения битников, и ее нисколько не удивило, что ветеран

Аллен Гинзберг поддержал ее. Она была заодно с Энди Уорхола и Пола Моррисси, однако, когда она сравнила “благородное предприятие” Лири с безумными наркоманами, которые жили и умирали за свои фундаменталистские убеждения, она сказала: “Если ты видишь это насквозь, стреляй в это”.

“Все есть наркотик. Кофе - это наркотик, разве это не клише? Музыка - это наркотик, слова - это наркотик, Джим [Моррисон] сказал, что Бог - это наркотик, но это не такое уж и клише. Это лекарство, то , что излечивает вас от болезней. Кофе избавляет от усталости… что еще помогло Что я говорю? Музыка? Что ж, музыка излечивает тебя от времени. Бог исцеляет вас от смерти, Я полагаю”. Нико никогда не признавалась, что наркотики излечивали ее от меланхолии, хотя однажды она сказала репортеру, что “Их называли сногсшибательными, и мне нравится мысль о том, что я могу избавиться от своей несовершенной памяти’. Это был единственный раз, когда она пришла к выводу, что предпочла бы отсутствие воспоминаний идеальному воспоминанию.

В тех несовершенных воспоминаниях Нико 1967 год казался наименее изломанным из тех, что она хранила в памяти, если только не был тем , о котором она больше всего лгала. 1967 год был годом, который калифорнийские хиппи назвали Летом любви, летом, которое она провела с Джимом Моррисон, а когда ее не было с ним, с Брайаном Джонсом, а когда ее не было с ними, с Энди Уорхолом, снимающим фильмы, или с Томом Уилсоном, записывающим пластинки. Это был также год, когда вас предупредили, что нужно знать, на какой стороне общества вы находитесь - являетесь ли вы частью решения или частью проблемы. Нико подумала, что может просто пройти через

середину, как это часто делают художники.

Сейчас, в возрасте 28 лет, она была на десять лет старше “золотых детей вселенной”, которые уходили из дома, чтобы включиться, настроиться и бросить учебу. В середине пятидесятых она видела, как парижские битники выступали против войны в Алжире, и теперь задавалась вопросом, выступят ли хиппи против войны во Вьетнаме или выйдут босиком, погруженные в себя, навстречу психоделическому закату. Как она и предполагала, “было два пути. Вы могли выйти на улицу или, по собственному разумению, зайти внутрь.’ Она никогда не думала, что оппозицию можно укрепить маршами - марши были для солдат, “солдаты поют “Deutschland über alles””, — но она верила, что общество нельзя изменить только с помощью более эффективных лекарств. ‘Вы должны уничтожать то, что неправильно, а не игнорировать это”, - подчеркнула она в беседе с журналистом, хотя у нее никогда не было возможности поучать других о бескорыстном поведении.

] она не была хиппи. Никогда не говорила этого Джиму Ни Моррисону, ни Брайану Джонсу. Мы были представителями богемы. Вы понимаете разницу? Представители богемы знают, что они не хиппи, но хиппи не знают, что они не представители богемы. Хотите, я расскажу вам

что-то в хиппи мне не понравилось? Ну, они всегда что-то продавали. Они пытались продать вам наркотики, или масло пачули, или самих себя, или то, о чем они думали. Это было похоже на Черный рынок. Это снова был Шварцмаркт. Вы знаете, где они чаще всего жили, в Хейт-Эшбери, в пригороде Сан-Франциско? Это было их гетто. Это было похоже на Кройцберг [в Берлине]. Это был фиолетовый Рынок. Это идеальный цвет для хиппи. Рынок “Пурпурная дымка”. Как это по-немецки?’

Прожив год в Нью-Йорке, Нико получил прививку от излишеств лихорадки хиппи с помощью небольшой дозы сарказма. Новое

Жители Йорка посмеивались над наивностью калифорнийцев в отношении цветочной энергии; подтянутые люди сопротивлялись непринужденности. ‘Вам нравится “We Shall Overcome”, но я предпочитаю “Гори, детка, гори”, - сказал главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра безмятежному композитору. Культура битников пятидесятых годов развивалась в европейских столицах, а также в Нью-Йорке, и большинство из них Города Европы и Америки. Он уже возродился во всеоружии для борьбы в своем новом обличье ситуационизма, которое Нико любила, хотя она любила его так же, как турист любит Париж. Солнечная Калифорния, однако, была отвергнута как захолустный рассадник мелкобуржуазных претензий, Диснейленда и серфинга. В глазах новых Йоркские модернисты, хиппи из Хейт-Эшбери были не более чем битниками из магазинчиков на углу. Мир хиппи был всего лишь способом заработать неплохие деньги на “душевной пище” и тарелках для игры на пальцах. The East Coasters спросили: почему хиппи были популярны только в Калифорнии, Британии и Дании и в других подобных местах? Потому что это была фальшивая деревенская культура , подходящая только для деревенщин и разгильдяев.

Нико не была ни хиппи, ни хедлайнером, ни тяжеловесом, ни фанкстером, ни цветочником, ни рэпом, ни диггером, ни битником. Она была бохо. Она не верила по-настоящему в контркультуру хиппи, потому что, по ее мнению, все культуры должны исчезнуть, прежде чем появится что-то, достойное названия утопии. Нико однажды сказала, что не может отождествить себя с одной из песен, написанных для нее Лу Ридом. Это было “Pll” Быть твоим зеркалом: “Я не могу отождествлять себя с этим — замечать только прекрасное, а не уродство”. В этом тоже была ее проблема с хиппи-домом. Хотя наркотики ей очень нравились.

ВНИЗУ, В “ДОМЕ”, Нико снова забралась на стойку бара и пела под гитару, в то время как ее четырехлетний сын, прихлебывая, расхаживал по комнате. Гитару мог держать Стерлинг Моррисон, Джон Кейл или кто-то еще, кого подкупил ее менеджер Пол Моррисси, чтобы он сидел там и бренчал. Он рассказывал о тех днях так: ‘Через некоторое время она

не привлекал толпы, ни белых, ни , тем более, негров. Я познакомился с Дэнни Филдсом, который тогда работал на Elektra Records - он был связан с The Doors, которые были на этом лейбле и приезжали играть в НьюЙорк. Дэнни сказал: “Почему бы тебе не пригласить Тима Бакли? У него вышел альбом, но его никто не покупает. Он мог бы стать вторым номером”. Итак, я нашел его. Молодой Тим Бакли исполнил свои собственные песни — у него был красивый, высокий ирландский голос — и затем, по доброте душевной, аккомпанировал Нико. В конце концов Тиму Бакли пришлось уехать на Запад (и то навсегда, потому что он умер от передозировки героина). В Ramblin’ Jack Elliot играли несколько раз. Затем Дэнни Филдс предложил Тима Хардина, который работал на том же лейбле, что и Бакли. Бедный старина Тим, мы называли его Тим Героин. Он был еще одним чертовым наркоманом.

“Раньше был мальчик, который каждый вечер сидел перед Нико и Тим Бакли. Ему было всего восемнадцать. К концу второй недели Я поговорил с ним. Он сказал: “Тим Бакли - мой герой. Я приехал из Округ Ориндж [Калифорния], когда я узнал, что он здесь”. Он сказал, что писал песни, как Бакли, и играл на гитаре. Я спросил его , не мог бы он поиграть за Нико. Он сказал: “Нет, я не могу играть на публике. Я слишком боюсь”. Поэтому я попросил его немного поиграть для меня прямо в баре. Его песни звучали великолепно, и, что еще лучше, на мой взгляд, он сам Играл на гитаре! Я рассказал об этом парне Дэнни Филдсу. Он сразу же обратил на него внимание, купил его издание для Elektra, около 25 песен. Итак, этот вундеркинд стал замещать Тима Бакли, и у него все получилось. Кажется, тогда мы называли его Джек Браун”.

В альбоме Уорхола есть вырезка из анонимной газеты. В центре помещена фотография Нико и ее вундеркинда, Джексона Брауна. Они окружены описанием их выступления в the Dom, которое почти… почти… почти… как стихотворение того времени, изобилующее строчными буквами и многозначительными паузами: “автор Джули’:

прогулка по площади Святого Марка… ЭНДИ УОРХОЛ в “Доме “… подземном баре… Голос Нико и гитара из Джек Браун… - не мог бы ты зайти в мой зеркальный магазин и не бояться того, кто ты есть? оглянись вокруг, тебе придется заплатить гораздо больше… ты влюбляешься в себя’…

аплодисменты… грустные глаза… улыбка… фильмы… Лу ест яблоко… батончик “херши”… прыгуны с парашютом кувыркаются в воде… Джерард гладит ботинок Мэри…

9 января-июнь 1967 года

“Поцелуй”… комментарий о гетеросексуалах… пастельные тона плавают в воде… потолок, покрытый серебряной штукатуркой.. . повторяющийся серебряный шар , плавающий в воде… проецируемые цветные огни…

водоворот пятен превращает комнату в круговое пространство. где часов не существует…

.. Нико поет… “я рассказываю тебе обо всех этих приятных вещах’…

одной ногой прижимаюсь к его спине, занимаюсь любовью с его шеей… его дыхание становится глубже… глубже… глубже. .. Нико на экране… настроение….лучи света струятся по

его лицо… его голос звучат так отчетливо… ‘лучшее еще впереди… лучшее еще впереди. ты разучился улыбаться по-настоящему….лучшее еще впереди”.

Джексон Браун родился в Германии ровно на десять лет позже Нико. Двое Весов. “Мы даже не думали об этом”, - вспоминал он. ‘Я родился в Гейдельберге после войны, потому что мой отец служил в американской армии и позже работал там журналистом. Нико все равно не сказала нам, откуда она родом. Все, что я знал, это то, что она была настоящей европейкой. Она была старше меня, но тогда все казались старше меня! Я путешествовал по пересеченной местности с друзьями, и мы остановились в Нижнем Ист-Сайде, и мы как бы последовали примеру моего друга Тима Бакли. У него была группа, но в то время он играл на гитаре в барах. Он поочередно выступал с Нико, которому часто аккомпанировали Стерлинг Моррисон или Джон Кейл. Казалось, что каждый раз это была другая гитара Я пошел.

‘Пол Моррисси нанял меня аккомпанировать Нико, но он потребовал электрогитару, а не акустическую, потому что “мы не хотим, чтобы нас воспринимали как фолк-музыкантов”. Мне пришлось одолжить гитару у друга на Лонг-Айленде. Мы играли не каждый вечер. Они повесили табличку с надписью “Энди Дом моды Уорхола” (очевидно, ему понравилось название “Дом”, потому что оно было модным задом наперед). Я зашел туда как-то вечером, когда мы не выступали, и это было совершенно другое место, просто выпивали обычные люди, из музыкального автомата звучали старые песни. Но в дни Нико это было похоже на шоу уродов. Дом внезапно стал местом, где заводчане и их друзья могли проводить время вместе. На стене в Лу Рид, сердито смотрящий в камеру и поедающий батончик “Херши”, а также скайдайвер, бесконечно падающий со стены — вы не смогли бы увидеть монтаж в цикле, если бы не были очень быстрыми.

“Изначально они хотели, чтобы Нико пела в коробке из оргстекла. Она наотрез отказалась; она часто ворчала по поводу этих новинок, которые они пытались заставить ее исполнять. Мы сидели на барной стойке и играли один и тот же сет дважды за

вечер. Она исполняла песни Лу Рида, которые в ее исполнении звучали так гипнотически, песни Тима Хардина, Боба Дилана — все они не издавались; это был исключительный репертуар , в основном те песни, которые мы позже записали для Chelsea Girl. Все они были простыми в исполнении, и никто из нас, гитаристов, не считал это сложной работой. Леонард Коэн сидел в зале и писал. Даже в то время он был выдающейся личностью, поэтом , чьи песни только что записала Джуди Коллинз. Чувствовалось, что он , вероятно, самый умный, грамотный человек в зале, настоящий поэт. Время от времени он подкрадывался, чтобы понаблюдать за Нико , и разговаривал с ней и о ней с нескрываемым восхищением. Они стали друзьями.

Конечно, он был не единственным. Физически она была похожа на богиню. Высокая, сногсшибательная. Но при этом у нее был очень детский смех, и она много улыбалась. Так что там сидели мужчины, которые были совершенно без ума от нее. В то время по всему Манхэттену были развешаны двадцатифутовые плакаты с Нико , я уже забыл, почему. Невозможно было работать в Виллидж и не увидеть эти гигантские изображения Нико. Сама она не использовала это в своих целях. В Dom она села на стул с прямой спинкой и скрестила свои длинные ноги. Это было похоже на Дитрих (хотя мне не нравится это сравнение - оно слишком простое, это все равно что сказать Питер О'Тул и Ричард Харрис - совершенно одинаковые, знаете ли, два светловолосых ирландца). Она не афишировала свою сексуальность. Ей не нужно было спекулировать на этом. Она была достойна своего обольщения. В конце концов, это женщина, воспитывающая ребенка, понимаете? Конечно, в реальной жизни у нее были свои способы защиты. Она могла быть ледяной и отстраненной с некоторыми людьми, но я заметил, что она всегда была дружелюбна с теми, кто поддерживал ее, например, со швейцарами и персоналом, который помогал ей ловить такси, и тому подобными людьми, она была очень мила с ними, и я думаю, они обожали ее. Нико в ответ. Я тоже был по уши влюблен в нее, - сказал он тогда журналисту. - О, я просто не могу в это поверить! Простой подросток , приехавший из солнечной Калифорнии меньше чем на месяц, а я уже сплю с самой красивой девушкой в мире!'

Он останавливался в той квартире в Вест-Виллидж, которую она совсем недавно сняла, и она готовила ему еду (" сыр с цветной капустой"), и они пили вино и смотрели, как Ари играет с вещами, которые ему делать не следует. Джексон Браун находил все это "очень нежным, милым и по-домашнему уютным". Нико, "хорошая мать", проявляла материнскую заботу

больше, чем Ари, алкоголичка-завсегдатай баров, хотя стиль был основан на опыте, который она приобрела, ухаживая за собственной матерью. С этого времени манеры Нико как домохозяйки начали производить впечатление на большинство ее любовников , особенно на американцев, которые привыкли к горячей еде в картонных коробках. Связь с Леонардом Коэном, его страстное увлечение , на которое он в остальном был безответен, было исключительно оральным.

Браун исполнил Нико несколько своих песен, и она взяла пару из них в свой репертуар. Она была первой, кто спел 'These Days' и 'The Прекраснейшее из времен года", которую он написал вместе с Грегом Коуплендом, "а потом был этот странный номер, который я записал, под названием "Где-то Там есть перо", и ей это понравилось. Она была первой, кто записал мои песни, и я играл на гитаре для ее альбома. Но потом мне пришлось вернуться в Калифорнию… Что ж, скажу вам правду. Однажды Нико обвинила меня в непристойных телефонных звонках в ее адрес. Кто-то это делал , и это ее нервировало. Это было откровенное домогательство. Тогда она обвинила меня , и я был ошеломлен. Я сказал: "Как ты мог подумать, что это я, Нико? К черту все это, я ухожу". Моррисси пытался уговорить меня остаться, но я уволился.'

Перед уходом он написал песню о Нико. Он никогда никому ее не дарил, и она никогда ее не видела:

О, как печально звучат песни, которые, должно быть, поет умирающая королева Узница меланхолических вздохов на своем троне

Если бы она могла сейчас увидеть свое зеркало

Она была бы свободна от тех, кто кланяется и

Скребет землю у ее ног

Она молча бродит среди своих увядающих полуночных роз
Наблюдает за каждым мгновением, которое так и не познало нас по-настоящему И, кажется, ей все равно

Снится ли ей, что там никого нет

В тени ее комнаты

Но все мои застывшие слова сходятся во мнении и говорят, что пришло время… Отзови всех птиц, которых я отправил тебе.

Улетаю за стены ее замка, и я здесь.

Устал от ночей, которые я видел.

Внутри этих пустых залов.

Деревянная леди все ворочается и ворочается среди моих утомительных тайн. И помахать в течение прошедших часов другими пустыми карманами Может быть, мы нашли то, что потеряли

Когда мы распутали так много переплетенных нитей.

171

Нико

Недопонимание; но

Все мои застывшие слова согласны и говорят, что пришло время
Отозвать всех птиц, которых я послал назад,

Улететь за стены ее замка, и я

Устал от ночей, которые я видел,

В этих пустых стенах.

Нико как-то сказал: “Джексон Браун, Джон Кейл, Боб Дилан - они пишут прекрасные песни. Однако их не так-то просто запомнить’.

КОЖА У него ПОЖЕЛТЕЛА. Он ел и пил все, что попадалось под руку: батончики “Херши”, чипсы, кока-колу, дреды. Четырехлетний “дикий ребенок”, как с гордостью называл его Нико, питался не так богато, как его отец-француз, а скорее так, как это делала бы маленькая девочка в прожорливом Берлине двадцать лет назад. Утверждается, что она посыпала десны Ари порошком героина, чтобы успокоить его. Из-за его вредной диеты, состоящей из зараженной пищи, и беспорядочного ночного образа жизни, У Ари развилась коварная инфекция. У него началась желтуха, которая привела к воспалению печени. Нико, добрая мать, сразу поняла , что нужно делать. Пока другие вызывали врача, она позвала бабушку. Мадам Булонь получила из Парижа письмо, в котором прямо говорилось, что Ари тяжело болен и Нико нужно что-то с этим делать . В третий раз за три года и в четвертый раз для семьи мадам Булонь оплатила перелет из собственного кармана , чтобы забрать Ари у его матери и вернуть его к реальности.

“Это будет в последний раз”, - сказал месье Булонь. “Если мы продолжим Ари, мы должны организовать все должным образом. По крайней мере, сейчас он должен ходить в школу ”. К сентябрю Ари исполнилось пять лет, и он был не столько диким ребенком, сколько школьником. Больше никаких ролей в кино, никаких “амфетаминовых монстров , поглощающих едкие остатки своей сексуальности”, по крайней мере, не в пригороде Бург-ла-Рен, если мне не изменяет память. Несмотря на то, что он виделся со своей матерью несколько раз, когда количество визитов сокращалось (однажды был перерыв в пять лет , когда ему было отказано в доступе), ему было девятнадцать, а Нико - 43, прежде чем они снова помирились. Вскоре Ари разделял мнение своей матери о школе: “Я ходил в нее без особого удовольствия. В таких школах человека только подавляют. Это жестокий метод обучения, за который ставят оценки. Там не принято отличаться от других, но некоторые дети необычные..

Мама Нико, будь у нее возможность, согласилась бы с мнением некоторых детей . Грете была слишком больна, чтобы что-то замечать.

больше. Ей было всего 57 лет, но она уже не могла говорить полными предложениями. Она не получила от Нико обещанных денег и не могла позволить себе ни примитивных лекарств от болезни Паркинсона, которые предлагались в те дни, ни больничных сборов. Ее сестра Хельма и ее сын Ульрих предприняли единственные возможные меры. 'Нам написал врач с Ибицы. У нее не было денег, совсем ничего. Это было так безнадежно, как в греческой трагедии." Они оплатили возвращение Греты в Берлин и ее лечение в стационаре. Ульрих, ныне практикующий архитектор, взял на себя все расходы, несмотря на то, что это было очень дорого. Все, что было в доме на Ибице, было распродано, "по такой дешевке, что вы и представить себе не можете", - добавила Хельма. Вот так семья Нико провела лето любви.

- "Той весной НИКО ПРИВЛЕКЛА МНОГО ВНИМАНИЯ ПРЕССЫ благодаря своему статусу суперзвезды — фильм "Девушки из Челси" демонстрировался в течение шести месяцев". Пол Моррисси вспоминал: "Итак, Том Уилсон, музыкальный продюсер, сказал,

| *Давайте запишем альбом". Мы подбирали песни. Это было действительно замечательно - песня Дилана, песня Кейла, песня Лу Рида, песня Хардина, песня Брауна - очень впечатляющий список, который Нико собрал, и все они были хорошо отрепетированы благодаря месту жительства. Запись была очень простой. Сначала были Нико и гитарист Джон Кейл, затем Лу Рид, затем Джексон Браун. Это было в точности так, как она пела в the Dom. Я думаю, что лучшими песнями были песни Джексона Брауна "imagine, ему было всего восемнадцать" и "Cal-i-forn-ian".

Том Уилсон добавил струнные позже, на другой сессии. Затем по какой-то неведомой причине он добавил флейту

“.

Джексон Браун запомнил эту сессию благодаря продюсеру. “Том Уилсон был очень обаятельным человеком, который, казалось, ничего не воспринимал всерьез. Я полагаю, он был необычным чернокожим парнем, продюсировавшим фолк-рок, хотя мы никогда об этом не задумывались. Он был хорошим парнем с хорошей репутацией, я имею в виду, что он продюсировал Боба Дилана “Like a Rolling Stone”. Но он был штатным продюсером в Columbia Records и я думаю, что они просто назначили бы кого-нибудь для проекта, например, в алфавитном порядке. Я полагаю, что Колумбия - самая большая

- конкурентом в то время был Tamla Motown, так что все выглядит именно так. Но Том Уилсон все это время болтал по телефону; у него была целая общественная жизнь. Он говорил: “Просто продолжай и делай это, не обращай на меня внимания”. Это была, наверное, первая студия звукозаписи , в которой я побывал, но даже я понимал, что продюсеру следует время от времени отрываться от телефона.’

Джон Кейл согласился (“Он был хорошим парнем, но он просто сидел там

с этим телефоном, прижатым к уху, он обзванивал подружек”), а когда английский певец Кевин Айерс целый год спустя работал с Уилсоном над его первым альбомом, самым ярким его воспоминанием был продюсер, который “весь день сидел на телефоне и звонил своим подружкам ’. Нико жаловался не на продюсера, а на флейту, добавил он: “Я плакал, когда услышал альбом. Я плакал из -за флейты. Я так ее ненавижу! Это большая

ошибка. Аранжировки в целом были не очень хороши. Несмотря на это, я мог бы вынести звук струн. Но хотелось бы, чтобы я мог снять флейту. На проигрывателях должна быть кнопка “Без флейты”. Можно было бы также добавить кнопку “Добавить барабаны”, почему бы и нет? Казалось бы, они могли бы это сделать. Было бы забавно что-то срежиссировать, а что-то и не срежиссировать . Что ж, я бы хотел, чтобы у меня получилось не срежиссировать “Челси Герл”. Во всяком случае, флейту.’

После 25 лет работы в студии звукозаписи Джексон Браун по-прежнему восхищен скоростью, с которой Chelsea Girl была записана: “Я думаю , что за день до отъезда в Калифорнию я пошел играть свои гитарные партии. Мы записали их и многое другое за один день. Если это о чем-то говорит, то ее альбом , должно быть, был готов в течение трех дней (подумайте, сколько времени на это уходит сейчас!). Лу Рид тоже выступал в тот день. После этого он пригласил меня на большой китайский ужин, а затем на шоу The Murray the K в RKO. Там были Уилсон Пикетт, The Blues Project, The Who, Этта Кинг. Что за день”.

Нико был сбит с толку выбором времени для всего этого. ‘Когда мы записывали Chelsea Girl, все говорили о The Velvet Underground и Нико, потому что они только что вышли в свет. Я , конечно, забыл об этом, потому что мы записали его годом ранее. Я рассказывал о “Девушке из Челси”, и люди могли подумать, что я говорю о фильме. Запись вышла еще через год [июль 1968 года]. Это действительно забавно, потому что именно так обычно проходят фильмы. Вы снимаете фильм, и когда вы о нем забываете, публика видит его впервые. Но фильмы Энди получались очень быстрыми. Вы снимали их за один месяц, а через месяц становились кинозвездой. Но запись заняла целую вечность. Я никогда не понимал, как вовремя все это становится достоянием общественности. Вот почему Я не годился для публичности. Я забыл, о чем хотел здесь поговорить.’

Ее регулярно приглашали поговорить с прессой о Velvet Underground - гораздо больше, чем Лу Рид. Она сделала вид , что не совсем понимает, почему: “Я сольная певица, которая много поет. Это группа без каких-либо заказов’. Для продвижения альбома в апреле 1967 года Уорхол и Моррисси поселили группу в спортзале на Восточной 71-й улице

3”

9 января-июнь 1967 года

сын Стэнли обнаружил картину в the Dom. В рекламе была опубликована фотография Уорхола с Нико, но без группы. В копии значилось:

НОВАЯ ДИСКОТЕКА В СТИЛЕ ХЕППЕНИНГ THE GYMNASIUM

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР СВИНГЕРОВ с ЭНДИ, НИКО и ЖИВОЙ ГРУППОЙ и ЗАЖИГАТЕЛЬНЫМИ ОГНЯМИ

совершая самый безумный свинг в ИСТ-САЙДЕ, который когда-либо видели. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 апреля, в 18:00.

Уорхол попизма написал, что “Спортзал был идеальным местом для Для меня это место стало шестидесятым, потому что мы оставили его в точности таким, каким оно было, с матами, параллельными брусьями, гирями, ремнями и штангой. Вы подумали: “Спортивный зал, да, ничего себе, фантастика”, - и когда вы снова смотрите на то, что всегда считали само собой разумеющимся, вы видите это по-новому, и это хороший поп-опыт, не многие из платящей публики думают: “Да, ничего себе, фантастика”, и быстро раскручиваются. постоянное проживание лишь усугубляло мрачное настроение группы. Это была группа не для Внутри группы это был скорее взлет, чем падение, и прошло четырнадцать лет, прежде чем группа (к тому времени распавшаяся на десять лет) была открыто признана главной силой рок-музыки.

Много лет спустя Нико поделился с журналисткой своим мнением о группе:: ‘Все хотели быть звездами. Конечно, Лу всегда

был таким. Но газеты постоянно обращались ко мне. Вот почему меня уволили — он больше не мог этого выносить. Он уволил меня, а затем и Джона Кейла. Вы с ним встречались? Что вы о нем думаете - саркастичный? Альбом, до того как компания изъяла его из продажи, занимал 171 -ю строчку в альбомных чартах. В те дни попасть на какую-либо позицию в печатных рейтингах было настоящим счастьем, но группе не понравилось, что было продано на 170 альбомов больше, чем у них. Дебютные пластинки от The Doors и The Mothers of Invention из Калифорнии опередили ньюйоркцев, и к лету 1967 года все затмил последний релиз The Beatles, группы сержанта Пеппера Lonely Hearts Club. Из-за отсутствия работы, слабого менеджмента со стороны WarVel и личных пристрастий к борьбе с наркотиками дела у группы шли неважно. Она просуществовала еще четыре года, время от времени выступая с

заменители до распада. The Velvet Underground и Nico, однако, в конечном итоге стали золотыми (1 миллион долларов продаж) и даже выше; они и по сей день остаются в каталоге продаж. The Velvets, к их чести, равномерно распределили гонорары группы, в том числе Нико участвовала в акции - привилегия, которая позже перешла к ее сыну. ‘Я никогда не получал от этого ни пенни гонорара”, - признался Нико, солгав.

‘ИЗБЕГАЙТЕ ЛЮДЕЙ в черном или лимонном. У вас романтические наклонности , поэтому выбирайте людей в кремовом. Вы почувствуете себя тигром, но не забывайте, что вы лев’. Таков был впечатляющий совет, данный Нико мадам Светланой (“Покупай их, пока они есть! Мадам Светлана Воротнички из кроличьего меха на подарок, 27,50 долларов”). Мадам Светлана каждый месяц писала для нью-йоркского журнала гороскопы знаменитостей. В марте 1967 года в журнале был опубликован фото-графический коллаж из подборки за этот месяц. Нико была заметной личностью, дата ее рождения была

известна всем: 8 августа 1942 года. Она была Львом, Так предположила мадам Светлана. Она не знала, что Нико был еще большим лжецом, чем Лео. Ари был настоящим Львом, 11 августа. Таким же был и Энди Уорхол, 6 августа. Весам советовали ‘избегать людей в белом’. Несомненно, Нико весь март носил кремовое.

Рядом с Нико были изображены Питер Селлерс (Вирго), Федерико Феллини (Козерог) и вокалист The Doors Джим Моррисон (Стрелец; ‘Многие стрельцы будут склонны к подделкам’). Из всех мудрых прогнозов, сделанных мадам Светланой, Джим Моррисон и Нико вместе взятый был самым дальновидным. Двери были привезены из Лос-Анджелеса Лос-Анджелесе и играл в Нью-Йорке всего дважды, во-первых, в предыдущем В ноябре, а затем в марте. На Фабрике было распространено мнение , что The Doors были довольно претенциозной группой, которая полностью полагалась на плотскую мощь своего чувственного греческого бога Джима Моррисона. To Velvets больше всего боялись другой калифорнийской группы, которую возглавлял Фрэнк Заппа и которая называлась Mothers of Invention. Джима звали Брайан Джонс и Мик Джаггер, вместе взятые. Но на самом деле он был коброй. Кем были Mothers of Invention? Мужчина с дурацкой бородой. В любом случае, кто хочет послушать концерт, который устраивают какие-то мамаши? - заявила Нико, забыв, что она мать.

Когда The Velvets и Нико выступали в клубе Trip в Лос-Анджелесе. Годом ранее в Лос-Анджелесе побывал Джим Моррисон. Уорхол полагал , что Моррисон тогда обратил пристальное внимание на Джерарда Малангу, который исполнил свой танец с хлыстом в костюме из черной кожи. Позже Моррисон приобрел широкую известность, надев такой костюм (“Многие Стрельцы склонны к подделкам’). Часто считается, что

что Моррисон и Нико впервые встретились летом 1967 года, когда Дэнни Филдс из звукозаписывающей компании Elektra

попытался наладить идеальное партнерство. Моррисон и Нико стали Адамом и Евой в фильме “Лето любви”.

На самом деле они познакомились в марте, когда Моррисон, вероятно, обратил внимание на “двадцатифутовые плакаты с Нико по всему Манхэттену”. Барабанщиком The Doors был Джон Денсмор, который вспоминал о Мартовская встреча с ярко выраженной перкуссионной точки зрения: “Мы были : остановились в невзрачном отеле Great Northern на 57-й улице. Зубрить—

приличное место, но здесь пахло стариками. Я жил в соседнем номере с Джимом, и это оказалось лучше, чем смотреть телевизор. Не то чтобы Я был из тех, кто пьет до упаду, но однажды вечером из соседнего номера донесся шум, который трудно было не заметить. Джим принес Нико, знаменитый немецкий вамп из The Velvet Underground, вернулся в свой гостиничный номер, и я никогда не слышал такого грохота вокруг. Это звучало так, как будто они выбивали дерьмо друг из друга. Я волновался, но так и не осмелился спросить, что случилось. На следующий день Нико выглядел нормально, так что я пропустил это мимо ушей.’

Когда так много людей говорят о Нико в наше время с точки зрения “элегантности”, “застенчивости”, “достоинства”, “красоты”, “божественной чувственности” и даже как о “нежном цветке ивы”, удивительно неожиданно услышать о ней как о драчуне, задире, боксере из ушей. Это больше похоже на то, как маленькая Криста в Люббенау играет в упорную борьбу со своей кузиной Улли: “Она решительно навязала себя. Ничто другое не имело значения, пока она не

совершенно по-своему.” Неудивительно, что , выпив пива, она становилась агрессивной. Через два часа Богиня Луны превратилась в светлую деревенщину (“Я люблю пить пиво. Если только оно не напоминает мне о моем рождении’). Позже в ее жизни пристрастие к пиву стало обычной чертой; действительно, одна пьяная выходка позже привела к ее изгнанию из “Эрики”, но только такой чудовищно пьяный человек, как Моррисон, спровоцировал первый зафиксированный случай. Он называл себя Королем ящериц, но на самом деле был скорее праздношатающимся ящерицей. Джон Кейл заметил, что “Джим Моррисон был похож на избалованного, чисто вымытого школьника, впервые напившегося’.

Нико часто говорила о нем как о своем “брате по духу”: “Я думаю, он был первым человеком, которого я встретила, который не боялся меня. Мы были очень похожи, как брат и сестра. У нас схожие души. Мы были одного роста и почти ровесники.“На самом деле он был на пять лет моложе, в остальном у нее были все основания подчеркивать их сходство. Джеймс Дуглас Моррисон был сыном офицера военно-морского флота Соединенных Штатов. Пока его отец воевал, мальчика воспитывала мать

с бабушкой и дедушкой в Клируотере, Люббенау, Флорида. Позже он утверждал, что душа умершего коренного американца вошла в его тело , когда ему было всего четыре года: “Впервые я узнал о смерти, когда мы с матерью, отцом, бабушкой и дедушкой ехали по пустыне на рассвете. Грузовик с индейцами либо врезался в другую машину, либо что-то в этом роде - индейцы были разбросаны по всему шоссе… И я действительно думаю, что в тот момент души или призраки тех мертвых индейцев - возможно, одного или двух из них - просто бегали вокруг, сходя с ума, и просто приземлились в моей душе.’ Его отец , по-видимому, возразил: “Это был сон, Джимми, на самом деле этого не было, это был сон”. Родные Моррисона были евреями, как и Нико. Но его происхождение было вполне буржуазным и мягким. Жестокая неприязнь к рутине отличала этого угрюмого молодого человека, пресыщенного чистым комфортом Америки пятидесятых; Нико часто стремился к жизни, от которой отказывался. Пока она смотрела слезливые фильмы, он ходил в киношколу. Пока она встречала Гинзберга на улице, он читал Гинзберга. Пока она училась Тексты песен Дилана он написал сам. - Он был хорошо начитан и познакомил меня с Уильямом Блейком, а также с английскими поэтами-романтиками, которые пришли после него. Джиму нравился Шелли. Мне больше нравился Кольридж. На самом деле, он мой любимый поэт всех времен. А вы знали, что все они были наркоманами? Кольридж пристрастился к опиуму. Лучше пристраститься к опиуму , чем к деньгам.

“Я не чувствовал, что Джим был калифорнийцем [он им не был]. Он жил в Лос-Анджелесе с красивым названием “Ангелы”, и на самом деле это был город Уильяма Блейка, а не Голливуда. Но Лос-Анджелес был разрушен, как Иерусалим был разрушен в Англии [у Блейка стихотворение]. Джим мог бы построить все заново, если бы его не окружали эти безвкусные женщины.“У Джима Моррисона было столько же женщин, сколько и у Брайана Джонс (трудно было бы получить больше). Его внешность была блестяще богемной: угрюмый рот, который больше кривился, чем улыбался, едва заметная щетина, детский нос пуговкой, глаза пумы, взъерошенные рыжевато-каштановые волосы и раздражительная манера поведения на фоне массивного телосложения; и для Моррисона, и для Нико увеличение веса было постоянной проблемой. Он сохранил немного детской полноты и выглядел избалованным, но физически был грациозен, по крайней мере, когда был трезв. Джек Симмонс, владелец “Касл”, утверждал, что “Джим Моррисон ходил как пантера и плавал как дельфин”. Нико никогда не ходила, она двигалась плавно; и она никогда не плавала, никогда.

Дэнни Филдс считал, что Моррисон ‘действительно наводил ужас — он был воплощением старомодного представления о паршивце, большом, блестящем, сексуальном паршивце”. Он, должно быть, знал об этом, когда собирал их вместе

в тот июль в Лос-Анджелесе Моррисон и Нико были не Адамом и Евой, а двумя змеями. “Я подумал, что из них получилась бы симпатичная пара”, - застенчиво объяснил он. ‘Они оба были ледяными, загадочными, харизматичными, поэтичными, глубокими, чувствительными и прекрасными”. У Нико был более прямой взгляд на вещи. ‘У Джима Моррисона был самый лучший секс в моей жизни, - призналась она одному писателю в восьмидесятых, - но Брайан [Джонс] дарил самый лучший секс, когда мог. Джим был больше погружен в свои мечты. Ему нравилось спать и видеть видения, потому что он показывал мне

некоторые личные вещи. Я думаю, Брайан был больше музыкантом , чем композитором, а Джим был больше поэтом. Можно сказать и так Джим принимал наркотики, потому что хотел, чтобы видения использовались в его поэзии. Это похоже на то, как люди в офисе пьют кофе, чтобы помочь себе в работе. На самом деле это одно и то же.

Нико говорила о Джиме Моррисоне и Брайане Джонсе на одном дыхании , потому что в начале лета она сменила одного из них на другого. Фактически, она переехала из дома Пола Маккартни в Лондоне, в который вторглась на несколько недель, в Velvet Underground в Бостоне к Энди Уорхолу, а затем к Брайану Джонсу в Сан-Франциско и Джиму Моррисону в Лос-Анджелесе, и все это одним махом. ‘Вы могли бы сказать, что это было похоже на сказку: Энди был бы доброй феей, Джим - великаном, Брайан - ведьмой, Пол Маккартни - лягушкой, которая превращается в принца, но нет, все должно было быть наоборот. Что ж, в то время это не казалось сказкой. Было много хлопот. Но я многому научился и начал сочинять свои собственные песни’. Как часто говорил Моррисон, цитируя Блейк, “Дорога излишеств ведет во дворец мудрости”. Он редко добавлял, что это одна из пословиц Ада.

Нико осталась в Лондоне после того, как закончила запись альбома Chelsea Girl. Она была там, чтобы обратиться за медицинской помощью из-за перфорации правой барабанной перепонки, поскольку обнаружила, что постепенно оглохает с этой стороны. Она могла бы поехать на Каннский кинофестиваль 1967 года со съемочной группой Уорхола, чтобы присутствовать на показе фильма “Девушки из Челси”, тем более что Уорхол оплатил авиабилеты, однако визит обернулся фиаско, когда директор фестиваля отказался предоставить фильму официальное место. Нико быстро съездил в Париж, чтобы навестить выздоравливающего Ари затем нашел убежище в доме Пола Маккартни. Это был ее второй выбор. Однажды Нико появился в резиденции Дэвида Бейли в Гранд-Риджентс-парке . - Она просто появилась на пороге со своими чемоданами. Она хотела переехать ко мне. Я немного запаниковал. - Я слишком хорошо проводил время, чтобы справиться еще и с Нико. Кажется, я сказал: “Ты мне очень нравишься, Нико, но не настолько”.

порекомендовал место Пола Маккартни, и Нико был не из тех, кто стал бы спорить с подобным предложением, от кого бы оно ни исходило.

Что касается их потрясающей карьеры, то в мае 1967 года дела у The Beatles шли не слишком хорошо. Казалось, они уже давно не работали; это были английские Velvet Underground. Группа только что выпустила “Strawberry Fields Forever” и “Penny Lane” в качестве двухстороннего сингла, и впервые за три года пластинка была вытеснена с первой позиции певцом по имени Энгельберт Хампердинк. - О, так он немец? - поинтересовался Нико. ‘ Нет, он из Индия, а его настоящее имя Арнольд, - аккуратно ответил Маккартни. Как бы вы предпочли, чтобы вас звали - Энгельберт или Арнольд?’ Нико некоторое время обдумывала варианты. “Какой бы вариант ни был короче”, - решила она.

На самом деле “Битлз” не сидели сложа руки; они работали в течение пяти месяцев , записывая группу сержанта Пеппера “Клуб одиноких сердец”. ‘Это был интересный альбом’, - сказал Нико, который утверждал, что слышал его в Brian Частная вечеринка Эпштейна перед его выпуском. - Это по-европейски. Там есть духовые оркестры, охотничьи кличи, оркестры и все такое, что Америка пытается украсть у Европы. Ты знаешь, что в Нью-Йорке ходят охотиться на лис Англия? Я могу представить себе Эди с ее собаками и маленьким хлыстиком. Хотя, по-моему, она предпочла бы выпороть себя. Я думаю, она бы поохотилась на лис в Новой Англии и на трахающихся в Нью-Йорке. Как ты это называешь? Каламбур? Хорошо… На Sgt Pepper есть песня, которая мне понравилась, она называется “A Day in the Life’. Там красивая песня, а потом этот странный звук, как у Джона Кейла (он сказал мне , что на самом деле это был оркестр), а потом эта глупая попсовая песенка, которая все портит . Я рассказал об этом Полу и допустил ошибку, потому что прекрасная песня была написана Джоном Ленноном, а глупая - Полом. Бывает неловко, когда говоришь правду.

Нико задержался у нее на несколько дней, если не недель. Хотя постоянная подруга Маккартни, Джейн Ашер, была в отъезде , снималась в Штатах, в Лондон только что прибыла влюбчивая

американская фотограф по имени Линда Истман. Позже Линда испытала на себе классическое унижение, свойственное всем женам и подругам, которые вступают в группы, поют или играют; даже Джон Кейл однажды сказал журналу Rolling Stone, что ‘Внезапное появление Нико в [The Velvet Underground] было очень забавным. Это было похоже на то, что у вокалиста есть девушка, и она хочет петь, так позволь ей”. К счастью для Пола Маккартни, терпение Энди лопнуло Уорхол прибыл в Лондон, только что оправившись от разочарования в Каннах. Уорхол знал, что менеджеру The Beatles Брайану Эпстайну понравился Дебютный альбом The Velvets, и он надеялся, что Эпстайн справится с этим.

и организовать европейское турне. Был ли Эпштейн заинтересован в этом или нет, но три месяца спустя он умер от передозировки карбитрола.

Уорхол и Моррисси увезли Нико из дома Пола Маккартни под предлогом концерта Velvet Underground (“и Нико”) в Бостоне. Они вместе прилетели из Лондона, но когда прибыли в клуб Boston Tea Party, трио с ужасом обнаружило, что группа наняла нового менеджера. Более того, the Velvets не пустили Нико на сцену (“Мы и так играли без нее несколько месяцев’). ‘Ну, я записал свой собственный альбом, который вскоре должен был выйти, но они ничего не записали без меня”. Нико бросил вызов этому пренебрежению, улетев на запад, на солнечное побережье, в пресыщенные объятия Брайана Джонса.

Это было время, когда Скотт Маккензи сказал вам: “Если поедете в Сан-Франциско, обязательно вплетите в волосы цветы”, - и в этой песне была зловещая рифма, которая звучала так: “По всей стране /Такая странная вибрация”. Нико уехал в Сан-Франциско и не стал носить цветы (“Я люблю цветы. Они напоминают мне о кладбищах’). Она повернула на юг, в город Монтерей, где в выходные, 16 июня, проходил первый рок-фестиваль, претендующий на известность. Выдающиеся группы выступали бесплатно, а деньги шли на благотворительность: аудитория в 50 000 человек спокойно сидела на пластиковых сиденьях; по-видимому, никто не умер, не был изнасилован, избит или обманут. ‘Мир и любовь нашли пристанище в Монтерее в те

выходные”, - утверждала газета Berkeley BARB, неудачно подобрав название.-

| фото. Джима Моррисона не было видно; он пел в напряженной обстановке. НьюЙорк. На фестивале peace and love Брайан Джонс был ведущим церемонии.

Он и Нико гостили у Шейлы Олдхэм, молодой матери, вышедшей замуж за бывшего менеджера The Stones Эндрю. Брайан Джонс привез с собой полный чемодан одежды. ‘Это было похоже на то, как если бы он купил Бибу и положил ее в чемодан”, - сказал Нико. “Он примерял все это каждый день. Он раздражал меня вопросами, подходит ли эта шляпа к этим ботинкам, этот шарф к жилету, какие мелочи сочетаются со всем остальным. Я подшучивала над ним, но он сказал, что я такая же, как все, и почему девушка должна тратить на это больше времени, чем мужчина? Я сказал, что потратил некоторое время на простые вещи, пытаясь сделать их правильными, но он тратил все свое время на все, и в итоге все равно казалось, что он все испортил. Это его провоцировало, что мне, честно говоря, нравилось делать. Я думаю, что своей одеждой он пытался компенсировать свой плохой внешний вид. Его организму не нравилось много наркотиков, и он

были прыщи. У него были прыщи на лице. Нико думал, что ему нужна хорошая мать.

На выходных был показан знаменитый фильм “Монтерейский папаша”. Режиссером фильма был Д. А. Пеннебейкер, который снял документальный фильм о Бобе Дилане. Все группы можно увидеть в действии - The Mamas и the Papas с шарообразной Mama Cass, Canned Heat, подростки Саймон и Гарфанкел, легендарные

чернокожие Отис Реддинг и другие. Хью Масакела (“слишком джазовый”, - писала пресса), Jefferson Airplane с приземленной Грейс Слик, Big Brother с еще более приземленной Дженис Джоплин, английская группа Animals и The Who, а затем два экстраординарных номера, яркий и поверхностный Рави Шанкар , с которым молодежь может практиковать индуистские сексуальные позы (‘Я ненавидел все, что происходило”, - признался он), и звезда фестиваля, гитарист Джими Хендрикс, которого представил на сцене Брайан Джонс.

Это был первый раз, когда Нико увидел, как играет Хендрикс. У них были общие друзья в “Роллинг Стоунз”; Хендрикс работал в НьюЙорк, когда Кит Ричардс услышал его и заключил сделку по управлению компанией. 20-летний парень переехал в Лондон, чтобы начать головокружительную карьеру. Именно там или в Нью-Йорке он познакомился с Нико. Они провели вместе пару ночей — где и когда, больше неизвестно; В 1970 году Хендрикс задохнулся в собственной рвоте. Примерно в это же время она начала рассказывать своим друзьям об изнасиловании чернокожим сержантом, но одновременно хвасталась и своим романом с Хендриксом. Никто из тех, кто знал обе истории, не мог смириться с подразумеваемым противоречием. Однако ее влечение к Хендриксу было очевидным. “Он был самым сексуальным мужчиной, которого я когда-либо видела на сцене”, - призналась она, даже Мик Джаггер так сказал. Дело было не во всех тех вульгарных вещах, которые он вытворял со своей гитарой, хотя мне понравилось, когда он сжег свою гитару на фестивале. Дело было в его присутствии. Он был как кот. Он двигался элегантно для мужчины. Он был обходителен. Вы знали, что он наполовину индеец? Чероки. Я думаю , что эти смеси очень хороши. Я наполовину турок, наполовину Русский. У нас с тобой были бы замечательные дети, такая смесь.’

В “Фильме о Монтерее” также показаны достопримечательности за пределами сцены, сцена настолько яркая, что теперь фильм является известной справочной энциклопедией для тех, кто каждое десятилетие надеется возродить хиппи. Кадр за кадром отражалась тревожная смесь эдвардианской военной формы и модного индийского хлопка - “Индийская империя” сержанта Пеппера, - которую Нико всегда избегал, потому что она выглядела “безвкусно” (любимое слово сержанта Пеппера). Уорхола, которую она подобрала). В фильме есть один момент, который слишком легко пропустить. Среди детей цветов и кислотных фриков гуляют

182

9 января-июнь 1967 года

потрясающая пара, держащаяся за руки. Оператор сразу замечает , что в поле его зрения попала звезда. Он приближает каменное лицо Брайана Джонса. При этом он убирает царственную фигуру Нико. Она появляется на экране всего на две секунды. Еще пара секунд, и это было бы ее шестое появление в фильме — если бы она рассказывала эту историю.

183

10 июля-декабрь 1967 года

Девушка с цимбалами Однажды я увидел видение: Это была абиссинская девушка, И она играла на своих цимбалах, воспевая гору Абора. Смогла! возродиться во мне Ее симфония и песня, Привели бы меня в такое глубокое восхищение, что я бы покорил ее, Если бы музыка была громкой и продолжительной, Я бы воздвиг этот воздушный купол!, Этот солнечный купол! эти ледяные пещеры! И все, кто слышал, увидели бы их там, И все закричали бы: Берегитесь! Берегитесь! (из “Кубла хана”, СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ, 1798)

легенда: Джим и Нико тем летом гостят в замке.

Они оба голые. Они оба накачаны кислотой, выпивкой и гашишем. Джим ведет Нико на башню. Джим запрыгивает на парапет и смотрит вниз, на глубокий обрыв. Обнаженный, он идет по узкому парапету, рискуя своей жизнью. Он кричит Нико, чтобы она следовала за ним. Она отказывается. Он умоляет ее. Она отказывается. Он приказывает ей. Она не подчиняется. Он

рискует всем. Она не рискует ничем. Вот так эта история передавалась из поколения в поколение. Впервые она прозвучала из уст Дэнни Филдса и Джека Симмонс, который был на месте, и сегодня это известный образ рок-мифологии, не говоря уже о Джими Хендриксе, зажигающем свою гитару и Джерри Ли Льюис, разбивающий свое пианино: настоящий мужчина, пещерный человек, самоуверенный петух, не подчиняющийся смерти.

Но никто не удосужился расспросить Нико о ее версии этой истории: “Все говорят, что это правда, и они видели, что мы сделали, - размышляла она в 1985 году, - но я помню кое-что, о чем они никогда не говорили. Тот Я спорил с Джимом. Он спросил, пойду ли я по краю пропасти. Я спросила его “Почему?”, и он не смог ответить. Это не было ни положительным , ни разрушительным действием, это ничего не изменило. Так почему это должно было

ИСТОРИЯ О НИКО и Джиме Моррисонах перешла в рок

10 июля-декабрь 1967 года

Я совершаю нечто столь тщеславное, просто чтобы следовать за ним? Это не было духовным или философским поступком. Это был пьяный мужчина, выставляющий себя напоказ. Они рассказали вам об этой истории? Я так не думаю.’

Дэнни Филдс как—то сказал журналисту, что “Джим и Нико поссорились , и он повсюду таскал ее за волосы - это было просто странное занятие любовью между двумя самыми очаровательными монстрами, каждый из которых старался быть поэтичнее другого”. В 1985 году Нико снова подчеркнул: - Мне нравится, чтобы мои отношения были физическими и душевными. Мы ударили друг друга, потому что были пьяны, и наслаждались этим ощущением. Мы занимались любовью нежно, понимаете? Это было полной противоположностью Брайану Джонсу. Я думал о Джиме Моррисоне как о своем брате, поэтому

мы росли вместе. Мы все еще любим друг друга, потому что он мой брат по духу. Мы обменялись кровью. Я ношу его кровь внутри себя. Когда он умер, и я сказал людям, что он не умер, я имел в виду именно это. Мы вместе совершали духовные путешествия". Когда Нико попросили пояснить это, она заявила: "Мы отправились в пустыню и принимали наркотики".

Нико хотела, чтобы Джим Моррисон присоединился к ее братству, и он согласился. В пустыне они порезали себе ножом большие пальцы и смешали их кровь. Такая ритуальная форма преданности соответствовала их общему чувству театральности, но Нико хотелось большего. Она хотела, чтобы Моррисон поделился не только своей кровью, но и сыном. Однажды ночью она решила, что им следует пожениться, чтобы проверить, шутит ли он с ней или это серьезно. Поскольку пьяный грубиян, стоявший перед ней, предложил ей не более чем литературные рассуждения и откровенную похоть, она предложила ему, что он, возможно, хотел бы сделать ей предложение. Он со смеху свалился со стула. Она ударила его, они поссорились, а когда устали, помирились. Такова была рутинная природа их союза, день за днем - привязанность-ссора-взаимная неприязнь - разрешение: "Я была влюблена в него, и именно так и происходит в любви, не так ли? Он был первым мужчиной, в которого я влюбилась, потому что ему нравилась моя внешность и мой ум. Но мы слишком много пили и принимали слишком много наркотиков, чтобы добиться этого, в этом была наша трудность. Для нас все было открыто, не было никаких правил. У нас был слишком большой аппетит".

Во время совместного пребывания в Калифорнии, в период с июля по август 1967 года, они часто выезжали из Лос-Анджелеса в пустыню. Моррисон нашел кактус под названием пейот, который они сорвали и съели. "Пейот был духовным наркотиком. Мы были посреди пустыни, и все было естественно, знаете, на открытом воздухе, вокруг природа, а не гостиничный номер или бар. И кактус был натуральным. Вы не купили его у кого-нибудь на углу улицы. У нас были видения в пустыне. Это как у Уильяма Блейка. Джим

был похож на Уильяма Блейка; он видел видения, как Блейк, ангелов на деревьях, он видел это, и я тоже. И Джим показал мне , что это то, что делает поэт. Поэт видит видения и записывает их. Он сказал, что у команчей было больше поэтов, чем книг в книжных магазинах. Команчи тоже ели кактусы. Мы были похожи на индейцев, которые жили так тысячи лет, до прихода христиан и до прихода евреев.'

Джим Моррисон записывал свои психохимические видения и сны. Его записи часто служили исходным материалом для его стихов и песен. Он считал, что именно так действовал Кольридж, зависимый от опиума, и это была подходящая для него модель; одно стихотворение Кольриджа, которое он прочитал Нико, называлось "Кубла хан, или видение во сне'. Нико всего лишь однажды привела пример видений, связанных с пейотом, которые она пережила вместе с ним Моррисон: "Рассветный свет был очень насыщенного зеленого цвета, и мне показалось, что я перевернулась вверх тормашками, а небо - это пустыня, которая превратилась в сад, а затем в океан. Я не умею плавать, и я был напуган, когда это была вода, и более решителен, когда это была суша. Я почувствовала, как небесный сад обнял меня". Вскоре после этого она начала писать текст песни, возможно, своей первой, под названием "Рассветные лужайки", в которой были такие строки:

Он благословляет тебя, он благословляет меня День и ночь ласкают, Ласкает тебя, ласкает меня, Ты можешь последовать за мной?

Я не могу понять, что я чувствую Пока не отдохну на рассветных лужайках - Ты можешь последовать за мной?

Косоглазые, внутренние рифмы взяты непосредственно у Джима Моррисона, который написал "The west is the best" и даже другие строки, менее элегантные ("Твое молоко - мое вино / твой шелк - мой блеск"). Он показал ей, как работает над своими стихами, и

предложил ей пример для подражания. Однако она неохотно что-либо записывала. Это был важный шаг - поговорить о словах, а затем записать их (особенно на иностранном языке). язык, любила напоминать Нико своим поклонникам). “Джим разрешил мне стать писательницей”, - заявила Нико. “Однажды он сказал мне: “Я разрешаю тебе писать стихи и сочинять песни!” Мой брат по духу верил, что я смогу это сделать. Я пользовался его авторитетом. А почему бы и нет? Его песня была самой популярной в Америке. В то время эта

was strictly true. Сингл The Doors “Light My Fire” был выпущен в начале июня и к концу июля на протяжении трех недель занимал первую строчку в чартах. Нико проводила ночи в пустыне с поп-звездой номер один в стране, которая велела ей писать песни и читать ей Кольриджа, Шелли и Блейка. Неудивительно, что она осталась верна своему пьянице и самодовольному брату, который был первым привлекательным мужчиной, оценившим ее не только внешность, но и ум.

Нико сказала ему, что она не умеет сочинять музыку. Она не могла понять механику написания песен. Он посоветовал ей записывать свои сны, в буквальном смысле, записывать образы, которые она помнила. Это должно было обеспечить ее исходным материалом. Он признался ей, что сначала подражал другим писателям, например, Селин и Блейку, но потом понял, что они записывают свои мечты, и поэтому для него было бы более творчески поступить так же. Песни были бы ее рассказом о своих видениях, и этого было бы достаточно. Но потом она спросила его, откуда берутся мелодии, и он дал стандартный ответ , который был у него наготове всякий раз, когда поднималась эта тема: “Сначала появилась музыка, а потом я придумал несколько слов, чтобы связать их с мелодией, потому что это был единственный способ запомнить ее, и большую часть времени я просто слушал ее”. время, когда я заканчивал только словами и забывал мелодию.’ Музыка, таким образом, была мелодией, а все

остальное - аранжировкой. Нико почувствовала, что наконец-то выдержала экзамен.

Их роман, представлявший собой бурную смесь выпивки, наркотиков, драк и поэтических чтений, продолжался немногим более месяца, прежде чем Адам и Ева покинули Эдемский сад без какого-либо повеления бога и отправились каждый своей дорогой в ад. Они устали друг от друга, не более того; они были измучены титаническими требованиями друг друга. Помимо авторитета, который она получила в области сочинительства, и поверхностного знакомства с английской поэзией, она сохранила два главных воспоминания о своей связи: его кровь в ее крови и рыжие волосы. * У него был фетиш на рыжеволосых шалашисток, ну, знаете, ирландских шалашисток. Я была так сильно влюблена в него, что через некоторое время перекрасила волосы в рыжий цвет. Я хотела угодить его вкусу. Это было глупо, не так ли? Как подросток". Она сохраняла светло-рыжий оттенок волос, пока он не умер.

Все лето НИКО БОЛТАЛСЯ по КАЛИФОРНИИ, живя в Замок в Лос-Анджелесе и проводить свободное время, "тусуясь" в Сан-Франциско. Франциско, встреча с друзьями друзей. Однажды она переспала с Энди Уорхола, Пола Моррисси и Ultra Violet, которые рекламировали премьеру "Девочек Челси" на Западном побережье. Шикарная богемная газета Сан-Франциско называлась "Беркли БАРБ" и выходила

ужасно искреннее интервью с квартетом Factory. Каковы бы ни были намерения The West Coasters, все это вылилось в хихикающую дискуссию о наркотиках и хиппи. Моррисси наслаждался безжалостной сатирой , но Нико показала, какой загорелой и похожей на Западное побережье она стала за лето:

БАРБ: Как ты думаешь, хиппи подарили нам жизнеспособный образ жизни? Энди: Ну, я не знаю. Они мне нравятся, но это так странно

Пол: Я думаю о наркотиках, как о долгосрочном, так и о краткосрочном эффекте. Я думаю, что если они действительно обнаружат множество опасностей, таких как ЛСД и уродство детей…

Энди: Но самое смешное в этом то, что я имею в виду, что на самом деле ты никогда не можешь знать наверняка. Люди действительно лгут. Я имею в виду, что они могут лгать практически все, что угодно.

Нико: Мы тоже можем достать лекарства получше и вырастить замечательных детей…

Пол: | Но против этого нет никакой реакции. Реакция против наркотиков еще не началась… И она обязательно начнется…

Энди: Но все сходят с ума. Люди переживают спады и снова переживают взлеты.

Ультра: Мы взрываем себе мозги.

Пол: В Сан-Франциско часто употребляют героин?

БАРБ: Не похоже, чтобы это было так.

Пол: — Забавно. Знаете, полтора года назад в Лос-Анджелесе я уже думал, что ЛСД станет предметом шуток, как будто даже упоминание о нем год назад казалось таким пошлым. А с тех пор его становится все больше и больше, и это продолжается до сих пор. И по-прежнему нет никаких упоминаний о чем-либо унизительном. Я имею в виду, что я ожидая всплеска алкоголизма.

Энди: О, но пьяницы такие ужасные, знаешь, они всегда дерутся.

Нико: Ну, они более разрушительны по отношению к другим людям. Что касается наркотиков, то они более разрушительны по

отношению к самому себе.

Энди: Но я не понимаю, почему любители любви против амфетаминов и тому подобного.

Пол: … Под ЛСД они такие глупые и беззаботные, как боксеры-призеры, которые всю жизнь провели на ринге и

завершает свою карьеру со сломанным носом и

глупой манерой говорить… Я думаю, героин намного лучше.

Энди: О, но героин действительно ужасен.

Пол: Нет, я думаю, что я действительно за героин, потому что он не действует

это повлияет на вас физически, если вы будете заботиться о себе. Энди: О, я думаю, если вы богаты, вы действительно можете пойти на это и стать по-настоящему счастливым… БАРБ: Но не скажется ли это в конечном итоге на физическом состоянии? Пол: На самом деле, нет. Вы никогда не простудитесь - это лечит простудные заболевания

БАРБ: Вы когда-нибудь задумывались о переносе своей штаб - квартиры в Сан-Франциско?

Пол: — Здесь было бы легче работать. : Энди: Да, но поскольку я ни на чем не настаиваю, я могу работать | где угодно.

Пол, если ты придешь сюда, тебя отождествят с

Причина или что-то в этом роде. Быть дегенератом или наркоманом - это нормально, но здесь из этого делают нечто банальное. Я имею в виду, если ты собираешься стать наркоманом, будь изгоем. Например, человек , работающий в IBM, не очень интересен, потому что он является частью крупной организации. Человек, принадлежащий к этому хиппующему сброду, я не думаю, что он очень

интересный. Нико: | Откуда ты знаешь, что это не так? Пол: Не что? Часть группы? Нико: | Откуда ты знаешь, что ты не хиппи? Пол: Уходи.

Нико: Потому что на тебе нет цветов?

БАРБ: Ты хочешь что-нибудь сказать на прощание?

Пол: — Да, мы хотим знать, где находится Армия спасения , чтобы мы могли поехать на нашем лимузине “Кадиллак” и купить одежду для хиппи.

ЭНДИ УОРХОЛ ХОТЕЛ, чтобы НИКО и Джим Моррисон сняли полнометражный фильм-совместный полнометражный фильм. Он был взбудоражен коммерческим успехом Они были лучшими девушками, и он знал, что Нико во многом причастен к этому. ‘Он хотел, чтобы я снял фильм с Джимом Моррисоном, хотя и делал вид, что это была моя идея. Он хотел, чтобы в его фильме снялась поп-звезда.

Пока я был в замке, я присматривал за Эди, которая присоединилась ко мне.

Она все еще была красивой, но тогда у нее были проблемы с героином. Она посоветовала мне быть осторожной с Энди, потому что он мог использовать меня, чтобы стать еще более знаменитой, а потом забыть, когда захочет. Ну, я уже думала об этом. Я не так зависела от Энди, как от Эди, я имею в виду, не в плане моей карьеры. Поэтому Эди сказала, что я должен сняться в фильме, но с кем-то другим, а не с Джимом. Я так и сделал. Энди ждал Джима, и вместо него я взял лучшего друга Джима, актера по имени Том Бейкер. Энди не мог меня отчитать, но он был раздражен. Это стало началом конца".

Так Нико рассказал свою историю. Однако у Джима Моррисона все равно не было желания снимать фильм с Нико, даже фотографировать его. Дэнни Филдс вспоминал: "Я хотел, чтобы он провел фотосессию с Нико, но он отказался это сделать. Он никогда не отказывался, но и никогда не появлялся. Нико ждал на месте, а Моррисона всегда нигде не было видно. Он не хотел позировать с женщиной, и я его не виню - инстинкты его не подвели. Позирование с женщиной испортило бы его имидж, а он хотел оставаться в стороне.' Чтобы сохранить лицо, Нико предпочла Уорхола Тому Бейкеру, который, по ее мнению, был "почти лучшим", хотя этот красивый голливудский актер , вероятно, был лучшим исполнителем, чем Моррисон. Есть еще один аспект , о котором Нико рассказала Тине Омон, но больше никогда не упоминала. Она провела некоторое время с Эди, и у них был секс . Новый фильм Нико назывался "Я, мужчина".

Уорхол охарактеризовал фильм как "серию сцен, в которых этот парень, Том, за один день видит разных женщин в Нью-Йорке, с некоторыми занимается сексом, с некоторыми разговаривает, с некоторыми дерется". Фильм был частично снят в Лос-Анджелесе, специально для Нико. Крайне Вайолет прилетела туда и вспомнила о Нико, что "хотя мы жили в одной комнате, я никогда с ней не разговаривала". Среди других женщин была потрясающая коллега Нико по модельному бизнесу из Франция, Айви Николсон, американка, которая одной из первых стала знаменитой, а затем и скандально известной в Европе. К ней присоединились Ингрид Суперстар, Синтия Мэй и Беттина Коффин. Но там была еще одна женщина, которая оказалась

связана со славой Уорхола больше , чем кто-либо мог себе представить. Это была феминистка по имени Валери Соланас, и со временем она стала известна во всем мире как “женщина , которая застрелила Энди Уорхола’.

Уорхол сказал репортеру, что фильм должен был быть “по-настоящему грязным”. - Еще грязнее, чем Девчонки из Челси? его спросили. “В новом фильме больше крупных планов’, - сказал он. Но от этого не стало ни грязнее, ни лучше. Уорхол и Моррисси сделали это в ответ на просьбу Нового

10 июля-декабрь 1967 года

Кинотеатр “Йорк синема”, который зарабатывал деньги на эротических фильмах. Владелец хотел что-то вроде “Джей, женщина”, нового шведского порнофильма, который тогда был в моде. Он породил множество подражаний, в том числе и в честь Уорхола - Я, фанатка; Я, Девственница; Я, Киска; наконец, я, женщина — Часть 2. “Это должен был быть мой фильм, но я мало что в нем сделал”, - проворчал Нико. ‘Мне не понравились все эти женщины в нем, совсем не понравились. Вы можете себе представить, чтобы в вашем фильме снимался ваш убийца? Там есть шутка о стрельбе, не так ли? Насколько я знаю, у меня нет чувства юмора”.

В начале года Валери Соланас отправила на фабрику Уорхола сценарий под названием “У тебя в заднице”. Уорхолу , по его словам, он очень понравился, но он где-то его потерял. Она начала просить денег в качестве компенсации. В качестве урегулирования она была приглашена принять участие в I, Человек и заплатил гонорар в размере 25 долларов. - Она пробыла там недолго, но , должен признать, она была забавной. Но она была лесбиянкой, а я не люблю лесбиянок, - солгал Нико. - Она написала манифест, который , по-моему, понравился Viva, но меня эта женщина не привлекала, и поэтому я его не читал. Она изобрела общество, Общество по резке Поднимающиеся мужчины. Я думал, что это действительно шутка. Или это то, что они делали в концентрационных лагерях. Если бы она назвала его

Обществом по уничтожению евреев, терпели бы ее в Нью-Йорке? Я так не думаю.'

Нико не понравилась бы одинокая страничка "ОТБРОСОВ" Манифест, хотя она бы со многим из него согласилась. Она , конечно, не стала бы записываться в члены клуба, но только потому, что никогда в жизни ни к чему не присоединялась из принципа ("они берут только твои деньги'). На самом деле она не могла присоединиться; там был только один участник, и это была Валери Соланас, которой нравилось, чтобы все оставалось по-прежнему. Ее брошюра начинается с того, что "мужчина - это биологическая случайность: ген у (мужской) - это неполный ген х (женский)". ген… мужчина - это неполноценная женщина". Она пишет, что мужчины превосходят ее в одном: в связях с общественностью. 'Он проделал блестящую работу , убедив миллионы женщин в том, что мужчины - это женщины (эмоциональная сила, жизнестойкость), а женщины - это мужчины (тщеславие, фривольность)". Нико знал множество тщеславных и легкомысленных мужчин, да и женщин тоже. Она не могла приспособить это смелое решение к своему жизненному опыту. Она поочередно любила и ненавидела людей, входя в их жизнь (или в их квартиры) и покидая их. Нико зарабатывала на жизнь двусмысленностью; она была высокой, властной женщиной в брюках и с низким, зычным голосом , которая ненавидела мужчин и женщин и желала их обоих. Валери Соланас , по ее мнению, была слишком четкой и категоричной, хотя Нико была единственной

который позже напишет: “Женщины - это яд. Если бы я не был таким особенным, я мог бы возненавидеть себя”.

На каждую безоблачную мысль Соланаса Нико наталкивался бы с парадоксом. ‘Традиционалисты говорят, что основной ячейкой “общества” является семья; “хиппи” говорят о племени; никто не говорит об индивидууме”, - писал Соланас. ‘Он (хиппи) хочет вернуться к природе, к дикой природе, к дому пушистых животных, одним из которых он является… его время уходит на простые неинтеллектуальные занятия - фермерство, секс, нанизывание бус. Самая важная часть коммуны, на которой она основана, - это бандитизм”. Сама Нико сказала: “Мне наскучили хиппи, которых я видела. Предполагалось, что они выступают за мир и любовь, но они ссорились из-за женщин или наркотиков. У них были цветы в волосах, но они смотрели на меня как мужчины в клубах с напитками в руках”. Она была решительной личностью , которая не могла жить одна и ненавидела семейные условности; и все же она относилась к коммунам с таким же отвращением, с каким относилась к общим раздевалкам. Она уважала свою семью до тех пор, пока могла отдавать их на попечение другим людям, и пыталась создать для себя призрачную семью из сверстников, о которых забыла предупредить. Тем не менее, она осознавала это расстройство, и оно терзало ее сердце.

Как благочестивый католик, Уорхол посоветовал Нико искать утешения в подражании Христу. Этот трактат пятивековой давности, написанный Томас Кемпийский говорил о внутренней жизни и, как в колонке агонизирующей тетушки пятнадцатого века, давал советы по “внутреннему утешению”. Нико прочитал такой совет:

В нас мало света, и даже его мы легко теряем из-за беспечности. Более того, мы часто не осознаем, насколько мы слепы . Мы часто совершаем зло и, оправдывая себя, поступаем еще хуже. Иногда нами движет страсть, и мы оправдываем это рвением.

Держитесь подальше от всех мирских забот, и вы добьетесь успеха; но если вы будете придавать большое значение каким-либо мирским вещам, это станет серьезным препятствием. Пусть ничто не будет для вас великим, приятным или желанным, кроме одного Бога и всего, что исходит от Бога.

По зрелом размышлении, манифест SCUM, возможно, послужил для Нико более мудрым уроком. Уорхолу, однако, понравилась идея Нико изучать это искусство. Подражание Кристу настолько понравилось ему, что он снял фильм об этом. Он и Моррисси работал над структурным продолжением “Челси” “Девушки”, “что-то помимо “Я, мужчина”. Они хотели создать

фильм, который шел целый день на двух экранах. Они дали ему рабочее название “the 24-hour movie”, но позже назвали все это “FUCK “, а затем переделали его в “**** or”, для удобства телефонных звонков, Четыре звезды. К тому времени, когда они завершили проект, в сентябре В 1967 году он состоял из 30 разделов, из которых “Подражание Христу” | был самым длинным и центральным. Он длится восемь часов. Есть | 100-минутная версия для экзистенциальных туристов. “Подражание Христу ” является буквальным; сюжетная линия повествует о своенравном сыне Бриджит Берлин и Ундины, который хочет ходить в школу в платье. Нико сидит рядом с благословенным мальчиком (Патрик Тилден, “Джеймс Дин из подземелья”) и читает вслух “Подражание Христу”. ‘В восьмичасовой версии ощущение и настроение создаются главным образом благодаря тишине и пространствам”, - говорится в путеводителе по фильму Джона Коплана. Это делает фильм очень похожим на фильм Нико, и, действительно, она сказала, что он понравился ей больше всего из работ Уорхола.

Еще три участка ****, два из которых расположены вокруг Сан-Франциско. Франциско, используй Нико. На одной, под названием “Хай Эшбери”, изображены Ultra Violet и “Ундина”, и “все очень цветисто, с рок-музыкой и людьми , которые курят, сидя на полу; движения почти нет”. На другой - Саусалито, своего рода альтернативный путеводитель, показывающий доки и улицы этого облагороженного пригорода, в то время как Нико произносит нараспев странные строки, возможно, из своего

блокнота сновидений.:

Человек идет по морю.

Море идет.

Море преследует меня.

Ночь превращается в небо.

Свет возвращается на землю.

Еще один раздел, под номером 21, помечен как “Нико — Катрина”. Он был просмотрен только один раз, наряду с другими. **** был показан в полноэкранном режиме в нью-йоркском кинотеатре Playhouse в ночь с 15 на 16 декабря 1967 года. Изображения с двух проекторов накладывались на один экран в течение полных 24 часов (на самом деле 25). Уорхол писал: “В то время я не думал об этом показе как о какой-то важной вехе, но, оглядываясь назад, я вижу, что это ознаменовало конец периода, когда мы снимали фильмы просто для того, чтобы их снимать”. В будущем Пол Моррисси и Уорхол (больше не “продюсер’ но “ведущий”) снимал бы фильмы, чтобы зарабатывать деньги

Нико

- Парень на велосипеде, Ресторан с обнаженной натурой, Одинокие ковбои и, что самое удачное, “Плоть”. Нико не годилась им для съемок эротических фильмов — ее стриптиз разуверил ее в собственном таланте, и она даже жаловалась на то, что я мужчина. Вместо этого они пригласили Сьюзан Хоффман, чувственно-фотогеничную новобранку с вьющимися волосами, “хотя Энди предпочитал, чтобы меня называли Вива, потому что мое настоящее имя звучало Еврей’. Вива была коронована как суперзвезда. Она легко заменила Нико, которая

продержалась на этой должности в два раза дольше, чем Эди. Однако Нико никогда не рассматривал Viva как соперницу. Вива была полной противоположностью Нико, как и Эди ; Вива была сообразительной, избегала наркотиков, и она все говорила и говорила - “Ну, она не говорила, она жаловалась”, — сказал Моррисси. Еще Вива, яркая, как пуговица, очаровала Нико: “Вива должна была быть моей сестрой, она была умной, что я всегда уважал в женщинах; мы были так близки во взглядах”. (/Что?” - спросила Вива, услышав это. - Никогда, никогда, никогда! Нико прилетел из космоса. Я приехал из Лидвилл, штат Колорадо”.)

Нико больше не видел ни одного из ее последних фильмов для Уорхола. ‘Тот самый “Подражание Христу” я предпочитаю “Девушкам из Челси” по личным причинам. Есть одна вещь, которую я бы посоветовал вам, когда вы это увидите, - выпейте побольше пива и сядьте поближе к туалету.’

ХОТЯ ОНА НЕНАВИДЕЛА ХИППИ, которые “всегда пытались вам что-нибудь продать”, в конце концов она купила у одного хиппи из Сан-Франциско очень хипповую вещь: маленькую индийскую фисгармонию. Он был переносным, как переносят тяжелый чемодан, но Нико считала его действительно очень переносным, потому что она всегда находила свободную руку, чтобы таскать его за собой. Она вытаскивала его из такси, выглядела потерянной и вспотевшей, и быстро заманивала какую-нибудь добрую душу, чтобы та тащила его за собой. “Это такой орган, который Аллен Гинзберг использует на своих поэтических чтениях. Индийцы [те, кто живет в Индии] используют ее для пения, и это означает, что мне не нужно полагаться на гитаристов, с которыми работать ненадежно “, - заявила она. Проблема была в том, что она понятия не имела, как на ней играть . Она купила эту вещь, потому что решила… иногда она думала, что Джим Моррисон открыл ее, а иногда, что она открыла себя благодаря Джиму Моррисону. В любом случае, она решила стать композитором, потому что… он открыл дверь или наблюдал, как она открывала дверь. Поскольку она не умела писать музыку и у нее не было группы, она решила, что должна научиться играть на каком-нибудь инструменте и сочинять музыку непосредственно на нем. Тогда она могла бы исполнять свои песни на публике, а не “полагаться на гитаристов”. Нико считала себя образцом надежности.

10 июля-декабрь 1967 г.

Выбор фисгармонии был настолько продуманным, что многие предположили, что его предложил Джон Кейл или какое-то другое музыкальное светило . Это была новая фисгармония; в ней использовались мехи; она выдерживала

аккорды; у нее был глубокий, пронзительный тембр, который соответствовал голосу Нико; она была портативной; она была этнической и шикарной и имела религиозное происхождение (христианские миссионеры учили индусов гимнам). Прежде всего, она была акустической. Ей не требовалось электричество, чтобы сыграть ее, ни в одной из своих квартир в “кукушкином гнезде”, где она репетировала ко всеобщему раздражению, ни на сцене, хотя звукооператоры , которым приходилось усиливать звук, приходили в отчаяние от органа. Нико все больше интересовался натуральными материалами: свечами вместо электричества, пейотом вместо ЛСД, прогулками пешком, а не поездками на такси. Она даже изменила свою диету, благодаря Леонарду Коэну, который смотрел, как она поет в the Dom , а затем приглашал ее на обеды, просто чтобы побыть с ней. Он никогда не соблазнял ее, за исключением макробиотической пищи, и до конца своей жизни она считала себя вегетарианкой, “за исключением Франции, где такое невозможно”. Но тогда я мог бы спровоцировать их, сказав, что вегетарианство - это хорошо, потому что Гитлер был вегетарианцем”. Леонард Коэн, безответно влюбленный в Нико, в то время как Нико был неравнодушен к его еде, написал о ней песню под названием “Take This Lishing” со словами-намеками

:

Голодный, как проход под аркой

через который прошли войска Я стою в руинах позади тебя

В твоей зимней одежде

на твоих порванных ремешках от сандалий.

Нико - кинозвезда, композитор и вегетарианец — вернулся в НьюЙорк. Йорк - глубоко серьезный художник. После восемнадцати месяцев дрейфа она почувствовала, что впервые в жизни оказалась за рулем. Все, что ей сейчас было нужно, - это где-то остановиться, поработать. ‘Она как бы сама напросилась переехать ко мне”, - вспоминает Вива. “Я была новичком на фабрике, и она переехала ко мне - вот как она жила. У меня была квартира с садом на 83-й улице, между Мэдисон-авеню и Парк-авеню. Она считала себя царицей Савской. Нико являла собой пикантное сочетание высокомерия и неуверенности в себе. Она пыталась прибрать к рукам дом, завладеть им полностью, вы не представляете, как она гордилась собой. Она бы очень разозлилась, если бы у меня появился какой-нибудь парень, который ей не нравился. Она бы сказала: “Ты больше не можешь приглашать его к себе”. Представляешь?! Ты на своем месте, и у тебя дома гость

которая превращается в твою маму. А потом у нее появилась эта чертова гармонь . Она часами репетировала на ней, простые вещи, аккорды - действительно раздражающие вещи — часами напролет. Она относилась к этому очень серьезно, ужасно серьезно, как нацистская органистка. Она задергивала шторы , зажигала вокруг себя свечи и весь день исполняла похоронное пение . Я словно жила в похоронном бюро.’

Нико снова обуревали амбиции. На этот раз она решила, что не будет зависеть ни от кого. Она все сделает сама. Она будет сочинять песни, писать тексты, петь их и аккомпанировать себе на фисгармонии. В любом случае, ей нужно было сочинять новые песни, поскольку большая часть ее старого репертуара была написана под гитарный аккомпанемент. Благодаря Джиму Нико теперь, можно сказать, знала, как работать над песнями Моррисон, но она не умела играть на четырехоктавной клавиатуре органа, совсем не умела. Вот почему “она

практиковалась часами, простые вещи, аккорды — действительно раздражающие вещи'. Она пыталась за считанные месяцы упорядочить многолетнюю подготовку молодежи . Нико, как всегда, хотела быть идеальной. Она научилась у Диланом, Джонсом, Ридом, Кейлом, Брауном и Моррисоном эти песни состояли из четырех различных элементов: слов, положенных на музыку, мелодии, гармонии, которая ее поддерживает и задает направление, и , в конечном счете, аранжировки или инструментовки, с помощью которых песня представляется публике. Кажется, никто не осмеливался заговорить с Нико о ритме. Однажды она сказала журналисту: "У меня нет чувства времени. Для меня время неподвластно времени, и я не спешу становиться старше. Я имею в виду, что если бы я постоянно беспокоилась о времени, это было бы ужасно".

Сначала она не могла применить все эти знания на практике . Была вся эта структура, а потом появились блокнот и орган. Нико была слишком смущена, чтобы признаться в своем замешательстве своим бывшим возлюбленным из The Velvet Underground. Вместо этого она обратилась к молодому, блестящему чернокожему композитору и джазовому импровизатору, Орнетту Коулману, с которым, по ее словам, познакомилась в городе. В то время Коулман разрабатывал сложную, но плодотворную композиционную систему под названием Хармелодика, которая с тех пор легла в основу его творчества. По-видимому, он сказал ей, что принцип игры на клавишных заключается в том, что левая рука, находящаяся на басовой половине, играет вспомогательную гармонию. Правая рука на высоких частотах воспроизводила мелодию. Однако ничто не мешало сделать это наоборот, и это имело смысл, если певец пел низким голосом. Поэтому Нико использовала этот способ исполнения песни, гармонию высоких частот и мелодию низких частот. Она не объяснила Орнетту Коулману, что то, как она играла на органе, все

вышло неудачно. Двадцать лет спустя Коулман ничего не мог вспомнить из этого разговора: “Это не значит, что этого не было”.

- В ВАС КОГДА-нибудь стреляли? В меня стреляли, - призналась Нико журналисту. “Это неприятно, особенно если вы знаете мою историю”, - добавила она, намекая на смерть своего отца. Ее заявление было чистой правдой. Однажды, в начале ноября 1967 года, она была на фабрике вместе с Уорхолом, Моррисси, ее партнером по “Подражанию Христу” Патриком Тилденом, Тейлором Мидом и другими. Итальянец Сэмми, друг Ундины, вбежал туда с пистолетом. Он заставил всех, включая Нико, сесть в ряд на знаменитом фабричном диване. Попизм Уорхола продолжил историю: “Мне показалось, что он проходил прослушивание для одного из наших фильмов … Он начал кричать, что какой-то парень, который должен ему пятьсот долларов, сказал ему прийти на фабрику и забрать их у нас. Затем он направил пистолет Полу в голову и нажал на спусковой крючок, но ничего не произошло”. Тейлор Мид сказал ему: “Ты такой нелепый, ты даже не очень хорош”. Нико встал, чтобы уйти. Итальянец Сэмми прицелился и спустил курок. На этот раз пуля попала в цель.

Она попала в потолок. “Выстрел, похоже, тоже застал его врасплох, - добавил Пописм. - Он растерялся и передал пистолет Патрику - и Патрик, как хороший, не склонный к насилию ребенок-цветок, сказал: “Мне это не нужно, чувак”, - и отдал ему обратно. Затем парень достал из кармана женскую пластиковую шапочку от дождя и надел ее мне на голову”. Нико так описал то, что последовало за этим: “Он заставил Энди встать на колени на пол в этой шапочке. Я не мог в это поверить. Это было похоже на пьесу Ионеску. Мне хотелось рассмеяться, правда, хотелось. Это было так нелепо, когда он отдал этот пистолет одному из нас, а мы вернули его обратно! Вы видите, как ведут себя сумасшедшие люди в напряжении? В конце концов Тейлор Мид прыгнул ему на спину , и мужчина выхватил нож. Тейлор подбежал к окну, разбил его и крикнул, чтобы приехала полиция. Мужчина убежал. Эта история не попала на телевидение, и я думаю, что Энди был очень разочарован этим.’

Однако в том месяце НИКО ВСЕ-таки появился на телевидении, хотя и не из-за итальянца Сэмми. Исследователь, заглянувший на

показ фильма ” Подражание Христу. Он сказал, что, как всегда говорят исследователи, “охотился за талантами” ; он работал в программе популярного вечернего журнала под названием “Шоу Мерва Гриффина”. Исследователь влюбился в Нико и нашел для нее место в шоу. Она исполнила одну песню под аккомпанемент своего портативного органа, а затем вежливый ведущий Мерв Гриффин задал ей несколько вопросов. К сожалению, первым был ‘Нико, где

ты откуда? Нико сидела молча. “О чем именно была эта песня, Нико?’ Она не смогла ответить. Мерв Гриффин смущенно рассмеялся. Это было шоу в прямом эфире, и несколько миллионов человек разделяли его смущение. “Ну, Нико, тебе есть что нам сказать , хоть что-нибудь?” Она промолчала. Она сидела и смотрела в пространство, как делала это часто. Перед своей аудиторией Мерв Гриффин попросил кого-нибудь из съемочной группы выйти к камере и объяснить , кто такая Нико и почему ее пригласили. Никто не пришел. То Подражание Христу — оригиналу, а не имитация - ясно заявляет: ‘Избегайте общественных собраний, насколько это возможно, ибо обсуждение мирских дел становится большой помехой. Часто я жалею , что не промолчал’. По крайней мере, на экранах телевизоров в респектабельных американских домах Нико воспринимался всеми как образец щедрого, заботливого христианина. Когда наступило Рождество, время, когда заботливые христиане должны задуматься, Нико оглянулась на прошедшие два года и решила , что ее “открыли” как суперзвезду и “открыли” как певицу. Тем не менее, для нее было важнее осознать, что она открыла себя как композитор. Джим Моррисон, заключила она, проложил путь, так же как Нико Папатакис проложил путь к ее урокам, а Тобиас - к ее самоидентификации. Однако, как она рассказала голландскому журналисту, она никак не могла решить, кого же именно она открыла для себя — “себя настоящую или себя в образе Нико’. По крайней мере, она знала , что делать дальше, как Нико, автор песен, которые “рассказывают

правдивые истории в мечтах’.

198

11 1968

Никогда еще не пел соловей

Более приветственных нот усталым группам Путников в каком-нибудь тенистом месте, Среди аравийских песков:

Никогда еще не было слышно такого волнующего голоса Весной, когда куковала кукушка, Нарушая тишину морей На самых дальних Гебридских островах.

Неужели никто не скажет мне, что она поет? —

Возможно, жалобные цифры текут рекой

О старых, несчастных, далеких вещах,

И давние битвы:

Или это какая-то более скромная интрижка,

Знакомая тема сегодняшнего дня?

Какая-то естественная печаль, потеря или боль,

Что было и может быть снова? (УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ, 1807)

ANDLES. Самым прибыльным магазином в мире был бы магазин свечей

Энди Уорхол полагал, что он находится недалеко от Нико. Джон Кейл

согласился: “Свечи. Да, свечи. Свечи повсюду. Я не понимаю, в

чем их очарование, но я могу оценить практичность их присутствия", - намекнул он. В местах, где жила Нико — в домах других людей — было отличное электрическое освещение, но Нико настояла на том, чтобы купить несколько свечей, расставить их по комнатам и поджечь, вместо того чтобы нажимать на выключатель. "Это экономит деньги", - неубедительно заявила она. 'Свечи создают звезды из света. Комната - это вселенная. Я могу видеть мир издалека, как под микроскопом. Свечи - мои звезды. Вы были в соборе? Нотр-Дам в Париже? Во вселенной собора тысячи огоньков свечей, словно звезд. Это для того, чтобы мы могли понять чувства Святой Матери, Нотр-Дама. Но я использую еврейские свечи , когда могу. У евреев есть Ханука, то есть зажигание свечей. Я расскажу вам, что сказал мне Энди… "Говорят, что свеча - это пенис, а пламя - это влагалище". Нет, я сказал ему. Свеча

- звезда, и каждая звезда сияет для души, даже его собственная. Я бы купил свечи , потому что они звезды, а я Суперзвезда. (Это , конечно, шутка).'

Люди, употребляющие тяжелые наркотики, в основном используют ровное пламя свечи для расплавления порошка или стерилизации игл, и было принято считать, что страсть Нико к свечам была связана с более практичным применением, чем это было на самом деле. Свечи действительно были ее сияющими звездами, комната, в которую она их поместила, - ее вселенной, и она фантазировала, что музыка, которую она играла на своей фисгармонии, была музыкой сфер ("действительно раздражающая вещь", - сказала Вива). Пламя единственной свечи воплотило в себе мерцающие образы религии и романтики, рая и ада, подземелий и драконов: "Я думаю о церкви как о чем-то средневековом, и свечи ассоциируются у меня с этим. Я думаю, что такова моя романтическая натура. По крайней мере, я не думаю о званых обедах". Чем больше она была предоставлена самой себе, тем больше ей нужны были свечи. Свечи были

физическим средством превратить чужой дом в свой собственный, в часовню святого Нико.

Когда в начале 1968 года она ушла от Вивы, после ожесточенного спора о том, чья это квартира на самом деле, она заняла квартиру другого нового лица фабрики, Фреда Хьюза, и превратила ее в святилище , посвященное ей, для себя. Фредерик У. Хьюз, на семь лет моложе Нико, был обаятельно красивым 22-летним техасцем, который добывал нефть в семье де Мениль, миллионерах, покупавших произведения искусства как Нико купил свечи. Хьюз трудился на них, пока не приобрел достаточно яркости, чтобы убедить людей, что он происходит от Говард Хьюз. Он, конечно, не был дураком и занимался художественной стороной дела у Уорхола, в то время как Моррисси занимался фильмами. Эти двое были больше похожи на бизнесменов, чем на представителей богемы, и они стремились избавиться от блохастых личностей, которые слонялись по фабрике, как голодные собаки. Они добились этого простым способом в феврале 1968 года. Они закрыли ее.

В поисках серьезной обстановки они заняли целый этаж офисного здания по адресу Юнион-сквер-уэст, 33. Исчезли уютные диваны и серебряная фольга, появились столы и папки; фабрика исчезла, а на смену ей пришла фирма. ‘Это было все равно что зайти в банк, но в банк без денег - по крайней мере, я их никогда не видел”, - заявил Нико. “Что меня позабавило, так это то, что они делили это здание с Коммунистической партией. Я думаю, Энди это очень понравилось, потому что он был по-настоящему социалистически настроен. Но Пол Моррисси ненавидел коммунистов больше, чем наркоманов. Там есть шутка про Маркса, не так ли? Ну, насколько я знаю, я немец.’ Фред Хьюз арендовал

квартира напротив здания на Восточной 16-й улице. Вскоре Нико переехал к нему (“Фред души не чаял в эксцентриках”, - заметил Уорхол, - “а Нико был настоящим образцом”). Она задергивала

занавески, зажигала свечи, садилась за орган и разминала руки, наигрывая мрачные аккорды, которые считались музыкой сфер. Чтобы отвлечься, она расставляла по обеим сторонам ванны Фреда Хьюза мерцающие свечи и лежала в ванне, позволяя своим песням проплывать у нее в голове, даже когда она плавала в постепенно остывающей воде. Она могла лежать там часами, нежась в ванне. Она не любила сырость и вообще избегала всего мокрого, но она пожертвовала своим отвращением, чтобы пережить вдохновение, исходящее от воды и огня, в их союзе в ванне неподалеку от Юнион-сквер. Это был очень похожий на 1968 год способ сочинять музыку. В “Попизме” Уорхола упоминается пребывание Нико в доме Хьюза:

Фред часто ездил в Европу и обратно. Однажды вечером, когда он приехал домой со всеми своими чемоданами, он ввалился в гостиную и обнаружил, что не может включить свет. Он увидел, как в другой комнате за углом мерцает свеча , а затем вошел Нико с канделябром в руках.

- О, Нико! ’ Мне так жаль! - сказал он, внезапно осознав, что Кон Эдисон, должно быть, отключил электричество. ‘Я только что вспомнила, что забыла оплатить счет за свет, и вот вы все это время были в темноте!” *Нееет, это фиииииин, - сказала она, буквально сияя от радости. Это было самое счастливое время в ее жизни, когда она целый месяц бродила там в темноте

.

Прямо сияющая от радости, она провела всю ночь в ванне, трудясь не покладая рук: это не похоже на нормальную Нико. Если она сияла ярче своих свечей, то только потому, что нашла что-то полезное для своего ума. Она наконец-то стала художницей. До сих пор она была знаменитостью, потому что некоторые мужчины фотографировали ее, некоторые снимали на видео, некоторые писали для нее песни, а один мужчина, в частности, заставил других называть ее Суперзвездой. Но теперь она была главной. Она не только пела, но и контролировала то, что пела, и писала значимые песни, которые вдохновляли умы целого поколения, как это делал Боб Дилан: именно так она видела свою миссию. “Я сделал то, что мне сказали, и записал два сингла и две пластинки именно так, как они мне сказали. И

ничего не произошло. Нико [Папатакис] и Джим [Моррисон] не говорили мне, что делать, но я стоял перед ними.

увидел дверь, и они открыли ее, как учат мужчин на церемонии этикета. Затем я сам поднялся по ступенькам, и передо мной никого не было . Затем у меня была свеча, чтобы я мог видеть в темноте. Иначе Я боюсь, что в моем сознании не останется ничего, что можно было бы увидеть, и останется только мое тело, как у Эди. Эди была моим предупреждением. Когда внутри меня не останется ничего, что я мог бы создать, мне придется умереть. Я могла бы стать поэтессой или автором песен, и я продолжаю в том же духе, в бунтарской манере. Но каким другим способом это можно сделать?"

Она прекрасно знала: она считала, что другого пути нет. У нее был наставник в этом вопросе, поэт, о котором Нико говорил снова и снова, но она никак не могла вспомнить его имя. В 1979 году она сказала голландскому журналисту: "Мне нравятся стихи немецкого поэта, который уехал в Америку и покончил с собой. И еще есть один хороший человек из Бостона, но я уже забыла его имя'. В другой раз, в 1985 году, она сказала одному писателю: "В Америке, которая писала о моем детстве. Вы знаете это стихотворение? Я называю это "Ленивая леди". Разве это не я?' Человека из Бостона звали Роберт Лоуэлл. Поэтессой из Германии, которая поехала в Америку и написала "Ленивую леди", была Сильвия Плат. Чтобы рассеять никоистский туман, правильнее сказать, что отец Плат был родом из Германии, а Сильвия Плат, совершившая самоубийство в Лондоне в 1963 году, написала стихотворение - не о Нико, конечно, не совсем так - под названием "Леди Лазарус" ("Из пепла/я восстаю со своими рыжими волосами/ И поглощаю мужчин, как воздух'). Это исключительное стихотворение, посвященное Холокосту, послужило основой для создания историй Нико рассказывала другим о своем детстве или воплощала их в песнях, а также сформировало стиль, который она выбрала для своих текстов. В

стихотворении мы находим все - от нацистского абажура Нико до “большого стриптиза”, а также близкие рифмы, которые она использовала для сочетания прошедшего и будущего времен. Она забыла название стихотворения и имя поэта (даже его пол), потому что никогда не любила раскрывать свое истинное влияние. Уорхол сказал, что Нико хотела писать песни, как Дилан, но ее песни и отдаленно не были похожи на песни Дилана, ни одна из них; ее намерения были схожи, но не ее стиль. Нико никогда бы не призналась в том, что на нее оказывали влияние женщины - особенно Зара Леандер, Дитрих, Хильдегард Кнеф, — потому что женщины не ценились в братстве, которое ее окружало; то есть они ценились не как творческие личности, а как иконы созерцания. Нико отказалась от женского счастья на всю оставшуюся жизнь с того момента, как поздним вечером в понедельник, 3 июня 1968 года, Валери Соланас, Коллега Нико по фильму “Я, мужчина” посетила серьезный офис Энди Уорхол, с двумя серьезными пушками в бумажном пакете.

202

11 1968

ОНА ВОШЛА В ЗДАНИЕ вместе с Уорхолом, когда он прибыл в Юнион Хватит на целый день работы. Он подумал, что она пристает к нему по какому-то поводу. Я, мужчина, зарабатывающий деньги, или за сценарий, который она когда-то оставила, но они лишь немного поговорили, пока она провожала его в офис. Это было, когда он сел за стол Пола Моррисси и взял трубку у Морисси, чтобы послушать, как Вива на другом конце провода рассказывает, что Соланас вытащила свой первый пистолет и выпустила пять пуль, прежде чем его заклинило. Вива из своего парикмахерского салона услышала, как Джерард Маланга щелкнул своим хлыстом. Соланас выстрелила Уорхолу в грудь, затем прострелила посетителю ногу и, наконец, прицелилась (но только прицелилась) во Фреда Хьюза, прежде чем пистолет заклинило и лифт открылся для нее. Валери Соланас сдалась далеко на Таймс-сквер и сказала, что если кто-то хочет понять, почему она застрелила Уорхола, ему нужно всего

лишь прочитать манифест Общества по расчленению мужчин:

ПОДОНКИ всегда будут действовать преступным путем, а не путем гражданского неповиновения. ПОДОНКИ выступают против всей системы, против самой идеи закона и правительства. ПОДОНКИ стремятся разрушить систему, а не добиться определенных прав внутри нее… ПОДОНКИ будут хладнокровно, украдкой подкрадываться к своей жертве и тихо приступать к убийству … то есть до тех пор, пока достаточное количество женщин не перестанут работать или не бросят работу, не начнут мародерствовать, бросать мужчин и отказываться подчиняться всем законам, неприемлемым для по-настоящему цивилизованного общества. Многие женщины подчинятся, но многие другие, которые давно сдались врагу, которые настолько приспособились к анимализму, к мужественности, что им нравятся ограничения, не знают, что делать со свободой, будут продолжать быть подхалимами и половыми тряпками, точно так же, как крестьяне на рисовых полях продолжают быть рабынями. будьте крестьянами на рисовых полях, когда один режим свергает другой.

Через полчаса после стрельбы Уорхол лежал в Колумбусе Больница, клиническая смерть. Тяжелая работа хирурга (“и судьба”) позволила ему прожить еще девятнадцать лет, “но он больше никогда не был Энди, он был похож на самого себя, запечатленного на шелкографии”.

Нико услышала о стрельбе из телевизора в квартире, где она покупала гашиш. Она побежала в квартиру “Интернэшнл” Велвет и ее парень. По словам Ultra Violet, Нико запер их дома, “задернул шторы, зажег все свечи, какие только смог найти, превратил это место в молитвенную часовню и смотрел на свечи, раскачиваясь взад-вперед, как мусульманские плакальщицы, пока они не услышали, что операция прошла успешно’.

Нико счел этот рассказ “слишком драматичным”. Свечи , конечно, настоящие, и мы медитировали, но я не знал католических молитв. Мы медитировали, пока по телефону не услышали новости об операции.’ Она зажгла четырнадцать свечей: “Четырнадцать - мое особое число. Так оно и есть. Четырнадцать - это половина лунного месяца. Это число используют в гостиницах, чтобы избежать 13. Я - тот, кто разделен; четырнадцать - это дважды семь, число совершенства времени. Видите ли, я Весы, рожденный в середине месяца, и я разделен так, что половина моей судьбы растет, как луна , в то время как остальная часть умирает в равновесии, когда луна [прибывает и убывает].’ Четырнадцать - это количество букв в имени Кристы Паффген, семь и семерка. *N’ - четырнадцатая буква алфавита; в имени, которое она дала своему сыну, четырнадцать букв.

Она добавила, что “Энди был мне настоящим другом, и я заботилась о нем больше, чем о некоторых других. Они драматизировали мои действия, потому что им нравится высмеивать заботу. Их не слишком беспокоил этот инцидент. Они были отвратительны. Пол Моррисси говорил такие вещи из чувства неуважения. Только Фред [Хьюз] этого не делал. Таковы католики: их исповедь искупает все их грехи — это слишком просто. И все же я рад, что Энди был католиком, а не свидетелем Иеговы. Он выжил благодаря переливанию крови. Знаете что-то странное? Энди и Роберта Кеннеди, двух католиков, застрелили в один и тот же день. Это было похоже на соревнование, только я не уверен, кто выиграл, а кто проиграл. До смерти хочется проиграть? Вернуться на двадцать лет скуки, чтобы победить?’

Уорхола поместили в реанимацию больницы Коламбуса, но Нико боялась навещать его там — такие места напоминали ей о Грете. “В любом случае, ни у кого не было нужной информации. У меня сложилось впечатление, что они были рады, что он на какое-то время убрался восвояси. Я не осмелился зайти к нему в палату. Позже Энди сказал мне, что мне следовало просто ворваться внутрь. Должен признаться, я терпеть не могу находиться в больницах. В них есть что-то неприятное. Это люди, искушающие судьбу. Они похожи на казино, эти места. Я их избегаю. Мне не нравится , когда осматривают мое тело.’

После того, как четырнадцать свечей Нико превратились в лужицу застывшего воска, она решила написать песню для Уорхола. Ее образы были взяты не из “жизни снаружи, как в

песнях Лу Рида”, а из ‘жизни внутри’. Она решила написать песню только для Уорхола, а не для общественного пользования, ‘но потом Я хотел, чтобы она была использована в фильме Филиппа Гарреля, что, по-моему, было ужасно с моей стороны, но после того, как Энди посмотрел фильм Филиппа, я записал эту песню для своего третьего альбома, и Джон Кейл сыграл на пианино лучшее , что он когда-либо делал для меня. Песня называлась “Сокольничий”.

204

| | |

11 1968

Сокольничий сидит на Своем пахнущем летом рассвете , отпирая затопленные серебряные клетки…

Отец ребенка “Ангелы ночи” “Серебряное пламя”

“свет моей свечи”.

Когда она снова увидела Уорхола, ей показалось, что она смотрит на призрака, “и я почувствовала себя отстраненной”. С этого момента, по ее словам, Уорхолом стали манипулировать бизнесмены*, которые заработали миллионы долларов на нашей работе. Сейчас нет ни одной девушки, известной в бизнесе Уорхола. Больше никаких суперзвезд! Ну, есть еще Бриджит Берлин, которая сейчас работает секретаршей в приемной — ей дали работу, чтобы она держала свой толстый рот на замке. Энди занимался искусством, но теперь его организация просто зарабатывает деньги. Конечно, мы живем в такие времена. Сейчас деньги приходят, но однажды они исчезнут, и у них не останется ничего, даже репутации”. Нико считал, что Энди Уорхол был хорошим художником и многие его работы были важными: “Посмотрите на серию его работ “Электрические стулья”. Это фантастические работы, они могут многое рассказать нам о болезнях нашего общества. Он никогда не делал ничего

подобного после того, как в него стреляли. Эта чертова лесбиянка все разрушила. Она впустила бизнесменов и превратила Энди в зомби.'

Нико сказал, что стрельба стала началом головокружения общества, и что с этого момента - в том числе и с момента убийства Роберта Кеннеди — "все пошло наперекосяк. Это как будто ты на карусели, и она начинает вращаться все быстрее и быстрее, пока тебя не стошнит". По ее словам, в ответ на это она спрыгнула с карусели, но "не на внешнюю сторону, а в центр, где это наиболее контролируемо". Вы можете увидеть это совершенно неправильно и сказать: "Я должен уехать из города и жить в пустыне". Это ошибка. Это одно и то же место, это единственное, что я знаю.' Она позаимствовала образ мира в виде карусели из бродвейского шоу "Остановите мир, я хочу сойти" ("В любом случае, это хорошее название"). Она продолжила: "Тимоти Лири сказал: "Брось Вон", и это было решением в Америке. Мне не понравилась эта альтернатива, потому что она не борется с тоталитаризмом. Она позволяет другим бороться за вас, пока вы спите. В Америке мистер Лири привлек студентов и чернокожих для борьбы с несправедливостью. Америка была в Вьетнам и выставлял себя на посмешище, но это ничего не изменило [уйти

Вьетнам] до тех пор, пока экономика не сказала, что она должна измениться. У Европы есть лучшие решения. Есть ситуационизм, который в будущем победит социализм . И есть терроризм — Андреас Баадер [Германия], президент "Красная бригада" [Италия] и католики в Ирландии [ИРА], и есть другие. Это альтернатива, которая борется, а не та, которая говорит 'Уходи".'

Часто говорят, что Нико была недалекой политиком, но ее мнение никогда не совпадало с мнением врожденного болвана. Она была последовательной нигилисткой, которая обожала абсурдность всего на свете, которая поддерживала ситуационистов в Париже 1968 года, когда они выставляли общество дураком и устраивали революцию с помощью

комедийных скетчей. Ее позиция определялась просто ее неприятием общепринятых норм и желанием провоцировать. Она предпочитала социализм капитализму, коммунизм социализму, анархию коммунизму, нигилизм анархии — всегда выбирая альтернативу тому, что доминировало; но нигилизм избавлял ее от долгих часов релятивистского позерства. Она утверждала, что придерживалась бы пацифизма, если бы он был более агрессивным; как она сказала в 1986 году, "Пацифизм - это нормально, если у тебя есть деньги". Деньги на то, что она никогда не объясняла, и она сказала это, когда предположила, что у нее самой их нет. Проблема с В далеком 1968 году жизнь Нико состояла в том, что лучшей альтернативой обществу, которую она нашла, были наркотики.

Нет ничего необычного в том, что шестидесятые годы испортились, когда появились наркотики. Наркотики и рок присоединились к оружейной индустрии того времени, но Нико считала развитие наркокультуры замечательным способом "раскрепостить замкнутые умы людей". Хотя она говорила во множественном числе, на самом деле она имела в виду себя. К весне 1968 года Нико было около тридцати, и она была совершенно одинока. У одной семьи родственников была ее мать, у другой - сын. Хотя она была освобождена от своих обязательств, она не избавилась от чувства всепоглощающей вины. Она умоляла друзей предложить решения проблем, о которых они даже не подозревали; они слышали только полуправду, романтические истории и откровенную ложь, и они подвели ее. Как только они подвели ее, от них отказались. Нико нашла бы кого-то нового, оставив после себя множество старых друзей, о которых она вспоминала бы исключительно в сентиментальные моменты за косяком и бутылкой вина. Не было никого, кто был бы рядом достаточно долго, чтобы дать общее представление, встать рядом с Нико в ее мире свечей и постичь ее мир "под микроскопом". Она начала искать утешения в одиночестве. Она стала рассчитывать на непосредственную практическую помощь новых друзей: свободные комнаты, спартанский секс и наркотики. Чтобы избавиться от серьезных проблем, она стала меньше полагаться на людей и больше на наркотики: легкий гашиш ("Он помог мне расслабиться, потому что

тогда я не курил сигареты"), а затем галлюциногены: ЛСД, кислота, пейот ("только в Калифорнии это натурально") и опиум ("чтобы помочь моим мечтам, которые помогают моим песням').

Большую часть ЛСД, кислоты, она получала на Ибице; ее друзья производили ее , и она вывозила ее из страны, чтобы продать. Она могла бы вернуться в Теперь ее мать была в безопасности, и она могла жить так свободно, как ей хотелось. Но ни там, ни в Америке, до сих пор она не пробовала наркотик, с которым навсегда связано ее имя. Героин был тем, что она видела, в первую очередь благодаря Чету Бейкеру, но к чему не прикасалась. "Это было повсюду. Как только я поняла, что это такое, я видела это так много раз. Когда я начинала работать с the Velvets, я хотела спеть песню Лу "I'm Waiting for the Man", но он мне не позволил. Я думаю, он думал, что я не понимаю ее смысла, и он был прав. И у нас была песня "Heroin", которая, как я думал, была провокацией. Я действительно не обращал особого внимания на эти вещи, потому что они не позволяли мне петь как следует. Но я должен сказать, что Лу и Джон принимали героин, и их песни были реалистичными. Я впервые попробовал героин, кажется, в 1968 или 1969 году , чтобы испытать его. Я принимал его, куря, а не делая инъекции - курение не такое сильное средство. Меня вырвало, когда я принял его в первый раз, но к этому привыкаешь. Я думал, что это слишком сильное средство. Героин - это соблазн. Это как любить того, кого ненавидишь. Но это может вызвать у вас летаргию и не способствует концентрации внимания. Я бы предпочел опиум, но тогда у меня было мало того и другого. Впервые героин мне дала… женщина-модельер. Ты видишь? В конце концов, именно женщина сбила меня с пути истинного!"

Какая жалость, что Валери Соланас застрелила маленького друга Нико, иначе они могли бы прекрасно поладить.

ПОКА НИКО СИДЕЛА В ВАННЕ и сочиняла музыку, на лейбле Verve был выпущен ее первый сольный альбом . Пресса встретила

Chelsea Girl более прохладно, чем ее ванна. Газета Los Angeles Times повторила все , чего опасался Нико: “Это невероятно красивая коллекция замечательных песен великих авторов. Было бы лучше, если бы песни были замечательными, а авторы - приятными. У вас возникает ощущение, что внутри есть таинственная сердцевина , покрытая сладкой оболочкой, но вы просто не можете проникнуть глубже. Нико - классная девушка, но “Нико” продавалась бы дороже, если бы она была обнаженной, простите за выражение, а не пряталась за струнным оркестром в платье в цветочек”. New Musical Express назвал ее “Джоан”. В стиле Баэза”, который не раздражал Нико так сильно, как “Мелоди Мейкер” “в стиле Марианны Фейтфул”. . ^. Проблема была в том, что знакомые Нико в то же время предлагали кое-что получше, Боб Дилан с Джоном Уэсли Хардингом и Джими Хендриксом с Are You

Опытный? Хуже всего было то, что ее дебют был омрачен другим - Песни Леонарда Кобена. ‘Это как Нико с бакенбардами”, - заметил он Энди Уорхол был не единственным, кто отметил сходство между ледниковой певицей и молодым поэтом, который сидел рядом во время ее показов и что-то записывал в своем блокноте, прежде чем “повести меня есть макробиотическую пищу’. Коэн не пел на публике до того , как услышал Нико, и теперь, год спустя, он был признан Melody Джону Пилу из Maker за его свежий стиль, ‘очень сдержанный и простой голос. Никаких приукрашиваний’. Певец Леонард Коэн многим был обязан Нико в роли Боба Дилана певица была обязана Вуди Гатри.

Нико винила в своих разочарованиях Chelsea Girl’s flute, но , возможно, ей следовало привлечь к ответственности продюсера Тома Уилсона, человека по телефону. Мало внимания было уделено основам - песням звучали они в безжизненном порядке, тональность не была учтена (первая песня фа-диез, вторая на полтона ниже), а настройки были избитыми и монохромными. Голос Нико звучал сухо, в середине его не было никакой поддержки, и каждая микросекунда неуверенных фраз Нико звучала на глазах у публики , словно ее голова была на палочке. Сами песни были в основном прекрасны. Ни один из них не был написан Нико, поскольку пластинка была записана до того, как

она занялась сочинительством, но она спела несколько старых любимых песен, которые знала наизусть, например песню Дилана “Pll Keep It with Mine’. Самыми привлекательными из них были, например, “These Days”, авторства эльфа Джексона Брауна, всего восемнадцати лет:

У меня был любовник

Я не думаю, что я рискну завести другого

В наши дни, в наши дни.

И если я, кажется, боюсь

Жить той жизнью, которую я описала в песне, Это просто потому, что я так долго проигрывала.

Она едва не потерпела крах в творчестве Джона Кейла, пробежав по музыкальной дорожке, усеянной неуклюжими словами (” карикатуры”, “признание”, “рационализация”), а затем, запыхавшись, перепрыгнула через шаткие барьеры из невнятных строк, которые кажутся плохими переводами давно забытых опер: “Первоцветы - это самые красивые цветы в мире”. драгоценности, скрывающиеся за масками удовольствия, в которых мерцают сомнения”); С возрастом Кейл стал еще лучше . Однако альбом таил в себе два неожиданных сокровища. Первое появилось в конце вступительной части, в сотрудничестве с Нико, Кейлом и Лу Ридом (“У Нико была основная идея, и мы ее доработали

СО— — - — аа М ——

11 1968

— Я думаю, - сказал Кейл). “It Was a Pleasure Then” содержит оригинальную аранжировку в стиле modal D, которая двадцать лет спустя будет классифицироваться как “Лори Андерсон”. Она поддерживает песню Нико, которая никогда ранее не звучала на пластинках. Она продлевает слова с извилистыми мелизмам, и корректно обрабатывает отрывков из чистого речь, вероятно, вспом-Беринг ей уроки пения — Ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла:

Тогда это было одно удовольствие

Когда мы снова сможем сидеть и смотреть друг на друга Пока звезды не провалились сквозь землю.

От облачных деревьев до травы

И начинайте улыбаться вместе с нами

Пока у них тоже не появятся слезы на глазах И расскажи нам эту длинную историю

О том, во многом ли мы не должны соглашаться.

Ла, Лейла, Да, да, лала, ла. …

Особенно ярко Нико проявила себя во фразе , начинающейся с седьмой; вся песня требовала от нее диапазона в полторы октавы , и она справилась с этим с большой убедительностью, поскольку песня была написана в самой низкой тональности, которую ей когда-либо приходилось исполнять. Ее будущее было предрешено; “Ди” была любимой мелодией Зари Линдер, певицы, которая заставляла ее мать плакать, плакать, плакать.

Самой необычной из всех песен Chelsea Girl была финальная песня, написанная Тимом Хардином (“Бедный Тим”. Мы назвали его Тим Героин’), его ‘Панегирик Ленни Брюсу”, простая дань уважения “больному” еврейскому комику, который только что умер. Брюс умер от передозировки героина в августе 1966 года, хотя его друг утверждал, что он умер от ‘передозировки полиции’. Его арестовывали по меньшей мере трижды по обвинению в торговле наркотиками и пять раз за непристойные высказывания (“Я присутствовал на всем шоу Ленни Брюса с женщиной-полицейским Шнелл. В течение этого времени неоднократно

употреблялись следующие слова: “дерьмо”, “херня собачья”, “ублюдок”, “блядь, мудак”. У него были истории о неестественных действиях с животными, включая “Одинокого рейнджера ” и “Тонто”, - сообщил полицейский). Нико сказала, что видела Ленни Брюса несколько раз в начале шестидесятых, и она похвалила его как философа-нигилиста, который рассказывал хорошие истории, а не шутки, которые всегда были дешевкой. Я никогда не запоминаю шутки.’ Из записи становится ясно, что Нико очень ценил эту песню и то, что она означала (поддержать Брюса тогда еще было провокационным поступком); этот финальный трек был единственным, за который был присужден голос

особое внимание в постановке. На левом канале гитара играет меланхоличный вальс, в то время как на правом Нико находится на полпути, окруженный плотным ореолом реверберации, и элегантно напевает:

Я потерял друга

И я не знаю почему Но это больше никогда не повторится

Мы встретимся, чтобы умереть вместе

И почему после каждого последнего выстрела

Всегда ли был еще один?

Почему после всего, чего у тебя не было

Ты доверил свою жизнь своей матери?

Нико сказала, что ей было невыносимо слушать эту песню после того, как Уорхол был ранен. Она знала двойственное значение слова “застрелен” и в конце концов поняла, что “эта песня была и о моей собственной судьбе тоже’.

Пластинка Нико отличалась новизной: суперзвезда Уорхола с песней Дилана. Будучи “девушкой-певицей”, она была уверена, что на конкурсе будет не так много новых пластинок. Лучшие женщины из-за расизма были отнесены к отдельному чарту “Соул”, возглавляемому Аретой Франклин и Глэдис Рыцарь. Но, к неудовольствию Нико, в том же месяце вышел новый альбом Джуди Коллинз, лучшей фолк-поп-певицы того времени. Как Нико, она пела среди множества чужих работ — некоторые Жак Брель и сестры Леонарда Коэна милосердия’. Другая молодая канадка, Джони Митчелл, написала песню для этого альбома, которую Нико назвал “одной из самых красивых песен, которые я когда-либо слышал, хотя она слишком сложная и полна искусственных привкусов” - “Both Sides Now’. Сочетание умного письма (‘Я смотрела на облака *любовь* жизнь теперь с двух сторон’) и непревзойденной техники Джуди Коллинз оказалось для Нико непосильным. С этого момента, решила она, она будет записывать только свои собственные песни, и они будут звучать “откуда -то еще” внутри нее.

Чтобы написать эти песни для своего следующего альбома, ей придется жить на гонорары от первого. Перед выпуском альбома Chelsea Girl, в июле 1968 года, она умоляла представителей звукозаписывающей компании не забывать о ее независимости. Она настаивала на том, что она не просто суперзвезда Уорхола с песней Дилана, и, в некотором смысле, они поверили ей на слово. Компания Verve (“Звук нынешнего поколения’) разместила рекламу на всю страницу в цветных журналах, провозгласив:

11 1968

НИКО. Вы видели ее на картине Энди Уорхола “Взрывающийся пластик” Андеграунд….в главной роли в его фильме “Девушки из Челси”. Ее называют Дитрих из the velvet underground. Ерунда.

Она Нико.

И вы можете услышать, как она исполняет роль НИКО в сериале “Verve”.: ДЕВУШКА из ЧЕЛСИ.

Нико очень понравился этот тонкий штрих “velvet underground”, написанный строчными буквами, но ей не понравилось, что название Dietrich было напечатано обычным шрифтом. Ей всегда льстило такое сравнение, хотя она делала вид, что это не так, поскольку ей не нравилось, когда ее сравнивали с другими женщинами. Исключением были Гарбо, которая была слишком мифологической, чтобы считаться просто человеком, и которая в любом случае обладала похвально похожим телосложением (неслучайно Феллини и другие считали Нико похожим на нее). Шведка, как Гарбо; не ускользнуло от их внимания и сходство имен). Но на обложке Chelsea Girl была изображена не Дитрих (все ноги) и не Гарбо (все лицо), а потрясающая, жалобная пепельная блондинка Нико из Эти девушки из Белси (с волосами и ресницами), а не сияющая от счастья рыжеволосая Нико из 1968 года. Фотографии moody были сделаны Полом Моррисси как еще один результат любви ее измученного менеджера. Именно эта меланхоличная фигура на обложке альбома впервые привлекла внимание тысяч будущих поклонников Нико, как мужчин, так и женщин. Именно этот образ Нико запомнился больше всего, и по нему больше всего скучали. “Это была хорошая обложка”, - сказал Нико. ‘В нем была спрятана флейта”.

Пластинка дала Нико толчок к карьере, к которой она еще не была готова . Ее раздражало, что большинство людей влюблялись в ее лицо на обложке, а не в голос на пластинке, и хотя она шесть месяцев работала над своими собственными песнями, на диске у нее не было ничего , что могло бы оправдать ее ожидания. Предполагалось, что она заработает на выпуске альбома Chelsea Girl — несколько концертов, телешоу, - но она уехала в Европу, чтобы заработать столь необходимые деньги, записав еще несколько альбомов. Рекламирует испанский коньяк и подрабатывает фотомоделью в Париже: “Я упустила свой шанс стать более известной, чем была певицей. Я всегда оказываюсь не в том месте и не в то время”. Она смирилась с этим Девушка из Челси уже ушла в прошлое, а ее запас новых песен сулил ей светлое будущее. К концу года она сочинила двенадцать песен; не

так быстро, как Шуберт, но и не так медленно, как Дюпарк. ‘Я почувствовала, что наконец-то стала независимой и что я знаю, что такое независимость”.

К несчастью, чем больше она чувствовала себя независимой душой, тем больше она

стал зависим от наркотиков.

*

уу СИЕН

НИКО ВЕРНУЛСЯ В НЬЮЙОРК в начале лета 1969 года, уже не | его называли Суперзвездой, но он был независимым артистом. Приступы вдохновляющего купания уже прошли, а выздоровление Энди Уорхол оказался более утомительным занятием, чем она ожидала. Вскоре Нико наскучил Манхэттен. Она отправилась на Западное побережье , чтобы провести второе лето любви. Она снова остановилась в замке, Норт-Глендауэр-авеню, 2630, рядом с обсерваторией Гриффита, местом проведения акции “Бунтарь без причины”. Владелец Джек Симмонс был ее западным другом. Кост Моррисси, доброжелательный помощник и призрачный менеджер. От Из замка она позвонила своей подруге маме Касс, гигантской певице из группы “Мамы и папы”. “О, мама Касс, я слышала, что Джим в городе. Ты знаешь, где он остановился? - взмолилась она жалобным, потерянным голосом маленькой девочки. - Откуда, черт возьми, мне знать, Нико? Черт возьми, я не его гребаное брачное агентство, - проревела в ответ мама Касс.

По ее словам, Нико больше никогда не видела Моррисона, вплоть до дня его смерти. В Замке она встречала множество альтернативных Моррисонов, но ни один из них не был настолько особенным, чтобы присоединиться к ее призрачной семье. ‘Она пробыла здесь долго, потому что ей очень понравилась здешняя атмосфера”, - вспоминал Джек Симмонс. ‘Она жила в номере Боба Дилана, когда его не было рядом, а в остальное время у нее была своя комната на самом верху башни, маленькое местечко, где она

чувствовала себя наиболее комфортно", - вспоминает Нико. "Когда солнце поднимается над башней, там особенно красиво, а ночью у меня было концерты по крикету.' Она заслужила то, что продолжала слоняться по округе, выглядя знойной и поэтичной, точно так же, как на улицах Берлина, отдавая экскурсии для журналистов с гидом. - Джим Моррисон однажды останавливался в этой комнате …но, с другой стороны, он останавливался во многих комнатах.' С приближением осени , когда Нико снова почувствовал себя кочевником, он стал писателем-любителем для одного из американских глянцевых изданий. Американские глянцевые журналы рассказали миру о его визите в сопровождении Нико на полноцветном развороте. Не скупясь на клише, он назвал это место "электронным олимпом, модным Версалем, Тадж-махалом звука, Рок-замком':

Нико

Нико обследовал все двадцать две комнаты [замка], включая подвальное помещение, в котором находится притон для продажи импортного китайского опиума, скрытый в стене. Выйдя из кухни, мы попадаем в сад, где есть пруд с золотыми рыбками. "Здесь, внизу, у фонтана, живут пять маленьких оленят . Это все равно что жить в лесу. И весь этот заросший сад, он похож на готические руины", - задумчиво говорит она.

"Раньше замок казался мне таким счастливым", - размышляет Нико. 'Но

11 1968

теперь это кажется грустным. Я провел здесь несколько замечательных дней, но никогда не смог бы жить здесь снова. Это очень необычное место в мире."Если вы планируете переехать сюда, возьмите с собой побольше друзей. Как обнаружил Нико,

“Замок из двадцати двух комнат может быть ужасно одиноким местом для одного человека’.

По словам Вивы, *Примерно в это время Нико приняла много ЛСД; она всегда была немного “не в себе”, но тогда она была намного “не в себе”. Я помню, как мы встретились с ней в Сан-Диего, вероятно, на очередном сафари по фабрикам. Мы с ней решили сходить в зоопарк. Мы оба были под воздействием какой-то кислоты, которую Нико раздобыл вместе с ней. Сначала мы провели целую вечность, осматривая стволы эвкалиптовых деревьев. Мы стояли как загипнотизированные, потому что, сняв кору, можно было увидеть под ней захватывающие дух зеленые и розовые оттенки . Мы были очарованы (можете себе представить, как мы выглядели, эти две долговязые суперзвезды, обкуренные). Затем мы добрались до обезьян.

- Вы знаете зоопарк Сан-Диего? Это удивительное место. Это настоящий Калифорнийский либеральный зоопарк. Там нет решеток и клеток. В нем есть небольшие рвы. Между вами и животным нет ничего, кроме воздуха. Нико простояла так целую вечность, глядя на орангутанга. Она словно заворожена, просто стоит и смотрит из-за этого галлюциногенного наркотика. Мне приходится двигать ее вперед, как будто я поднимаю мраморную глыбу. Затем мы подходим к горилле. Мы смотрим на эту гориллу. Горилла по-настоящему заинтересовалась нами и начала танцевать вокруг нас, почесывая подмышки. Потом она влюбилась в нас, стала бить себя в грудь, издавать какие-то звуки и направилась к нам, прямо к маленькой кормушке. Я отодвигаюсь, но Нико словно приклеен к месту. Тут горилла начинает гадить ему в руку и швырять в нас своим дерьмом. ”Давай, Нико, пойдем дальше”, — кричу я ей, мы оба по уши в дерьме гориллы. “О нет. Это так чудесно. Он с нами в восторге. Он дарит нам что-то в знак своей любви”. - Да, Нико, он дарит нам единственное, что у него есть, - обезьянье дерьмо. Тебе кого-нибудь напоминает?

‘Мы покинули Сан-Диего, переодевшись, и я отвез Нико обратно в Лос-Анджелес - это то, что ты всегда делаешь для Нико . Мы заблудились. В итоге мы оказались в черной части Уоттса. Тогда мы были по-настоящему глупыми, совершенно неорганизованными и постоянно пребывали в прострации. Как мы обычно говорили, нас там не было. Но, видите ли, мы были двумя высокими, длинноволосыми, рассеянными белыми марсианами. Мы избежали всех унижений, с которыми глупые белые могли

столкнуться в Уоттсе, просто потому, что

мы выглядели не совсем так. Мы выглядели как-то неуязвимо. Я позвонил своим родственникам в Санта-Монику, чтобы сориентироваться. Они были Датский. Мы встретились с ними. Видели бы вы лицо Нико. Она сбежала, едва взглянув на этих датчан, похожих на нацистов. Она была очень разборчива в людях, с которыми встречалась, особенно в европейцах. Она не одобряла американскую манеру: “Привет, приятель, как дела?” Черт возьми, нет, это был не Нико”.

Джек Симмонс, король замка, встретил Нико в ее ‘отсутствующем ’ настроении. “Она была самой красивой женщиной, и ей можно было простить почти все, что она делала. У нее был такой странный взгляд на жизнь. Это типично: однажды я что-то делала на кухне, что-то обычное, например, готовила салат или смешивала какие-то ингредиенты. Нико вошла с вытаращенными глазами и стала изучать, как я готовлю эти элементарные блюда. Я думал, она спросит меня о том, что я готовлю, или о каких-то технических тонкостях. Но она просто смотрела на меня, а потом, наконец, сказала: “О, боже, твои руки такие красивые. Они как по-е-попробовать в moooootion”. Она была такой милой, я не думаю, что кто-то мог ничего плохого сказать о Нико. Вы знаете, она даже пригнали машину в Ла, в этом штате. Однажды она постучала в мою дверь. “О, боже, я ехал на своем автомобиле, и он соскользнул с крыши”. Ну, там, где я жил, было довольно гористое место, поэтому я немного забеспокоился, когда услышал это. Я обошел с ней вокруг дороги и - я не мог в это поверить — увидел, что ее машина свисает с обрыва. Обрыв был, должно быть , футов двести. “Она соскользнула с крыши”. Понимаете, она была в другом мире. Но что бы она ни делала, что бы ни курила, что бы ни употребляла, во всех отношениях, в любом обличье, она была леди среди леди.’

Леди среди леди, все лето блуждавшая в кислотном тумане по зоопаркам и кухням (она называла это “коллекционированием

впечатлений"), пользовалась щедрым покровительством. Симмонс жила в Лос-Анджелесе. Анджелес, Хельма в Берлине, присматривающая за своей матерью, и Эдит с Диди в Париже, воспитывающая своего сына. Нико нуждалась в любой поддержке, какую только могла получить, потому что денег уже не было так много, как раньше . Гонорары за записи поступали огромными партиями, и она начала занимать немного денег у друзей или на фабрике , чтобы пережить редкие неурожайные дни. Она бы вернула их, как могла, с честью, но наличные деньги на дорогу начали становиться обузой, а наличные на лекарства - раздражать. Тем не менее, она по-прежнему оставалась гордой, независимой артисткой с лицом суперзвезды, и она по-прежнему сочиняла свои собственные песни в башне замка или где бы то ни было еще, где ее фисгармония использовалась в течение долгих месяцев сочинительства.

214

11 1968

Наконец леди среди леди вернулась в отель "Челси" Отель. Благодаря Моррисону и Дональду Лайонсу она познакомилась с Джейком Хольцманом, управляющим Elektra Записи. У Нико было достаточно собственных песен, чтобы записать пластинку для компании; Verve продала недостаточно пластинок Cbelsea Girl, чтобы убедить их в том, что у нее блестящее будущее. Когда Нико окаменел, он Штатный аранжировщик Elektra, возможно, пригласит флейтиста, спросила она Джона Кейл предложил оркестровать песни. Он согласился при условии, что сам сможет спродюсировать. По сути, его аранжировки составляли продюсерскую работу, в то время как продюсеру компании Фрейзеру Мохоку было поручено курировать проект. Кейл раньше не делал ничего подобного: "Я пытался продвинуться по карьерной лестнице в качестве продюсера, потому что ушел из Velvet Underground после разногласий занялась поисками профессии. У Джейка Хольцмана был контракт с Нико, и он просто сказал: "Давай посмотрим, как ты выйдешь и запишешь этот альбом". Исходя из моей работы над этим альбомом, я стал продюсером The Stooges и никогда не оглядывался назад.'

2 октября, когда Нико готовилась к студийным занятиям, ей показали газетную статью, от которой у нее мороз пробежал по коже. Телохранитель Алена Делона был найден мертвым, выброшенным на свалку неподалеку от Парижа Его тело было связано, с кляпом во рту и завернуто в пластиковый пакет. Патологоанатому показалось, что серб Стефан Маркович был забит до смерти в драке. Нико позвонил матери Делона. Ари был в безопасности? Да, в тот самый день его забрали из обычной местной школы и отвезли прямиком в уединенную частную школу неподалеку Версаль (где он жил до подросткового возраста). Нико спросил почему. ‘ Семейная безопасность. Три недели спустя было проведено повторное вскрытие. В шее Стефана Марковича была обнаружена пуля. Прессе потребовалось целых четыре месяца, чтобы раскрыть истинную потребность Делона в ‘семейной безопасности’. Парижский корреспондент лондонской “Таймс” сообщил 28 января 1969 года:

Внимание во Франции уделяется угрозы жизни М. Делон и его семьи. В субботу, после того как он был освобожден полицией, которая задерживала его для допроса, он заявил, что была совершена попытка убийства его жены Натали, которая также является кинозвездой. Во время поездки по Парижу она обнаружила, что одно из колес ее автомобиля ослабло и вот-вот отвалится.

Полиция заявляет, что этот инцидент произошел 19 декабря, но по просьбе мадам Делон был сохранен в тайне. Жизнь месье Делона

и его семье несколько раз угрожали с тех пор , как в октябре было возбуждено дело.

Похоже, что еще в середине ноября югославская полиция предупредила французскую полицию через Интерпол о том, что

друг и соотечественник Стефана Марковича, как полагают, выехал из Белграда с намерением убить месье Делона. М. Делон был предупрежден об этом и попросил разрешения носить оружие, но ему было отказано на том основании, что угроза была слишком неопределенной. Однако, он был обеспечен надежной охраной полиции.

Несколько дней спустя в офисы судьи Патара и двух парижских газет пришло анонимное письмо, отправленное по почте из Парижа. ‘Мы собираемся убить восемь человек, причастных к делу Делона, - говорилось в нем, - и вы можете сказать им, что ничто не спасет Алена Делона, Натали и его ребенка, которого, естественно , мы не оставим в живых’.

Нико ничего этого не знала, когда в октябре прочитала об убийстве телохранителя. Но она следила за новостями по мере того, как они развивались на протяжении нескольких месяцев, и не могла не задуматься: если угрозы начались не раньше ноября, почему Ари спрятали так быстро после того, как было найдено тело, и почему Ари так сильно угрожала опасность? Тогда она еще не знала, что именно Булони организовали срочный переезд. Когда Ален Делон позвонил своей матери и сообщил о переезде Ари, он многозначительно спросил, кто оплачивает обучение в школе. Однако, по мнению Нико, “это доказало, что Ален узнал своего сына. Но это произошло потому, что я знал, кто был убийцей, я полагаю. Такое случалось не в первый раз”. Нико был прав. В 1965 году в Голливуде был найден мертвым другой телохранитель Делона, еще один югославец — Милошевич . Нико призналась подруге, которая по сей день хранит молчание на эту тему, что знает, кто был убийцей. Она сказала, что это был не Делон. Однако она боялась , что может случиться с Ари, если она выскажет свои мысли вслух.

Нико боялась за благополучие своего сына, но она чувствовала себя отомщенной за то, что нрав Делона был так публично и унизительно раскрыт в результате крупного скандала - скандала, который оставался источником интриг вплоть до смерти Нико и после нее. Нико утверждала, что не могла использовать имеющуюся у нее информацию, пока были живы Ален Делон и Ари, но если бы кто-то из них умер, она бы использовала ее. Она не ожидала, что станет первой из них, кто уйдет из жизни.

Всемирная служба Би-би-си интервью Делона после того, как он

под-ушло 48 часов допроса судебным следователем. Он

11 1968

опроверг информацию о новом развитии скандала, связанного с раковыми заболеваниями, о том, что бывший Премьер-министр Франции Помпиду был замешан в одном из званых ужинов. Затем он признал, что среди его друзей было много “крутых парней” . По его словам, ему нравилось оружие, и у него была коллекция пистолетов, “потому что я думаю, что это мужское занятие’.

Переживая ВСЕ это, Нико присоединилась к Джону Кейлу в студии звукозаписи, чтобы записать девять песен для своего “первого настоящего альбома”. Они провели пару дней с ней и фисгармонией. Они просто записывали то, что она пела: никаких барабанов, никакого направляющего импульса, ничего, кроме глубокого голоса, ее горящих свечей, свистящего звука ветра в струнах органа и стука ножных педалей, когда она нагнетала воздух в деревянный ящик. Звукорежиссер хотел, чтобы она сначала записала партию фисгармонии, чтобы он мог воспроизвести ее, пока она будет дублировать свой голос. Она не умела так играть, как никто другой, с ее особым чувством ритма. Выбор времени для ее песен определялся ее личным чувством темпа; продюсер обнаружил, что Нико больше думает о фразах, чем о ритмах, и в ее пении и игре была рапсодическая манера, которая имела мало общего с роком, фолком, кантри или соулом, или даже с предполагаемыми песнями старых монгольских крестьян в Люббенау.

“Сначала нам пришлось записать все целиком, а потом уже пытаться отделить фисгармонию”, - вспоминал Джон Кейл. “Если сравнить то, что она делала тогда, с другими певицами и авторами песен, такими как Джуди Коллинз, Джони Митчелл или Кэрол Кинг, Нико была похожа на европейскую горгулью. Она действительно была уникальна. Никто не исполнял такие готические фолковые вещи. Это было похоже на что-то из другой

эпохи или с другой планеты. И это не было модой или чем-то в этом роде, она не следовала какому -то тренду. Это было вызвано ее собственным стремлением создать что-то индивидуальное; это шло исключительно изнутри, от жизнестойкости. Я знала, что именно Я хотела сделать с основной композицией, это не было проблемой. Проблема Нико заключалась в том, что она не торопилась. Я пытался контролировать сеанс и заставить ее прийти в определенное время, чтобы что-то сделать, как это сделал бы любой уважающий себя продюсер, по крайней мере, с достаточным бюджетом. В полицейском участке говорили “ровно в два”, и она приходила в пять. Или же она приходила в три и проводила следующие два часа в ванной, поправляя макияж. На запись! В студии нас было только двое!

‘Однажды я сказал ей: “Я хочу начать завтра в два часа. Делать Я должен заехать к тебе в десять, чтобы убедиться? В чем проблема? У тебя что, часов нет?” Она ответила: “Нет. когда я был

в актерской студии Элиа Казан посоветовал мне делать все в свое время. Я поверил ему на слово. У нее была странная логика, с которой невозможно было поспорить — это просто раздражало. Вы могли бы подумать, что ее ужасное соблюдение сроков было оскорбительно непрофессиональным или проявлением эгоцентризма . Это не так. Все было рассчитано безукоризненно. Это было элегантно, и все, что делалось, было сделано очень красиво — и с большим опозданием.’

“Она могла часами стоять перед зеркалом, играя со своим макияжем”, - добавила Вива. “Это было не из тщеславия, она не восхищалась длиной своего носа или чем-то еще, это был страх показаться в зеркале неидеальной. В течение многих лет она была безупречна перед камерой, а теперь между ней и людьми не было камеры. Отныне это была настоящая жизнь”. Сама Нико сказала, что причина, по которой она опоздала на съемочную площадку “Сладкой жизни”, заключалась в том, что “я неправильно

смотрелась перед камерой". Это тоже была проблема Мэрилин Монро . Она рассказала мне об этом. Это вопрос несовершенства, когда не все на своих местах."Нико терпеть не могла, когда ее видели раздетой, потому что одежда была для нее такой же маскировкой, как и ее рассказы. Ее лицо тоже приходилось наряжать, даже перед микрофоном.

"Когда она была готова что-то спеть, лучше было позволить ей идти своим путем", - подумал Кейл. "У нее были внутренние часы. Это было здорово для индекса Марбла. Эта свобода дала мне карт-бланш на внедрение и развитие всего того европейского, что меня устраивало . Я был так же удивлен и шокирован результатами работы с мрамором Индекс, как у всех". (Мраморный индекс — четырнадцать букв).

Нико не знала, что произойдет с ее песнями после того, как она их споет; Кейл не допускал ее к аранжировкам, которые следовали за ее пением. С ее точки зрения, ее песни были закончены, сложены в единое целое, как только она покинула студию, еще до того, как он приступил к работе. Джон Кейл был поражен ее подготовкой: "Она записала все слова. Они были написаны четким готическим почерком, как у нее на бумаге. Но я никогда не видел рукописей с большим количеством исправлений. Я только видел - например, если она садилась и что-то писала, я украдкой бросал на нее взгляд (думаю, ей бы это не понравилось, если бы она меня застукала), и там ничего не было вычеркнуто. … много размышлений, ужасно много размышлений было уделено этому, прежде чем это попало на бумагу. Это удивительно, когда думаешь о том, что она работает на чужом языке. И как только это было записано, ничего не изменилось. Она была очень уверена в своем стиле.

Она следовала совету Джима Моррисона и записывала свои мечты, часто под воздействием опиума, как у Кольриджа. Образы

11 1968

она вдохновлялась словами, но слова, которые она выбрала, были

взяты из опубликованной поэзии старой романтической Англии и новолистовой Новой Англии Англия: Кольридж и Ловелл, Блейк и Плат. Название пластинки было заимствовано у Уильяма Блейка, но названия некоторых песен — “Лицом к лицу с Ветер’, ‘Розы на снегу” — звучат как у Сильвии Плат (‘Пересекая реку’, ‘Маки в октябре’). Нико не пришел в сознание-лы скопировать эту работу, но такие фразы, как ‘бесчисленных отражений’, важной пародия’, ‘голос магистра каскады’, ‘тусклым и несвежим’, ‘Титаника проклятия не падают мечты или маленькая жемчужина немецкий-Словарь Английского Языка. Другие, однако, так и сделали: “пошутил над тобой”, “Я не против встретиться с ветром лицом к лицу”, “игра начинается”, “исчезни с моих глаз”. Джон Кейл не думал, что они так уж важны.: ‘Я не обращал особого внимания на ее тексты, они в основном касались атмосферы песни”.

Пол Моррисси был более откровенен. ‘Она ставила мне свои новые пластинки со своими песнями, и мне приходилось говорить: “О, Нико, эти песни так тяжело слушать! Я не думаю, что кто-то еще умеет петь эти песни, и я не уверен, что ты тоже умеешь”. Она была очень старательна в написании текстов. Она тщательно записывала их, эти маленькие строчки своим красивым почерком, но я не думаю , что в них были ясны ее мысли, хотя они никогда не были менее интересными. Я думаю, ее идеалом был Боб Дилан, и в его песнях много непонятной каши . Когда она начала сочинять музыку, Боб Дилан считался величайшим талантом, когда-либо появлявшимся на Земле. Линия читал Шекспира, Гете, Толстого, Пруста, Боба Дилана - и это было своего рода восходящей эволюцией, с точки зрения поклонников. Он вел себя загадочно, не появлялся на публике, от него веяло жутью. И именно поэтому он очаровывал людей. Своим поведением он привлек внимание людей, и они боготворили его за это. Нико, вероятно, подумала: “Дилан - это то, что нужно”. Она погрузилась в свой наркотический кокон, издавала звуки, писала тексты и пела их. В своем воображении она была Бобом Диланом.’

Это может объяснить то, как она поступала, но не то, что она делала, что было совсем не похоже на Дилана. В то время он играл в Нэшвилле в стиле кантри, но мелодии Нико пришли из совершенно другой страны. “Мои мелодии родом из средневековья”. Нико рассказал журналисту. “Они из моей русской души. Я не имею в виду это буквально, но они таковы в моем воображении. Джон Кейл сказал, что они не тональные. Они не из нашей системы ключей. Они слишком старые в своей аранжировке”. Ее мелодии модальны, часто эоловые, со

сглаженными шестой и седьмой ступенями (именно это она подразумевала под “аранжировкой”, формой звукоряда). Простой напев

является модальным, как и многие народные мелодии и средневековые композиции. Когда критики использовали слово “готический” для описания творчества Нико, их выбор был продиктован музыкальными ассоциациями, если бы они только осознавали это.

В год рождения Нико нацистский композитор Карл Орф представил грандиозное произведение для хора, солистов и оркестра, в котором использовались поддельные средневековые мелодии для создания архаичных текстов о сексе и грехе под названием Carmina Burana. Это было, пожалуй, единственное произведение новой музыки в мире. Нацисты всегда приветствовали это, потому что это “восходит к культурным корням нации”. Это фарс, дешевое разбавление стиля Стравинского, остается во всем мире самым популярным произведением современной концертной музыки. Мелодии Нико звучат как модальные сладости из Карла Орфа, которые сами по себе были созданы на основе рудиментарного “национального” фольклорного песенного материала. Возможно, в ее представлении они пришли из средневековой России, но она познакомилась с ними на уроках народного творчества в школьных классах Люббенау. Прекрасные, ясные, масштабные мелодии , которые она сочинила, в равной степени основаны на ее нацистском культурном наследии , а также на образах замерзших границ и Страны Нибелунгов. Любопытным фактом культурной сегрегации является то, что мелодия, неизменно популярная в концертном зале, считается хронически странной в рок-клубе.

Самая простая песня на пластинке - первая, “Lawns of Dawns” (“Я не могу понять, что я чувствую/ Пока не отдохну на лужайках рассветов’). Он просто перемещается вверх и вниз по нижним

ступеням модальной гаммы, взад и вперед, как хоровод: “Ringelreibe, Reigentanz, хороводный танец, в котором дети танцуют в кругу, похожем на блюменкранц, цветочный венок”, - написала она в своих заметках. Самая сложная - вторая, “Там никого нет” (“Кто-то зовет, кто-то грустит / кто-то зовет, кто-то злится”), но сложная потому, что основная мелодия трансформирует свою линию и есть средняя часть, контрастирующая не по ладу или тональности, а по метру - многие из них в песнях используются тройные ритмы, что необычно для того периода. Это первый проблеск чувства внутренней организованности. Однажды, несколько лет спустя, на концерте Нико представил эту песню озадаченной публике со словами: “Я написал ее для Ричарда Никсона’.

На этом уникальном альбоме выделяются две песни - песни как песни, а не переработанные Джоном Кейлом. Во-первых, это “Песня Ари”, которая представляет собой не что иное, как переложение из книги Уильяма Блейка “The Land of Мечты” (Проснись, проснись, мой маленький мальчик / Ты был единственной радостью своей матери… Страна грез намного лучше / Выше света утренней звезды).:

220

11 1968

Уплывай, уплывай, мой маленький мальчик

Позволь ветру наполнить твое сердце светом и радостью
Уплывай, мой маленький мальчик,

Позволь дождю развеять твой пасмурный день.

Уплывай в мечту

Позволь ветру исполнить твою фантазию

О древнем серебряном море.

Теперь вы видите, что только мечты Могут привести вас туда, где вы хотите оказаться…

Эту неземную колыбельную, которую она поет своему сыну, можно было бы счесть проявлением снисходительности, если бы не обстоятельства, сложившиеся во время ее записи. “Можно подумать, она хотела бы, чтобы он был рядом, а не прогонял его”, - заметил один из ее поклонников-подростков. Довольно.

Джексон Браун, в числе прочих, отметил вторую песню как исключительную мелодию и атмосферную балладу. ‘Frozen Предупреждения” охватывает “туманную границу” ее повторяющихся снов зловещим образом Люббенау (‘Над железнодорожными путями вокзала /Слабо мерцает скромный плач”).:

В бесчисленных отражениях

Улыбка слетает с твоих губ и отражается на моих, Застывшие предупреждения рядом с моими,

Рядом с застывшей границей.

Это были песни, которые Нико передал Джону Кейлу для “аранжировки”. Он начал с их структуры: “Все, что мне нужно было сделать, - это немного изменить их форму, добавить знаки препинания, оформить их в виде букв “A”, добавив вступления, окончания или интерлюдии. Все остальное для меня было делом логики. Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться, была фисгармония. Она была не совсем в ладу ни с самой собой, ни с чем-либо еще. Ее ноты “трещали по швам” — заставить гитару подыгрывать ей было сущей мукой.

‘Иногда нам приходилось переключать скорость записи на магнитофонную ленту. Лучшим решением было не обращать на это внимания или, скорее, использовать инструменты, которые постоянно с этим не гармонировали. Гитара все время звучала то в такт, то не в такт музыке - это действительно раздражало, — поэтому я использовал инструменты, которые были доступны вашему уху из-за их согласованности. Альт был полезен в этом

смысле из-за длинных нот и гудения, которые я мог играть на нем, чтобы настроить с самого начала, как в “Frozen

Предупреждения”. Затем я использовал “шумы”, чтобы разнообразить текстуру. В каждой песне требовались новые детали, и я должен был передать контрасты высоты звука и тембра. Я хотел подчеркнуть экстремальный диапазон - мне просто нужно было что-то сделать, чтобы заглушить монотонные низкие аккорды фисгармонии. Лучше всего подошли колокольчики. Именно здесь глокеншпиль и фортепиано заняли центральное место в альбоме, став небольшой прелюдией, подчеркивающей крайности текстуры. Всему остальному способствовал характер песен.’

Учитывая скудное время, проведенное в студии на Манхэттене, внимание Джона Кейла к деталям было замечательным. Он дал песням Нико нечто большее , чем просто скучную оркестровку, которую Стравинский любил называть ‘с добавлением красок’. Многочисленные альты в “No One Is There’ размывают гармоническое поле для внезапного перехода в ‘Ari’s Песня”, доминанта переходит в тонику, и тот же аккорд переносится с альтов на самые высокие, свистящие ноты фисгармонии, губной гармошки и боцманской трубы (“Уплывай, уплывай, мой маленький мальчик”). Затем следует волшебный выбор альт-гармоник для обрамления ‘Frozen Warnings’. Это единственная песня альбома в стиле (известном как mixolydian) с единственной пониженной седьмой, на которой сосредоточился Нико. Си - случайно, нижняя струна альта. Это дало Кейлу возможность в полной мере использовать естественные гармоники струнных инструментов он поклонился.

‘В течение двух дней я был практически один, - прокомментировал Кейл, - и в конце концов я впустил ее. Я проигрывал ей песню за песней, и она разрыдалась. “ой! Это так красиво!”, “О! Это так прекрасно” - знаете, это то же самое, что люди говорят мне: “О! Это так самоубийственно!” У нас были

какие-то ссоры во время сеанса, например, какая-то чушь об опиуме. У нас всегда были ссоры, иногда даже физические. Но, в конце концов, это был чудесный момент облегчения, а для нее - осознание того, что она сделала что-то экстраординарное. Подобные ситуации с криками и перебранками случались в каждом нашем совместном проекте. Двадцать лет спустя, когда я продюсировал ее последний альбом, первое, что Я сказал Нико: “Ладно, давай сначала поссоримся, потом прольем слезы, покончим с этим, пока мы трезвые… а потом займемся музыкой”.”

НИКО СОЗДАЛА музыку, о которой мечтала. Впервые в своей жизни независимая артистка Нико была счастлива пообщаться с прессой. Однако пресса не слишком стремилась общаться с ней - она была собой, а не членом группы. Нико не был милым, как и “Грейтфул Дэд”, “Кровь”, “Пот и слезы”, “Слепая вера”, “Степной волк” (Это книга Германа

11 1968

Гессен - по-немецки это звучит немного лучше”), Pink Floyd, Led Zeppelin, Traffic, а также Нью-Йоркский рок-н-ролльный ансамбль. События захлестывали ее с головой; все становилось больше, размашистее, шумнее — прически, клеши, пальто, каблуки, группы, самолеты, наркотики, ярость. Поэтому она с радостью воспользовалась возможностью рассказать немецкому журналу Twen о своей жизни на сегодняшний день. Это интервью остается исчерпывающим источником информации о ее взглядах на то время; впечатляющий интервьюер, должно быть, составил Фрагебеген в ее юности. Нико думала, что ее мать и тетя Хельма увидела бы это и гордилась бы ею. Ей особенно понравилась идея поговорить с Twen, потому что это был журнал для двадцатилетних женщин, а Нико только что исполнилось 30:

Вы были в Германии с пятидесятых годов? я только что приехал навестить свою маму. Она жила в Испании, но потом серьезно заболела. Мы хорошие друзья. У меня есть сын , которому в августе исполнится восемь лет. Его зовут Кристиан Аарон. Я называю его Ари, что означает “маленький лев’.

Какая у него фамилия? Он носит мою фамилию, потому что его отец слишком горд, чтобы принять его.

Тогда какая у тебя фамилия? Почему я должен тебе говорить? Это не важно. У меня та или иная фамилия. Я знаю, что это незаконно, но мне все равно.

Мне жаль. Но кто отец вашего сына?

Ален Делон. В то время он был в зените своей карьеры. Сейчас он находится в таких стесненных обстоятельствах, что мне почти стыдно за то, что он отец моего ребенка. Я думаю, он уже не осознает, что делает. Когда я была беременна, я жила в Нью-Йорке. Я была очень рада появлению ребенка. Для женщины иметь ребенка - это прекрасное переживание. Было очень трудно содержать Ари. Мне приходилось повсюду брать его с собой. Это не та жизнь, которая нужна ребенку. Когда два года назад он заболел , я отвезла его к бабушке, матери Алена Делона. Она замечательная женщина, и она категорически против поведения своего сына. Ари сейчас живет с ней и ходит в школу недалеко от Парижа. Он нуждается в такой заботе, потому что он непослушный ребенок. Он стал бы преступником, если бы не жил с чувством порядка.

d

Нико

Кажется, что твои песни вырваны из твоей души.

Да, я тоже об этом уже думал. В моих песнях нет ничего личного. Но я вообще не могу отождествлять себя ни с чем , даже с самим собой. Я кочевник, как в моей песне “Frozen Warnings”. Это, наверное, мой любимый трек на альбоме.

Как вы пришли в музыку?

Благодаря Бобу Дилану, с которым я познакомилась в Париже шесть лет назад. Я начала петь все его песни - ’When the Ship Comes In”, мою любимую, и “The Times They Are a”Changing”, “Мистер Тамбурин”. Мужик”, конечно, и “Это не я, детка’…

Вы видели его в последнее время?

Он на пенсии. Он создает семью. Я не могу его винить. Что еще ему остается делать сейчас? Когда ты всю жизнь бродяжничаешь, на улице через некоторое время становится довольно холодно, и тебе надоедает находиться на улице. Он может жить семейной жизнью и при этом зарабатывать достаточно денег. Вот так он живет.

Полагаю, вы тоже знакомы с Леонардом Коэном?

Да. Я его немного побаиваюсь. Он всегда ведет себя странно по отношению ко мне. Каждый раз, когда я его вижу, мне приходится его разубеждать. Он всегда воображает, что я была бы для него идеальной девушкой, что я должна стать его женой или что-то в этом роде. Я не люблю говорить об этом, но он и сам не скрывает этого. Он мне нравится как человек, пока он не делает мне предложения.

Вы столько всего сделали и приобрели такой богатый опыт. Сколько всего запланировано и сколько непредвиденного?

Я никогда не задумываюсь об этом. Всякое случается. Действительно. У меня нет никаких мотивов. Когда я говорю вам, что стал автором песен, я не имею в виду, что намеревался это сделать. Однажды у меня родилась песня, и это было началом. Все как-то происходит. Совпадений не бывает, все предопределено. Я очень фаталистичен.

На что ты надеешься в будущем?

Не подумайте, что я тщеславен, но я надеюсь, что мне удастся выразить все свои мысли и самого себя в музыке или в кино. Что благодаря этому все изменится.

Нико спросили о ее представлениях о карьере. Она ответила, что у нее не было никаких мотивов: все просто произошло, сказала она, не было никаких совпадений, только судьба. Этими словами она ушла от ответственности.-

224

n

11 1968

возможности, точно так же, как она избежала их финансирования. Однако самым сильным ее чувством была гордость. Она рассказала репортеру, что выжила (“Я часто чувствовала, что продолжать жить бессмысленно”). Она верила , что теперь, в возрасте 30 лет, она больше не сможет принимать неверных решений, потому что уже все сделала неправильно. Она решила примириться со своей матерью и, наконец, исправить допущенные ошибки. Она поедет в Берлин и сделает это… как только у нее будет время. Тем не менее, как отметил Джон Кейл о чувстве времени Нико, “все, что было сделано, было сделано

красиво — и с большим опозданием’.

225

12 1969-1973

Полна загадок мучительной земли Промелькнуло в ней, когда она сидела в одиночестве,

Но от этого она не утратила своего торжественного веселья, И интеллектуального трона.

И так она процветала три года Она процветала три года: на четвертый она пала,,

Как Ирод, когда в ушах у него стоял крик, Испытывая адские муки.

Глубокий страх и отвращение к своему одиночеству Охватили ее, из чего и родилось настроение Презрение к себе; опять же, из-за этого настроения Смех над ее самоуничижением.

‘ Что?! разве это не мое место силы, - сказала она, - не мой просторный особняк, построенный для меня,

Из которых были заложены прочные фундаментные камни С момента моего первого воспоминания?’

Но в темных углах ее дворца таились

Неясные очертания; и, застигнутые врасплох

белоглазые призраки, проливающие кровавые слезы, И ужасные

кошмары,

И полые тени, скрывающие пламенные сердца, И все с тусклыми морщинистыми лбами, В полдень она пришла по трупам трехмесячной давности, Которые стояли у стены. (из ‘Дворца искусств’, АЛЬФРЕД ТЕННИСОН, 1836)

к крестьянину. Это было утомительное путешествие, начавшееся с прически с бледно-земляничным оттенком, чтобы понравиться Джиму Моррисону, до ботинок из испанской кожи, которые она постоянно носила, а затем работала в любом из

Р: В свои 30 лет Нико выросла из принцессы

“Р

конец, чтобы создать неповторимое настроение деревенской грации (“Иногда от нее пахло, как от свиновода, так мало она мыла”, - проворчала Вива). Нико по-прежнему была помешана на эффекте своей внешности, и в интервью американскому журналу в марте 1969 года она посоветовала другим следовать простому правилу: “Простой - значит элегантный, черный - эффектный, простой и черный - значит элегантный и эффектный - это хорошая основа. Я даже пробовала необычные сочетания, например, черный с коричневой кожей, которые я использовала в своем образе. Поскольку это было просто, это сработало, и сейчас вы видите это повсюду.’

Нико переворачивала карты Таро и подбрасывала монетки, чтобы найти ответ на свою непреодолимую проблему: “Как я могу выглядеть взрослой без выглядишь старше?’ Она решила, что открытки и монеты дали ей идеальный ответ, который чудесным

образом вписался в последнюю линию Dior в сезоне конца 1968 года — образ “Пионера”. “Хорошо смотреть на Восток, но не выглядеть фальшиво. Мне нравится смотреть на индийскую одежду. Сари - это сочетание практичности и чувственности, но если Европейская женщина носит его так, что кажется, будто она принадлежит к одной из тех религиозных сект, которые пристают к вам за деньгами на углах улиц. Это большая ошибка - красть идеи у других народов. Это не дань уважения, это империализм. Мое решение - подчеркнуть свою русскость. Я думаю, что так я выгляжу так, будто я из другой расы.

в мире или в другое время, что совершенно верно. Я не против быть иностранцем, где бы я ни находился. Это означает, что мне не нужно платить налоги.’

Ботинки из испанской кожи действительно были привезены из Испании: “Она носила эти большие коричневые ботинки на толстой подошве”, - вспоминает Вива. ‘Я тоже купила пару, когда она показывала мне это место. Это отличный магазин. Ботинки сшиты на заказ. Сапожники рисуют ваши ступни на бумаге и держат этот рисунок под рукой на случай, если вы захотите заказать еще сапоги. У них, наверное, до сих пор где-нибудь на листке бумаги нарисованы ее ступни, и они ждут ее звонка. Она расхаживала в этих красивых больших сапогах, в которые заправляла длинные свободные брюки, и была похожа на казачку Диора из “Доктора Живаго”. На ней были накидки, и, возможно, она надевала рубашку поверх брюк, но не юбку — в ней все еще чувствовался мужской уклон. Носила ли Нико когда-нибудь платье? Я сомневаюсь в этом — ни разу с тех пор, как она была ребенком. Должно быть, это единственное различие между Нико-ребенком и Нико-взрослым парнем!”

Нико считала, что ее новый образ - это освежающая вариация здорового образа на свежем воздухе, который принес ей работу и известность десятилетием ранее. Это не был взгляд женщины, которая на самом деле проводила дни и ночи в апартаментах похоронного бюро или в задней комнате “Макса” В баре “Канзас-Сити”, любимом ночном заведении фабрики. Она хотела

чтобы скрыть часы, проведенные перед пульверизатором и зеркалом. Если Нико хотела, чтобы Манхэттен поверил, что она только что прилетела из другого мира, строгое пасторальное платье было как раз тем, что нужно, потому что сельская местность была совершенно другим миром для жителей Нью-Йорка. ‘То, как я выгляжу , влияет на то, как ко мне относятся; это всем известное клише. Но я хотела, чтобы меня уважали, и именно поэтому я решила выглядеть независимо. Трудно найти образ, который не вызывал бы ожиданий — я имею в виду, что это самое дешевое, что можно сделать, — но я хотела , чтобы в нем было очарование и достоинство. Я больше не была манекенщицей, а художницей. Я хотела, чтобы мужчины прикасались к моим рекордам, а не к заднице. (Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо, хо-хо.) И мне было важно создать сильный имидж или образ уверенной в себе женщины, учитывая все, что происходило вокруг меня. Я принимаю разрушение, а ведь все было разрушено повсюду. Считалось, что это конец десятилетия, и поэтому это было предсказуемо. Но на самом деле это было началом борьбы со смертью , которая уже царила в обществе условностей. Вы заметили , что в городах больше всего насилия? Париж, Лос-Анджелес, Чикаго, а также Берлин. Мне больше всего нравятся города, когда они горят и пустуют.’

Французский журналист строго расспросил ее о парижской революции в мае 1968 года и обо всем, что за ней последовало: “Конечно, я был там и следил за событиями [это неправда]. Я не сторонник профсоюзов, потому что я не состою в профсоюзе — в каком профсоюзе я мог бы состоять? В Союзе моделей или в Союзе певцов протеста? Я сторонник ситуационистов, которые всего лишь сюрреализм, доведенный до наших дней. Это хорошая реакция богемы. Джим Моррисон говорит мне, что люди смотрят на улицы , в то время как я смотрю на Луну [это видоизменение высказывания Оскара Уайльда]. Я не чувствую себя достаточно связанной [с проблемами], чтобы бросать камни в полицейского. Я хочу бросать камни во весь мир”. Позже она сказала, что ситуационизм указывает на абсурдность жизни, а нигилизм - на абсурдность смерти. Все остальное, предположила она, - все, что имеет отношение к Вьетнаму, Биафре, убийствам семьи Мэнсона, террористическим взрывам, маршам протеста, убийствам Уорхол, Кеннеди, Малкольм Икс, Кинг - все остальное было признаком того, что репрессивная власть доживала последние дни своей жизни. “Я буду счастлива, если это закончится, - заявила она, - ради моего ребенка. В противном случае, для меня это ничего не значит. Мне нечего приобретать или терять. Я хочу быть независимой и не выдвигать требований”. Тетя Хельма и Мама Эдит были бы рады это услышать.

В то время как БУНТЫ ОБЩЕСТВА проходили мимо нее, она ждала момента — с минуты на минуту, как она сказала Джону Кейлу, - когда Мраморный индекс

12 1969-1973

Она попала бы на полки магазинов и привлекла внимание музыкальных критиков. Тогда она заработала бы свои гонорары наравне с Диланом. В марте 1969 года он был выпущен, как и планировалось, и критики были единодушны во мнении, что она странная. Везде, где о ней писали, Нико помещалась в конце

раздела; в частности, она была представлена в сочетании с новым альбомом “Рожденная для Быть может, от феи Мелани. Замечания Анны-Марии Микло из “Роллинг Стоун” были типичными:

Мелани отражает запутанность подростковой ситуации с большим количеством деталей и небольшим количеством милосердия… Почему-то Мелани нельзя по-настоящему пожалеть (ей 22, а не 15)…

Вы чувствуете, как приятно будет обратиться к Нико, который, как вы предполагаете, побывал везде, все это видел и не собирается реагировать на это горестными мольбами о помощи ни в коем случае. На самом деле, она ни на что не реагирует. Ни на что.

Альбом Marble Index вряд ли можно назвать роковым, хотя в нем представлены звуковые эффекты, которые нашли отражение во многих рок-альбомах - электронная камерная музыка, различные звуковые эффекты, инструментальные произведения Григорианское песнопение. Это музыка настроения, сопровождаемая малопонятным и неуловимым текстом, который читается поверх нее.

Примерно в предпоследней песне на первой стороне (“Ari’s Песня”), у вас начинает зарождаться слабое подозрение, что, возможно , слова - это не самое главное. Чем сильнее вы пытаетесь удержать их (как это происходит с вещами во Вселенной), тем легче они вырываются. Как только вы освоите это, вы будете свободны, и “вторая сторона” - это действительно стоящее приключение в музыкальную бесконечность (или, по крайней мере, попытка к этому). Это настроение, бегство, осознанность, бессознательность, пустота, да, страна чудес.

… Что еще предстоит выяснить, так это смогут ли Нико и Мелани перейти от стадии перебирания пальцами к достоверному (для Мелани), последовательному и правдоподобному (для Нико) воплощению настроений, которые они создали. Нико, похоже, забегает далеко вперед. …если, конечно, вы не из тех, кто думает, что Молодой.

Нико пришла в отчаяние от рецензентов, чьи взгляды были столь же непрозрачны, как и ее собственные; мысль о том, что

путешествие в “музыкальную бесконечность” можно было бы сделать более “правдоподобным”, была особенно испытательной. Стихи Нико, однако, везде оказывались очевидным камнем преткновения (“Я не могу разобрать ни слова

единственное настоящее слово”, - признался New Musical Express). Джон Кейл убедил ее не печатать текст песни на обложке пластинки, так как “это лишило бы ее смысла. ее тайна’, хотя он мог подозревать , что они не выдержат публикации в печатном виде. Наибольшую поддержку оказал Ричард Уильямс (Richard Williams) из Melody Maker, который прозорливо заметил , что “The Marble Index - одна из тех пластинок, которые через десять или двадцать лет могут стать своего рода вехой… Пластинка представляет собой путешествие по пейзажу, мало чем отличающемуся от Берлина, где она жила в детстве: пустынному и продуваемому всеми ветрами, покрытому шрамами, но в то же время футуристичному”. Нико не нравилась мысль о том, что ей придется ждать десять или двадцать лет значительных гонораров. Несмотря на слабые и мимолетные похвалы и вполне сносные продажи, релиз пластинки решительно и без промедления превратил ее в культовую фигуру далеко за пределами ‘хеппенинговых’ сцен. Она больше не была суперзвездой Уорхола, она была Одинокой певицей, Ледяной королевой и, впервые в печати, Богиней Луны. ” Проблема заключалась в том, что Электра понятия не имела, как продать пластинку. Было упущено много возможностей. Но у меня не было менеджера, и я не знала, что делать”. Она пожаловалась Джону Кейлу, который просто ответил: “Нико, как ты продаешь самоубийство?’

Коллеги-артисты Нико рекламировали свои пластинки концертными турами, но у Нико не было ни менеджера, ни агента, которые могли бы их спланировать. Был спрос, который она не могла удовлетворить; промоутеры в отдаленных городах понятия не имели, как с ней связаться, а у нее по-прежнему был страх перед Синевой. Ангельское ‘привет, детка”, звучавшее в их

клубах, отбило у нее охоту к попыткам. И теперь она решила, что рядом с ней не будет гитариста , когда она выйдет на сцену. Выступая сольно, она могла прятаться только по пояс за своим индийским органом, и все. Нико знала, что ей нужно приложить усилия, чтобы выступать, но полагалась на местных друзей и подруг друзей друзей, которые давали ей работу. Даже тогда ее охватила неуверенность, и она избегала возможностей. ” В таких случаях она была большим комком нервов”, - вспоминала Вива. “Она никогда не могла вдоволь нарепетировать, но у нее не хватало настойчивости, чтобы делать это , руководствуясь каким-либо методом. У нее не было того, что нужно, чтобы пойти и усовершенствовать свое искусство, потому что она была слишком испорчена. Но вместо того, чтобы сказать: ”Я облажалась”, она превратила это в достоинство. Если что-то шло не так, она говорила: “Я слишком хороша для этого!”

“Она должна была выступить на сцене, которую, я думаю , организовал для нее владелец Стив Пол. В то время я вела колонку в журнале “Даунтаун” под своим настоящим именем Сьюзан Хоффман (я давала себе восторженные отзывы). Итак, я пошла на концерт, чтобы сделать обзор. Она пришла, сыграла на своем маленьком органе три ноты, посмотрела

развернулась и ушла. Ей не понравилось, как кто-то посмотрел; зрители были недостойны ее великого искусства. Итак, мне нужно было сделать этот обзор , и, как преданный своему делу журналист, ха-ха, я его сделал. Я оглядел аудиторию, точно так же, как Нико: “Мы стали свидетелями того, как молодая женщина за соседним столиком мастурбировала вибратором, в то время как Бишоп Шин проходил мимо, строя глазки Хьюи Ньютону…” Я просто все это придумал. Конечно, это шокировало читателей, но в те дни мы были готовы на все. Вы должны помнить: мы ни к чему не относились серьезно. Не в те дни. Ни к чему, абсолютно ни к чему. Нико, с другой стороны, начала относиться ко всему серьезно.

Осознав теперь, что каменистый путь в музыке оказался круче, чем она предполагала, Нико внезапно решила , что слишком долго пренебрегала кинематографом. Она ничего не делала в течение восемнадцати месяцев. На сегодняшний день она снялась в десяти фильмах, и теперь пришло время снимать еще. Но Уорхол ничего не делал, в то время как Моррисси продюсировал “порнографию” с Viva. Однако Нико была решительной женщиной, и, как всегда в подобных обстоятельствах, ей повезло. Ее старая подруга по началу шестидесятых, Тина Омон, работала в Париже над фильмом “Ложе девственницы” (“Le Lit de la vierge”) с Зузу и кумиром контркультурных утренников Пьером Клементи, молодым человеком, который только что сделал себе имя как сын Катрин Денев. захудалый приверженец у Бунюэля Прекрасный день. Интригующий молодой режиссер Филипп Гаррель искал звуковое сопровождение и выбрал “Нико” в качестве “Мраморного указателя”. Именно для этого фильма она предложила, хотя и с сомнением, свою “уорхоловскую” песню “Сокольничий”. После этой увертюры она провела следующие девять лет с Гаррелем, хорошо это или плохо, но в основном плохо.

Гаррель был на три года моложе Нико, но не менее странным. ‘Он был похож на Лоуренса Оливье, сыгравшего Ричарда Третьего”, - пошутил Пол Моррисси . “У него были густые волосы и торчащий острый нос. Вы думали, что он должен был быть окружен рычащими собаками и с вороном на плече. Но он был ужасно тихим и немного претенциозным — как раз такой человек, в которого Нико, конечно, влюбился бы”. Поледит Субье вспоминала, как Нико впервые привел его на встречу с Ари и мамой Эдит: “Выше шеи у него ничего не было видно , кроме огромной копны темных волос. Моя мама посмотрела на эту фигуру, стоящую там, подошла вплотную и зачесала волосы от центра по обе стороны его головы. Она откинула волосы в сторону, словно Это была пара занавесок, чтобы смотреть на лицо. Он был очень костлявым.’

Филипп был сыном выдающегося киноактера Мориса Гарреля Гаррель снял свой первый фильм, когда ему было шестнадцать, а к 25 годам снял шесть полнометражных фильмов, ни один из которых не имел успеха.

надо сказать, что это был публичный показ. Величайший момент для Гарреля наступил в 1968 году. В его фильме “Концентрация” молодые мужчина и женщина были заперты в бетонной комнате, где из одинокого крана капала кровь. Молодую женщину звали Зузу, а мужчину - Жан-Пьера Лео, самого постоянного посетителя Трюффо. Фильм, снятый после майской революции 1968 года , для многих студентов стал отражением страданий того времени. - Если это претензия на известность, то Гаррель был большим авангардистом, чем Годар. Благодаря этому Я имею в виду, что он мог бы быть еще более скучным”, - пошутил один критик.

С его талантом заставлять других брать на себя его бремя, Гаррел процветал так же, как и Нико. Он признался, что в первые дни “у меня никогда не было продюсера. Для “Разоблачителя” (The Revealer; 1968) молодая женщина, подруга художника Марсиаля Райсса из ниццкой школы, продала портрет кисти Райсса, чтобы профинансировать мой фильм. Мари Пур Работа над мемуарами [“Мари, к сведению”, 1967] была профинансирована Клодом Берри в обмен на помощь, которую я оказал ему во время съемок фильма “Жизнь женщины и ребенка” (“The Old Man and the Child”), в котором я был стажером.’ Вскоре после этого он встретил богатую молодую женщину, которая мечтала стать покровительницей искусств. Гаррель сказал ей, что хочет сделать проект с Клементи, и она ухватилась за возможность заплатить за это: “В “Свете неба” я провел свою первую нормальную съемку, три месяца с современной камерой, полной технической командой, работой на локации, освещением, полным составом актеров. В то же время я снимал без сценария, импровизируя — и это сработало. Мои фильмы не распространялись, но мне было все равно. Анри Ланглуа нравились мои фильмы, и он показывал их раз в год в парижской синематеке, и я была довольна fiat”.

В конце съемок Гаррель встретилась с Нико в Париже, чтобы поговорить о ее музыке. Они говорили не только об этом и флиртовали. В обмен на использование ее музыки Гаррель рассказала: “Она взяла меня с собой в НьюЙорк и показала Энди “Свет неба” [со своей песней “Уорхол”] Уорхол. Он сказал, что это было очень вкусно, и в ответ показал мне Подражание Христу.’ Поскольку Постель Девственницы длится меньше двух

часов, и “Подражание Христу” длится больше восьми лет, и это могло быть больше или меньше, чем комплимент, который Уорхол сделал в ответ. Гаррел считал, что эпопея Уорхола “довольно привлекательна”. Тогда же он решил, что снимет большой фильм о Нико, “более амбициозный , чем все остальные’. Нико рассказал ему, как Энди Уорхол представил “Девочки из Челси” для регулярного показа в нью-йоркском коммерческом кинотеатре. По ее словам, публика пришла посмотреть на это, и она посоветовала Гаррель решил попробовать то же самое в Париже: “Тогда я должен был снять фильм с этой целью. Я снял этот фильм для нее в четырех разных ролях.

места проведения: Долина смерти в Америке, Египет, Исландия и Италия. На это ушло два года.’

НИКО, СТРЕМИВШАЯСЯ БЫТЬ предельно серьезной и эстетичной, в то время как все вокруг вели себя “по-декадентски и легкомысленно, как на вечеринке перед концом света”, искала родственную душу, которая трудилась бы вместе с ней и размышляла о бессмысленности существования, точно так же, как, как она видела , это делают измученные артисты в реальных фильмах. Гаррель был именно тем мужчиной, которого она искала, решила она, авангардистом вплоть до сапог из испанской кожи - представьте себе! Человеком еще более скучным, чем Жан-Люк Годар!

Вива присутствовала при создании этого романа: “Прежде всего, мы говорим о времени, о котором любому человеку очень трудно что—либо вспомнить, - о конце шестидесятых, начале семидесятых, о всеобщей амнезии. Как говорится, “Если ты это помнишь , значит, на самом деле тебя там не было”. Итак, я закончил съемку “Полуночи” Мы с Ковбоем должны были сниматься в фильме с Аньес Варда, когда мне пришлось поехать в Париж по просьбе Пьера Клементи, который был крутым парнем.

Я поехала с Нико, и когда мы приехали, Пьер уже был в сумасшедшем доме в Италии. И Нико сказала, что она тоже собирается в Италию примерно через неделю, так что давай поедем вместе и навестим Пьера. Его собирались скоро выпустить — ему предстояло сняться еще в одном-двух фильмах [у Бертолуччи Конформист и свинарник Пазолини. А потом с нами были еще несколько актеров, таких как Жан-Пьер Кальфон, Валери Лагранж, Бабетт Лами. У их банды, кажется, были дома в Гроттаферрате, недалеко от Рима, и мы с Нико поехали туда погостить. Я помню, как Тина Омон выбрасывала чемоданы из окна…

Как бы то ни было, именно в Гроттаферрате Нико встретился с Филиппом Гаррелем, вероятно, впервые за долгое время. Меня преследовал фотограф по имени Мишель, и я был отчасти заинтересован. Однажды Нико спросил меня: “Почему ты не с Филиппом? Почему Мишель? Мишель - никто. Филипп - многообещающий кинорежиссер”. Это не было таким уж карьеризмом с ее стороны, потому что я не думаю , что она была настолько агрессивной, хотя и стремилась к соперничеству. Но это был вопрос статуса. Предполагалось, что он придаст ей интеллектуальный престиж. Она хотела быть с кем-то, кто был бы серьезным художником, потому что сама хотела, чтобы ее тоже знали как серьезного художника. Я не могу вспомнить, был ли он свободен в тот момент, или ей пришлось сначала избавиться от кого—то другого - ну, для Нико это не составило бы труда, ей просто нужно было смотреть на них. Вот как и почему она заполучила своего мужчину. Но почему я помню, как Тина выбрасывала чемоданы из окна?

О

Нико

О! Да, Тина и Бабетта поссорились, и Тина решила , что должна поехать за нами с Нико в Рим, чтобы повидаться с Пьером. Итак,

мы оказались в номере отеля недалеко от Пьяцца Навона, который был наполовину гостиницей , наполовину борделем - Пьер Клементи отправил нас туда, парень из психушки. Электричества не было, только керосиновые обогреватели с голубыми языками пламени, вырывающимися наружу и поджигающими простыни. И еще там был мой фотограф Мишель, который сопровождал нас в Рим. Он пронесся по улице на своей машине и крикнул мне: “Садись!” Так что Я так и сделала, я была такой робкой. Я привела его обратно в комнату, и, как и все мужчины, которых я когда-либо приводила, Нико ненавидела его, ненавидела, ненавидела. Она была такой капризной в это время, великая художница с перманентным ПМТ - все это было обжигающим стремлением, испепеляющим, как простыни на кровати. Нико был оскорблен и отошел в другой конец зала. Это было к лучшему, потому что я женился на Мишеле (который сейчас женат на художнице Синди Шерман). Мы с Мишелем вместе вернулись в Лас-Вегас , чтобы я могла сняться в фильме Аньес Варды “Любовь льва”, и он предложил нам вернуться в Италию на медовый месяц, но держаться подальше от Нико, Тины и всего такого, поэтому он предложил Позитано. Вы знаете о Позитано? Вы должны знать’.

Джон Стейнбек знал Позитано: ‘Позитано поражает глубоко. Это место мечты , которое кажется не совсем реальным, когда вы там находитесь, и становится маняще реальным после того, как вы его покидаете. “Расположенный к югу от Неаполя на побережье лабиринт крутых улочек и ступенек на протяжении десятилетий служил убежищем писателям и художникам. Туристические путеводители называют это место “Капри для бедных”; кинорежиссер Франко Дзеффирелли относится к тому типу бедняков, у которых там есть вилла. В конце шестидесятых город превратился в город хиппи, хотя наркобизнес всегда был таким же великолепным , как и вид на Средиземное море. Нико знала многих людей , которые околачивались в барах the squeezed bay. Одна из ее подруг, Австралийская художница Вали по-прежнему живет там полгода, ухаживая за природным заповедником, который она лоббировала как государственный, а другую половину года она проводит в отеле “Челси” среди животных других видов. Но для Нико Позитано был “Ибицей со спагетти”.

“Итак, мы прибыли в эту шикарную маленькую деревушку для бросивших учебу, и , о чудо, там были Нико, Тина, чертова фисгармония и Багаж Нико был забран, потому что они поссорились, и Нико в тот же день уезжал. Но потом она не смогла переехать к нам , потому что ей была невыносима мысль о

том, что эта респектабельная супружеская пара будет валяться в обмороке, и она возненавидела Мишеля. Итак, каждый день в центре этого рая происходила сцена, в которой Нико

и Тина, эти две грозные амазонки, которые изо всех сил стараются, и фисгармония, готовая к работе, и постоянно пристегивающийся багаж, и Нико, которая всегда собирается уходить, но никогда не уходит окончательно.'

Тина Омон помнила это не совсем так, хотя и сказала , что мы должны быть благодарны ей за то, что она вообще хоть что-то помнит. Она была еще одной красивой молодой кинозвездой (дочерью месье Дрима-лодка), который сделал крюк, чтобы попасть в наркотический рай, и ему потребовалось много времени, чтобы найти дорогу обратно. Она сказала, что вот-вот снимется в "Казанове" Феллини, в котором она снялась вместе с Дональдом Сазерлендом, и что ее место в "Гроттаферрате". 'там было слишком много людей, как и везде в те времена. Вива была влюблена в Мишеля Одера, молодого фотографа, который также снимал фильмы, я была там с художником Фредериком Бардо, а Нико была влюблена в Филиппа Гарреля". Она хотела отвлечься от своей работы и стада и поэтому предложила парам отправиться на ее арендованную виллу в Позитано: "Это было место, где можно было отдохнуть от работы, и нам было так весело, о, очень весело. Но Нико хотела работать. Она очень серьезно относилась к своему творчеству. Нас это забавляло. Тина Омонт арендовала остров в заливе, чтобы Нико могла побыть одна и поработать. Она переправляла свой орган на остров на весельной лодке и сидела там, извлекая из него свои мрачные аккорды.

Омон добавила: "Сейчас кажется забавным думать об этом - все загорали или веселились, а Нико сидела на своем острове и пела свои серьезные песни. Я хотел помочь ей обрести равновесие, хотя это могло быть непросто. Она жила в своих собственных фантазиях. Реальность была так далека от нее (это не в ее пользу,

если так о ней говорить), и все же вы не могли донести до нее реальность. Она думала, что, отличаясь от других, она преодолевает окружающие ее обстоятельства, что случалось редко. “Нико дал священный обет на коленях у Джим Моррисон, ни много ни мало, должен был стать художником. Повсюду вокруг себя она видела интеллектуалов, растрачивающих свое время впустую; даже сам Джим пренебрегал Нико и стал толстым и праздным. Она пришла к выводу, что должна пойти по противоположному пути. Ледяная королева отвернулась бы от летаргии. То У Богини Луны, которая прибывала на две недели, а затем убывала еще на четырнадцать дней, больше не было времени на земные мелочи . Но Вива ясно дала понять Нико, что ей не очень-то по душе такое эстетское позерство: “Я думаю, причина, по которой она вела себя так экзотично , заключалась в том, что она не знала, как у вас обстоят дела. Она пропустила все это из-за своего образования и научилась этому благодаря некритическому наблюдению за происходящим с экрана или из книг. Она искала оправдания, чтобы казаться необщительной.’

ее

Нико

Тина Омонт расценила странное поведение Нико как реакцию на ее культовый статус: “Я думаю, когда мы были в Италии, ее преследовала красота, которой она все еще обладала. Быть красавицей ужасно трудно. Люди хотят все больше и больше. Она хотела быть идеальной, появляться всегда в нужный момент. Музыка была для нее единственным выходом из этого состояния - существовать только для других, и я думаю, она уделяла ей все серьезное внимание , какое только можно было уделить. Модельный бизнес - это все, что нужно для того, чтобы “заткнуться и хорошо выглядеть”. Музыка стала для Нико отличным спасением от этого. “Музыка, безусловно , была освобождением от давления настоящего. Народные мелодии , которые она придумала, как и крестьянский образ, который она

носила, напомнили ей о преображенном детстве. Это было прошлое, которое она узнала, но улучшила (“с добавлением красок”), чтобы скрыть причину своих угрызений совести. Прежде всего, это навело ее на мысль о Хеймате, призрачной родине, по которой она тайно тосковала. Музыка, над которой она работала час за часом, сделала все это: “Я начинаю с мелодии, и это в равной степени вопрос творчества и памяти”, - сказала она французскому журналисту. Однако слова, которые сопровождали музыку, были не более чем тюрьмой.

Нико обнаружил, что, хотя записывать свои сны - это очень хорошо, через некоторое время одни и те же сны продолжают возвращаться. Это все равно что брать напрокат одно и то же видео. Вы говорите: “О, я видел это”. Но ты не можешь этого вернуть”. Должны быть и другие темы, которые могли бы разжечь лирику, утверждала она, но какие они могут быть? Она решила, что другие люди могут вдохновить ее написать о них, точно так же, как Лу Рид написал песню об Эди Седжвик, а Боб Дилан написал песню об Эди Седжвик, и оба они также написали песню о Нико . Она уже пыталась написать песню об Уорхоле и еще одну - о Юлии Цезаре: “Джим сказал, что я должна писать о героях. Он подумал, что это будет хорошей дисциплиной. Я рассказала об этом Энди, и он сказал: “Ого, это хорошая идея”. И я сделала это. Но я думаю, что не Юлий Цезарь был таким героем, как Октавиан. Интересно, думают ли люди о таких вещах? Поразмыслив, она решила, что нет, вовсе нет.

Когда накачал тело Брайан Джонс был обнаружен на дне его Сассекс бассейн на 3 июля 1969 года, Нико решил написать песню о нем. Когда она узнала, что The Rolling Stones собираются устроить бесплатный концерт в лондонском Гайд-парке на поминках, она попросила спеть ее (хотя на самом деле она не потрудилась сочинить ее). “Мне сказали, что я могу спеть две песни. Но я все равно опоздал со своей фисгармонией. В любом случае, это была ирония судьбы. Мик бросил Брайан ушел из группы за несколько недель до этого. Он открыл коробку с

-— —

—— M

12 1969-1973

бабочки для Брайана, что, по его мнению, было очень поэтично. Ну, так оно и было, потому что потом я увидела в коробке много мертвых бабочек. А на следующий день Марианна Фейтфул попыталась покончить с собой.

Нико добавила, что за кулисами в Гайд-парке она встретила красивого молодого человека, который строил ей глазки. “Он пытался продать свой новый альбом, который был первой его работой, которую я услышал… “Земля” За штурвалом майор Том” [“Космическая странность”]. Дэвид Боуи выглядел как симпатичный эльф, но был слишком женоподобным и худощавым, чтобы быть настоящим андрогином. Однако в этом ему никто не мог сравниться. Он был самым совершенным отражением своего времени. Брайан был для него Иоанном Крестителем (вы знали, что у них действительно одинаковые фамилии? Боуи на самом деле Джонс). Признаюсь, я завидовал Дэвиду из-за его внешности, хотя у него и плохие зубы. Но я не завидовал его интеллекту — он совершенно поверхностен, поэтому никогда не знает, как ему выглядеть. Или какую музыку сочинять. Или кем быть - мальчиком или девочкой. По крайней мере, я последователен.’

Нико вернулся в НьюЙорк, чтобы получить кое-какие гонорары и поработать над несколькими новыми песнями. Она хотела отдать дань уважения Брайан Джонс, и подумал, что комната в отеле “Челси” могла бы стать самым подходящим местом для ее написания. Она узнала, что Джон Кейл нашел новую работу в качестве продюсера после успеха его аранжировок Marble Index; Нико пришел в студию и сел рядом с ним за пульт микшера. Она твердо решила, что больше не должна тратить время на мастерские, и поэтому возродила занятие, которому в детстве научилась у своей матери. Нико вязала. Она не была уверена, что вязать, но решила связать что-нибудь черное. Вокалист группы, продюсером которой был Кейл, выглянул в окно кабинки и

увидел Джона Кейла в большом черном плаще, “прямо как из фильма ужасов “Хаммер””, а рядом с ним импозантного Нико, который вяжет. Певец подумал: ‘Боже! во что я ввязался?!’ Поскольку певцом , о котором идет речь, был не кто иной, как Игги Стуг из The Stooges, позже известный всему миру как Игги Поп, Кейл и Нико вполне могли спросить его о том же.

Настоящее имя Игги Попа Джеймс Остерберг, и Нико всегда называл его Джимми. Джимми никогда не забудет, как впервые увидел Нико: ‘Она была просто невероятной. У нее были светло-рыжие волосы, как у инженю , с челкой, достаточно длинной, чтобы закрывать глаза, если она не хотела что-то видеть. Позже она посоветовала мне сделать то же самое: “Ты должна закрывать лицо волосами, твое лицо не должно быть видно”, — и это имело смысл, когда ты хотела видеть только на 10 градусов впереди себя. Она меня по-настоящему заинтересовала. По сути, я был ребенком,

Привет, Нико!,

Нико

девятнадцать или около того, и я никогда не встречал никого из Европы. Я был как мальчик, которому подарили игрушку: “Эй, у нас никогда раньше такой не было!” У нас завязался роман на несколько недель, и это стало для меня настоящим уроком”.

Нико познакомил Игги Попа с тремя вещами: “Адом Данте”, Божоле и оральным сексом. - Она только что переехала в чужую квартиру в сентябре 1969 года, и в центре гостиной у них стояла огромная иллюстрированная версия “Ада” Данте. “Джимми, ты должен заняться Данте, ты действительно должен”. - Я сказал, что, конечно, согласен; я не совсем понимал суть этого дела, но в то время это было ее гордостью и радостью. Затем она познакомила меня с вином. Она пила много красного божоле, и ей нравилось пить, хотя врач предупредил ее, что напиток не

помогает излечить абсцесс, который был у нее в ухе (она принимала ушные капли около шести раз в день и жаловалась мне: “Я не хочу это принимать капли, но я не могу бросить пить вино, так что у меня нет альтернативы”). Я родом со Среднего Запада, и единственное вино, о котором я когда -либо слышала, называлось “Риппл”, бутылка стоила 90 центов, очень, очень сладкое. Путь от Риппла до Божоле был долгим. Но не таким долгим, как в тот момент, когда Нико познакомил меня с оральным сексом. Однажды мы были вместе в постели, и она сказала: “Джимми, ты можешь кое-что для меня сделать…””

Нико-воспитатель - невероятная роль, в то время как Нико - будущая мать вызывает больше доверия, хотя и не у Игги Попа: “Она была примерно на десять лет старше меня, но я бы никогда не назвал ее ответственной. Никто никогда не говорил: “Вот идет Нико. Теперь все будет хорошо!” Она не внушала доверия, но была великолепной спортсменкой. Она была очень милой, обаятельной и чертовски веселой. К тому же она была немного сумасшедшей . Когда я думал о ней, я вспоминал детей Катценджаммеров, “Ганс и Франц” — карикатуру, которую я читал в детстве в газетах Среднего Запада , довольно дерзкую и иностранную. После того, как мы сняли наш первый ЛП, нам пришлось вернуться в наш фермерский дом, который стоял посреди кукурузного поля в Мичигане. Нико вернулся с нами, и мы прожили вместе еще три недели. К тому времени все ребята из группы ходили с фальшивым немецким акцентом, но Нико захотелось сыграть жену фермера, и она решила приготовить для нас: “Вас, мальчики , нужно покормить. Я приготовлю рататуй из коричневого риса”. Она сделала эту штуку, и она выглядела великолепно. Но мы взяли по одной ложке, и у нас слюнки потекли. Оказалось, что вместо половины ложки Соуса табаско она налила полбутылки. Я не мог петь две недели. Затем она отправлялась со мной в ближайший город. Можете себе представить, какое впечатление произвела на меня эта невероятная женщина, когда она зашла в магазин и спросила: “У вас есть божоле?” ‘

Пока мальчики из Бонанзы и Нико жили посреди кукурузного поля, они снимали фильм. Франсуа де Мениль был юным отпрыском нефтяной семьи, которая положила начало карьере Фреда Хьюза в области изобразительного искусства, и был без ума от Нико. Он хотел снять о ней фильм и слонялся по Нью-Йорку, пока она не сказала ему: “Я уезжаю в Мичиган с Джимми”. Если ты хочешь снять фильм, тебе придется последовать за нами”. Он сделал. Игги Поп продолжал смотреть на него, думая: “Какое отношение все это имеет к рок-н-роллу, этот чертов богатенький парнишка со своей камерой?” Богатый парнишка отомстил. Он подготовил сцену для Нико и Игги на вспаханном картофельном поле. В землю были воткнуты манекены с одеждой, а лицо Игги было раскрашено в стиле белого мима. Им было приказано порезвиться среди манекенов на вспаханном картофельном поле, что они и сделали, к своему вечному смущению. Отснятый материал затерялся, и сегодня Игги Поп вполне мог бы заплатить хорошие деньги, чтобы сохранить его в таком виде.

Во время их совместной работы Нико консультировала Игги по поводу его внешности и стиля — не только прически, но и манер: “Она часто говорила мне резкие вещи: “Я думаю, тебе следует быть более “отравленным” как исполнителю. Ты еще не полностью отравлен”. Чем больше мы были вместе, тем безумнее она казалась, и тем безумнее становился я. Она хотела , чтобы я швырял стаканы в публику, вел себя как безумный, злой, жестокий человек. В конце концов, мне пришлось сказать ей: “Эй, детка, хватит”. Я не смог справиться с таким давлением, и мы расстались. Забавно упоминать об этом сейчас, но Я написал песню о Нико для первого альбома Stooges, она называлась *Мы упадем”. Это считалось одним из худших трюков Stooges за всю историю! Критики сказали: ”…и когда у него что-то не получается, он делает это очень эффектно, в течение 15 минут от скуки под названием “We Will Fall””. На этом альбом заканчивается, и в основе этого очень длинного трека я бормочу что-то о бытии. в номере отеля “Челси”, всю ночь ждал прихода Нико.

Однажды Игги Поп пришел в “Челси”, и Нико захотел сыграть ему новую песню. “Она не выходила у меня из головы несколько дней. Это была “Уборщик из Lunacy”, какая потрясающая песня. Это заставило меня осознать, какой силой характера она обладала, когда писала эти песни. У нее была возможность поучиться у The

Velvet Underground и всех остальных - она сказала мне, что тусовалась с ребятами, потому что хотела сделать это сама. Но то, что у нее получилось, было совершенно уникальным. Она могла сказать больше, чем большинство людей, пишущих музыку, но у нее не было ни одного из тех посредственных трюков, которые мы часто используем, чтобы донести наши песни до широкой аудитории. Она была на грани срыва, но у нее действительно хватило мужества не сдаваться. Она была первопроходцем.'

КТ

Песня, которую она исполнила в исполнении Игги Попа, была ее данью уважения Брайану Джонсу. Когда она была закончена, все было совсем не так, как начиналось, и , казалось, не имело ничего общего с садистом-блондинкой, который засунул ствол пистолета ей во влагалище. Как дьявольское заклинание, 'Уборщик из Однако "Lunacy" стала ее самой известной песней:

Нико

Уборщик безумия

Парализуй мое детство

Преврати пустую колыбель в камень Дай надежду им и мне.

Хранитель тирании Свидетельствуй о моем тщеславии…

Хранитель безумия Определи мою судьбу…

Это была первая из серии песен, тайно посвященных умершим членам ее призрачной семьи: "Некоторые из моих песен похожи на стихи на надгробных плитах". С тех пор ее творчество будет

разделено на четыре жанра - песни мечты (“Замороженные предупреждения”), герои (“Генри Хадсон”), призрачная семья (“Ты забываешь ответить”) и family (“Мой единственный Ребенок”). Ей больше не приходилось полагаться на свои мечты. Ей просто приходилось ждать, пока умрет кто-то другой. Очень немногие друзья подводили ее. И все же она не ожидала, что следующая смерть наступит так быстро. Оно принадлежало ее матери, и когда оно пришло, то полностью разрушило ее жизнь.

В начале безжалостного, морозного февраля 1970 года умерла ее мать. Грете было 60 лет, она прожила восемь дней и умерла в берлинской клинике от язвы. ‘Мы с сестрой заплатили за похороны, - призналась Хельма Вольф, - 10 000 марок или даже больше. Мы сказали Нико: “Ты должен приехать сейчас, ты должен приехать в Берлин и присутствовать на похоронах своей матери”. Она не захотела иметь к этому никакого отношения. Она не смогла прийти. Она сказала: “Если я пойду на могилу своей матери, я никогда не покину ее”. ˚ Грету я похоронила на кладбище в самом сердце Грюневальдского леса, кладбище, которое в суровые ночи охраняли дикие кабаны. ‘Вы можете подумать, что Нико не заботилась о своей матери, - сказала Хельма, - но, конечно, это было не так. Они были влюблены друг в друга. Это был ужасный удар для нее, и я думаю, что с того момента все превратилось в кошмар, который так и не закончился”. Нико посетил

в конце концов, много лет спустя она помирилась, и когда это случилось, она сдержала свое слово и никогда его не нарушала.

Между ними не было примирения. В течение семи лет Нико оставила свою мать чахнуть в одиночестве и умирать ужасной смертью. Она назло матери потратила деньги на себя, а не на мать. Нико уклонилась от оплаты примитивного медицинского лечения, которое принесло ее матери небольшое облегчение;

Грете не хотела, чтобы ее мать страдала. Ари должен был появиться на свет, и в этом случае, подумал Нико, Грета могла бы уйти из этого мира вместо него. Но такого рода желания - это своего рода месть , которую дети обычно замышляют против своих родителей, и узы , которые связывали Паффгенов, были узами ребенка и матери. Близость так и не окрепла. Это происходило в двухкомнатной квартире в Берлине, Криста стояла перед зеркалом, из граммофона доносился голос Зары Леандер, Грета крутила педали швейной машинки. Когда Грете умерла берлинской зимой, Нико была всего лишь маленьким ребенком, потерявшим мать.

Она была подавлена тем, что мать выбрала подходящий момент. Нико самостоятельно организовала несколько гастрольных туров: вечер в Амстердам, концерт в Париже, заказ билетов в Лондоне и так далее - выступления то тут, то там, средний гонорар, поклонники, похмелье. Она была обязана довести дело до конца. Имея в своем арсенале песен собственного сочинения, которых к началу семидесятых было пятнадцать, она пыталась добиться трех вещей: европейского турне, менеджера и контракта со звукозаписывающей компанией. У меня ничего не получилось. В любом случае, это был застойный мир. Я могу описать это время только как начавшееся со спида и закончившееся травкой [героин]. Общество пришло в упадок, и стало очень трудно что-либо делать. Концерт в Лондоне, в марте В 1970 году был забронирован the Roundhouse, переоборудованным железнодорожным депо в Меловая ферма, на которой раньше останавливались потерпевшие крушение маневровые суда, а теперь жили связанные хиппи. ‘Я думала, это рок-н-ролльное место”, - пробормотала она своей аудитории, игриво улыбаясь в перерывах между песнями. ‘Если кто-то захочет заключить со мной контракт, мое имя легко запомнить”. На следующей неделе она дала интервью журналу Melody Maker , в котором в типичной для Нико манере рассказала, что ее мать была

мертвый:

НИКО, ОДИНОКАЯ ПЕВИЦА. Сейчас она в Лондоне, пытается записать еще один альбом, но столкнулась лишь с разочарованием и одиночеством. Ее старые друзья - Кит Ричард и Анита. Палленберг [!], Пол Маккартни и Линда Истман - были

они были слишком заняты своей собственной жизнью, чтобы помочь ей, а руководители звукозаписывающих компаний неизменно отказывались сотрудничать.

Она отыграла один концерт, an Implosion night в Roundhouse, но когда я спросил ее, приглашали ли ее еще на что-нибудь, она ответила с глубоким вагнеровским акцентом: “Нет, кто должен меня спрашивать?” У меня репутация человека, который не приходит петь. Я очень хочу от этого избавиться.

Но вернемся к началу, краткая история: Нико родился в семье польских родителей, которые погибли в концентрационных лагерях. ..

‘Я больше не хочу выступать ни в каких клубах”, - говорит она. “Я бы хотела давать концерты, и, возможно, колледжи были бы хороши”. Но у меня нет менеджера, и никто меня здесь не знает. В Нью-Йорке меня знает вся молодежь… У меня много друзей. Но Я ненавижу НьюЙорк. Она планировала вылететь в НьюЙорк позже в тот день, когда я ее увидел, возможно, чтобы воспользоваться своим правом Контракт с “Электрой”. Но через пару часов после того, как мы расстались , она позвонила и сказала, что передумала. “Мне невыносима мысль о поездке в НьюЙорк, поэтому я лечу на Ибицу. Это мое любимое место, и я думаю, что там я умру’.

Разочарование … одиночество… Вагнерианство… концентрационные лагеря… Никто меня не знает… Электра… умрет. Доски из Мифология Нико, в отличие от мифологии Кристы, сложилась в начале десятилетия. Сначала это был ее ответ на вопрос Джона Кейла: “Нико, как ты продаешь самоубийства?” Это была ее маркетинговая стратегия. ” Есть опасность, что ты станешь пародией на свою рекламу, как Лу Рид, - рассуждала она, - но я стараюсь быть выше этого и, по крайней мере, улыбаюсь зрителям. Я, конечно, не ведьма, но с таким же успехом могла бы носить череп и скрещенные кости за то, что пресса пишет обо мне “. Она была расстроена, что не смогла заключить контракт с менеджментом или звукозаписывающей

компанией в тот момент, когда поняла, что больше всего в этом нуждается. Прежде всего, она была зла из-за того, что больше не контролировала свой имидж. Она заявила, что все вышло из-под контроля. Не то, что на самом деле писала пресса — она могла бы жить на Луне Материал о богине - но сам факт того, что они почти ничего не написали. Она не могла этого вынести.

Нико уже постепенно скорректировала свой имидж, и теперь, после смерти матери, она решительно и страстно стремилась отделить свое будущее от прошлого. “То, что кажется белым, может стать черным”, - настаивала она. С того дня она решила терпеть уродство. Она решила, что должна стать неприглядной в глазах тех, кто любил ее за ее доброту

выглядит. Филипп Гаррель уже предложил ей затемнить волосы красно-коричневой краской-хной, что она и сделала. Гаррел тоже , можно сказать, сам шил себе одежду. Их можно увидеть совершенно отчетливо в его фильмах — длинные белые рубашки и жилеты. Он решил сшить одежду для Нико, и она носила ее с удвоенной силой. Она выглядела бы как зловещая пародия на свою известность.: Нико, готическая женщина-вамп.

Карлос де Мальдонадо-Босток случайно встретил ее возле почтового отделения на бульваре Монпарнас: ‘Это было необыкновенно. Я не видел ее несколько лет и был встревожен. У нее были выкрашенные в оранжево-красный цвет волосы, длинные, но строго подстриженные, и ужасная одежда. Когда я впервые увидел ее, она не была заражена, но теперь она была невероятно заражена. Я не знал, что сказать. На самом деле я не знал, что сказать. Я просто не мог говорить. Это было так, как будто с ней случилась какая-то ужасная трагедия . Я был потрясен.’

‘Вскоре после этого она вернулась в НьюЙорк с Гаррелом и выглядела отвратительно”, - подтвердил Пол Моррисси. “Она была одной из самых известных светловолосых моделей, иконой

для тысяч людей, с которыми она никогда не встречалась, и вот она здесь, с этими ужасными темно-рыжими волосами и в бесформенной одежде, и кричит на весь мир: “Я больше не хочу быть красивой”. Было трагично наблюдать за этой переменой. И именно в это время наркотики стали приобретать все большую популярность. Это было началом “скатывания в ад”. Именно этот парень, Гаррел, обратил ее внимание. Она стала артисткой и делала то, что, по ее мнению , обычно делают художники - сходила с ума, заводилась, отправлялась в ад.’

НИКО НАЧАЛА часто УПОТРЕБЛЯТЬ героин, “потому что у нее было слишком много мыслей”: угрызения совести о своей погибшей матери, недоверие к опекунству Ари, подозрения по поводу гонораров за запись (которые она получала от трех разных компаний), беспокойство по поводу своего призвания, поскольку у нее не было менеджера или контракта со звукозаписывающей компанией, беспокойство о деньгах, заботы о репутации, заботы о возрасте. Опиатный порошок ‘замедлил поток моих хороших мыслей и прогнал плохие’. Она написала подруге, что ‘Я нашел способ превратить свой стыд за свою мать в чувство удовольствия от того, что я могу мечтать о том, что нахожусь с ней в раю. Я нашла способ превращать день в ночь”. Способ, который она нашла, был похож на героин. Она курила порошок, белый или коричневый, на листах алюминиевой фольги (по ее словам, по крайней мере, в течение первого года). Нико вскоре было показано сколько неэффективных это — выброшенные на ветер дымом, скудные удар — и она и Гаррель присоединилась целая стая “художественное”? пар от Иоанна и Йоко к Палленберг и Ричардс, сжиженный порошок

см

и ввела его в их вены через общий шприц. И затем, как майор Том сказал наземному управлению в том предполагаемом гимне героину, она воспарила в воздухе самым необычным образом; планета Земля казалась голубой, но она ничего не могла

поделать.

Раз за разом, по бесконечному кругу, несколько теплых часов интенсивного наркоза в конечном итоге погружали супругов в тяжелую депрессию и непреодолимую потребность в еще одном уколе. Любой, кому это по душе, может преодолеть тягу к большему, но мало кто захочет покидать мягкий рай, который оно предлагало, особенно ради дикой природы, наполненной “слишком большим количеством мыслей”. Нико признался: “Как и все, кто начинает, я не ожидал, что стану зависимым. Я думала, что сильна в этих вопросах. А ты знала, что героин - это немецкий наркотик? Разве это не ирония судьбы? Больше, чем она предполагала. Когда в 1898 году немец Генрих Дрезер окрестил свое соединение диаморфином, он взял это название от слова heroisch — “героический”.

Ее американские друзья задавались вопросом, привел ли Нико Гаррель к зависимости или это он сам привел ее, и они задавались вопросом, объединили ли они свои ресурсы, чтобы оплатить наркотики и фильм, или он платил за Нико, а она за него. Сам Гаррель отказывается распространяться на эту тему, но в 1991 году он снял фильм “Гентоны плюс гитара”, в котором сухо описал свою жизнь с Нико. Он рассказывает зрителям, используя неторопливые образы, что рыжеволосая сирена познакомила его с героином и провела через муки зависимости. Виновата была женщина. Он преодолел свою привычку, а она - нет. Он выжил, а она нет. Это его версия, запечатленная на целлулоиде.

Однако нельзя отрицать, что, как и два Нико десятилетием ранее, они стали парой, одинаково одетой в черное и белое , и повсюду ходили вместе. Их отношения были интровертными, аскетичными и во многом были связаны с их совместной работой. Им нужно было закончить фильм — его полнометражный фильм для Нико, большой фильм, действие которого разворачивалось в сказочных пейзажах. Он нашел свое название - La Cicatrice intérieure, “Внутренний шрам” — подходящее название для фильма с Нико в главной роли, хотя и не слишком изысканное. Он поговорил о фильме с критиком, который счел его технически безупречным. Гаррель ответил: “Да, такие фильмы, как ”Рубец “, “поиск другого пути”, “Седьмое искусство”… В какой-то момент люди называли мои фильмы “андеграундными”, в другой - “революционными”. Я считаю, что любовь , превращенная в искусство, - это самое впечатляющее. За последние десять лет люди привыкли отдавать предпочтение материальным вложениям, а не эмоциональным,

но, возможно, скоро люди поймут, что материал - это не единственная интересная вещь".

Затем он перешел к созданию La Cicatrice: "В США мы

отправился в Нью-Мексико снимать фильм в Долине Смерти. В то же время Я открыл для себя американские университеты. Там я показывал другие свои фильмы. Затем мы снимали в Италии и Египте. Потом остановились. Я показал [в Париже] что я уже сделал, чтобы получить аванс под расписку. Я получил грант на завершение фильма. Мы отправились на съемки в Исландию и сняли фильм общей продолжительностью в один час. Жак Робер сказал мне, что хотел бы распространять мои фильмы. Он начал с La Cicatrice. Он показал это на Пагода [экзотический, престижный кинотеатр на Левом берегу]. Однажды вечером он позвонил мне. - Это работает! Кинотеатр переполнен. Их всего 126 люди, сидящие здесь." Я была очень счастлива. В тот момент я подумал [Нико был прав] и мой кинотеатр мог бы даже заработать немного денег и найти аудиторию. Я решил продолжить, и "Рубец " стал первым фильмом в трилогии.'

Как и все "артисты", они отправились снимать фильм в Египет, не обращая внимания на тот факт, что

что они оказались в эпицентре израильско-египетской войны. То

: критик, который простодушно поинтересовался, почему они все были одеты в белое , очевидно, забыл об этом; Гаррель ответил: "Потому что в Египте был риск быть застреленным. С кем вы столкнулись посреди пустыни? Солдаты. Во время съемок рядом всегда находился офицер связи . Он был осторожен, указывая на то, что я могу снимать, а что нет. Он не позволял мне снимать то,

что не было узнано другими. Египет в библейской истории. Мы видели, как был сбит израильский самолет. Бои шли по всему Каиру. Мы присутствовали при вое сирен, возвещавших о воздушном налете. я только установил свое местоположение, когда все эти Арабы нырнули в траншеи.' Поездка, должно быть, несказанно взбодрила Нико.

Нико не только сыграла в фильме, но и написала диалоги. Гаррель добавила: "Пока я готовила план съемок, Нико придумывала диалоги. Затем, за полчаса до съемок, она показывала мне диалоги и разыгрывала их. Она работала сценаристом. Один. Она даже вставляла такие вещи, которых я не понимал, например, диалоги на немецком. Я вроде как понимал ее Английский, но с большим количеством противоречий. Я позволил ей продолжать в том же духе, потому что знал, что ее взгляд на мир в точности совпадает с моим". Однако диалоги из этого необычного фильма запомнились совсем не так. После выхода на экраны "Шрам на сердце" был в равной степени и почитаем, и высмеян. Его признали первым по-настоящему психоделическим фильмом, но высмеивали за его претенциозность и безжизненность — "как сделать Египет скучным", - написал один из рецензентов. Критик Ален Филиппон написал в той ужасно поэтичной французской манере, которая редко путешествует или переводится:

Один из них находится в другом месте, очень далеко, в холодной белой пустыне (соленой? ледяной?). Мужчина и женщина разделены, разорваны на части. Мужчина (Филипп Гаррель) молчит и, кажется, взваливает все беды мира на свои плечи. Женщине (Нико) больно. Она говорит — это первое, что мы слышим - "Куда ты меня ведешь?"

Это "Куда ты меня ведешь?" адресовано и тебе, дорогой зритель. Если "Внутренний мир шрамов" рассказывает о заблуждениях женщины, двух мужчин и мальчика на далекой, замерзшей планете, то фильм также приглашает нас в путешествие вглубь себя и в самое сердце кинематографа. … В то же время это позволяет человеку поддаться влиянию рефлексивного кино, кино, где он, как маленький ребенок, сбит с толку страхом и

удовольствием, ужасом и соблазнением.

Слово “соблазнение” используется здесь в строгом смысле этого слова: увлечь, отвлечь ваше внимание — “Куда вы меня ведете?’ … Возьмите эпизод, снятый со среднего расстояния (двойная панорама на 360 градусов), и снимок мальчика, направляющего Нико на белом коне. Позвольте музыке успокоить вас, ритму успокоившегося сердца, глазам расслабиться и привыкнуть, измените масштаб и медленно приближайтесь к тому, к чему вы хотите, к точке вечности, доступ к которой закрыт для массового кинематографа. Кинематограф Филиппа Гарреля допускает это, приглашает к этому, навлекает на себя осуждение за это и открывает ужасающие перспективы для нашего чувственного восприятия.

Лондонский Time Out, в то время еженедельный журнал для альтернативщиков , был более прямолинеен: “Вам нужен чертовски большой косяк, чтобы наслаждаться этим. Несчастная пара, с которой вы бы не хотели встретиться на вечеринке К [Нико, Гаррелю] присоединяется голый чудак [Пьер Клементи] с луком и стрелами и желанием поджечь все вокруг. Честно говоря, на этом все, если только я не заснул, что вполне вероятно.’ Фильм с опозданием был показан в независимых кинотеатрах и субсидируемых кинотеатрах Европы. В 1973 году в Манчестерском кинотеатре Film Theatre менеджер отметил, что в начале фильма в кинотеатре было 30 человек , а в конце - пять. Нико считает, что это “важный фильм, великий фильм”. В нем говорится о хрупкости жизни. В фильме рассказывается история молодого сумасшедшего, который начинает убивать всех своих овец. Неясно, пастух он или принц. У него нет имени, пока не появлюсь я [конечно!]. Я королева в путешествии. Королева находит королевство, куда бы она ни отправилась. Там

ууу

12 1969-1973

в фильме больше песен, чем диалогов, что, на мой взгляд, хорошая идея [конечно!].'

Журналист спросил Нико, влюблена ли она в своего режиссера и не мешает ли это их работе? Она ответила: "Я думаю, что влюблена в Филиппа Гарреля. Когда я влюблена, я становлюсь ближе к себе . Влюбленность приносит с собой проблемы, а не с другим человеком, но конфликты начинают возникать в моей голове. Даже если наши отношения создадут проблемы в работе, фильм станет шедевром, потому что Филипп - классический режиссер в традиционном смысле этого слова, но у него есть новые идеи". Другой журналист спросил Гарреля, трудно ли ему было работать с Нико. Он ответил: "О, да! По сравнению с моим отцом [Морис Гаррель, который снимался в фильмах своего сына], у нас нет общего опыта. Здесь больше чувственного, эмоционального, интуитивного — это скорее вопрос чувств. Сразу же возникают вопросы эстетики, знания речевых оборотов, построения фраз, того, как она себя ведет. Чем больше вы знаете человека, тем легче с ним работать. Это вопрос гармонии друг с другом.' Интересно отметить, что он употребил мужское начало — "работать с ним'.

КОГДА Нико и Гаррель НЕ мотались по миру и не посещали зоны боевых действий, они жили вместе в самом центре Парижа. Они поселились в отеле на Монпарнасе, пока семейная удача не улыбнулась им. На узкой улице Ришелье, недалеко от Фондовой биржи, у отца Гарреля была шикарная квартира на верхнем этаже, которой он не пользовался, поэтому отдал ее сыну. Филипп решил избавиться от всего, что не соответствовало его потребностям. Он избавился от всего. В нем не было ни электричества, ни газа, ни горячей воды, ни ковров, ни мебели, ни плиты, ни обогрева, ни освещения, ни украшений. "Но и пустым он тоже не был", - заметил друг музыканта. "У окна валялись мертвые голуби, на полу и подоконниках была грязь , птичий помет, застарелый жир, щебень, мусор, пыль. Самой сенсационной особенностью был камин. Им не пользовались много лет, только большая черная дыра в стене. Но с решетки ниспадала самая великолепная груда сигаретных пачек, которую я когда-либо видел. Это было похоже на лыжный спуск, сделанный из крошечных картонных коробок. Среди пачек были разбросаны тысячи окурков, крошащихся окурков от сигарет,

разбросанных по четырем углам комнаты. От этого захватывало дух. Нико и Филипп решили украсить комнаты. Краску они выбирали с тщательностью опытных эстетов — везде черная эмаль в два слоя . Вива вспоминала о своем посещении этого места. “Меня пригласили в гости “Париж на каникулах” киноактрисы Дельфин Сейриг. В это время я начала записывать свои сны на пленку. Я взяла с собой маленький магнитофон.

247

— Нико

я — я помню, что мне приснилась смерть в ночь перед смертью Дельфины Отец Сейрига умер (Дельфина сейчас тоже мертва). Итак, однажды вечером я встретил Нико, Нико в новом обличье, и она отвела меня к Филиппу Квартира семьи Гаррел располагалась на самом верху этого здания; нам пришлось подниматься пешком по лестнице [Гаррел и Нико отказались платить стандартную плату за обслуживание лифта, поэтому у них не было к нему доступа]. Было уже очень поздно, и мы решили переночевать там. Я не обращал особого внимания на то, что меня окружало. Для меня постелили тюфяк на полу в ее холодной комнате. Посреди сна я проснулся, и вдруг Филипп прыгнул ко мне в постель. В те дни мы были как маленькие зверьки - знаете, у нас не было сексуальных отношений, мы просто трахались в постели. Я оглядел комнату , и вся она была покрыта жуткой черной эмалью. Я сказал: “Боже мой, Филипп, послушай эту запись!” Я прокрутил ему запись предыдущей ночи, на которой Полицейскому снилась комната с черными стенами, полом, потолком и дверями. Странно, да?

Нико понравилось это место, потому что “оно было не из этого века и не из этого мира. Я зажигаю свечи, а моя фисгармония не нуждается в электричестве, так зачем мне это?” Ей особенно понравилась прогулка по улице, мимо статуи Мольера (его сборники пьес поддерживают зрелые обнаженные женщины), по прохладному переходу в уединенный сад Пале-Рояля, где она дремал бы у фонтана. Нико время от времени жила в Париже в течение пятнадцати лет и начинала предпочитать его Нью-Йорку,

который, по ее мнению, вызывал ” такую же клаустрофобию, как пустая пустыня’. Однако она вернулась в НьюЙорк еще раз, когда Джон Кейл собирался заключить контракт с Reprise Записи, благодаря которым он нашел проблеск возможности для Нико. Reprise, дочерняя компания Warner Communications, завоевала свою солидную репутацию благодаря сольным исполнителям - от Фрэнка Синатры до Джони Митчелл. Но Нико была экстремальной, а не солидной.

Через два дня после того, как она приехала в отель “Челси”, электрический Цирк, в котором она жила, был взорван; семнадцать подростков получили ранения. Затем в доме в Гринвич-Виллидж взорвалась “фабрика бомб” , в результате чего погибли трое. Взрывы прогремели в трех офисных зданиях в центре города этому предшествовала волна паники, и автомобиль с бомбой взорвался посреди дорожного движения. Нико был встревожен. Быть нигилистом - это прекрасно, но не быть жертвой чужого нигилизма. “Есть разница между борьбой с государственным геноцидом и частным геноцидом, - решила она. Кроме того, ее беспокоил бизнес “Черных”. “Пантеры” - чернокожая воинствующая группировка, поддерживаемая несколькими белыми либералами, которая стремилась противостоять белому расизму. Она рассказала эту историю в

вот так: “Вы знаете Джин Сиберг? Она была киноактрисой, очень красивой и умной, но прожившей очень печальную жизнь. Она играла Святая Жанна, когда ей было восемнадцать, снялась в большом фильме, который получил ужасные рецензии и выставил ее дурой. Затем Жан-Люк Годар сделал ее звездой и подарил миру образ девочки-мальчика с коротко остриженными светлыми волосами [A Bout de Souffle — “Затаивший дыхание”; 1960]. Она работала в Голливуд [“Покрась свой фургон”, аэропорт], но жила в Париже, и она была моей близкой подругой. У нас был роман, если хотите. Она и Джейн Фонда поддерживали “Черных пантер”, которые имели отношение к black power. Она считала, что это

провокационный поступок - выступать от их имени на собраниях. Поэтому ФБР пыталось убить ее, и я знал об этом, потому что она указала мне на агентов, которые следовали за ней по пятам. Вы когда-нибудь видели людей из ФБР? Они именно такие, каких вы ожидаете. Вульгарный. Спросите Алена Делона, он знает, как они выглядят".

Нико был прав насчет Джин Сиберг и ФБР. Спустя двенадцать лет после этого события, в 1982 году , был обнаружен и обнародован меморандум ФБР Лос-Анджелеса, адресованный директору ФБР Дж. Эдгару Гуверу. Агент попросил разрешения "нейтрализовать" Джин Сиберг, потому что она поддерживала "Черных пантер". Он нашел возможность сделать это, потому что она была беременна. Он хотел распространить в прессе историю о том, что отцом ребенка был не ее муж, а активист движения "Черные пантеры". Разрешение было получено. Эта история была распространена в Лос-Анджелесе. Колонку светской хроники в "Анджелес Таймс" и распространилась по всей стране. Джин Сиберг в то время была на седьмом месяце беременности. Получив травму, она преждевременно родила мертвого ребенка. Днем позже она созвала пресс-конференцию. Журналисты, к своему изумлению, увидели открытый гроб с мертвым ребенком. Труп был белым. В каждую годовщину смерти ребенка Джин Себерг пыталась покончить с собой. В конце концов, в 1979 году ей это удалось благодаря передозировке наркотиков на парижской улице.

"Вы можете себе такое представить?" - спросила Нико. "То, что я видела , и какие трагедии пережила, не может сравниться ни с кем. И они думают, что я просто какое-то имя, за которым ничего нет. Я даже не могу побеспокоиться о том, чтобы рассказать им всю правду, потому что это пугает больше, чем все, что они знают сами. Ты не можешь сказать правду, когда в это никто не поверит". Окруженный взрывами, Нико наконец взорвался. Однажды вечером, в далеком 1970 году, она сидела в Испанский ресторан "Эль Кихот", расположенный при отеле "Челси". ' Трудно вспомнить, что именно произошло", - предупредила Вива. "Нико выпивал в баре ресторана, и там появилась молодая чернокожая женщина. Кто-то сказал, что она была подругой Джермейн Грир,

Бн…” Нико

что привносит в историю неопределенный феминистский элемент , который, я не уверен, является обоснованным. Эта чернокожая девушка — если она была чернокожей - громко жаловалась, что черным живется тяжелее, а белые этого не ценят… что-то в этом роде? Послушайте, неужели никто не знает эту историю лучше меня?..

Возможно, Джон Кейл: “Она была лесбиянкой. Она была заядлой лесбиянкой. Они были в испанском баре, и женщина, по-видимому , говорила: “Как я страдала! Как я страдала!” У Нико не было времени на янки, которые заявляли, что у них с ней все в порядке. Нико крикнула в ответ: “Страдаешь? Ты не знаешь, что такое страдание!” И тут - бац! - она запустила стаканом пива в дамбу. Я не могу вспомнить , говорила ли мне Нико, что она намеревалась бросить только напиток, а не стакан… но в любом случае, она бросила стакан с напитком, и стекло разбилось о голову женщины и рассекло ей лицо. Женщине пришлось наложить на лицо около двадцати швов. Я могу поверить, что это произошло. Нико заплатила больше, чем эта женщина, но она никогда не говорила об этом. Вот что ее раздражало. Это как бы прорвало плотину.’

Возможно, Вали, австралийский художник, который проводит полгода в “Челси” и второй тайм в Позитано: “Это так тяжело вспоминать, потому что все произошло очень быстро. Но я думаю , что эта женщина была чернокожей и имела какое-то отношение к черным Пантеры или кто-то из их друзей. Она сказала какую-то глупость, и Нико сделал что-то глупое, и я думаю, женщине пришлось наложить девятнадцать швов на лицо.

Возможно, Пол Моррисси: “Она была черной, она была белой — какая разница, честно говоря? Единственный факт, который вы можете извлечь из этого, это то, что Нико разбил этот стакан о лицо девушки. Из-за этого Нико сказала , что у нее закончился контракт с “Черными пантерами”. Конечно…

Возможно, Джерард Маланга: “Это была чернокожая девушка, которая была одной из первых участниц мюзикла “Волосы”… Нико на самом деле разбила стекло в глазу девушки”.

Возможно, Нико: по ее словам, женщина была чернокожей.

Чернокожая женщина в баре смотрела на белых, таких как Нико, и заявляла, что белые ничего не знают о страданиях. Нико был в ярости. Нико не только могла из первых уст рассказать ей о нацизме, но и имела некоторые знания об американском империализме - не только об изнасилованиях, но и о детских лишениях, внутреннем стыде, женоненавистничестве, болезнях и смерти, убийствах и обмане. Нико разбила стакан, и осколки стекла попали ей в глаз. Сначала она хотела выплеснуть пиво, но ее рука соскользнула, и стакан разбился о стойку.

В руке Нико был стакан, когда она ткнула им в лицо женщины. Нико считала, что друзья этой женщины были членами “Черные пантеры”, и они предупредили Нико, чтобы она убиралась из города, иначе они убьют ее. “Мне пришлось уехать, я не могла вынести этой угрозы. У них был контракт на меня. Я вернулась в Париж и начала свое изгнание по Европе’. Прошло пять лет, прежде чем она вернулась в Штаты, и девять , прежде чем снова появилась на Манхэттене. Это было типично для Нико - превратить себя в жертву романа.

По правде говоря, ее напугали не “Черные пантеры”, хотя , возможно, их действия были оправданы, учитывая жестокость ее нападения. Нико считала, что женщина сообщила полиции , что Нико психически неуравновешенна и нуждается в психиатрической помощи. Однажды она призналась Игги Попу: “Они думают, что я сумасшедшая”. Она держалась в стороне, чтобы избежать внимания полиции, и уехала из страны, пока дело, возможно, не было забыто. Мысль о том, что она становится такой же безумной, как ее мать, приводила ее в ужас. Она избегала людей в белых халатах, а не Черных пантер.

В безопасности В СВОЕМ ЛЮБИМОМ ПАРИЖЕ, в черной комнате, с органом, свечами и невероятными дозами героина - она все еще была на той стадии , когда могла наслаждаться этим и не

ненавидеть себя за это, - Нико начала работу над новым альбомом. ‘Я думаю, что Джон Кейл в конце концов помог мне заключить новый контракт с Reprise в Штатах. Предполагалось, что я переподпишу контракт с Elektra, но я не хотел этого делать, потому что они не предприняли никаких усилий для продажи The Marble Index [Elektra переиздала альбом на CD после своей смерти]. Так что я был рад, что у меня появились деньги на запись нового альбома.’ Она подумала, что запись будет приурочена к выходу альбома La Cicatrice intérieure, и выбрала название в стиле Джойса, чтобы отразить это, Desertshore. У нее уже были песни ‘Уорхол’ и ‘Брайан Джонс’ . Нико добавила четыре песни для своей настоящей семьи: две для Ари и две для своей матери. Песни для восьмилетнего Ари были размещены спина к спине. “Мой единственный ребенок” было для него предупреждением остерегаться тех, кто будет его воспитывать:

Мое единственное дитя, не будь таким слепым.,

Посмотри, что у тебя в руках -

Здесь нет ни слов, ни ушей, ни глаз, Чтобы показать им, что ты знаешь.

Их руки старые, их лица холодные, Их тела вот-вот замерзнут, их чувства обострятся.

сии

Вторую песню она дала ему спеть, “Le Petit Chevalier”, на плохом французском (“Я маленький рыцарь, и небо над моими глазами”). Журнал Rolling Stone описал ее как “леденящий душу шансон, напоминающий ”The Village of the Damned””. Джон Кейл дополнил атмосферу grand guignol, сыграв тонкий аккорд на клавесине под мелодичный голос Ари. Запись с вокалом была

оставлена на полную громкость между куплетами, дополненными покашливаниями и прерывистым дыханием. Песни для матери Нико должны были контрастировать друг с другом — “одна для моей живой матери, а другая для моей умершей матери’. Оставшейся в живых матери был назначен Миттерляйн, любящий наставник Кристы:

Любовь к ближнему - это любовь к ближнему Я дарф и до конца своих дней живу в этом мире Любовь к ближнему и до конца своих дней Эрлосен, живущий в Зеелигкайте

Моя дорогая маленькая мамочка

Наконец-то я могу быть с тобой Тоска и одиночество

Излечиваются с помощью благословений.

Нико одним смелым движением предложил избавиться от четырнадцатилетнего чувства вины с помощью простой, проникновенной песни. Кейл окружил его звоном колоколов и похоронным звоном скрипки, просто чтобы сохранить Нико на ее месте. Умершую и похороненную мать провожали с Abschied (“Прощальной песней”), ее суровое церемониальное послание было передано строгой мелодией, поразительно близкой к хоральному стилю Курта Вайля. Действительно, во всем альбоме использованы зловещие символы немецкой романтической традиции — темные леса, замки, соколы, горькое вино, колыбели, могилы — и не только потому, что две песни написаны на немецкие тексты. Песни были сгруппированы в порядке родственных тональностей, песня за песней переходя к относительному минору, в манере классического композитора, пишущего песенный цикл. Затем Кейл использовал музыкальные обороты романтической лексики — призывы военных труб, барабанную дробь, звон колоколов, хоры, низкие басовые партии. Эти штрихи в основном перекликались с чертами Густава Малера, композитора рубежа веков, “заново открытого” в шестидесятые годы (Кейла, должно быть , раздражало грубое исполнение “классических шедевров” такими помпезными группами, как Emerson, Lake и Palmer). Неудивительно Журнал Rolling Stone назвал альбом “готическим’.

12 1969-1973

Прежде всего, улучшилась техника Нико, ее сочинение и пение . “Ее пение стало более уверенным, и я был удивлен , услышав, что ее песни стали более музыкально связными”, - признался музыкант. Кейл. “Мелодии стали более авантюрными и красиво сконструированными. Она гораздо больше внимания уделяла тонким, простым строчкам и коротким фразам. И она начала вносить изменения — даже в контрастные разделы.’ В “Janitor of Lunacy” была фальшивая средняя часть, где цепочка из голых квинт, подобно средневековой песне, имитировала движение к доминанту (“Терпи мою ревность *признай отчаянную потребность’). Но “Сокольничий” мог похвастаться полномасштабной сменой мажора (‘Отец и дитя* Ангелы ночи”). Ее одинокие дни за органом, проведенные в Позитано, не прошли даром.

Альбом был выпущен в начале 1971 года. Фотография из На обложке была изображена королева Нико на белом коне, которую вел мальчик (не Ари) — свидетельство того, как сильно Нико продвигал Гарреля. Наиболее обстоятельный обзор был опубликован в Америка катится камень:

Друзья мои, не сомневайтесь, эта пластинка мрачная-прегрустная. Преобладающее настроение на ней - готическое: оплывающие свечи разбрызгивают черный воск по холодным каменным полам, а из другой комнаты доносятся звуки фисгармонии Нико. У нее нет ритма, и вы не можете танцевать под нее.

Я действительно не знаю, кому порекомендовать эту пластинку, но интровертированным девочкам-подросткам, любительницам романов Г.Ф. Лавкрафта и поклонницам Нико (кем бы они ни были) она понравится, и, если вы ищете что-то необычное, вам тоже может понравиться.

Девочки-подростки-интроверты, возможно, не были бы так благодарны за рекомендацию. Рецензент New Musical Express написал , что “это одна из самых убогих записей, которые я когда-либо слышал’. Мелодия Создатель любезно назвал Нико “крутой загадкой”, но по-прежнему считал Desertshore - “средневековые развалины звукозаписи”. По крайней мере, на этот раз Нико не мог пожаловаться на лень звукозаписывающей компании. Ее третий сольный альбом регулярно продавался в Европе, но не так хорошо, как ее второй, несмотря на настоящую рекламную кампанию и связь с фильмом. Reprise отказалась от дальнейшего альбома. ” В 1971 году люди решили, что Нико пора регулярно работать, чтобы его знали”, - сообщал Rolling Stone. ‘Поток рекламы усиливается, и люди из отраслевых газет весь день входили и выходили [из ее лондонского отеля]”. Журнал посвятил целую страницу Нико и Кейлу,

вокруг фотографии Нико, поющей на сцене за своей фисгармонией, в красном мексиканском костюме, искусно расшитом кремовыми тонами, ее Испанские сапожки нажимают на педали ее фисгармонии. На стуле висела плетеная сумка через плечо, предшественница знаменитой глубокой черной сумки, которую она повсюду носила с собой, в которой ее наркотики исчезали из поля зрения полицейских, как будто их “проглотили”.- провалился в большую черную дыру’.

В содержательном интервью Rolling Stone Роберт Гринфилд смешал рассказ о лондонском концерте с описаниями ее кочевого существования:

Нико входит в дверь. Люди, которые хотят с ней поговорить , подходят к ней. Они окружают ее. Она остается стоять неподвижно, в полной безопасности, окруженная разговаривающими людьми, но совершенно одна. Она выходит на сцену первой, перед большой и шумной толпой , собравшейся посмотреть на Pink Floyd, которая последует за ней. “Я не знаю , в каком вы настроении”, - обращается Нико к публике своим невоспроизводимым голосом. - Я полагаю, у вас очень

миролюбивое настроение. Она начинает с “Уборщика безумия’.

Сочетание ее голоса, слогов, растягиваемых до безумия и опускаемых, и гулкое повторение гармонии замедляют движение толпы в зале. Сцена становится полностью черной, за исключением мягких фиолетовых и зеленых пятен высоко над ее головой. Световое шоу сменяется одной картинкой, зернистой и сияющей. Люди замолкают. Большой зал превращается в средневековый собор…

Еще один гостиничный номер. Ее голос, как и голос певицы, доносится с той стороны смерти. “Если бы у меня сейчас была группа поддержки, - говорит она, - я бы спела старые песни, такие как “All Завтрашние вечеринки” и “Я буду твоим зеркалом”, я не думаю, что Я бы снялась в “Роковой женщине”. У меня не очень развито чувство юмора. Тогда все было в порядке. Это была роль, которую я играла. У меня были светлые волосы, и я… - Она отворачивается и смотрит на стену. - Все изменилось. Теперь я не знаю, в какой части.

играет”.

Она сказала человеку из Rolling Stone, что завтра будет в Риме . Она заявила, что у нее там есть фургон, на котором она вернется в свой “гостиничный номер’ в Париже. Однако она думала об Ибице, поскольку это было самое теплое место, которое она могла себе представить в разгар сезона. Европейская зима. На Ибице она могла бы расслабиться в одиночестве и подумать о том, что

—

именно так она и поступала. С 1966 года она два года красиво плыла по течению; затем она стала художницей и больше крутила педали, чем плыла по течению.; теперь она чувствовала, что погружается в темноту. Калифорния, конечно , не была у нее на уме.

12 1969-1973

ЕСТЬ ДВА взгляда на семидесятые годы — вялые, статичные “Семидесятые”, - настаивала рок-пресса. Во-первых, это история о Фестиваль “Празднование жизни” в Луизиане в 1971 году: он открылся, когда Йоги Бхарджан поднялся на сцену и попросил минутой молчания. “Да пошел ты, давай танцевать буги-вуги!” - последовал ответ. Это семидесятые годы глэм -рока, фанка, глиттера и диско. Филипп Гаррель, напротив, убежден: “Это был печальный период, когда после [революции] 1968 года мы очень быстро вернулись к работе и старались не обращать внимания на тупиковую ситуацию и не получать по рукам и ногам’. Здесь стояла Нико, хотя она хотела завернуть свой героин. Она стояла бок о бок со всем призрачным и болезненным, начиная с Темных “Обратная сторона Луны” для мятежного хэви-метала, хотя она не замечала ничего, кроме самой себя.

Однажды она задумалась, какое десятилетие ей подходит больше всего: “Я бы сказала , что время для этого еще не пришло. Я бунтую против настоящего, каким бы оно ни было, потому что не вижу никаких изменений, кроме усиления оппозиции . Я была бы коммунисткой, если бы оно было более анархичным. В противном случае, я воспринимаю все как абсурд, поэтому могу смеяться и плакать. Я жил в непрерывности, от рождения и взросления до смерти , в цепи, которая не может закончиться. Я вижу это десятилетие не так, как то десятилетие. Одни и те же вещи происходят в разных обличьях. Я богема, но когда-то вы называли меня хиппи или панком. Я остаюсь богемой , как бы вы меня ни называли. Так что, возможно, я застрял в пятидесятых. Но я никогда не хотел вырасти из своего мира детства, когда все кажется наиболее ясным и утопичным. Это понятно, потому что ты находишься в центре и видишь все вокруг. Когда становишься старше, то теряешь зрение… Я отчасти утратила свою детскость, когда люди вокруг меня начали умирать. Четверо из моей семьи умерли в течение года’

Первой была ее мать. Второй - Джими Хендрикс (“вдыхание рвотных масс из-за отравления барбитуратами”). Третья - Эди Седжвик, пострадавшая от передозировки героина (‘она была моим предупреждением’). Четвертым был Джим Моррисон, который недавно эмигрировал в Париж, чтобы вести тихую жизнь

поэта и незаметно смешаться с другими эстетами-наркоманами. Нико не знал, что теперь они живут в одном городе (и , возможно, у одних и тех же торговцев героином). 3 июля 1971 года Нико шел по авеню Оперы, когда мимо него медленно проехал черный автомобиль. Она

увидел на заднем сиденье Джима Моррисона, бородатого и обрюзгшего. Я подал сигнал , но он меня не заметил. Он смотрел прямо перед собой, встречая смерть лицом к лицу. Это была годовщина смерти Брайана Джонса. Мне суждено умереть в это же время [она действительно умерла в июле]. Я знала, что это был Джим. Говорили, что он умер той ночью в ванной от героина. Но я знала, что его дух вошел в меня, и это было невыносимым бременем. Это не означало ничего , кроме боли. В моей голове роились мысли, мужские и женские. И тогда, можно сказать, героин стал моим любовником.' Они обменялись кровью ровно четыре года назад (Нико утверждал, что это было с точностью до дня, хотя даты не совпадают). Нико верила, что именно поэтому она почувствовала его дух. Она не смогла прийти ни на похороны, ни на его могилу на кладбище Пер-Лашез. 'Это было неподходящее место. Его прах следовало развеять в пустыне или заварить в мескале". Теперь Нико вовсю разыгрывала из себя таинственную диву. Она становилась все более непредсказуемой — опаздывала на встречи не на час, а на целый день - и была невероятно категоричной, указывая людям, что и как нужно делать. Предполагалось, что "эстетическая" жизнь вскружила ей голову. Однако есть и другая точка зрения, которую выдвигают ее друзья: Нико наверняка перенесла нервный срыв или шизофрению после смерти матери. Было бы понятно, если бы она предположила присутствие "духа Моррисона" в таком состоянии. Героин, на который она все больше полагалась, смягчил бы симптомы или усилил их; дезориентация стала теперь частью ее повседневной жизни. Она нашла врача, который прописал ей валиум. Кроме того, она курила марихуану, " чтобы вдохновиться". В течение следующих месяцев, пока Гаррель редактировала "La Для финальной выставки "Cicatrice intérieure" Нико расхаживала по Парижу, изображая знаменитость, притворную затворницу, и ей сходило с рук практически любое поведение, за исключением того, что она разбивала бокалы о женские лица. Особенно ей нравилось красть деньги из пальто и сумок людей. Когда в 1972 году впервые был показан фильм "Шрамы внутри", "подпольная" слава, которую она приобрела благодаря этому фильму, сделала ее неприкасаемой. Это давало

ей уважение, которого она добивалась, но в то же время иногда оставляло ее в одиночестве. Ей нужно было написать новые песни, но вместо того, чтобы сидеть за органом и работать, она находила повод *прогуляться по улицам Парижа , что я так люблю делать, в поисках вдохновения от случайных событий. Я предпочитала ночь. День полон беспокойных забот" . Время от времени она вспоминала о сыне и отправлялась в тихий пригород, к дому Полидит Субье. 'Однажды она зашла к нам, потому что сказала, что ей нечего будет делать несколько дней", - вспоминает мадам Субриер. 'Но Ари был в отпуске с Анн-Мари Кваз и ее детьми в Марокко. Нико провел неделю в нашем

дом. Это было так странно, потому что она пришла и ни разу не спросила меня: "Где мой сын?" Она ничего о нем не спрашивала. В конце недели это стало невозможно, потому что она относилась ко мне как к своей горничной. Она пригласила друзей присоединиться к ней в моем доме, и мне пришлось готовить для них и организовывать прием гостей. Через три дня мой муж ушел из дома, потому что не мог вынести ее поведения, настолько возмутительно она себя вела. Однажды за ужином у нее был друг, француз, но я помню, что они говорили по-английски, и мужчина сказал Нико: "Возможно, ты сможешь помочь Пауле, ей и так уже пришлось все делать самой". На что Нико ответила: "О нет, она к этому привыкла". Я была в ярости".

Однажды ночью в квартире подруги Нико поймали на краже денег из кошелька. Она тут же вернула деньги в кошелек, притворившись, что это была просто шутка. 'У меня совсем не было денег. Поэтому я начал воровать. Я начал обкрадывать людей. Это было очень неловко. И суммы денег, которые я обкрадывал, были такими, какие я бы заработал в любом случае, если бы добился успеха [в своей карьере]. Деньги были проблемой, но еще большей проблемой были деньги на героин. В 1972 году она утверждала, что покупала по грамму героина для себя и Гаррела дважды в неделю. Это не было требованием

зависимой женщины, которая потребляла больше грамма героина в день. Но она была опасно близка к зависимости, хотя у нее был слишком маленький и слишком нерегулярный доход, чтобы поддерживать эту привычку. (Уорхол предупреждал ее в 1967 году: “О, я думаю, если ты богата, ты действительно можешь пойти на это и быть по-настоящему счастливой”. >) Сейчас она была небогата и совсем не счастлива.

Она оправдывала свои воровские выходки тем, что раздавала тысячи и тысячи франков своим друзьям, когда зарабатывала деньги, работая моделью. Теперь она собирала их обратно. “Я рассматриваю это как банк. Вы кладете деньги в банк, и банк зарабатывает на ваших деньгах. В какой-то момент вы можете пойти в банк и забрать свои собственные деньги обратно. Это все, что я делал. Что в этом плохого?” Подруга увидела, как она положила в карман чаевые, оставленные официанту в ресторане. Официант тоже увидел ее и сделал замечание. ‘Я положила туда чаевые, - солгала она, - но теперь забрала их обратно, потому что ты был груб со мной”. - Она нашла экономное применение своей накидке. Однажды она зашла в модный бутик на рю дю Фор и купила там шикарный жакет под накидкой. К сожалению, через несколько дней она вернулась в магазин в их жакете. Эта оплошность сошла ей с рук обычным способом: “Вы что, не знаете, кто я? Неужели я похожа на человека, который может украсть у вас дешевую одежду? К сожалению, к настоящему времени она это сделала.

Нико

Не следует думать, как думала вся Америка, что Нико улетел в Париж, чтобы уйти на покой. “Меня очень расстроило, когда мне сказали, что Нико исчез из музыки в семидесятых”, - пожаловалась Тина Омон. Музыка была частью ее повседневной жизни, и она давала много концертов. Это просто показывает, насколько Америка оторвана от Европы. Проблема Нико всегда заключалась в том, что у нее не было менеджера. Некому было планировать ее музыкальную жизнь. Не было ни координации, ни

рекламы". Ближе всего к менеджеру Нико подошел Хассад Дебс, ливанец, который зарабатывал на жизнь промоутерством на рок-концертах и был партнером в парижских рок-клубах, таких как La Cigale. Он предложил ей, как другу, время от времени давать престижные концерты, прекрасно понимая, что она может делать это только раз или два в год. Он также познакомил ее с новым любовником, который должен был стать ее самым верным стражем - он до сих пор ухаживает за могилой — с тех пор, как она впервые увидела его в 1973 году.

Лутц Ульбрих - привлекательный, приветливый светловолосый гитарист, который всю свою жизнь прожил в Берлине и играет в уважаемой группе Ashra. "Я играл на гитаре в группе с двенадцати лет", - рассказал он. 'В начале семидесятых я играл в группе под названием Agitation Free, которая была немецкой авангардной группой, исполнявшей свободную 'андеграундную" музыку (Боже, сколько сейчас клише!), немного похожую на Pink Floyd. В 1972 году мы гастролировали по Ближнему Востоку и познакомились Хассад Дебс, который был в отпуске. Мы ему так понравились, что он пообещал организовать для нас экскурсию, когда вернется в Париж. В В 1973 году мы получили приглашение отыграть небольшое клубное турне по Франции. Оно прошло успешно, и он пригласил нас принять участие в специальном концерте в Opera Comique, действительно прекрасном старинном оперном театре в центре Парижа. Это был фестиваль разных групп, в том числе популярной в то время французской группы Crium Delerium. Нико был хедлайнером.

"У Хассада Дебса была вечеринка. Нико был там, совершенно притягательный и довольно устрашающий — самый известный человек в зале. Нас познакомили с ней, потому что мы разговаривали Немецкий, который был для нее там в некотором роде в новинку. Я сидел с ребятами, как вдруг она уставилась на меня, быстро подошла и сказала: "Пойдем со мной, выйдем на улицу и поговорим". Я подумал, почему я? Она была настоящей звездой, а я был, ну… гитаристом. Мы вышли на улицу, и она драматично произнесла: "Я чувствую себя роботом. В моей голове столько мыслей". Я была в полном восторге от этого. Как я должна была отреагировать? Мне было 22, а ей 34. Это , безусловно, было обольщением, но скорее намеком на обольщение. Мне дали

у меня сложилось впечатление, что она была озабочена, но не безразлична. Я вернулся с группой в Берлин. Некоторое время спустя Agitation Free пригласили выступить в Клермон-Ферране вместе с Нико и Кевином Койн. Я ждал в палатке гостеприимства, и одна из групп хиппи, которые в те дни всегда были в списке приглашенных, предложила мне чаю. Они не сказали мне, что в него добавлена кислота. Я совершенно обкурился от чашки чая. Перед концертом я отчаянно пытался сосредоточиться, чтобы хоть как-то сохранить связь с реальностью. Я играл на гитаре с закрытыми глазами . Когда я открыл их, рядом со мной сидела Нико, как будто она всегда была рядом. Мы флиртовали.

В то время она жила с Филиппом Гаррелем. Я считала его необыкновенным человеком. Он мог бы сколотить состояние, снимаясь на телевидении, но он был совершенно независимым и самобытным человеком, снимавшим любопытные фильмы для большого экрана. Они жили вместе в …Я могу описать это только как чердак. Он прогнил насквозь. Отопления не было , окна были разбиты - вид у них был ужасно жалкий. Она пригласила меня туда. Там было мрачно. Филипп лежал в постели, которая состояла из его пальто и одеяла. Пахло сгоревшей свечой и сигаретами с ментолом, которые он постоянно курил. Были признаки героина. Мне было очень неуютно , потому что я был вроде как гостем, флиртующим с его девушкой. Но у них с ним не было полноценного романа. Это был скорее роман любителей героина - они были влюблены друг в друга из-за наркотика. Я там не остался. Я вернулся в Берлин”.

Гаррель и Нико вместе сняли второй фильм. Он назывался “Атанор” (“Афанасий против мира сего: Атанор - плавильный котел алхимиков”). Этот фильм о двух женщинах (Нико и прекрасной актрисе по имени Муски), зеркале и средневековом окне, являющийся продолжением “Рубцовой истории” и центром трилогии Гарреля, является цветным, но немым и длится всего двадцать минут. ‘Это идеальный фильм, - заявил Нико, - хотя я обнажен и мое тело тогда не было безупречным. Этот фильм вам следует посмотреть в “Одеоне”, Лестер. Квадрат на очень большом экране. Что ж, это интереснее, чем реклама хот-догов”.

Ко времени премьеры “Atbanor” в Париже Нико отметила, что она снялась в двенадцати фильмах, выпустила три сингла и четыре альбома, “и мне нечего было показать, кроме своей славы”. Об этом часто говорили Нико сказал, что она была “известной, но не популярной’. И теперь, когда наступили “вялые, статичные семидесятые”, она нашла способ приспособить свой темп жизни к современности. Но героин затормозил ее развитие: она больше не была похожа на ребенка, она была инфантильна. ‘Меня пригласили

Гхи: Я был как маленький ребенок на их вечеринке. Я был как маленький ребенок , куда бы я ни пошел, меня везде баловали взрослые’ Маленький ребенок , потерявший мать.

13 1974-1981

О, самый спокойный сон! Если тебе так угодно, закройся Посреди этого твоего гимна мои внимательные глаза Или дождись “Аминь”, пока твой мак не рассыплет Вокруг моей постели свою убаюкивающую благотворительность. Тогда спаси меня, или прошедший день засияет ярче. На моей подушке, порождая множество бед., — Спаси меня от пытливой Совести, которая все еще властвует надо мной. Его сила - в темноте, он роет норы, как крот.; Ловко поверните ключ в замке ойлед, И запечатай безмолвный ларец моей души.

(ДЖОН КИТС, 1848)

сбежав из Германии, она приютила его в Париже. Он остался

в пустой квартире перед тем, как она отвезла его на каникулы в Позитано . Однажды в этом убежище для хиппи, когда пара туристов жарилась на пляже, он угнал их машину и помчался в Германию, где его арестовали за превышение скорости.

“Проблема с ним была в том, что он считал себя Божьим даром для женщин. Это было не так. Но он мне понравился, потому что взорвал магазин KaDeWe, где меня обнаружили. Вот почему он сбежал из Германии. Он подложил бомбу в отдел модной одежды. Хотела бы я посмотреть на это на следующее утро — все эти меховые шубы в клочьях. Должна сказать, мне больше нравилась Ульрика Майнхоф, которая не была такой высокомерной. Но, с другой стороны, Андреас был красивее.

Конечно, она не была знакома с Андреасом Баадером. Он взорвал универмаг в апреле 1968 года, когда Нико лежал в нью-йоркской ванне. Он взорвал его, между прочим, “в знак протеста против войны во Вьетнаме’. Баадер сбежал в Париж со своей девушкой Гудрун Энслин, но вместо того, чтобы ютиться в “эстетичной” лачуге, они остановились в чистой, меблированной, освещенной, отапливаемой квартире писателя Режи, в которой не было голубей Дебрэ. Они действительно ездили в Неаполь; возможно, они загорали в Позитано, пока Нико бродил по Лос—Анджелесу. Кроме того, эти разорванные шубы лежали в Кауфхофе, а не в Кадеве. Во Франкфурте, а не в Берлине. Андреас Баадер, возможно, и не был Божьим даром для женщин, но Нико никогда бы не узнал, была ли она Божьим даром для него.

“Если бы я не была Нико, я была бы террористкой”, - призналась она

Никто, конечно, НЕ ЗНАЛ АНДРЕАСА БААДЕРА. Когда террорист

Нико

Лондонский журналист (“Не обращайте внимания!” - пролепетал один из ее музыкантов из соседней комнаты). Она объявила, что подъем городских партизан был лучшим событием, произошедшим в Германии со времени смерти Гитлера. Жестокая диверсия взывала к ее чувству романтики - разгромленный магазин, обугленные шубы, босс страховой компании ,

размазывающий слезы по чеку, ее темноволосый и голубоглазый герой , мчащийся по автобану в братские объятия Нико, певицы Сопротивления. “Кауфхоф блиц” предшествовал еще многим взрывам и убийствам в Германии, главным образом американских военнослужащих (Нико было приятно об этом слышать). Этими действиями они намеревались потрясти “Малиновый рейх”, как они называли федеративную Германию, и развеять “миф о вездесущности системы и ее неуязвимости”. К началу 1974 года Баадер, Майнхоф, Энслин и их сообщник Распе содержались под стражей в тюрьме, ожидая , когда в здании суда состоится судебный процесс по их делу об убийстве. Нико поклялась, что его строили те же люди, что и Освенцим: “Я не настолько глупа, чтобы думать, что терроризм - это всего лишь зрелище, призванное раздражать богатых людей”, - продолжила она. ” Важно бороться с обманом общества. Это вопрос более глубокой обиды. Это показывает стране, что она не неуязвима для надлежащего правосудия.’

Поскольку она была Нико, богиней Луны и начинающей наркоманкой, она решила (по совету “карт и монет”), что внесет важный вклад в общее дело, но по-своему . Она будет писать песни для террористов. Они наверняка вдохновили бы Нико на бунт. Более того, у нее был прекрасный выход для них. В начале 1974 года Джон Кейл подписал новый контракт с британским лейблом Island, по условиям которого он дал Нико шанс записать еще один альбом. Это было подтверждено любопытной сделкой с предпринимателем Джо Люстиг (‘Он думает, что я должен ему денег. Но он должен мне денег и никогда не платил мне ни пенни. Я подписал контракт с Island, потому что был абсолютно разорен’). Она решила сделать альбом памятником своему брату по духу Джиму Моррисону. Это был ее первый шанс выразить ему свое уважение после его смерти вскоре после выхода ее последнего альбома. Она спела его любимую песню и назвала свой альбом ее именем, ‘Конец’ - очень террористическое название. “Нико, ты уверен , что не искушаешь судьбу?” - спросила она своего знакомого с острова. ‘О, нет. Я не испытываю судьбу. Судьба искушает меня”.

Она мечтала сделать что-то провокационное с помощью своей музыки и утверждала, что нашла решение во сне: Нико снова стал Кристой. Она стояла у железной дороги и пела национальный гимн, когда мимо проехал поезд, полный солдат, которые приказали ей замолчать

или они убьют ее специальным препаратом. Она побежала на кладбище и увидела имя своей матери на надгробной плите. На могиле был установлен флаг. Она спела национальный гимн, и флаг растаял. Солдаты гнались за ней, и когда они подбежали ближе , она проснулась. “Национальный гимн, который я пела, был тем, который я знала в детстве. Сейчас запрещено петь ее так, как это было тогда, но в той , которую поют сегодня, мелодия точно такая же. То же самое , только слова смягчены. Я понял, что должен спеть запрещенные слова, чтобы показать старые чувства, стоящие за новыми. Тогда Нико решила использовать мелодию гимна для всех своих песен на альбоме. Она усердно работала - по крайней мере, настолько усердно, насколько позволял героин, - чтобы написать три песни и переработать три старые песни в соответствии со своим новым планом. В конце концов, в пяти ее песнях были варианты мелодии Гайдна, каждая из которых начиналась с одних и тех же трех нот, а в шестой мелодия была смешана с мелодией “The End”. “Я не думаю, что кого-то это волнует “, - вздохнула она.

Нико написала песни для двух героев, Джима Моррисона и Андреаса Баадера. Обращаясь к Моррисону, своему брату по духу, она вспоминает тот момент , когда в последний раз видела его в черной машине, стоящим лицом к лицу со смертью. Она использует исключительно настоящее и будущее времена:

Когда я вспомню, что сказать…, Когда я вспомню, что сказать…, Ты снова узнаешь меня…,

А ты забываешь отвечать на все.

Ты, кажется, не слушаешь, Ты, кажется, не слушаешь…, Прилив все сметает с лица земли, И ты забываешь на все ответить.

Фраза “Ты, кажется, не очень-то понимаешь” не раз цитировалась как свидетельство неспособности Нико справляться с ударениями и акцентами английского языка. ‘Мне все равно”, - парировала она, и это именно то, что сказал Стравинский, когда его обвинили в том же нарушении. Нико не мешало бы запомнить последующее замечание Стравинского о том, что Гендель, композитор, которого англичане почитают превыше всех остальных , часто ошибался (“Ибо у нас рождается ребенок”); Гендель когда-то был таким же немцем, как и Нико. И если Джуди Коллинз могла сжать слово “апельсины” в два слога, то Нико растолстел до трех слов, таких как “кар-ри-эйдж” и “фло-в(у)-ерз’.

Что касается Баадера, то в его честь она написала песню “У нас есть золото” с повторяющейся заключительной строчкой:

Нико

Я очень горд и очень беден, Я жду у дверей твоей тюрьмы; Но это не имеет ни малейшего значения.

С помощью этих образов Нико уводила слушателей в свою дикую местность. В туманном центре возвышался ее волшебный дворец, населенный королями и воинами. Из них она извлекла самую безжалостную и жестокую картину , которую когда-либо создавала: “Чтобы мы могли любоваться обнаженным клинком, голодным зверем”, “Боевые браслеты не подходят моему любимому гладиатору”, “Я - жестокий насильник”, и, дополненные элегантной мелодией, песня самый диковинный из всех:

Без проводника, без помощи, Незамужние девственницы на земле,

Незамужние девственницы на земле,

Связанные на песке.

ОДНАЖДЫ ее спросили, почему она не использует образы современной жизни, как это делал Лу Рид: “Потому что у него это очень хорошо получается. Если бы я использовал слова , обозначающие модернистские образы, вы бы задались вопросом , все ли я правильно понял. Вы бы не задумывались о более глубокой реальности. Уильям Блейк писал о людях в Библии, и мы читаем его сегодня. Но мы не читаем газет, которые читал он. Они забыты. То, что тогда было новостью, теперь стало историей. Я хочу выйти за пределы истории. Мои песни наполнены видением. Они церемониальны. Это церемонии смерти? “В конце концов, все является церемонией смерти’. Это было одно из тех бойких замечаний, которые ей нравилось делать, потому что рок-журналисты часто с величайшим почтением записывали подобные вещи, и она могла поклясться, что они записывали это готическим шрифтом при свете одной из ее свечей. Когда они приступили к записи альбома в Лондоне, Кейл решил поработать с двумя старыми участниками Roxy Music, у которых были контракты с Island, Филом Манзанерой и Брайаном Ино (двое детей звукорежиссера тоже были приняты на работу). Но Нико решила, что Кейл ей больше не нравится: “Он такой женатый человек”. Она пыталась переманить Лу Рида в надежде, что он напишет новые песни, но *У Лу серьезные проблемы. Он хочет быть черным”. Она застряла с Кейлом - тоже хорошая работа, потому что ее альбомы без него никогда не были так хороши, как с ним. Кейл действовал по тому же расписанию, что и дважды до этого: сначала Нико, затем все остальные.

аранжировки, затем Нико вернулся для финального микширования. Он был удивлен уверенностью Нико в себе: “Она была там со свечами и наушниками, пела мелодию и играла на

органе. На треке не было ни указателей, ни флажков. Возможно, это продолжалось минут десять? песня достойная внимания, например, “The End”. Но, скажем, она немного фальшивила. Итак, мы вернулись к началу, которое было похоже на то, как будто стоишь у подножия горы, которую только что преодолел, только для того, чтобы пересечь ее снова, десятиминутное путешествие в неизвестность, и попробовали еще раз.

‘Это было жутко. Нико пела бы точно на том же месте, не имея никаких указаний. Замечательный. Запись была настолько точной, что я мог бы повторить ее голос дважды. Тон был выбран правильно, время выбрано верно. Я не знаю, откуда это взялось, но это было уникально. Это произошло после того, как я восемь лет пытался понять, как приспособиться к ней! Во время записи этого альбома я понял, что в ее голове происходит что-то еще, что мне еще предстоит объяснить. Но он использовал это в полной мере. Вступительная песня сопровождалась пульсирующими колокольчиками и величественным триплетным ритмом на синтезаторе Ино, созданным контрапунктом. Тот же трюк был испробован на “You Forget to Answer”, где блочные аккорды фортепиано Кейла и зажигательные барочные украшения гитары Манзанеры сумели подстроиться под ускользающий темп Нико за миллисекунды до его выхода. Другие особенности придали альбому утонченность: на первой стороне цветовая гамма сокращается песня за песней, пока не остаются только Нико и ее орган, а клавиши опускаются цепочкой терций - ми минор, до минор, ля минор - к завуалированному фа минору (тональность “Конца”), который управляет второй стороной. Нико также более тщательно подбирала слова в своем пении и использовала арабские украшения, которые она добавляла в строки с особой утонченностью. ‘Я действительно пытался использовать Marble Index и сделать что-то более коммерческое”, - сказал Джон Кейл. “Я хотел добавить немного перкуссии к ее голосу. Ударные установки явно не подходили для этого. Но экзотические перкуссии, такие как бубамс и кабаса, очень подходили к ее голосу “. О постановке в целом он с нежностью сказал: “Она просто сочится…”

Когда осенью 1974 года пластинка была выпущена, количество рецензий достигло апогея. Журнал Melody Maker опубликовал свою оценку с великолепным заголовком:

НИКО: ТАКОЙ ЖЕ НЕСЧАСТНЫЙ, КАК И ВСЕГДА

Странности ради странностей могут зайти слишком далеко, и хотя в “You Forgotten to Answer” есть определенная “готическая” красота, это больше похоже на достижение John Cale production , чем на победу Нико.

265

—

Это рекомендуется только тем, кто получает удовольствие от осознания того, что кто-то другой более непоследователен и испорчен, чем они сами.

Нико

Сценаристов особенно смутила драматическая версия “Конца”, написанная Нико, которую они расценили как мужскую территорию (“она, безусловно , готовит сучье варево”, - утверждал Кроудэдди). Можно было получить только один восторженный отзыв от Ричарда Кромелина из America’s Журнал “Крим”. Нико некоторое время хранила копию этого произведения в своей сумочке , поскольку сочла сравнение с голосом Моррисона удивительно “обоснованным” (если не сказать лестным).:

Ее “The End” - это саундтрек к фильму “Свободное падение на дно”. Это совершенно завораживающее выступление этой леди, скрытое в музыкальном тумане, но в то же время слишком ясное. Если Моррисон пел ее как ящерица, то Нико - незрячая птица, потерянная, но всегда спокойная, каким-то образом знающая правильное направление. Она - чистый, мертвый мрамор разрушенного Акрополя, осыпающаяся колонна на подземном

берегу реки Стикс в Моррисоне.

‘Это чушь, но это хорошая, романтическая чушь”, - заметила она. Однако никто не сказал доброго слова о “Das Lied Der Deutschen’ (‘Песне немецкого народа’). Это был самый провокационный поступок, который она когда-либо совершала, так что ей не следовало удивляться. Но ее раздражало, что Джими Хендрикс мог играть на Звездно-полосатый! и была провозглашена героем контркультуры, в то время как ее поносили как нацистку за то, что, по ее мнению, было тем же самым. За пределами Германии песня означала не что иное, как звук марширующих ног нацистов. Не помогало и то, что она представляла ее на концертах с дерзким предисловием: “Это немецкая песня, но , похоже, она нравится многим иностранцам”.:

Германия, Германия, все в порядке, все в порядке в мире.

Германия, Германия превыше всех остальных, Превыше всех остальных в мире.

Эти слова были запрещены с 1945 года. Однако они были введены не нацистами, а в славной либеральной Веймарской республике в 1922 году. Нико иронизировала над своим “иностранным” языком.

зрители. Она исполнила три полных куплета, из которых только третий, успокаивающий , сохранился как текст гимна (“Einigkeit und Recht und”). “Единство, справедливость и свобода для немецкого отечества”). Нико любил делать ударение на слове

“Отечество’. Ее вызывающе чистое исполнение запрещенного текста казалось совершенно сюрреалистичным из-за прямолинейных, но дурацких гармоний, которые она придумала. В течение семи лет, что она играла на органе, она придерживалась совета Орнетта Коулмана играть мелодию басом, а гармонии - высокими частотами. Однако здесь было нечто, что должно было иметь отдельную басовую партию. Так что она как бы сыграла мелодию и как бы сыграла басовую партию одновременно. Получилось, что это прозвучало одновременно и правильно, и неправильно. Она была ужасно горда собой.

Еще больше она гордилась тем, что альбом получился таким крутым. Остров записи подготовила рекламный лохотрон для запуска группы ЛПС на Кейл, Эно, Нико и Кевин Айерс, симпатичная интеллектуальной хиппи, который начался мягкая машина. 1 июня 1974 года компания провела концерт в большом зале Rainbow Hall недалеко от лондонского парка Финсбери. К сожалению, он был назван концертом ACNE по инициалам исполнителей и получил широкую огласку. Нико рекламировали как роковую женщину супергруппы the ultimate. ‘Это действительно были последние дни динозавров, только никто не мог предвидеть, что панк станет прыгай им на шею”, - сказал Rolling Stone много позже. Через три недели была сделана и выпущена концертная запись, которая в те дни считалась чудом техники и рекламировалась как таковая. На мероприятии, У Нико был один существенный трек на альбоме ACNE (который до сих пор продается на CD), ее версия “The End”, в сопровождении ACE of ACNE при поддержке Роберта Уайатта и Майка Олдфилда, чьи Tubular Bells только что стали золотыми. Она терпеть не могла все это.

Впоследствии она сказала: “Это были не четыре человека, работавшие вместе, это были четыре человека, которые боролись за то, чтобы быть в центре внимания. Я не знаю, кто был более высокомерным. На этот раз не я, честное слово. У меня сложилось впечатление , что никому не было до этого дела. Это было знамением времени. Своего рода желание умереть”. Брайан Ино согласился: “Я думаю, это было сделано для того, чтобы казаться более важным, чем было на самом деле. На самом деле больше ничего особенного не происходило, и, поскольку есть много людей, которые профессионально стремятся открывать что-то новое, за это ухватились и раздули до предела его реальное значение… 1 июня 1974 года пострадало из—за отсутствия пристального внимания, не говоря уже о связанных с этим личностных проблемах, о которых я не буду упоминать. В целом,

люди не были готовы сдавать свои позиции ради общего блага. Это был

печальный опыт”. Нико поссорился с менеджером Кевина Айерса из-за какой-то ерунды и набросился на него с ножом. Это был именно такой печальный опыт.

Если это и принесло какие-то результаты, то ACNE свела A и N вместе. ‘Я встречался с Кевином Айерсом раньше во Франции. Он тоже знал Ибицу. Он гастролировал по Франции с одной из своих групп — я думаю, он никогда не мог удержать людей вместе больше чем на несколько дней без проблем - и он хотел, чтобы я стал его матерью. Он сказал, что напишет для меня песню, а затем попросил меня спеть для его следующего альбома [Confessions of Dr. Dream]. Это была сложная песня для исполнения, и он решил, что мы должны исполнить ее лежа на полу. Я не мог понять, смеется он надо мной или нет. Думаю, я напился, потому что все это было слишком глупо. Это было неправильное представление. Это должно было быть просто, как если бы двое детей пели вместе. Песня называлась ‘Необратимый Повреждение нервной системы”; это было глупо и сложно только потому, что она должна была идти в такт. Звукорежиссер использовала предварительное эхо и свои отдельные дубли, чтобы скрыть неуверенность Нико. “Я решила в будущем не появляться на чужих альбомах”, - заключила Нико. В любом случае, ее никто не приглашал, по крайней мере, в течение многих лет. Однако она появилась на “импровизированном” концерте в Париже с мужчиной, который был слишком женат, и мужчиной, который хотел быть чернокожим. Нико, Рид и Кейл были сняты на пленку (не Гаррелем), и считается, что лента без всякой уважительной причины хранится в хранилище парижской синематеки. Кто-нибудь ее видел? “Я не могу вспомнить, делала я это или нет”, - сказала она одному из своих музыкантов. “Готова поспорить, Лу выглядит ужасно”. Помните, он тогда сильно красился и пытался походить на Дэвида Боуи? Он был больше

похож на бабушку Дэвида”.

Они отыграли еще один концерт ACNE в Германии, прежде чем Нико пришлось давать сольные концерты по всей Британии. Это была печальная ошибка. Она не смогла справиться с марафоном в одиночку, как и зрители. Она вспомнила те дни, когда работала в Dom, и пришла к замечательному решению. Она брала с собой экземпляр журнала La Cicatrice intérieure и целый час показывала его в середине. В театре Саллиса Бенни в Брайтоне звуковое оборудование было предоставлено the redoustable Бинки Бейкер, местная исполнительница и личность, которая до сих пор не может забыть это событие: “Она спела несколько песен под аккомпанемент своего хриплого органа, а затем внезапно ушла. Я включил звук, но она не сказала мне, во что играет. Затем в этом тихом зале погас свет. Внезапно сзади раздался зловещий звук: ка-чух-чух-чух-чух-чух-чух-чух. Все, что мы могли увидеть этих мерцание царапины на сцене. Ка-чух-ка-чух-ка - rrrip. После очень долгой

“

я

!

13 1974-1981

в момент тягостной тишины мы услышали низкий голос с заднего плана. “О боже. Фильм, кажется, понравился”. ‘

Тем не менее, 1974 год был насыщенным и плодотворным, поскольку Нико также снял фильм с Жаном Себергом. Режиссер Гаррель, “Высокие “Уединение” (“The Outer Reaches of Solitude”) - это исследование киноактрисы, “которая была очень красивой и умной, но прожила очень печальную жизнь”. Тина Омон тоже была там: ‘Джин Себерг продюсировала фильм. Я думаю , она

ничего не знала об этом мире нового кино. Я привык переходить от Феллини и так далее, но я не думаю, что это так просто. Раскрась свой фургон для Гаррела.' Режиссер сказал следующее: "У меня была идея снять черно-белый фильм, потому что я хотел отказаться от цветного. Я хотел снимать фильмы, которые были бы ближе к реальности, и я хотел, чтобы они пересекались с фрейдистским психоанализом. В те дни, когда я дистанцировался от Фрейда, я увлекся символизмом, и даже больше. Как сказал композитор Пьер Шеффер, после просмотра "Рубцовой истории", моя работа была иероглифической, как язык изображений. Я навел камеру на повседневную психологию. Я нарисовал портрет Джин Себерг с очень небольшими деньгами. Я сам финансировал это, занимая по 50 франков то тут, то там. Фильм немой.' Нико подумал, что все это немного глупо. У нее было мало времени на психиатров и психоанализ. 'Они слишком грубо обращаются с жизнями людей. Они все равно ничего не могут изменить . Я бы предпочла принимать наркотики. В конце концов, именно так Джин и поступила , не так ли?'

Когда премьера фильма состоялась в Париже в репертуарном кинотеатре, Нико пригласила Лутца Ульбриха посмотреть его вместе с ней и Гаррелем. "Мы вместе сходили в этот маленький кинотеатр. Все было очень серьезно, зрители вели себя проникновенно и все такое. Этот фильм с участием Джин Себерг и Нико начинается с того, что Джин Себерг спит в постели. Вам говорят, что это портрет Джин Себерг, и внезапно вы получаете именно это. В течение получаса Джин Себерг спит, прямо как в фильмах Уорхола. Зрители кивали и бормотали что-то уважительное. Ну, Нико сидела там, и я видел, что она старается не рассмеяться. Потом она не смогла сдержаться и захихикала. Стало неловко. Ей пришлось встать и выйти на улицу, так сильно она нервничала. В коридоре было слышно, как она смеется. И она действительно снималась в фильме"

В те дни у Нико было мало возможностей посмеяться. Ее жизнь была абсурдной, но не смешной. Она предполагала, что Ари переедет жить к ней и Филиппу, и ее раздражали подозрительные взгляды мамы Эдит и остальных. Нико представлялась им заботливой матерью, но все, что они видели, - это богемную наркоманку,

неуравновешенный и порочный. Она показала бы им свой дом в центре города, но все, что они увидели бы, - это убогую, пустую квартирку, которую занимали двое эстетствующих мужчин моложе Нико. Она могла бы показать им свои записи, фильмы, документы о доходах. Но они могли бы сказать: ”У вас нет подходящего менеджера, бухгалтера, банковского счета, сбережений, собственности, только немного наличных, которые вы, вероятно, украли, чтобы потратить на наркотики”. Что еще хуже, она не осмелилась сказать им, что у нее ее только что уволили из звукозаписывающей компании за расизм.

Нико уволили из Island, когда пресса обратила внимание на ее расистский комментарий: “Я сказала кое-что, что было неверно истолковано. Я сказал какому-то интервьюеру, что мне не нравятся негры. Вот и все. Они приняли это так близко к сердцу, хотя это совершенно другая раса. Я имею в виду, что Боб Марли не похож на негра, не так ли? Он - образец ямайца, но с чертами лица, как у белых людей. Мне не нравятся эти черты. Они так похожи на животных… это каннибалы, не так ли? Island Records заработали свои деньги на ‘cannibals’. Боб Марли был островным артистом, а регги был основным направлением компании. Если не считать Tamla Motown, Нико не могла бы найти фирму, менее терпимую к белому расизму. Позже она сказала: ‘Я не расистка. Мое мнение было высказано как факт, а не как провокация. Я ни на кого не нападал. Пресса не объяснила обстоятельств, при которых я это сказал.“Она тоже. Два источника ее фанатизма были очевидны, но недостоверны: изнасилование в детстве и Черная пантера заключила контракт на свою жизнь. Более правдоподобной причиной был героин. Лутц Ульбрих признался: “Нико посоветовал мне никогда не покупать у чернокожих”. Ее несколько раз обкрадывали, и это сделало ее враждебной. В любом случае, люди говорят всякие странные вещи, когда они накачаны наркотиками. “Это был самый тяжелый момент для Нико в глазах взыскательной публики. Она не собиралась заключать контракт со звукозаписывающей компанией еще десять лет.

В то время ее это почти не волновало. Нико все еще проводила свой медовый месяц с героином; ей было уютно и спокойно, пока

немного героина текло по ее венам или лежало в сумке. Но медовый месяц закончился, как путешествие в трясущейся машине, когда у нее заканчивались деньги, или приходилось слишком долго ждать пополнения запаса, или ее заставляли покупать соль. Впервые в своей жизни она увидела преимущества концертной деятельности. Она путешествовала и знакомилась с новыми людьми, которые баловали ее, а они платили ей и находили надежного дилера в городе. “Не нужно ждать мужчину для Нико”, - подумала она. Мужчина будет стоять за кулисами, ожидая ее. Отныне ее муж был героином, а Ари не был его ребенком. Ари сделала

вот уже четыре года, как он ничего не слышал о своей матери - ни слова, ни признака жизни.

Ее карьера любительницы концертов началась самым грандиозным образом в Реймсе Кафедральный собор 13 декабря 1974 года. Она была зажата между двумя выступлениями немецкой группы Tangerine Dream, которую она смутно знала, потому что работала в их студии с Лутцем Ульбрихом. Восемь тысяч фанатов наблюдали, как Нико, окруженная свечами, в готическом полумраке целую вечность смотрела в пол вокруг своего органа, пытаясь найти что-то важное, а затем постучала кулаком. “Кто-то забыл угостить меня выпивкой”, - пробормотала она в микрофон. Под заголовком ‘Верховная жрица сверхъестественного”, - критик Melody Maker отметил только то, как “этот леденяще-дикий голос произносит эти безумные слова”. Нико назвал эту фразу “безответственной”. Я произношу слова очень четко, и они звучат обдуманно, а не безумно. Вы когда-нибудь видели этих журналистов? Обычно они пьяны и всегда безобразны’. Критик потратил больше времени на рецензирование Нико за кулисами:

Нико там, в окружении поклонников мужского пола и бочонков с

изысканным французским алкоголем. Не похоже, что ей по-прежнему весело.

Ульбрих, чей безоблачный роман с Нико расцвел так же , как и со многими другими, запомнил этот концерт, потому что именно там, в Реймсском соборе, Нико познакомил его с героином: ‘Она говорила мне: “Давай, прими это, это так приятно, это вкусно, правда, попробуй, в этом нет никакой опасности, все в порядке…” Я не хотел принимать тяжелые наркотики, но когда ты влюблен в девушку, тебе хочется быть под кайфом. на том же уровне. По социальным причинам ты становишься обязанным. Впоследствии я тоже стал зависимым. И с тех пор был период, когда мы играли вместе, и мои воспоминания - это только рассказы о наркотиках! Слишком легко опорочить евангельскую страсть наркоманов. Они просто влюблены и хотят, чтобы весь мир присоединился к ним, как возрожденные фанатики. Экономические интересы стоят на первом месте в их списке, хотя со временем они достигают их. Самые миссионерски настроенные иждивенцы становятся дилерами, чтобы сохранить свою привычку, и проблема Нико заключалась в том, что она не желала осознавать последствия своей зависимости. Она была слишком ленива. С этого момента в ее окружение входили те, кто настраивал орган, те, кто регулировал звук, и те, кто стоял на холоде на углу улицы, ожидая человека, который еще не позвонил за кулисы.

*

Нико

НИКО НРАВИЛОСЬ ВЫСТУПАТЬ в Амстердаме. В этом либеральном городе у нее было много поклонников, и промоутеры знали, как о ней позаботиться. Прежде всего, это было отличное место для покупки героина. ‘Мы постоянно ездили в Амстердам , даже когда у нее не было концертов”, - признался Ульбрих. “Останавливались ли мы в Париже или Берлине, нам приходилось пересекать границу, и мы, конечно же, занимались контрабандой. Наш дилер жил в плавучем доме. Он был кокаиновым наркоманом. Однажды мы зашли к нему, и он дал нам героин в порошке, а это была крупная партия, унция или больше. Но он решил, что хочет познакомить свою девушку с

инъекцией кокаина. Он был так взволнован этой перспективой, что был полностью поглощен своими мыслями. Мы хотели уйти, но задержались из вежливости (такие вещи никогда не бывают простыми деловыми сделками). Нико сказал ему: “Вот наши деньги, нам пора уходить”. Он рассеянно посмотрел на них и ответил: “О, это немецкие деньги. Пойди поменяй их где-нибудь. Это 1500 марок за унцию, разбирайся сам”. Он просто умирал от желания вколоть иглу своей девушке. У нас уже была наркота! И у нас были деньги! Нам помахали на улице с деньгами и наркотой в руках. И что же делать в такой ситуации? Мы отправляемся в путь!”

Эпилог этой истории глубоко нравственный, он показывает , что существует такая вещь, как мгновенная карма, даже в лунной жизни Богиня. Они отправились в путь и проявили величайшую осторожность, чтобы пересечь Германия, самая тихая граница в самое тихое время, героин, спрятанный на дне футляра от гитары. Было 5 часов утра, когда они проехали маленький контрольно-пропускной пункт, на котором никогда не дежурили так рано. Бах! Пятеро охранников выскочили на дорогу впереди и остановили машину. Они все обыскали. Нико сидела там, спокойная, отстраненная, как будто она была выше всех этих неудобств. Они увидели, что У Нико в руках была черная сумка. Когда они обыскали ее, им показалось, что сумка вмещает в себя весь мир и кажется такой же глубокой. Оттуда извлекли валиум и еще какие-то таблетки (“от морской болезни”), и они поняли , что найдут что-нибудь получше, если обыщут ее. Они попросили ее отойти на дорогу. Но Нико невинным голосом сказал: “Извините , что спрашиваю, но если вы хотите меня обыскать, разве здесь не должна присутствовать женщина -полицейский?” Она была права. Они не взяли с собой ни одного. Им помешали их собственные действия. Затем они нашли футляр от гитары в багажнике. На улице было еще темно, и один из полицейских посветил фонариком на футляр. Лутц вспотел, а в 5 утра Нико внезапно закашлялась и попросила конфетку из своей сумки. Отвлекающий маневр сработал , и полицейский не заметил пакетик с героином. В конце концов пятеро мужчин набросились на Нико и попытались запугать ее: “Ты уверена

нет ничего, о чем нам следовало бы знать?" Нико уставился на них в ответ. "Неужели я похож на такого человека? Ты же видишь, я слишком мудр для таких выходок." Нико и Лутц поехали дальше, несколько удивленные тем, что им все сошло с рук.

Лутц Ульбрих стал ее любовником и другом. Для Нико это были совершенно особенные слова. Для нее они значили: дворецкий, официант, актуарий, уборщица, инженер, менеджер, ремонтник, грузчик, брат. Ульбриху было поручено все это, чтобы поддержать ее привычку. Они оказались в цепочке обязанностей. Ей нужно было работать, чтобы купить героин, ей нужен был героин, чтобы работать, ей нужны были деньги, чтобы выступить на концерте, но ей нужны были деньги, чтобы купить героин , который помог бы ей пройти через концерт, чтобы получить деньги. Ульбрих день за днем следовал за Нико по этому лабиринту: "Однажды в Берлине у нас не хватило денег. Нам нужно было спланировать концерт, чтобы заработать немного денег, которые, в свою очередь, позволили бы нам съездить в Амстердам и купить героин, необходимый для того, чтобы быть в форме, чтобы слетать в Мадрид и выступить на фестивале в соседнем Леоне. Итак, я организовал концерт в "Кампкино" - мы показали один из фильмов Филиппа, который присоединился к нам. Мы получили деньги за концерт, и я как можно быстрее отвез их из Берлина в Амстердам, потому что нам нужно было вылететь оттуда последним рейсом в 7 часов вечера.

- День был очень жаркий, и до аэропорта оставалось всего двадцать километров. Амстердамский Нико был на грани срыва [ломка из-за нехватки героина]. Я мчался вперед, не обращая внимания на ограничения скорости, как вдруг - бац! - мы заскользили по дороге, совершенно потеряв управление. Лопнуло колесо. Было 5.30 вечера, а мы еще не были у торговца героином. Я починил колесо, помчался к дилеру, швырнул ему деньги и прихватил весь героин, который у него был, помчался как угорелый в аэропорт, и нам разрешили сесть в самолет, когда он уже отъезжал. Ну, героин был хорош, но нам его не хватило надолго. Нико хотел уехать из Леона на Ибицу отдохнуть

несколько дней. К тому времени, как мы добрались туда, у нас не осталось героина, а Ибица была неподходящим местом для героина — пожалуй, это был единственный наркотик, от которого здесь не было пользы! Я сказал: “Нет проблем, я полечу обратно в Амстердам, теперь, когда Я знаю ваших дилеров и вернусь в течение 48 часов”. - Лутц Ульбрих поднялся на борт самолета со списком из трех адресов. В Амстердаме у него было три часа, чтобы вернуться в аэропорт. По первому адресу никого дома не было; по второму адресу никого не было; по третьему - никого. Ему нужно было что—то делать - Нико и Филипп собирались отправиться на Ибицу.

Ульбрих отправился на железнодорожный вокзал Амстердама, чтобы осмотреть место происшествия — там всегда есть дилеры. К нему подошел чернокожий парень. Нико был

предупредила своего любовника, официанта, дворецкого: “Никогда не покупай у чернокожих”. У Ульбриха не было другого выбора. Мужчина повел Ульбриха в кафе, где он был единственным белым. Затем четверо мужчин отвели его наверх, где сделка могла быть заключена наедине. Они угостили его небольшой порцией спиртного. Это было потрясающе и, безусловно, стоило своих денег; он весь день был под кайфом от пробы. Затем они показали ему всю коллекцию китайских камней - sublime. - У тебя есть деньги? - спросили они. - Покажи нам их? Сердце Ульбриха бешено колотилось: “Я думал, что это конец - они украдут деньги и, возможно, прикончат меня. Но нет, они забрали деньги и отдали мне упаковку, и все закончилось так быстро. Я выскочил из кафе за считанные секунды. На следующий день я вернулся на Ибицу. Нико и Филипп были удивлены, а я был очень горд. Нико взяла обертку: “Но она такая тяжелая?” Я сказал ей: “Это лучшее, что мы когда-либо пробовали. Я попробовал немного”. Филипп принял немного: “Да! Это вкусно! Героин в норме”. Это было большое облегчение. На следующий день у Филиппа вылезли глаза. Ему было так плохо. Я чувствовал

себя глупым мальчишкой. Они поменялись обертываниями. Я спустился в Город Ибица — все говорят, что на Ибице нельзя достать героин, - и я везде пытался это доказать. Три дня спустя Нико сама прилетела в Амстердам, чтобы купить то, что нам было нужно. Вы видите, как это бывает? Деньги (только подумайте обо всех этих деньгах - наркотиках, перелетах), время, безумные поступки, которые вы совершаете ради этого".

Нико курсировал между домом Лутца в Берлине и Парижем, Ульбрихом и Гаррелем. У нее были концерты, которые она должна была сыграть с Хассадом Дебсом, еще четыре фильма, которые должен был снять Гаррель, и непреодолимое желание, чтобы ее воспринимали всерьез. Однако Нико была в отчаянии от того, что она больше не управляет своей жизнью. Она была зависима от алкоголя, наркотиков, обмана и, что хуже всего, от денег. Она снова изменила свою внешность. Теперь, после смерти Моррисона, ее очень длинные волосы были не рыжими, а каштановыми. Нико была одета в черное ("в вечном трауре"), хотя и не снимала коричневых сапог ("Коричневые сверху и коричневые снизу, и коричневые посередине — хо-хо- хо'). Ее зависимость от публичных концертов привела к тому, что она стала делать свой грим более театральным. Она больше не была "уродливой", она стала "осенней'. Нико старалась придать своему лицу абсолютную бледность ("Это выглядело так, будто кто-то бросил ей в лицо пакет с мукой", - отметил журналист), и она часто носила солнцезащитные очки в помещении, чтобы скрыть свои покрасневшие от героина глаза. Один итальянский промоутер стоял в аэропорту, ожидая прибытия Нико на концерт. Он держал в руке фотографию Нико, чтобы узнать ее. Она подошла к нему. Он наблюдал за ней. Она сказала: "Чао, премьер-министр Нико". Он уставился на нее, потом на фотографию, снимок с обложки журнала "Челси" Девушка, блондинка десятилетней давности. Он великодушно вздохнул.

В Берлине, который стал популярным городом для посещения из-

за его мифической атмосферы декаданса и поразительно молодого населения, Нико был рад узнать, что Дэвид Боуи живет там с Игги Попом. По мнению Нико, это был странный союз, и она никогда до конца не понимала, почему Боуи стал покровительствовать ее бывшему возлюбленному только потому, что папа стал наркоманом: “Это было похоже на то, как если бы старый распутник взял с улицы сироту, чтобы воспитать его. Но поскольку у нее отчаянно не хватало денег, она сочла это хорошей новостью. Она попыталась выяснить, где они живут. Ульбрих отвез ее в полицейский участок, чтобы узнать адрес. Они не могли найти его, пока полиция не сообщила, что адрес указан под настоящей фамилией Игги Попа - Остерберг. Когда они пришли в квартиру, там никого не было, поэтому Нико оставил Боуи записку: ”Я хочу тебя видеть”. Он отправил ответную записку: “Я не хочу тебя видеть”.

Дни и ночи Нико в Берлине прошли в наркотическом угаре | и выпить. “Однажды она позвонила мне ни с того ни с сего, - вспоминала тетя Хельма. “Мне показалось, что это срочно: “Я должна увидеться с вами по такому-то адресу, но сейчас я занята встречами”. Ее тон был таким странным, что я все равно решила пойти. Это была квартира. Пахло сладко, очень сладко, и атмосфера показалась мне очень неприятной. Криста была не в лучшей форме для разговора. Она лежала на диване в маленькой комнате. Я позвал ее: “Криста, мы договорились о свидании. Чего ты хочешь?” Вошел мужчина и сказал по -английски: “Она спит, она устала”. Озадаченный, я вернулся домой. Позже я узнал, что это был опиумный притон. Затем я вспомнил другой случай, когда она ехала с друзьями в машине. Была ночь, или, скорее, раннее утро, и они разъезжали по округе в поисках спиртного. Криста вспомнила, что у моего сына, ее двоюродного брата Улли, дома есть винный погреб! Они бросились туда, и Криста начала барабанить в дверь: “Улли! Улли! Открой свой винный погреб! Я люблю выпить! Открывай!” Вы можете себе представить, какой шум стоял в этом спокойном пригороде, когда все спали. Улли постарался избавиться от них как можно спокойнее. | Ты, конечно, заплатил за то, чтобы стать частью семьи Кристы.’

В отличие от этого, дни и ночи Нико в Париже проходили в угаре наркотиков, выпивки и съемок. Вслед за “безмолвным портретом” Жана Себерга Гаррель написал “безмолвный портрет” своего отца, актера Морис, in Un Ange passe (“Наступила тишина’ - буквально ‘И Ангел проходит мимо’; 1975). - Я сделал это так, чтобы это стоило не слишком дорого. Я приготовила его очень быстро. В итоге получился фильм, который выглядел в точности

так, как того стоил, — в промышленном плане он был в самый раз. Но это было также полезно сделать, чтобы показать, что я люблю своего отца". Он снова обратился к песням Нико, и она

снялся в фильме вместе с красавицей Булле Ожье, которая впоследствии сделала карьеру в массовом кино. За этим последовал фильм "Хрустальная колыбель" ("The Crystal Cradle", 1976), в котором Гаррель заявил о своей личной независимости, пригласив Аниту Палленберг принять участие вместе с ним.

Нико. Жаль, что он не использовал также Зузу — мысль о трех партнерах Брайана Джонса в одном фильме интригует. Этот

на этот раз Гаррел использовал музыку группы Лутца Ashra. Он не казался

не обращать внимания на то, что у его напарника Нико был роман с кем-то

что-то еще, хотя Ульбриху было ужасно не по себе. Когда один писатель спросил Гаррель уклончиво ответил, почему из всех групп мира он выбрал Ashra: "Половина их песен была задумана для фильма. | Другая половина была из тех, в которые они уже играли в то время. Они | моего возраста. Между нами было своего рода (как бы это сказать?)… соучастие ". Эти фильмы, герметичные по стилю, редко где можно увидеть. | Гаррелу это даже нравится. Его самый популярный фильм о его : "жизнь с Нико" показывали в пригородном кинотеатре в 10.30 по воскресеньям утром. Ему это тоже нравится.

НИКО КОЧЕВНИК прилетела в Калифорнию. Ей до смерти надоела ее активная и эстетичная, но бесцельная жизнь. Она хотела заключить контракт со звукозаписывающей компанией. Это была ее первая поездка в Америку после пятилетнего

изгнания. Ходили разговоры о реформировании The Doors с Нико в качестве нового Джима | Моррисон ('у нас одинаковый голос"). Это были только разговоры и ничего больше. Она обратилась за советом к Полу Моррисси, который теперь писал сценарий в Голливуд. Она позвонила нескольким знакомым, но ничего полезного не произошло. Пьер Коттрелл, кинопродюсер и переводчик, нанес визит в Заведение Моррисси рядом с Кресент-Хайтс и бульваром Сансет: * Нико проводила весь день, около восьми часов, играя на своей портативной фисгармонии. По ночам она выходила за травкой. Она зависала в маленьком баре, полном гангстеров и проституток, недалеко от старого Аптека Трабба — та самая, где люди сидели и ждали , когда их обнаружат. Заведение называлось "У Буги"; в свое время оно было Тусовка Джеймса Дина, но теперь это было просто опасно. Много раз ее там обкрадывали. Ее чеки были украдены… Должно быть, ей понравилась обстановка, в которой она жила. Больше ей нечего было любить.

Разочарованная Нико вернулась в Париж и узнала, что она больше не является законной матерью Ари. В августе 1976 года, в возрасте четырнадцати лет, он достиг совершеннолетия. Нико оставил его без гражданства. Мама Эдит поняла, что самое простое решение - усыновить его, сделать из него ребенка. Булонь и гражданин Франции. Его бабушка стала ему матерью, а отец стал его новым сводным братом. "Мои бабушка и дедушка объяснили

мне сказали, что моя мать была наркоманкой, - утверждал Ари. - и они пытались настроить меня против нее, заставить возненавидеть мою мать. Конечно, я принял их предложение об удочерении, потому что был невинным мальчиком и на самом деле не понимал последствий. Так моя бабушка стала еще и моей матерью, а отец закрыл дверь перед моей настоящей матерью. Вот что произошло в обмен на то, что я стал законным ребенком. Я жил как обычный французский мальчик, который на мгновение

увидел альтернативную жизнь — вы можете себе представить, как я был разочарован этим". Позже он обвинил маму Эдит в том, что она "кормила его с ложечки", что она слишком сильно защищала его от правды. Она считала, что это было абсолютно точно, но у нее не было выбора, учитывая необычные обстоятельства, в которых оказались его мать, Нико, и его отец, Делон. Мадам Булонь не получила от Нико ни единого су за Ари, когда тот был богат, и сейчас Нико был не в состоянии изменить привычку всей своей жизни. 'Я продала свои драгоценности, - сказала мама Эдит, - мой бриллиант, другие вещи, все, что я могла продать, чтобы прокормить нас". Чуть позже, когда Ари исполнилось шестнадцать, она отправила его в военную академию. Она утверждала, что со своей короткой стрижкой он выглядел точь-в-точь как ее сын Ален, *когда тот вышел из тюрьмы".

Нико теперь ежедневно принимала героин и была полностью зависима от этого наркотика. Она подумывала о самоубийстве. Было бы легко и жестоко добавить "но она была слишком ленива". Ее удерживало убеждение, что ей придется умереть не просто так, и хотя она не видела смысла жить, она не могла найти причин и для смерти. Ее работа также помогала ей жить. Она сочинила еще больше музыки и была полна решимости оставить миру в наследство неловкие, проникновенные песни о сопротивлении. Ей нужен был только контракт со звукозаписывающей компанией, издательский контракт, настоящий менеджер, бухгалтер, адвокат, адрес, немного денег, о… и небольшой намек: "только на сегодня, ты же понимаешь".

Внезапно, на мгновение, что-то заставило ее улыбнуться. Панк. 'Это было похоже на смену атмосферы. Музыка была в стиле хэви -метал - это было то же самое, что мы слышали почти десять лет, но это было похоже на хэви-метал в исполнении The Velvet Underground, в некотором роде любительский. Что меня больше всего удивило, так это ситуационизм происходящего. Здесь было новое поколение, думающее так же, как я. Я была как гордая мать! Вот как панки использовали ее; романтики среди них плакали у нее на плече, в то время как бандиты бросали банки ей в лицо. Впервые она открыла для себя панк в Берлине. 16 мая 1977 года она присоединилась к 4000 других музыкантов на протестантском кладбище на похоронах террористки Ульрике Майнхоф ("Я думаю, вы имеете в виду освободительницу, не так ли?"), у которой был

покончила с собой в своей тюремной камере (*Да, это было самоубийство, но Андреас и другие позже были убиты”). Отныне, когда бы она ни пела “Das Lied der deutschen”, она посвящала ее памяти Ульрике Майнхоф. В знак уважения к ней она приобрела маленькие круглые очки, такие же, какие Майнхоф носила на суде. Нико надевала их в “frontiers”, так что она была больше похожа на библиотекаря, чем на наркоманку (Майнхоф вряд ли был бы тронут этот практичный жест памяти). После непростых похорон Нико отправилась на личные поминки в новый клуб “24-hour circuit of hedonism” в Берлине. Ей понравились полосатые джемперы из мохера с настоящими крысами на плече. Грим был экстремальным, как в немом кино, и это был новый андрогинный образ робота. Это был настоящий бунт. Я почувствовала, что возвращаюсь на землю.’

Однако, прежде чем она получила травму, ей нужно было закончить два фильма с Гаррелем. “Путешествие в сад смерти” (“Journey to the Garden of Death”), в котором Нико сыграла с двумя известными кинозвездами, Мария Шнайдер и Лоран Терзиефф в версии Гарреля по знаменитому рассказу Д’Аннунцио ‘Триумф смерти’. Затем состоялась заключительная часть трилогии о Нико “Голубое начало”. (‘Оригинальный синий’). Черно-белый и немой, Гаррель хотел создать название, похожее на фильм Джона Форда “Как зелена была моя долина”, монохромный фильм с цветным названием. Только Нико и Зузу появлялся на протяжении всего 50-минутного фильма. “Он снимал нас по отдельности”, - подчеркнул Зузу. “В любом случае, нам нечего было сказать друг другу. Он был нашей единственной связью, и к тому времени их отношения с ней закончились. Они наскучили друг другу.“Нико был снят на крыше Парижской оперы, сидящим на корточках у резных фигур муз, в полном одиночестве. ‘Я снимал фильм старомодной камерой с ручным управлением”, - вспоминал Гаррель. “Это был настоящий финал трилогии, потому что в фильме молодая девушка умирает’. Пьер Коттрелл считает, что в фильме было нечто более выразительное : “Он использовал старую камеру в манере фон Штернберга. Он был Стернбергом, а Нико - его Дитрихом’. Они устали друг от

друга и разошлись в разные стороны, и, согласно его фильму об их отношениях, ему нужно было избавиться от наркотической зависимости. Но когда Нико умер, Гаррел прилетел на похороны, один из немногих, кто побеспокоился об этом.

Нико снова стала международной иконой. Две новые вокалистки, лидировавшие в этой области, провозгласили ее образцом панка.: Сиукси Сиу из Siouxsie and the Banshees и американка Патти Кузнец. - Я познакомился с Патти в Нью-Йорке, когда она была молодой поэтессой

на сцене. Она была женщиной - Леонардом Коэном, когда перешла от писательства к пению, и мне она нравилась, потому что была стройной, но сильной. Джон Кейл продюсировал ее первый альбом, который был о героине [Лошади; 1975]. Затем я встретила ее в Париже и узнала поближе. Я почувствовала, что она могла бы быть сестрой, потому что, в любом случае, она была двойником Филиппа Гарреля, и мне нравилось быть с ней вместе. Но теперь она стала скучной и вышла замуж. Ей следовало выйти замуж за Джона Кейл и они могли бы жить в пряничном домике и готовить имбирь-хлебные дети. Патти была очень добра ко мне. В начале 1978 года у меня украли мою фисгармонию. У меня не было денег, а теперь Я даже не мог бы зарабатывать на жизнь игрой без своего органа. Один мой друг видел такой с зелеными мехами в малоизвестном магазине, единственном в Париже. Патти купила его для меня. Я была так счастлива и в то же время пристыжена. Я сказал: “Пожалуйста, я верну тебе деньги, когда получу их”, но она настояла на том, что орган - это подарок, и я должен забыть о деньгах. Я заплакал. Мне было стыдно, что она увидела меня без денег.’

Эдит Коттрелл, замужем за Пьером и является агентом киноактеров, знала и Нико, и Гарреля, поскольку Гаррель пользовалась услугами многих ее клиентов. Она наблюдала, как пагубная привычка пары привела их на грань краха, и содрогнулась от их вынужденной бедности: “] помню, как

однажды вечером Нико зашел к нам, выглядя как готический крестьянин в тяжелых, просторных одеждах, импозантный и совсем не такой, каким публика назвала бы “женственный”. Она застенчиво спросила, не могу ли я одолжить ей немного наличных (похоже, она думала, что у меня есть деньги, потому что у меня большая квартира!). Она достала свой паспорт и предложила его в обмен на деньги. Она попросила что-то около 600 франков. Конечно, это было для того, чтобы купить грамм героина. Я думаю, у меня было что-то около 300 франков, которые я мог бы ей одолжить, но она попыталась заставить меня забрать паспорт, как будто обмен делал ее менее привлекательной для заемщика. Но потом, немного погодя, она стала в моих глазах другой женщиной. У нее был небольшой концерт в клубе в Монпарнас - это заведение принадлежало Жану Букену, который обслуживал всех красивых людей в шестидесятые и семидесятые годы. Она была взволнована и попросила меня пойти с ней (может быть, она думала, что это компенсирует мои заслуги, хотя в этом не было необходимости). Я пошел и был очень удивлен, потому что она была великолепна. Я не думал, что у нее хватит на это сил. Ее поддержал Дидье Локвуд, молодой джазовый скрипач, который только начинал свою карьеру. Я думаю , все присутствующие были поражены, когда поняли, насколько хорошей исполнительницей она была на самом деле.’

Она также навестила Нико Папатакиса, с которым не виделась пятнадцать лет: “Она внезапно появилась в моей квартире и сказала: “Я собираюсь петь. Вы меня пригласили, но так и не увидели. Я договорилась с

концерт в клубе неподалеку, так что вам не придется далеко ходить”. Я боялся этой встречи. Я думал, что буду смущен. Но я был совершенно удивлен. Она не только пела, она сама сочиняла песни и аккомпанировала себе. Наконец-то, видите ли, она решилась”. Концерт придал ей уверенности, и она снова отправилась в путь. То Лондонское агентство Rough Trade agency нашло ей кавалеров в многообещающей панк-тусовке по всей Британии. Нико была воодушевлена такой перспективой. Здесь было новое поколение, дочери и сыновья взрослых людей ее

возраста, тех самых людей, которых она ненавидела за их мелочную конформность. Дети мстили. Они были новым поколением Ситуационисты, втыкающие английские булавки в носы королев. Она обеспечивала их моральными качествами, а они - мохером. Нико была их ощутимым связующим звеном с богемой, наследницей их наследства, выжившей, у которой в сумочке был ключ (“где-нибудь, подождите минутку”). Верховная жрица Сверхъестественного ожидала увидеть сияющих молодых нигилистов возраста Ари, благоговейно смотрящих в ее прищуренные глаза; она не ожидала массового избиения пьяной шпаны, орущей: “Отвали, старая пизда!’ Раз за разом она уходила со сцены, покрытая пивом и мокротой: “Они бы не поступили так с мужчиной.’

29 апреля 1978 года, в перерывах между “Кайфоломами” и рекламой, она подбежала к кулисам лондонского “Music Machine”, ближе к концу “The End”, уворачиваясь на ходу от летящих пивных банок. Ее роман с британскими панками завершился одной осенней ночью на сцене Top Rank в Кардиффе. Siouxsie и the Banshees были в эйфории от того, что Нико — богиня доисторических времен — открывала концерты в их первом большом британском туре. Но первое свидание прошло для Нико неудачно. Ее слова потонули в общем хоре “Отвали”. Теперь, в Кардиффе, недалеко от места рождения Джона Кейла, она была более уверена в том, что услышит сочувственный отклик. К сожалению, на третьей песне ее ударили банкой из-под пива по щеке , только на этот раз банка была полной. Окруженная банками и джобом, она встала и прокричала в микрофон: “Если бы у меня был автомат, я бы вас всех перестреляла”. Она была отстранена от тура по собственному желанию.

Вокалистка группы, Сиукси Сиу, была смущена и возмущена произошедшим. Она слушала записи Нико с тех пор, как ее коллега по группе Banshee Стивен Северин поставил ей пластинку The Концерт ACNE в 1974 году, на котором он присутствовал. ‘Я был поражен фотографиями на пластинках, тем, какой красивой она была. Это был первый раз я слышал такой глубокий голос, и это произвело на меня впечатление. У Нико был потусторонний характер, который усиливался благодаря

хоровое звучание органа, на котором она играла. Она была похожа на зрелого темного ангела. Сиу видел выступление Нико на концерте “Advertises” в “Music” Machine: “Это было так ужасно. Публика не дала ей ни единого шанса. В то время панк, как правило, менялся к худшему, как только о нем узнавали СМИ. Это подтолкнуло к появлению мафиозных элементов. Они были просто кучкой враждебно настроенных пьяниц. Было очень иронично, что эти люди, предположительно представляющие панк-сцену, были такими недалекими. Нико приняла на себя основную тяжесть их враждебности, потому что она не была похожа ни на кого из тех, с кем они сталкивались раньше.

Стивен Северин добавил: “Нико была как полубог для таких групп, как мы. Ее альбом The Marble Index стал откровением — он остается моим любимым, и именно звучание Velvet Underground мы пытались развить, особенно строгость музыки, которой всегда придерживались Нико и Джон Кейл. Они были нашими образцами, в отличие от Такие группы Западного побережья, как The Doors и the hippies. Таким образом, можно было бы подумать, что Нико играла для благодарной аудитории, но они просто не понимали, откуда она родом и чем занимается. Очевидно, что мы привлекли множество людей, которые никогда раньше не были на панк-концерте (национальный тур был первым после нашего хита “Hong Kong Garden”), и Нико был последним, кого они ожидали услышать. Я был расстроен реакцией, с которой ей пришлось столкнуться; зрители получили от нас хорошую взбучку, когда мы вышли на сцену. Но она пришла сюда слишком рано. Два года спустя такие группы, как Echo и The Bunnymen из Ливерпуля и Orange Juice из Глазго, заявили о своем долге перед The Velvet Underground и вернули Нико, Лу Рида и Джона Кейла в моду.’ Сьюзи Су даже не была уверена, понимала ли Нико, что она там делает : “Она казалась смущенной, сбитой с толку всем происходящим. Казалось, она не понимала, почему оказалась там с нами. В лучшем мире это был бы идеальный вариант - мы и Нико”.

О Нико говорили, что любой ее концерт отличал бы “новую волну” от панков. ‘Панки были милыми ребятами, игравшими в хамов, вперемешку с хамами, игравшими в настоящих хамов, в то время как “новая волна” была милыми ребятами, игравшими в мертвецов, - утверждал промоутер. “Нико всегда выглядела так,

словно она была мертвее остальных. Она была иконой для целого поколения зомби в плащах. Вы чувствовали, что должны были приглашать ее на кладбища, а не в клубы. Ее туры должны были спонсироваться Кооперативной похоронной службой. Я обычно просил промоутеров расклеить плакат на улице: “При покупке первых 100 билетов бритва бесплатно”. Она выглядела как та Мортиша из “Семейки Аддамс”, и - вы знаете, какой несчастной она была? - Я тебе скажу. Она была более

несчастнее, чем Joy Division, а их вокалист повесился — вот какой несчастной она была. На ее концертах у меня всегда стоял катафалк , просто на всякий случай. Хо-хо-хо, хо-хо, хо-хо.

Она написала письмо Ари, в котором написала, что, наконец, почувствовала, что должна покончить с собой (конечно, у нее так и не дошли до этого руки). Гаррел был прав, когда убил ее в ее последнем фильме, подумала она. Она была одинока, наркоманка, без перспектив, в отличной форме, и никто не хотел ее знать. К концу семидесятых она оказалась в подвешенном состоянии, точно так же, как в конце шестидесятых. Нико не видел пути вперед. Однако не в первый раз удача (“my fate”) быстро изменила ей. После концерта в Париже с The Rollmops в 1978 году она познакомилась с двумя братьями-корсиканцами, которые на самом деле не были братьями. Филипп Квиличини был регентом-главный белый басист gae. Его брат, Антуан Джакомони , был молодым, симпатичным и обаятельным фотографом-геем, который влюбился в Нико как в мою крестную, как в сказочного персонажа. Я был напуган ею и застенчив. Но она пошла на кухню и сказала: “Я приготовлю тебе суп”. Она не была похожа ни на кого, кого я когда-либо встречал раньше. Я поделился с ней своей идеей. Я хотел переделать фильм “Смерть в Венеции “, но перенести его в наши дни, не в цвете, а в черно-белом варианте, не идеально, а грубо, не в Венеции, а в Бангкоке, не с музыкой Малера, а с ее музыкой, не с мальчиком, а с девушкой, похожей на мальчика, и не с Дирком Богардом но с

Нико. Она согласилась. Но я пошел в Вместо этого я отправился на Ямайку с моим братом Филиппом.'

Вернувшись по делам в Париж, Джакомони спросил Нико , может ли он сфотографировать ее. Она сказала ему, что больше никогда в жизни не хотела бы видеть камеру. Ничего страшного, сказал он, тебе не придется этого видеть. Он воспользовался зеркалом. Она села перед зеркалом и стала изучать свое отражение. Он сфотографировал ее сзади, чтобы она увидела изображение именно таким, каким оно было бы для зрителя фотографии, а не наоборот, как это обычно бывает: "Тогда я не знал, что она пела песню Velvet Underground "Pll Be Your Mirror". Это сработало, и ей понравилась моя фотография, которую я сделал, а затем я сделал еще несколько снимков с другими рок-звездами в "зеркале". Так мы подружились, и она научила меня многим вещам, простым вещам. Она была поэтессой с ярко выраженной индивидуальностью. Мы везде ходили пешком — ни на метро, ни на такси - и мы могли любоваться витриной или какой-нибудь архитектурной деталью, скажем, минут десять. Я видел вещи, которые никогда бы в жизни не заметил без Нико.'

Филипп Квиличини переехал в Лондон со своей невестой Надетт? Дюге и Джакомони. Они сняли квартиру на углу Кембридж-стрит Сады и Лэдброук-Гроув, прямо над шумным Уэствеем, и

J

13 1974-1981

Нико переехала к ним, потому что они решили записать альбом для нее, с Надетом в качестве исполнительного продюсера, Квиличини в качестве продюсера, а вместо скретчей и джинглингов Джона Кейла - настоящую рок-группу. Нико опередил бы Патти Смит. Это был бы пятый сольный альбом Нико, и она решила назвать его "Драма изгнания", "потому что моя жизнь была драмой изгнания". я исчезала от самой себя. я стала совершенно чужой для самой себя". Джакомони признался, что " Выпустить этот альбом было непросто. Нико была в каком-то черном списке. У нее была плохая репутация. И тогда была развернута масштабная кампания против наркоманов. Нико был

не единственным, кто страдал от этого — возможно , вы помните, что Марианна Фейтфул, которая сидела на героине дольше, чем Нико, пыталась вернуться к ломаному английскому, и ей пришлось нелегко. Но как только мы пришли в студию и начали работать с Энди Кларком над альбомом Дэвида Боуи “Ashes to Ashes”, это было потрясающе”. Надетт Дюге отнес несколько черновых миксов на CBS Records; “Нико с рок-группой - отличная идея”, - ответили продюсеры. Они были готовы взять на себя промоушен и дистрибуцию, а также организовать турне группы, при условии, что Нико подпишет бумагу, в которой будет сказано, что она приведет себя в порядок и “поправит здоровье”.

Затем произошла катастрофа. По словам Джакомони, “этот парень пришел из небольшой компании под названием Aura Records. Он позвонил в студию и тоже заинтересовался проектом. У него было необычное имя Аарон Сиккс; он был сладкоречивым Нико и очень приятным человеком’. По словам корсиканца, однажды, когда запись была почти закончена, Sixx дал студийному инженеру 2000 фунтов стерлингов в обмен на кассеты. Позже он дал Нико еще 2000 фунтов стерлингов: ” В этих вещах она была как ребенок и взяла деньги, потому что, безусловно, могла найти им применение! Французская команда была в ярости и наняла музыкального юриста, чтобы остановить этого человека. Но Аарон Сикс, по-видимому, сказал им, что “записи на моей стороне, вам придется подписать со мной контракт”. Джакомони продолжил: “Мы утверждали, что британское законодательство работает не так . Поэтому он отвез кассеты в Амстердам и сделал то, что я предпочитаю называть “контрабандой”, с моими фотографиями на обложке. Поскольку пластинка была ввезена обратно в Британию, мы не смогли остановить его через суд , потому что пластинка больше не производилась в стране. Это был настоящий бандитский материал, и из-за этого релиз альбома был отложен на два года. Вы можете себе представить, как сильно это задело бедного Нико.

“Тем временем мы вложили деньги в альбом, и у нас не было другого выбора, кроме как перезаписать его. Филипп вернулся в студию и сделал все заново! Этот альбом был напечатан во Франции лейблом Invisible Records и распространен компанией Virgin. Это тот же проект, что и у голландцев.

альбом Drama of Exile, но с другой обложкой и перезаписанными песнями , которые остались прежними. Если этого недостаточно, есть еще кое-что. В тот самый месяц, когда альбом вышел во Франции, мой брат Филипп и Надетт" ехали в Париж из Лондона, когда разбились. Филипп был убит. Надетт впала в кому и умерла три года спустя. Нико уже лежал в больнице с какими-то проблемами с наркотиками [сепсис], и ему сообщили о случившемся там несчастье. Вы чувствовали, что Нико всегда был окружен трагедиями.'

'Нико был окружен ими, в этом и была трагедия", - возразил он Аарон Сикс. "Они пришли ко мне с несколькими демозаписями, которые они сделали с Нико (которые в конечном итоге были использованы для создания Висячих садов) и я вложили часть денег, чтобы они могли продолжить работу над альбомом в Студия "Крыжовник", Талс-Хилл. Надетт? сказала, что подпишет контракт, но задержалась (она была слишком занята перевозкой наркотиков между Парижем и Лондоном). На студии я узнал, что Надетт удаляла почти законченные записи, поэтому я сорвал ее план - закон был на моей стороне, о чем они вскоре узнали. Нико заключила сделку со мной за их спинами. Я сразу же дал ей тысячу долларов. Ей было наплевать на то, что случилось с пластинкой, она просто хотела денег на наркотики". В заключение Джакомони сказал: "За шесть лет я потерял троих из своей семьи, Последним был Нико. Они мертвы, они не могут защитить себя; пусть покоятся с миром.'

'Я УПРАВЛЯЛ КЛУБОМ под названием Rafter's в центре Манчестера", - начал Алан Уайз. Это импозантно крупный мужчина, умный и добродушный, который не увлекается наркотиками, а скорее любит поесть; он пародирует образ еврейского менеджера, которым он и является, переживающего годы борьбы с кредиторами и сомнительными сделками, чтобы помочь музыкантам выйти на сцену. 'Тогда у нас все получилось очень хорошо , потому что появилась новая сцена панка и "новой волны", и Манчестер был настоящим центром этого с Buzzcocks, Joy Division , The Fall и всем прочим. Мне позвонили из

лондонского агентства Rough Trade и сказали: “У меня есть отличный исполнитель для вашего клуба - Нико”. Я допустил классическую ошибку, спросив, кто это?” И вот однажды вечером появился Нико. Я никогда не видел, чтобы кто-то выглядел таким несчастным. Она являла собой печальное зрелище. За ней последовал довольно бестолковый парень, которого она подцепила, Роберт Кинг, вокалист шотландской панк-группы The Scars. Он был вдвое моложе ее и принадлежал к тому типу людей, которые увлеклись рок-н-ролльной жизнью Нико. Она называла его своим “художественным консультантом”. Она сказала мне, что ей срочно понадобились наркотики, чтобы выступать. Это был тот вид шантажа , к которому привыкли в рок-бизнесе. Каким-то образом мы вышли на одного иранца, который продал ей немного героина. Должно быть, она подумала, что

мы поступили очень умно, потому что на следующий день получили сообщение из клуба Эрика в Ливерпуле: “Не могли бы вы приехать и ”помочь ей”? Итак, мы отправились туда и снова “помогли ей”. Я помню, как наблюдал за выступлением в конце зала и почему-то смеялся, когда Нико внезапно перестал петь и крикнул: “Этот идиот в конце зала перестанет смеяться? Кто-нибудь его выгонит?!”’

Уайз вскоре понял, что ей негде остановиться — она ночевала на этажах у всех, кто соглашался ее принять. Французская банда действовала ей на нервы, говорила она любому, кто слушал, потому что они постоянно проверяли ее на наркотики (“Они все время смотрят мне в глаза “) и, по ее мнению, сами были наркоманами, жаждущими заполучить ее заначку . Четверо мужчин снимали квартиру дальше по Кембридж-Гарденс, и Нико, который познакомился с одним из них в пабе, часто заходил к ним и засыпал у них на кухне. Один из четверых, Барри Тайлер, вспоминал о ее визитах: “Она сидела на кухне, готовая трахаться, с растрепанными волосами и одутловатым лицом. Она выглядела как толстая, надутая старуха; если бы она снималась в кино, ее

сыграла бы Шелли Уинтерс. Только когда она заговорила, можно было сказать, что это великая Нико. Она жаловалась на французов, живущих дальше по улице, как будто мы их знали, хотя никогда с ними не встречались. “Нико сидел на кухне и ждал, когда появится другой сосед по квартире - тот , который был наркоманом. Они поднимались на дыбы, а затем заявляли Тайлер, “какое-то время она была яркой и жизнерадостной, ни с того ни с сего называя имена своих знаменитых друзей: “Дэвид - забавный мальчик. Он очень милый, но он чокнутый”, - после чего она засыпала.’

Алан Уайз был потрясен, узнав, что Нико, Богиня Луны , превратилась в 40-летнюю наркоманку без гроша за душой, спящую на обшарпанном полу у других людей. Он решил решать ее проблемы по очереди: “Я поселил ее за свой счет в польском отеле в Манчестере под названием “Полекс”, пять фунтов за ночь, ужасно грязном, полном старых столбов, но на шаг впереди грязных ковров. Нико я быстро обнаружил, что мой отец владеет сетью аптек по всему городу. Признаться в этом наркоману - все равно что сказать маленькой девочке, что твой отец Санта-Клаус! Внезапно я стал Доктором, который может сделать все, что угодно, мистером Фиксатым для Нико. Вскоре она переехала в его квартиру в шикарном пригороде Дидсбери, но ее фисгармония осталась в Лондоне, а ей нужно было встретиться с Надетт по работе, и она вернулась на юг. ‘Я подозревал, что у Нико и Надетт был роман, судя по тому, как она о ней говорила”, - подумал Уайз. “Нико безумно нравился некоторым женщинам (Нико легко отпугивал женщин, потому что они думали, что она их сожрет), а Надетт была очень привлекательной женщиной”.

наполовину вьетнамка. Но, чтобы снова заполучить их наркотики , Нико сказала им, что ее увезли на Север: “Они обманывают меня, лишают заработка в Манчестере”.

“] зашел к ней, чтобы договориться о нескольких концертах, которые я смог найти, и взял с собой Янки Билла, славного парня,

но “тяжеловеса”. Корсиканцы оскорбляли нас — типичные французы, подумал я, без чувства юмора и слепые собственники Нико. Я был их противником, потому что они были наркоманами , а я никогда в жизни не принимал наркотики; они думали , что нельзя доверять никому, кто не употребляет наркотики! Но Нико была очень впечатлена тем, что у меня появился сильный человек, поэтому она решила продолжить шоу вместе с нами: “О, Алан, пожалуйста, я останусь с тобой. Я не хочу возвращаться к ним, они тянут меня вниз”. По сути, она опустилась до их уровня; она была просто отчаянной наркоманкой. Итак, она вернулась в Манчестер, и я сказал ей, что мы сделаем три вещи: избавим ее от героина и переведем на метадон, чтобы она могла легально передвигаться между странами с разрешения врача; организуем ей регулярные поездки , чтобы расплатиться с долгами за наркотики и сохранить заработки; и, наконец , найдем для нее безопасное и достойно жить. Я был в нее влюблен, если сказать по правде, безответная любовь, как случается, — и я хотела смыть все дерьмо и мрази, которая подпортила ей жизнь и получить Богиня Луна снова сияет. Я и представить себе не мог, как чертовски трудно может быть отмыть наркомана, но у нас почти получилось, и по пути нас ждало множество безумных приключений”.

Нико, обрадованная обещаниями руководства, решила, что это шанс взять себя в руки. Сначала, по ее мнению, она должна снова повидаться со старыми друзьями, чтобы сориентироваться. Она начала с неизменно надежного человека Лутца Ульбриха в Берлине (деньги на билет она одолжила у будущих концертов). ‘Она никогда не объявляла о своем визите, она просто появилась”, - заметил Ульбрих. ‘В то время моя девушка жила со мной, и я работал допоздна. Я вошел в квартиру и обнаружил, что моя девушка лежит без чувств на диване. Я пошел в свою спальню, и она снова была там, крепко спала. Мне пришлось ущипнуть себя, прежде чем я понял, что это Нико, которая приехала в надежде, что мы приютим ее, как всегда. Это было В 1979 году я решил поехать и поработать гитаристом в Нью-Йорке. “Я тоже хочу поехать туда”, - настаивал Нико. “Я поеду с тобой”. Я поморщился , потому что это означало, что мне, как обычно, придется платить за ее билет. Она сказала: “Не волнуйся. Через две недели у меня будет концерт, и все будет хорошо”. Я ей не поверил, но, в любом случае… когда мы приехали в НьюЙорк, она позвонила Джейн Фридман, которая была менеджером Кейла, и позвонила в CBGB, хороший клуб для выступлений, и они заинтересовались. Он был забронирован на две недели, как раз

столько, чтобы успеть

анонс в Village Voice, в котором также говорилось, что Джон Кейл появится на сцене. Два шоу. Догадка Нико оправдалась”

Ульбриха очаровали отношения между Нико и Джоном Кейлом. Они провели две репетиции с Кейлом в отеле “Челси”, где они остановились, и Ульбрихт был поражен тем, как Кейл относился к Музыкальные недостатки Нико: “Она не умела читать ноты, она просто помнила, куда ложились ее руки на клавиатуре - вот почему она так много репетировала с одним и тем же материалом. Я помню, что она вдруг забыла, как располагать свои руки. Она запаниковала. Прошло пять лет с тех пор, как Кейл работал с Нико, но он просто подошел и сказал: “Я думаю, это выглядит так”, - и показал ей. В первый раз он сыграл правильно, потому что для него это было вопросом логики. Но потом, в конце вечера, они начали избивать друг друга из-за какого -то спора о героине. Вся эта сцена нервировала ее из-за этого громкого появления в Нью-Йорке, а также из-за Сида Вишеса , который покончил с собой прямо там за несколько дней до этого. Нико дружил с ним, потому что до этого он играл в Siouxsie и the Banshees The Sex Pistols, и они говорили о том, что он играл на бас-гитаре на ее альбоме, но потом его самоубийство…’

Концерты в CBGB’s записаны на контрабандную пленку. На ней запечатлено не только пение Нико под гитару Ульбриха, но и ее элегантная дискуссия с пьяным задирой — мужчиной, конечно:

Нико: Это песня с моего альбома, который еще не был выпущен. Хеклер: Да! Нико: Некоторые из вас, кажется, сильно пьяны. Что ж,

я тоже.

Хеклер: Мы хотим послушать рок-н-ролл!

Нико: Тогда тебе не стоило приходить ко мне.

Хеклер: Веселись. Будь веселой, детка. Ты веселая, но шикарная!

Нико: Я не думаю, что захочу продолжать, пока некоторые люди не заткнутся.

Хеклер: Почему бы тебе не отвалить?

Нико: О, заткнись, ладно? Если тебе есть что сказать, уходи отсюда, уходи отсюда, ладно?

Хеклер: Мы не можем поговорить?

Нико: | Нет, ты не можешь, черт возьми!

Член общества признательности Velvet Underground попытался

в перерывах между концертами он брал интервью у Нико для домашнего журнала What Goes On. Он добросовестно записал серию язвительных замечаний Нико:

Нико

ВГО: По-моему, твое первое выступление сегодня было великолепным.

Нико: Это было ужасно.

ВГО: Ты не знаешь, сегодня день рождения Джона Кейла?

Нико: О, не задавай мне таких вопросов! Я даже не знаю, когда у меня день рождения. (Входит мужчина)

Мужчина: Здесь Дэвид Боуи, Нико.

Нико: Когда он пришел?

Мужчина: Только что.

Нико: Хорошо, тогда он пропустил первый сет.

Ульбрих продолжил: “У нас были и другие концерты в Америке, организованные очень быстро, привлекая толпу, пришедшую из праздного любопытства - разве она не мертва? — потому что она не выступала в Америке больше десяти лет. Это было ужасное время. Турне стало для Нико настоящим адом, потому что в этой стране ужасно трудно найти героин. Ей пришлось довольствоваться медицинским заменителем метадона. Метадон - очень скучный наркотик. Он не приносит успеха. Нико пила пиво и вино, чтобы подзарядиться ; именно это сочетание метадона и алкоголя сделало ее толще”. Писатель Филип Мильштейн отметил, как она выглядела в то время: “Морщин на ее лице было не намного больше, чем на обложке журнала”. Конец, но щеки, когда-то желтоватые, стали одутловатыми, начал проявляться двойной подбородок, а пальцы стали совершенно пухлыми. Но эти очаровательные, великолепные скулы по-прежнему были очаровательными. Ее волосы были такими же, как и на протяжении многих лет, каштановыми и с прямой челкой. Она по —прежнему была красива, но напомнила мне Элизабет Тейлор Нового времени - красота остается, но это скорее воспоминание, чем настоящая реальность.’

‘Нико больше не заботило, что случилось с ее внешностью”, - вспоминал Ульбрих. ‘Я думаю, что самый низкий момент в ее концертной жизни наступил в Сан-Франциско. Всего за минуту до начала концерта Нико сказал мне: “Мне нужно отлить”. За кулисами не было туалета, чтобы его найти, нужно было пройти через аудиторию. Я сказал ей об этом, когда диктор уже был на сцене: “А теперь Богиня…”, - настаивал Нико, - “Мне нужно отлить”. Я в отчаянии”. Она просто спустила штаны и помочилась прямо на сцену. Но при этом умудрилась обоссать и свои брюки. Она вышла на сцену с ужасным пятном на брюках. Она спела первую песню, и огни рампы рядом с ней были такими горячими ,

что от ее ног шел пар. Богиня Луны, на которую они все пришли посмотреть, остановилась, посмотрела вниз и сказала прямо в микрофон на глазах у публики: “О, смотрите. Я нассал себе на брюки”. ‘

288

13 1974-1981

В течение пяти лет Нико была наркоманкой. Она потеряла сына, деньги, контракт со звукозаписывающей компанией, аудиторию, друзей, чувство собственного достоинства и всякое чувство направления. Она больше не была даже в своем дворце; она была “затеряна в стране”. С того момента, как умерла ее мать , она опустилась до грани самоубийства и закончила десятилетие в наркотическом угаре, скитаясь по этажам незнакомых людей. По ее словам, она была чужой даже самой себе, и она больше не была Кристой, или Нико, или кем-либо из тех, кого она знала. Она решила, что больше не может быть Мортишей из “Семейки Аддамс” или Шелли Уинтерс. Она хотела снова стать Нико . Все, что ей сейчас нужно было сделать, это попытаться вспомнить, кто Нико действительно был таким. Она думала, что это будет достаточно просто… не так ли?

14 1981-1988

Когда у меня возникают страхи, что я могу перестать существовать

Прежде, чем мое перо доберется до моего переполненного мозга,

Прежде, чем книги, сложенные в стопки, обретут характер,

Хранят, как богатые зернохранилища, полностью созревшее зерно;

Когда| смотришь на ночное звездное небо,

Огромные облачные символы высокой романтики,

И думаешь, что |, возможно, никогда не доживешь до того, чтобы проследить

Их тени волшебной рукой случая;

И когда | чувствуешь, прекрасное создание этого часа,

Что| никогда больше не взгляну на тебя.,

Никогда не наслаждайся волшебной силой

безотчетной любви; — тогда на берегу

огромного мира | останься в одиночестве и подумай

Пока любовь и слава не канут в небытие. (ДЖОН КИТС, 1848)

автобиография. Но я не читаю биографий. Они полны

на самом деле это ложь, потому что они говорят, что у жизни есть начало, середина и конец. Я не верю в середину. Такая книга претендует на правдивость, но на самом деле она искусственна. И конец ведет к другому концу; именно об этом поется в песне Джима “The End”. Я предпочитаю романы, потому что в их правдивости больше воображения. Знаете, что такое Оскар Уайльд писал? Он писал, что “В художественной литературе хорошее заканчивается счастливо, а плохое - несчастливо - вот что значит художественная литература”. В конце можно сказать только одно - Нико пережил все эти унижения. Биографии говорят о том, что человек движется по жизни. Я говорю, что моя жизнь движется вслед за мной. Вы следите за мной?”

Автор признался, что на самом деле не все понял. Некоторые предложения, безусловно, имели смысл. ‘Ну, я бы хотела, чтобы роман был обо мне, потому что он будет основан на воображении и, таким образом, объяснит мой образ мыслей, а не мою жизнь. Мой образ мыслей и моя жизнь - это две разные вещи. Мой образ мыслей зовут Криста. Моя жизнь - Нико. Криста создала Нико, и теперь ей скучно с Нико, потому что Нико скучно с самой собой. Нико была и на вершине жизни, и на дне. Оба места пусты, она это обнаружила. Но Нико не хочет быть в центре внимания.

ТЕПЕРЬ я ПОНИМАЮ разницу между биографией и

средний класс, где люди отворачиваются друг от друга. Чтобы избежать этих несчастливых мест, лучше никуда не возвращаться и плыть по течению. К такому выводу я пришла. Автор спросила, имела ли она в виду Нико или Кристу, которые пришли к такому выводу. ‘О, ты что, смеешься надо мной?” Криста хотела быть женщиной? *Нет, она хотела быть Нико. “У Нико были любовники.* Нет! Нико никогда не хотела любовников. Она хотела друзей! Хо-хо-хо… - Криста хочет стать роковой женщиной, как Нико? - Думаю, я больше не могу думать об этой игре. У тебя случайно не найдется немного гашиша?

КОГДА АЛАН УАЙЗ завладел жизнью Нико, “это было похоже на то, что он вытащил ее из мусорного бака, привел в порядок, заставил дышать, ходить”, | пить, стонать, играть, путешествовать и жить в ожидании лучших дней; “но она все испортила, бросив его, что было очень грубо с ее стороны”, - заявил один из агентов. “Он, должно быть, прошел через ад, чтобы заполучить для нее все эти концерты. Имейте в виду, многие считают, что Нико тоже заслуживает того, чтобы пройти через ад. Когда Алан управлял Нико, ему пришлось пустить ее по порочной спирали, чтобы она снова встала на ноги. Это было похоже на то, как если бы она сама себя загнала в большую дыру, и ему пришлось снова ее разматывать . Это означало сотни концертов в любой точке мира , на которые она могла пойти, чтобы заработать свои деньги, которые она сразу же тратила на наркотики; затем ему приходилось контролировать потребление наркотиков, переводить ее на метадон, чтобы можно было контролировать дозировку; затем откладывать деньги, которые она откладывала на наркотики чтобы она вышла на пенсию (потому что, когда он ее подобрал, ей было уже 40 лет); затем избавить ее от метадона;

затем заставить других людей исполнять ее песни, чтобы она получала свои гонорары, я полагаю… Ну, в общем, это была невероятно тяжелая работа. Надо отдать ему должное, у него почти получилось. Что касается Пм , то, по-моему, это позор, что он навязал ей всех этих дерьмовых музыкантов из Манчестера. Он оказывал слишком много услуг своим приятелям.'

Хотя "кто-то потерял документы" (кажется, любимое манчестерское выражение), было подсчитано, что Нико выступал более 1200 концертов в период с 1980 по 1988 год. Помимо двух крупных пластинок , выпущенных за это время, было официально сделано девять записей концертов , за которые она получала гонорары, и бесчисленное количество "бутлегов", за которые она не получала гонорары. "В те годы, - подсчитал Алан Уайз , - Нико зарабатывал не менее 12 000 фунтов стерлингов в год на концертах и 8 000 фунтов стерлингов в год на гонорарах за записи. Это обошлось ей в 20 000 фунтов нетто, потому что она никогда не платила налоги!" Проблема была в героине. При цене 60 фунтов за грамм, которую она покупала по одному грамму за ночь, один только счет за героин составлял

22 000 фунтов стерлингов в год. Эта цифра не включает в себя поиск наркоторговца, доставку или стихийные бедствия.

Уайз насмешливо предложил составить путеводитель "Мишлен" для наркоманов, потому что "было так много неудачных сделок и подделок в самых разных местах, что, я думаю, мы с музыкантами могли бы написать хорошую книгу". Типичный опыт, который он получил, был в Копенгагене: 'Ты знаешь, как покупают героин? В небольшой, сложенной бумажной обертке. У нас было немного не хватает денег, но Нико хотел немного героина. Мы отдали часть последних денег технику, которому пришлось пойти и постоять на главной площади, пытаясь заработать. Концерт должен был начаться через два часа. Как раз в тот момент, когда Нико должен был выступать, он появился в гримерке с пачкой "smack". Нико была вне себя от восторга - каждый раз, когда наркоманка видит

упаковку, у нее такое чувство, будто сегодня Рождество. Упаковка была аккуратно обернута в непрозрачный целлофан. Она разматывала ее и разматывала снова. Публика волновалась; “Давай, Ник, пора выходить на сцену”, - кричала Уайз. Она разматывала, разматывала, разматывала пленку… это была всего лишь катушка целлофана. Ничего посередине. Она была в ярости. ‘Ты идиотка! Я не могу доверять вам, дуракам, ни в чем! Я должна все делать сама. Я иду туда, чтобы получить свою порцию. Вы будете нужно просто подождать.’ Зрители были в нетерпении, время начала уже давно истекло, но они не могли знать, что их звезда стоит на городских площадях, ожидая своего мужчину. Полчаса спустя она вернулась в гримерку, торжествующая, с пачкой героина в руках. Она села, развернула его, еще раз развернула… Она пошла к тому же дилеру. За два часа ее дважды надул один и тот же человек. Потом ей пришлось выступать. Она была в слезах, безутешна, Уайз вспоминает. “Так все и было”.

В Париже она купила измельченные поло, в Милане - соль, в Лейдене - сахар, в Лондоне - чистящую пудру. Алан Уайз продолжает: * Однажды, в начале восьмидесятых, она захотела поехать отдохнуть в Индию. Она отправилась в Калькутту совершенно одна. Когда она вернулась, ее остановила таможня, но они ничего не нашли. Как обычно, она спрятала наркотики в презерватив, который засунула себе под зад. Она вернулась очень довольная собой — она купила в Индии партию практически чистого героина. Она вытащила его из своей задницы, развернула и обнаружила бетонную смесь. Она тайно пронесла две унции бетонной смеси в своей заднице! Это оказалось ужасным событием; следующие несколько дней она провела в прострации, в то время как все собирали по несколько фунтов, чтобы купить четверть грамма, чтобы она могла отдохнуть часок-другой. Если Нико страдал, страдали все.’

Когда она останавливалась в Манчестере, ее героин иногда

доставлялся из Лондона поездом “Ред Стар Сервис”, который забирал сотрудник соседней Би-би-си. Обертка была спрятана в уголке конверта с пластинками. Доставка прекратилась, когда курьер смутился из-за обложек пластинок, которые ему приходилось таскать с собой по Би-би-си - “Величайшие хиты” Расса Конвея, или, что более уместно, “Германия” “Призывая” — речи лорда Хо-Хо. Нико часто отправляла посылки с героином, адресованные ей самой, в зарубежные отели перед поездками. Однажды в Хельсинки умудренный опытом портье понял , что происходит, и шантажом вынудил тур-менеджера Нико отдать всю выручку от концерта. Она часто выступала в состоянии ломки, что заканчивалось слезами на сцене - “Зачем я это делаю? Я не могу так больше.

Фил Джонс руководил двумя ее зарубежными гастролями и вспоминает о наркотических катастрофах, из которых его самым травмирующим воспоминанием было следующее: “Весной 1982. она гастролировала по Голландии с Blue Orchids в качестве бэк - группы. Мы дали двенадцать концертов за тринадцать дней. Аудитория была высокой, потому что Нико тогда заново открыла для себя “новая волна”. Деньги были неплохие, и группа накачивалась наркотиками и курила марихуану так, словно это выходило из моды. Не успели мы опомниться, как нам пришлось вернуться домой. Ранним утром Нико отправился на улицы Амстердама купить немного марихуаны. Мы въехали на паром, и Нико отправился отдохнуть в каюту. У меня с собой было что-то около 5000 фунтов стерлингов в гульденах после выступлений, и я договорился оставить их у казначея. Мне следовало быть осторожнее. Он начал задавать мне забавные вопросы о деньгах, и я сказал ему, что это заработок певицы, отдыхающей в своей каюте. Я сидел в корабельном кинотеатре, когда Мартин и Уна из группы похлопали меня по плечу. * Нико ищет тебя, и ей не очень хорошо”. Я вышел за ними на террасу и увидел Нико, которая медленно ходила взад и вперед. Все уставились на нее — она была шести футов ростом и выглядела странно, но она стала фиолетовой. Казначей увидел меня рядом с Нико и сложил два и два. Казначей связался по рации с Харвичской таможней.

Когда Джонс помогал Нико спуститься в ее каюту, она упала на лестничной клетке. Ее лицо посинело. Он втащил обмякшее тело в каюту и положил на тонкую кровать. “Я думал , что она умрет. Я не знал, чего ожидать дальше. Я узнал, что группа приносила ей те маленькие пакетики апельсинового сока, когда она впервые почувствовала себя плохо - апельсиновый сок, кажется, всегда помогает при передозировке и тому подобном — и ее синюшная

бледность постепенно становилась красной. Но она выглядела

искупить вину невозможно. Причиной ее огорчения стала плохая партия героина , которую она купила тем утром в Амстердаме, - сначала это был яд, а затем отход от предыдущей дозы. У Нико, однако, было телосложение быка. Когда они причалили, она была достаточно жива, чтобы ее можно было поднять в фургон, откуда, как надеялся Джонс, он сможет быстро доставить ее домой: он забыл о таможне. Нас вызвали в зону досмотра автомобиля. Они перерыли все - тринадцать дней испачканных носков, грязные журналы и прочее. Они разобрали фургон на части. Нико стояла, прислонившись к стене, пошатывающаяся и явно больная. Само собой разумеется, они проявили к ней особый интерес.'

Таможенники вытащили все из ее огромной сумки, перерыли ее дневники, записную книжку и косметичку; вскоре они обнаружили шприц ("для инъекций витамина B12"), следы марихуаны ("Я растаман, это часть моей религии").) и таблетку метадона ("Они легальны — разве вы этого не знаете?'). Они разделили группу и взяли интервью у каждого по очереди. Что вы знаете о героине? Ничего. Не могли бы вы закатать рукава, пожалуйста, чтобы я увидел ваши руки? хорошо. 'У басиста была при себе упаковка с амфетамином , когда его обыскивали, - вспоминал Джонс, - но он научился фокусам и держал "спид" вне поля зрения, вертя его в руках. Они постоянно возвращались к записной книжке, в которой Нико носил ее с собой, потому что в ней были какие-то каракули Уильяма Берроуза о героине, которые Нико скопировал. Я случайно узнал, что В уголке обложки книги у Нико была припрятана пачка кокаина.' Книга была такой же ветхой, как и у Нико, и страницы были склеены ватными палочками, которыми она пользовалась, когда путешествовала по миру. Это был подарок таможенникам, и они просматривали ее страницу за страницей в поисках героина. 'В конце концов, мы все начали хихикать, - продолжил Джонс, - настолько абсурдным все это было. Группа выглядела в точности

как типичные рок-наркоманы, о которых молятся таможенники , и у каждого из них был запас того или иного . Но эти болваны ничего не смогли найти! Им пришлось нас отпустить.” Офицеры предупредили полицию. Когда фургон въезжал в Ипсвич, за ним следовали не менее трех полицейских машин.

Джонс зашел в паб: * Нико постепенно возвращалась на землю, и я хотел разобраться с ней до того, как нас обыщет полиция (им нужен был ордер на обыск в пабе). Она нюхнула немного кокаина и после выпивки уже не была такой фиолетовой, но была совершенно подавлена дневной драмой. К счастью, полицейским машинам наскучило ждать нас, так что, когда мы вышли из паба, позади была только одна “.Он отвез Нико в местный отель и оставил там пачку банкнот

в ее руке. - Я вернусь завтра и заберу тебя, ’ пообещал он. Группа продолжила свой путь в Лондон, наблюдая, как полицейская машина поворачивает обратно на границе города (“Они просто хотели проводить нас до выхода”), но в конце концов решили проехать последние 150 миль до базы группы в Манчестере: “Мы просто забыли о Нико. Иногда, после того, как из-за ее глупости тебе пришлось пережить какую-нибудь мучительную ерунду , ты просто чувствовал себя “черт возьми”. На следующий день она села на поезд обратно в Лондон. В конце концов, для нее это ничего не значило . Она смотрела фильм, а мы были актерами - вот как она справлялась со своей жизнью”.

Привычка Нико, основанная на раскаянии по поводу отсутствия сына, усилилась в тот момент, когда она воссоединилась с ним. Молодой бог в хорошей физической форме разыскал ее и нашел в Англии свою маму, которая делила постель и иголки с парнем его возраста, “не умеющим питаться”. Ари настояла, чтобы Роберт Кинг ушел; Нико подчинился, выгнал его, и ее сын занял его место. Ее любимый Внешность Ари была настолько совершенна, насколько она могла желать, она была почти точной копией потрясающего 22-летнего Делона. ‘ Между Нико и Ари

существовала религиозная связь, - считает Уайз, - но для некоторых музыкантов, которые с ней работали, она была слишком слащавой. В их близости также был эротический подтекст, что привело к нездоровым сплетням среди группы - обычной чепухе, которой предаются музыканты. Они делили постель, мать и сын, и, уверяю вас, так оно и было. Она пыталась наверстать упущенное за те годы, что пренебрегала им, но все , что она могла сделать, это окружить его любовью. С другой стороны, было много ссор и истерик. Вы можете себе представить, что их вызвало.' Ари еще не познал того абсолютного рая, который представлял собой героин высшего сорта. Нико очень хотел отвезти его туда. "Моя мама помогала мне колоть героин, и мы пользовались общими иглами. Я стал зависимым, как и моя мать, и после ее смерти я то и дело пытался встать на ноги", - признался Ари.

Он, конечно, знал все о наркотиках еще до того, как они помирились. Говорили, что он окончил школу примерным молодым человеком и некоторое время работал в традиционном ресторане ("Я сказал: "Послушай, парень, твои клиенты… плюют им в лицо"), затем год отслужил в армии ("Большую часть времени я провел в лазарет - я, знаете ли, перестраховывался'). Вернувшись в Париж, он жил обычной парижской жизнью ("Я слонялся без дела, волочился за девушками и все такое; я выгляжу как наркоман"). Он нашел работу в качестве мужчины-модели, и его стройное тело какое-то время можно было увидеть на сайтах с рекламой джинсов Laura по всей Франции. Пол Моррисси встретился с Ари и представил его Эдит Коттрелл, киноагенту: "Пол подумал, что Ари мог бы найти какую-нибудь приличную работу в

снимался в кино или на телевидении, и я нанял его на год. Но он был не самым надежным человеком, и в конце концов я отказался от него. Если я правильно помню, он работал в импрессионистическом телесериале о поэте-бунтаре Рембо,

который, оглядываясь назад, кажется хорошим выбором актеров!”

Когда мать и сын встретились, “нужно было кормить еще один рот”, - намекнул Уайз. “Нам удалось избавиться от “художественного консультанта”, и теперь взамен у нас появился le kid. Ари считал, что я не слишком хорошо обслуживаю его мать, приглашая ее в маленькие клубы, в арендованные фургоны для отупляющих туров. Он представил, как она выходит из серебристого лимузина в Карнеги—холл - Нико Миннелли с новым Йоркский филармонический оркестр, а не Нико-вампирша из Валгаллы и ее семь гномов, сидящие в шкафу в глубине зала. Торговый клуб “Скантorп”. Я могу понять его разочарование, но он не видел, где была его мать с тех пор, как панки прогнали ее со сцены. Я думаю, он много думал о своей матери, прежде чем встретил ее снова, и разочарование, должно быть, было ужасным. Он так и не оправился от этого, а Нико понятия не имела, как с этим бороться, кроме как с героином, ее ответом на все. Она продолжала говорить мне со слезами на глазах: “Что я могу сделать с Ари? Это все моя вина.” Теперь я люблю Ари был мне как сын. То, что с ним случилось, - настоящая трагедия.’

Ари время от времени присоединялся к гастролям в качестве “роуди”, ассистента , который обычно доставляет оборудование на сцену и убирает его со сцены, но, работая на Нико, стоял на углах улиц, поджидая его. Ари утверждал: “У нас случались ссоры, потому что я хотел, чтобы она бросила употреблять героин, и это было трудно, потому что меня тоже тянуло к нему, но этому нужно было сопротивляться. Она также очень критически относилась к моим подругам - всегда возникали ссоры из-за того, с кем я встречался. Я помню, в В Штутгарте один парень зашел за кулисы и предложил ей немного опиума, а я сказал ей: “Я не хочу, чтобы ты принимала это дерьмо, или ты меня больше никогда не увидишь!” Но она была упрямой и ушла с ним. На следующее утро она почувствовала себя больной и замкнулась в себе. Я был тверд с ней: “Видишь, что Я говорил тебе вчера? Ты глупец!” Она обернулась: “Хо-хо- хо. Бьюсь об заклад, я провел ночь лучше, чем ты!” — Другие участники гастрольной группы вспоминали о драках: “Стулья были излюбленным оружием - бей, круши, круши вдребезги - в клубах, гостиничных номерах, домах людей… Все это было очень страстно и с чесноком”.

Нико, шести футов ростом, крепкая и решительная, стала агрессивной, когда выпила пива . Ари тоже. Она сказала, что у Ари была необузданная натура , потому что он был Львом,

“маленьким львенком”, и “достаточно было взглянуть на репутацию его отца”. Но не всегда сын позорил мать. Однажды они ненадолго задержались вместе в лондонском отеле

|

— А Нн… – М!——К н —))! —

дом супружеской пары, которая была друзьями Алана Уайза. Однажды ночью супруги услышали ужасную ссору в комнате Нико, но были слишком вежливы, чтобы поинтересоваться, какого черта Нико и Ари делают с их мебелью. На следующий день муж, придя домой, обнаружил, что Нико сидит один и плачет. Он пытался утешить ее, но она плакала все сильнее. Он спросил, в чем дело. “О, я должен сказать тебе нечто ужасное, но я не знаю как”. Он сказал, что все в порядке, он не обидится. ‘Мой сын трахает твою жену’. Он был оскорблен.

НИКО РЕШИЛА, что больше не хочет быть музыкантом (“Это может быть слишком скучно - все эти гримерки”). Она слышала об идеальной работе: “Алан, я бы хотела быть человеком, на котором тестируют наркотики. Я думаю, что у меня есть квалификация и, конечно, опыт. Это поможет мне стать роботом, которым я хотел бы стать, потому что у меня слишком много мыслей, с которыми нужно справляться. Разве вы не можете это организовать? В конце концов, ваш отец-химик, должно быть, знаком с нужными людьми. Я всегда считал, что на поддержку семьи можно положиться”. Алан Уайз посоветовал Нико лучше потратить свое время на написание новых песен и зарабатывание денег, которые помогли бы ей и ее сыну выжить. В то же время, по его словам, ему было очень интересно узнать, что CBS была в восторге от идеи Нико создать группу, пока французы и Aura не испортили ее. Он собирался организовать группу, чтобы поддерживать Нико в ее турах.

В итоге он организовал несколько групп. “Нико стала агентством по трудоустройству музыкантов из Манчестера, предлагая им поездки по Европе, Америке, Австралии, Японии — везде, где только можно, и в компании манкунианцев в плащах”, - утверждал агент. Сами музыканты не могли понять, кто на чем играл: “В основном было три группы: The Blue Orchids, The Bedlamites, The Фракция. Однако для Алана существовало только две группы: Старая и Новая. Или это была Старая группа и Молодая? Нет, дело было не в этом, потому что там часто был клавишник по имени Джим был молод, но все же он был в Старой группе. На самом деле, если бы вы сфотографировали любую из групп на любом из 1000 или более концертов, которые они давали, вы бы увидели одних и тех же музыкантов рядом с людьми, которых вы никогда не видели ни до, ни после, потому что они заменяли кого -то, кто мог получать больше денег, работая в конце пирса. Нико получал 50% гонорара, а мы получали от 30 до 50 фунтов стерлингов за вечер каждый. Это было лучше, чем ничего, но не намного”.

Прежняя группа состояла из клавишных, бас-гитары и барабанов. Даже такая классическая настройка вызвала у Нико проблемы: “Бас-гитара была очень

для начала, это ошибка. Нико не разбиралась в басовых партиях, потому что у нее была странная манера играть на фисгармонии, подбирая мелодию на басах. Ей нравилось, когда вокруг нее царила свобода, но барабаны и бас-гитара просто сковывали ее. С Джимом было бы хорошо играть Янг играл на фортепиано и синтезаторе, потому что он мог просто парить над Нико и ее органом. В конце концов, они отказались от баса и заменили Грэма Дидса на перкуссии, что дало Джиму много свободного пространства. Новая группа была способом решения этой проблемы, потому что помимо нее было больше перкуссионных и мелодических инструментов для импровизации. Энди Диаграмм (трубач в длиннополой куртке Джеймса) играл на трубе, Генри

Лейкок (ныне участник Primal Scream) - на гитаре, а Грэм Дидс или Эрик Рэндом играли на этнической перкуссии. Хотя иногда на сцене было слишком много инструментов, это существенно облегчало Нико задачу… э-э-э… правильно играть!'

Мартин Хеннин (бас-гитара) и Дик Харрисон (ударные) были верными участниками Новой группы, которые страдали за свое творчество как за кулисами, так и на сцене: "Она никогда много не говорила, а когда говорила, казалось, что она с другой планеты. Мы все восхищались ею. Алан звал ее Ник, а мы называли ее мамой, - вспоминает Мартин. Она звала Дика Биллом , потому что никак не могла запомнить его имя. Она никогда не ценила ту работу, которую они проделали, чтобы организовать ее концерты: "Я помню , как однажды утром мы застряли в душной задней комнате какого-то итальянского клуба и записывали минусовку к вечернему концерту", - вспоминает Хеннин. Алан не нанял барабанщика, и у нас не было записанных минусовок. Мы разработали партию ударных для вступительного номера. Мы записали ее на пленку и решили подстраховаться, записав десять минут на четырехминутную песню. В тот вечер включили кассету , и мы начали танцевать. Нико потребовалось шесть минут, чтобы подняться на сцену! Она повозилась, а потом начала петь. На полпути кассета закончилась! Нико был подавлен. Она никак не могла в этом разобраться. Мы провели все утро в душной комнате, делая что-то для В итоге мы с Нико выглядели на сцене по-дурацки, а Нико орал на нас в гримерке.'

Дик Харрисон был поражен необычной памятью Нико: "Она никогда не могла запомнить порядок песен, а часто даже не могла вспомнить сами песни. Она путалась и пела не ту песню , которую мы играли, - ту, которую она должна была петь. Она просто жила в своем собственном маленьком мире. Однажды вечером мы начали играть вступление к песне Velvets "Pll Be Your Mirror". Мы сыграли это вступление из четырех тактов по меньшей мере четыре раза подряд. Нико просто сидел и смотрел на публику. Мы продолжали играть, круг за кругом.

Dp E ——^—m———M—

круглый. В конце концов она повернулась к нам и крикнула: “Как называется эта песня?” Она пела ее всего двадцать лет! По сути, ей было до смерти скучно на метадоне и пиве. Она начала получать удовольствие от любого развлечения. На самом деле, это стало немного пафосным. Джим Янг и “старая группа” обычно брызгали в нее из водяных пистолетов, когда она исполняла свою сольную партию с фисгармонией - по правде говоря, это вообще было лучшим моментом вечера.’

Мартин добавил: “Мы только что отыграли в Афинах, и все прошло очень хорошо, и Нико была очень довольна собой. Мы сразу отправились в небольшой клуб в Эдинбурге. Все пошло наперекосяк. Звук был ужасный. Нико решила устроить что-то вроде шоу по этому поводу. Она схватила стул и начала размахивать им, крича, что звукорежиссер саботирует ее выступление. Она видела, что зрителям это нравится - они видели актрису в Нико, - поэтому она начала швыряться стульями : “Ты идиот, ты испортил концерт…” На следующий вечер мы играли в Глазго. Она снова начала скандалить со стулом и ругаться без всякой причины. Никогда не забуду , как она подмигнула нам перед тем, как швырнуть стулья. “Зачем ты заставляешь меня делать это дерьмо, Алан?!” Все это было притворством, потому что ей было скучно петь”.

Джефф Мьюир, один из ее тур-менеджеров, придерживался иного мнения: “Ей и в голову не приходило, что она устраивает шоу. Она была неспособна думать: “Я пришла их развлечь”. Она видела это так : эти люди заходили в ее комнату, и если она хотела сказать: “Я пойду покурю”, - это было нормально, потому что это была ее комната. Иногда, наедине, она говорила: “Я надеюсь, что сегодня вечером все будет хорошо” , но вы не знали, что она имела в виду - концерт или развлечение! Было бесполезно пытаться спланировать концерт с Нико или отрепетировать что-то другое. Нужно было просто выработать основы и заниматься этим каждый вечер. В каждой песне были обычные мелочи, но все должно было быть как можно более непринужденным, потому что Нико шла своим собственным милым путем.’

‘Она так много гастролировала (а ей было больше 40 лет). что никто не должен удивляться, если в ее исполнении прозвучит немного скуки”, - заметил Дик Харрисон. ‘Мы с Мартином всегда просили больше репетировать, но руководство не поощряло это. Я думаю, именно поэтому она тоже была сыта по горло. В

музыкальном плане у нас было слишком мало возможностей для участия, потому что ночь за ночью мы только пробирались по поверхности.

Что еще хуже, туры планировались без учета карты Европы. За одну поездку вдоль и поперек Германии Фургон, в котором сидели Нико и группа, пересек Франкфурт

каждый день, но они никогда там не выступали. Расписание тура в 1986 году было типичным:

30 ноября Цюрих 11 декабря Франкфурт 1 декабря Базель 12 декабря Дюссельдорф 3 декабря Женева 13 декабря Гамбург 4 декабря Турин 14 декабря Ганновер 5 декабря Милан 15 декабря Берлин 7 декабря Нюрнберг 17 декабря Утрехт 8 декабря Саарбрюккен 18 декабря Тилбург 9 декабря Штутгарт 19 декабря Харлем

10 декабря, Мюнхен

Нико совсем не нравились ее группы. В своих заметках она ворчала: ‘Не… Эрик Рэнсом [так в оригинале] выглядит великолепно, но, честно говоря, он не умеет играть… Должен Я снова прошу Джима Янга поехать со мной в турне, он такой прима Донна. Ему нравится быть мной. Но он не может быть мной. Он не умеет петь… Группа должна подстраиваться под мое пение, а не наоборот . Я не знаю, кем, черт возьми, они себя возомнили… Мой менеджмент вообще не отдает мне должного… В конце месяца у меня снова начинается тур, и одна мысль об этом уже выматывает меня. На этот раз я не поеду со своей

группой, им приходится включать свою чертову музыку без остановки и громко. Она, конечно, путешествовала со своей группой, единственная женщина среди компании джентльменов-северян. * Они такие незрелые. Они продолжают влюбляться в этих маленьких девочек. Я не допущу этих фанаток за кулисы, потому что они слишком глупые. Мне нравятся новые мальчики… Они ходят за мной по пятам, пишут мне письма, они очень красивые мальчики, но, конечно, мне это неинтересно. Это уединенная жизнь", - солгала она.

Мартин Хеннин вспомнил о вечернем параде подростков-Нико.: "Было много двойников или "имиджмейкеров", которые видели в ней мрачную готическую фигуру. На самом деле, они были очень скучными. В конце концов, некоторые люди писали мне, чтобы как-то связаться с Нико, и ты получал эти ужасные стихи и телефонные звонки посреди ночи. Один парень позвонил мне из Италии около 4 часов утра и спросил о замеченной им открытке со странным стихотворением, которую я выбросил в мусорное ведро. Мы были простыми музыкантами, выступавшими на концерте, но они считали нас тайным обществом. Нико не стала с ними разговаривать - в некотором смысле, ее нельзя винить. Она терпеть не могла, когда девушки флиртовали с нами, ей никогда не нравилось, когда они были рядом' Нико сказала журналисту: "Эти дети кажутся мне примером для подражания. Каким примером для подражания я могу быть? Я могу быть только

пример для подражания для людей моего возраста. И они не хотят знать. Зачем им отказываться от своей обеспеченной жизни , чтобы отправиться в неизвестность? Каждый вечер в другой город? Ради жизни в дороге? Не ради денег, конечно", - в отличие от Нико.

ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ИЗБАВИТЬ НИКО от героина. Если зависимость от этого наркотика и не была саморазрушительной,

то экономическая ее сторона определенно была таковой. В 1980 году она гастролировала по США с одной из групп Wise, и это была катастрофа от начала до конца. Она настояла на приеме героина, в то время как лучшим доступным средством был метадон. Они постоянно теряли деньги, чтобы удовлетворить ее потребность, и она все еще выплачивала долги после возвращения в Великобританию. Что еще хуже, она чуть не покончила с собой из-за грязного укола и попала в больницу. “Она терроризировала других женщин в отделении, диктуя им телепрограммы, которые они могли смотреть”, - заявила Уайз. ‘Она сказала мне: “У женщины на соседней кровати трое детей, другая женщина - музыкант, а третья женщина спит с тигром. Она спит с тигром - или мне это снится?”

Алан Уайз отвез ее к частному врачу на Харли-стрит (он часто тратил на нее таким образом свои собственные деньги). ” Я был в специализированном центре для наркоманов, и они порекомендовали доктора Энн” Далли, хорошо известную своим зрелым и прагматичным отношением к зависимости. Предполагалось, что наркоманы перейдут на программу снижения потребления метадона, заменяющего героин. У многих врачей была наивная идея, что можно вылечить каждого героинщика, посадив его на что-то вроде диеты! Доктор Далли отказалась назначать ей восстановительную программу, но вместо этого сочла целесообразным провести поддерживающую терапию метадоном. Она вручила Нико официальное письмо, которое позволило ей подать заявление на получение лицензии.’ Лицензия не давала ей права вывозить метадон из страны, но она могла использовать ее на таможне для декларирования ввозимого и вывозимого наркотика. Таможенники были сговорчивы, потому что метадон считался лекарством от героиновой зависимости. На самом деле, это было все равно что принимать героин в другой форме, очень скучной, как часто подчеркивал Нико.

“Когда мы с Нико снова переехали в Манчестер, около В 1983 году, - продолжил Уайз, - она зарегистрировалась в качестве амбулаторной пациентки в местной психушке, больнице Прествич. Она приходила туда и стояла в очереди за таблетками метадона или жидким, подслащенным напитком, который там выдавали. Однажды я стоял с ней в очереди. К ней подошел парень жалкого вида , сморщенный, несчастный, наркоман. Он пристально посмотрел на нее и сказал: “Ты. Ты. Все, чем я сейчас являюсь, - это благодаря тебе”. Я думал

он собирался избить ее. Вместо этого он предложил ей свою последнюю дозу метадона! Нико забрала весь метадон, который у нее был, кроме основного героина, когда смогла его достать. Она использовала других членов гастролирующей свиты, чтобы те помогали ей за спиной босса. Уайз в отместку убирал их одного за другим. Тем не менее, она предприняла шаги, чтобы обуздать свою зависимость, и Уайз стал гордиться своей ученицей в искусстве воздержания. В 1983 году он пригласил ее на рождественский ужин в дом своих родителей. Она пришла поздно. Индейка подгорела. “Простите, что я опоздала, - извинилась она, входя в дом с важным видом, - но я не смогла найти вену”.

Она начала кататься на велосипеде по Прествич-Виллидж, еврейскому пригороду на севере Манчестера. Она будет ездить на нем с 22 лет Прествич-парк-роуд на юг, к “Оружию лесника”, чтобы поиграть в бильярд, что у нее плохо получалось. В остальном она проводила дни во сне, наблюдая за происходящим. Сериалы и старые фильмы (утверждается, что она была поклонницей Джорджа Формби) или писать. Когда в 1985 году они переехали в Лондон, она каталась на велосипеде по Брикстону, где неразумно снимала квартиру с другим участником группы Wise, Джоном Купером Кларком, “панк-поэтом’. Если Алан Уайз думал, что два закоренелых наркомана могут делить телевизор и “кухонные” принадлежности, то вскоре он разуверился в этом. “Видите ли, Кларки завязал с героином , когда присоединился к нам”, - утверждал Уайз. “Си-би-ЭС заплатила 18 000 фунтов стерлингов частной клинике, чтобы он и его девушка избавились от наркотиков. На несколько дней это тоже сработало”. Уайз сказал, что Нико и Кларк были любовниками (“да, любовниками героина”), но это была смутная догадка, из-за которой имя Нико еще некоторое время мелькало в разделах светской хроники музыкальных газет.

Нико больше не нравился Лондон: “Я не знаю, почему я переехал. Брикстон интересен. Но я предпочитаю тихие дни и сельскую местность. В Манчестере деревья темнее. Он более декадентский.

Это напоминает мне Берлин после войны. Все было сломано и падало вниз. Именно это произошло в Манчестере из-за миссис Война Тэтчер против этого. По-моему, север социалистический. Значит, и я тоже. Мне нравится кататься на велосипеде, чтобы увидеть странные, большие дома, которые Евреи строили в Прествиче. Я рад, что у меня есть велосипед, потому что он полезен для моих ног, моего сердца и моей полноты. А еще Алан возил меня на своей машине за город. Мне понравилось путешествовать по вересковым пустошам Йоркшира. Или это все-таки долины? Мне нравится дикость. Я могла бы умереть там с радостью. - разве не так говорят в Англии?' Довольно.

В 1984 году Нико сбежала из Англии, чтобы прожить несколько месяцев в Нью-Йорке. Она взяла деньги у Illuminated Records на запись пластинки, но не смогла с этим справиться. Тем не менее, она сохранила деньги. Она околачивалась в "Сквот-театре", радикальной мастерской из

14 1981-1988

В семидесятые годы рядом с отелем "Челси", который превратился в крупное заведение. Там у нее были друзья, которые много раз присматривали за ней , когда она была на мели. Ари тоже был там, и он нашел работу по созданию фотографических фонов для декораций ("и употреблял много кокаина и курил "буш"). "Тогда я видел Нико в последний раз", - вспоминал Вива. - Она пришла навестить меня, и на ней была та же одежда, что и в Позитано, - черная накидка и ботинки, - и она была очень подавлена. Она сказала мне, что хочет приготовить блюдо с сыром из цветной капусты: "Не могли бы вы принести мне цветную капусту, как вы думаете?" Мне пришлось перейти улицу, чтобы купить ей сыр в магазине. Она могла бы приготовить это сама. Пятилетняя девочка могла бы сделать это сама. Она все еще была беспомощным взрослым ребенком, которого я знал все эти годы. Я думаю, она пыталась написать несколько песен. А потом она вернулась в Англию , чтобы разобраться в себе. Ха!'

Вернувшись в Англию, она немного пришла в себя. Тогда она

сказала журналисту, что больше не чувствует себя в изгнании с тех пор, как побывала в Манчестере и увидела Йоркширские вересковые пустоши. ‘Только это и английская поэзия помогают мне оставаться в здравом уме”, - заявила она. ‘Она пережила этот ужасный путь из личного ада, в котором находилась, — считает Уайз, - и теперь , с метадоном и велосипедом, она почувствовала себя более живой - забавно, что для этого нужно, не так ли?? Уайз приготовил для нее сюрприз. Он заключил с Нико контракт на запись с Beggars Banquet в Лондоне. Компания выплатила долг Illuminated, и теперь Нико была свободна от обязательств перед Aura. Она уже была знакома с Питером Мерфи, певцом из Bauhaus, который подписал контракт с Beggars, и спела с ними версию “I’m Waiting for the Man” для сингла Beggars Banquet. Теперь у нее появилась возможность записать свой собственный альбом. ‘Там было много другого материала , который я организовал, чтобы заработать немного денег, в основном записи концертов”, - утверждал Уайз. “They helped to keep the wolf from the door”. Наиболее известной из них была песня Нико “Live Behind the Iron Curtain”, которая была записана в Роттердаме (“Да, но это был тот же сет, который она брала с собой в Венгрию, Чехословакию и Польшу”) и за который им заплатили £4,000. Менее известным, но, безусловно, лучшим по качеству был альбом Nico in Tokyo, который был записан не на кассете sound desk, а в мобильной студии. Она получила восторженные отзывы об этих кассетах в журналах Sounds, Record Mirror, New Musical Express и the Melody Maker, вероятно, потому, что они казались такими ‘андеграундными’:

Ее затерянные в монастырях обертоны, вопли “штурм-и-дранг”

доносящиеся из катакомб, плюс эта фисгармония - все это наводит на слух скуку…

мрачная эротическая тайна…

ее голос, как хрупкий спасательный круг в невыразимом, охваченном чумой прошлом…

Что за голос! Экстраординарный - не совсем подходящее слово для этого. Голос , рожденный в глубинах, поднявшийся в темноте, похожий на пещеру, отражающий трагедию поколений…

Чтобы превзойти эти похвалы студийным альбомом, нужно приложить определенные усилия. Алан Уайз поступил смело: “Мы пригласили Джона Кейла в качестве продюсера за вознаграждение и определенный процент. Нико пыталась подготовить несколько песен, но ей действительно было трудно сосредоточиться. Она записала пять песен для альбома, пару новых и несколько старых, еще не записанных. Джим Янг и Грэм Дидс сыграли аранжировки, затем Джим взял и написал небольшую книгу (Песни, которые они никогда не исполняли по радио) об этом опыте. Было любопытно увидеть Кейла с Нико. Он издевался над ней. Они сидели в квартире в Брикстоне и смотрели телевизор, и она просила: “Джон, сделай потише”. Он делал погромче. “Почему ты дразнишь меня?” И он вдруг запрыгивал ей на спину с криком: “А это Нико выходит из-за поворота, это Нико на финишной прямой, Нико на волосок от смерти…” Это было самое странное зрелище.’

В студии Shoreditch Кейл не позволял ей курить, что сводило ее с ума, потому что к тому времени она курила “Мальборо” без остановки. Когда она пыталась петь свои песни, он говорил ей: “Ты глуха на одно ухо и не слышишь голоса на другое”. Зачем тебе это нужно? Он подстегнул ее, чтобы разжечь искру, которая, как он знал, когда-то в ней была, а теперь куда-то подевалась. Это был их четвертый совместный альбом в качестве композитора и продюсера, и они оба устали от этой игры. Уайз была счастлива видеть, как Нико что-то создает, а Нико была счастлива снова увидеть свою фотографию в магазинах. ‘Альбом вышел вовремя и в рамках бюджета”. Мудрый человек. ‘Все прошло нормально, ничего особенного - ни потрясающего, ни плохого, но это должен был быть последний студийный альбом Нико, и ей следовало бы

записать песни получше. Она считала это новым началом, но, конечно , отправной точкой, а не концом, чтобы не сказать окончательно.'

Теперь приятно видеть, что рецензии на "Корсиканца' "Драма изгнания" превзошла все остальные фильмы для ее последней "Камеры-обскуры". 'Крошечное чудо… Альбом звучит так, будто стоил миллион долларов, хотя, очевидно, это не так", - написал обозреватель Sounds, в то время как новый Musical Express считает Drama of Exile ", вероятно, самой доступной из ее романтических мрачных историй… Песни, как всегда, являются

о некоем трагическом индивидуальном великолепии, неудаче в сочетании со славой или романтическом саморазрушении наркомана. Рок -аранжировки придавали ее мрачным песням яркий оттенок и скрывали тот факт , что такие песни, как "Genghis Khan", были скучной переработкой "Janitor of Lunacy'. Меньше всего удалась интригующая "Henry Hudson':

Белый свет разливается над

Берегом реки Генри Гудзон

И вы увидите стоящую даму Приближающуюся к счастливому концу.

Мелодия была написана в шесть тактов, но грубая аранжировка пыталась втиснуть ее в четырехугольник. Лучше всего сработала песня "60/40" (номер двери камеры), в которой использована строгая мелодия Лу Простота Рида:

Слава Нижнего Ист-Сайда в Нью-Йорке В игре “Золотой круг” Кадр из Нижнего Ист-Сайда в Нью-Йорке.

Camera Obscura, с другой стороны, была обычной как в песнях , так и в перегруженных аранжировках. Была одна песня, озорно названная композицией Нико, которую она знала еще девочкой в Берлине по записи, сделанной в 1952 году Хильдегард Кнеф, кинозвездой пятидесятых годов, которую, по ее словам, терпеть не могла, потому что она не нравилась ее матери. Это песня тридцатых годов с прекрасной мелодией ‘Das Lied vom einsamen Madchen” (“Песня одинокой девушки”), в ней рассказывается о девушке со светлыми волосами, которая попала на небеса, чтобы покончить со своим одиночеством.:

мы с тобой на войне

и я такой блондинистый, как Хаар

и я такой парень, что у меня есть оружие, такое доброе, что я никогда не забуду.’

потому что она была одинока

и у нее были такие светлые волосы…

и когда она была мертва, как камень , он позвал: “Бедное дитя, иди сюда, ты больше никогда не будешь одинокой”.

Она поместила рядом с ней “My Funny Valentine”, песню из своего “Blue Angel days”, и записала ее в тональности до минор Чета Бейкера, самой низкой из тех, что она когда-либо пела (в обеих

песнях она звучит удивительно похоже Хильдегард Кнеф). В нем есть милая лирика о характере и уродстве:

Ваша внешность смешна, Ее невозможно сфотографировать, Но вы - мое любимое произведение искусства.

В поисках материала для своего альбома она последовала совету Пола Моррисси петь песни других людей, как она делала , когда начинала свою карьеру. При этом она обнаружила, что и ее собственные песни должны быть такими же хорошими. Она решила начать все сначала. Она позаимствовала несколько кассет с записями баритона Пола Хиллиера, концертирующего исполнителя, специализирующегося на средневековых песнях. Она влюбилась в простоту и форму песен, их непосредственность и арабские украшения. “Песни такие красивые, а оформление такое… Арабская музыка. Они станут источником вдохновения”. Другое дело, откуда будут взяты слова.

НИКО ХОТЕЛА перестроить свою жизнь, утверждала она. “Эстетическая жизнь превратилась в пепел”. Она начала с банковского счета. В 1987 году она открыла его впервые в своей жизни: “Открыть новый банковский счет оказалось проще, чем я думала… Удобство просто потрясающее”. Она смазывала велосипед и читала свой гороскоп всякий раз, когда натыкалась на предсказания Патрика Уокера (“это полезно для справки”) в лондонских Evening Standard и Manchester Evening News. Она попросила перенести ее концерты из клубов в театры. Она специально задала этот вопрос после того, как отыграла один из худших концертов в своей жизни в The Fridge в Брикстоне в память о Энди Уорхол, скончавшийся 22 февраля. Она опоздала на два часа из-за неумелой поддержки и начала свое выступление с информации о том, что за два месяца не спела ни одной ноты и “у нас даже не было саундчека”. Когда она представила ‘The End’ как ‘Любимая песня Джима”, - выкрикнул кто-то, - “Не тот гребаный труп”.

Больше всего Нико хотела изменить жизнь своего сына. Нико хотела помочь Ари преодолеть эмоциональные проблемы, которые она все чаще замечала: ‘Я несу за них ответственность. Я

должен изгнать призрака.’ Она не знала, насколько сильным стал призрак. В детстве Ари часто ездил на каникулы с Энн-Мари Куазза, самой Модель Шанель и ее семья, и теперь они взяли взрослую Ари на работу.

снова в отпуск в Марокко. Его пригласил друг моих детей. Он пошел с ними на пляж, но через день исчез. Шесть дней спустя они обратились ко мне за помощью - все это время они искали его. Мы нашли его, и я не могу рассказать вам, что произошло. Он был ужасен, в полном беспорядке, в психическом расстройстве. Однажды, вскоре после этого, мой младший сын пошел в ванную, и Ари выбежал оттуда с большим ножом. “Я собираюсь покончить с собой”. Его отвезли в психиатрическую больницу. Это была трагедия.’ Ари вспоминает: “Я провел два месяца в психиатрической больнице, и это стало началом Ада, потому что | с тех пор я был в психиатрических больницах так много раз, что я | не помню, сколько раз, сколько таблеток, электрошока … Я был в психиатрической больнице. в коме у меня было повреждение мозга. . > Нико отправился в Париж, чтобы встретиться с руководителем Ари, доктором Даудом (“Он, должно быть, подумал, что у тебя странная мать, раз попросил у него метадон’). Она согласилась пройти сеанс психоанализа, поскольку матери Ари, что, по ее мнению, было пустой тратой времени. И все же ее грызло чувство вины, и она могла думать только о том, что Ари было бы лучше жить с ней в вечно осеннем Прествиче, с хорошими | мать, которая отдала его своей сумасшедшей матери, подарила ему | Камамбер, который наблюдал, как он пьет остатки спиртного, и у него развилась желтуха, а затем отправил его восвояси, который забыл о нем, писал ему предсмертные записки, прогонял его подружек, дрался с ним, делился с ним шприцами и хорошим и плохим героином. (‘обещания, которые я не могу сдержать, и чувствую себя предательницей, нелояльной матерью”). Доктор Дауд не считала идею Ари уехать из Парижа разумной. Ари все равно уехала. В Прествиче, в конце концов, была своя больница. Нико продолжала вести жизнь затворницы в

Преставче и гастролирующей певицы-террористки. Чтобы пополнить свой заработок, она согласилась спеть с Марком Алмондом несколько сотен фунтов в “ужасной песне одного идиота”. Они были сфотографированы за игрой в бильярд. Нико была убеждена, что сама могла бы сочинять вещи получше, но она не представляла, как писать свои песни теперь, когда ее метадоновые сны были такими тоскливыми. Нико чувствовала, что разучилась сочинять музыку. ‘Я все еще думаю , что скорее всего снова начну принимать героин”, - отметила она. “Мой мозг работает не так, как следовало бы, но как только перемена обстановки освежит мое воображение”. Если бы только время остановилось. Чем дальше мы продвигаемся вперед, тем чаще я буду поворачивать время вспять”. Лутц Ульбрих связывался с ней из Берлина. Гитарист Ashra организовал фестиваль в Берлинском планетарии под названием Fata Morgana. Он поручил Нико составить последовательность песен, которые он сам сочинил, и исполнить их. Вместо того, чтобы продумать

на этот раз Нико сама записала музыкантов - Генри Лейкока, Джима Янга, Грэма Дидса. Когда дело дошло до мероприятия в июне 1988 года, она практически ничего не написала. Одна песня состояла из двух строк:

Мне, мне будет семь Когда мы встретимся на небесах.

Музыканты постарались собрать все воедино как можно лучше и создали нечто подходящее для этого случая. Запись концерта была скомпонована с некоторыми записями начала 1980-х годов и в 1990 году была продана голландской компанией невинной публике под названием “Висячие сады “. ‘Я пошла на концерт и в антракте встретила Кристу за кулисами”, - рассказывала тетя Хельма. “Она сворачивала сигарету и сказала: “Мне нужно это

для второго тайма”. Я спросила ее, что было в сигарете. Она ответила: “О, тетя Хельма, не будьте такой наивной”. Я немного поплакала, она заметила мои слезы. Затем она подарила мне красивое кольцо, которое когда-то купила в Испании для своей матери, - сюрреалистичный узор в виде бабочки. Криста надела кольцо мне на палец и сказала: “ Отныне это твое”. Я ношу его по сей день. Оглядываясь назад, могу сказать , что это был как бы прощальный подарок, не знаю. Как будто судьба позволила мне увидеть ее в последний раз”. Последней песней, которую она спела, была ее песня, посвященная Джиму Моррисону, о том моменте, когда она увидела его перед смертью.

Нико вернулась в Манчестер, чтобы встретиться с Аланом Уайзом, который был зол из-за того, что она организовала концерт в частном порядке. ‘О, пожалуйста, не сердись на меня, Алан. Мне нужны были деньги, чтобы я мог поехать на Ибицу , поработать над новыми песнями и побыть с Ари”. Нико и Ари полетели в Ибица, где Нико снял коттедж на холмах за городом Ибица. ‘Однажды поздним утром, 17 июля, моя мама сказала мне, что ей нужно съездить в город за марихуаной”, - рассказала Ари. “Она села перед зеркалом и обмотала голову черным шарфом. Моя мать уставилась в зеркало и постаралась как следует намотать шарф. Она спустилась с холма на велосипеде. “Я ненадолго”. Когда она ушла, было уже начало второго, скажем, часа дня, и самый жаркий день в году - 35 градусов по Цельсию.’

Водитель такси нашел ее лежащей на обочине крутой дороги , спускающейся с холма Фигуэрета, ее велосипед лежал на пыльной земле неподалеку. Колеса перестали вращаться. Он усадил ее на заднее сиденье своей машины и помчался в ближайшую больницу. Таксисту пришлось заехать в четыре больницы, прежде чем он смог разгрузиться. В первых двух Нико признали иностранкой и не допустили к работе. В третьей ее не было.

возникла необходимость в экстренной помощи - она выглядела как старая битница, возможно , слишком долго пробыла на

солнце. После того, как водитель начал ворчать, ее госпитализировали в четвертую больницу. Она была в сознании, но не могла говорить. Нико увидела вход в больницу и попыталась сказать: ”Нет, нет”. Ее положили на каталку , и медсестра диагностировала солнечный удар; на следующее утро ее осмотрел врач . У нее было кровоизлияние в мозг. Врач думал , что сможет спасти ее с помощью инъекций, но он не смог найти вену. Нико официально скончалась в 8 часов вечера 18 июля 1988 года.

Организацией похорон занимались Лутц Ульбрих, Алан Уайз и Ульрих Вольф . Они пытались кремировать Нико на Ибице, но , как им сказали, это было невозможно, так как она была иностранкой. Сотрудники похоронного бюро поместили ее тело в ящик для отправки в Барселону, где ее могли бы кремировать, но в Барселоне им сказали, что это невозможно, поскольку существует двухнедельный лист ожидания. Ящик был, наконец, долетели до Берлина, где труп был сожжен, а ее прах помещен в урне. На 6 Августа поминальная служба была проведена в протестантской церкви в Холмфирт, Йоркшир, где она когда-то сказал Алан мудрые она хотела бы быть похороненным. 16 августа урна с ее прахом была предана земле на могиле ее матери. Сбылось предсказание Нико: “Если я пойду на могилу своей матери, я никогда не покину ее’.

14 1981-1988

‘ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА, которые она напечатала на моей пишущей машинке, были посвящены последним дням певицы, - отметила Ари, - и у меня возникло ощущение, что она готовилась к смерти. Через три месяца ей исполнилось бы 50. Она почти час обматывала голову черным платком, разглядывая себя в зеркале. Два дня я не знала, что с ней случилось. Властям было все равно. Они думали, что она просто старая битница.’

| ‘Я думаю, что Ари и его семья склонны романтизировать ее

| смерть, ’ размышлял Уайз. - Она не думала, что вот-вот умрет. Нико было ради чего жить — она пережила настоящий ад, она начала снижать дозу метадона, и я верю, что через пять лет она бы окончательно отказалась от него. У нее было еще много песен,

которые она хотела сочинить, и ей нужно было заботиться об Ари. Честно говоря, вы могли бы взять любой из ее текстов за последние двадцать лет, всего тридцать восемь песен, и указать на предчувствие смерти. По правде говоря, ее смерть была трагической ошибкой. Три больницы не захотели иметь с ней ничего общего, потому что в их глазах она выглядела как битник, вот и все. Она жила богемной жизнью и умерла из-за этого. Затем, когда она приехала в четвертую больницу, там не было дежурного врача, и медсестра ошибочно диагностировала это как солнечный удар; врач, который диагностировал кровотечение, сказал мне, что

позже. К тому времени, как он добрался до нее на следующее утро, в мозг у нее попало много крови. Премьер-министр с ужасом сообщил, что она умирала медленно. Если вам нужна мораль, то единственная мораль, которую вы можете извлечь из жизни Нико, такова: не болейте в Испании. Ее смерть - это не что иное, как обвинение испанской системе здравоохранения.'

'Ее убила эта ужасная одежда", - предположил Пол Моррисси. "Самая красивая женщина в мире хотела выглядеть уродливой и носила эту ужасную черную одежду, чтобы скрыть себя. Вот она, в самый жаркий день года, катается на велосипеде в плотной черной одежде и с повязанным на голове черным платком - я бы сказала, что она искушала судьбу, если бы не знала, что лучше этого не говорить". Вива добавила: "Пережить все эти годы, а потом упасть с велосипеда, чтобы твоя смерть кажется немного жестокой. Когда я услышал эту историю, я сказал: "Держу пари, она была под кайфом". Она пережила большинство других — Эди, Джима Моррисона, Тима Хардина, многих людей с фабрики, даже самого Энди. Это обнадеживающая новость для наркоманов. Теперь она их Святая Нико.

"Это был несчастный случай или она погибла?" - спросил один из парижан, слишком падкий на интриги. 'Ирония в том, что, учитывая ее склонность к романтике, ее смерть уже стала

легендой", - заметил Виктор Брокс. 'Ее последняя история повторяет историю Бесси Смит. Императрица После автомобильной аварии Блюз была отвергнута больницами, потому что она была "негритянкой". Она также умерла из-за медицинского фанатизма и пренебрежения. Для таких аутсайдеров, как Бесси Смит и Нико, кажется, что ничего не меняется.'

"В конце концов, - предположил Нико Папатакис, - вы можете только вспомнить об этой потрясающей женщине и сказать: "Она заслуживала лучшего". Но как же ее сын? Что с ним будет?"

Ари завершил свой рассказ: "Когда умерла моя мать, Алан Уайз отвел меня в отдел регистрации завещаний, чтобы я унаследовал авторские гонорары (и долги). Когда я впервые получил мамины авторские гонорары, я потратил деньги на наркотики. Я подсел. Я принимал по грамму в день. Поэтому я позвонил своему врачу-психиатру в Париж и провел две недели в больнице. Я завязал с героином. Затем я получил чек от The Velvet Спустился в метро и купил билет до Рарои, Таити. Я принимал Валиум, травку и пиво, меня избили, затем арестовали, и кто -то пытался убить меня гарпуном.

Вернувшись в НьюЙорк, я сошел с ума. Я провел зиму на улице; спасатели нашли меня в реке Гудзон. Затем дальше На Стейтен-Айленде я упал в желоб с высоты пятнадцати метров на старой мельнице. Теперь у меня в ногах стальные штыри. Рабочие нашли меня и сказали: " Ты что, с ума сошел?!" И, может быть, так оно и было - у меня не было ни денег, ни паспорта,

ничего. Кто-то вызвал копов, и они отвезли меня в психиатрическую больницу. Мне нанесли пять ударов током по мозгу. Друг вытащил меня оттуда и отвез обратно в Париж. Там я два месяца лечился в психиатрических больницах, а затем на юге Франции. Сейчас я пытаюсь прийти в себя. Я еще недостаточно окреп, но однажды, когда окрепну, я поговорю со своим отцом и

сделаю это ради своей матери.’

Нико - Королева девушек с обложки, Нико - безмолвная суперзвезда мистера Уорхола , Нико - Мисс Поп 1966, Нико - Дитрих из the velvet underground, Нико - Богиня Луны, Нико - Гарбо из панка, Нико - Последний представитель Богемы, Нико — Такой же несчастный, как и всегда, Нико , любитель чисел, хотел бы умереть в возрасте 196 лет, а не 49, 14x14, а не 7x7. Она много раз размышляла о смерти, будь то на детском кладбище или у железнодорожных путей в Люббенау, через ее друзей, по ее венам и в ее исключительных песнях. Возможно, она и подумывала о самоубийстве, но ей было приятно сказать прессе: “Я выжила”. Если к 1979 году ее жизненный путь пошел на спад , то десять лет спустя, когда она умерла, он снова пошел вверх. Однажды она сказала журналисту, что Нико может умереть, “но я смогу жить как кто-то другой”. Она имела в виду Кристу. Незадолго до своей смерти она сказала Алану Уайзу, что ей надоело быть Нико, и она задумалась, можно ли в будущем выступать в роли Кристы Паффген. “Тогда мне не придется так много лгать”.

Нико была прирожденной лгуньей. Отчасти она солгала, чтобы спасти себя, но в первую очередь, чтобы защитить свою безумную мать и ее необузданного сына. “Я не хотела , чтобы они, как и я, затерялись на земле”, - утверждала она. Нико, возможно , и была прирожденной лгуньей, но не правдивой.

И все же не разрушайте башни моего дворца, которые Так легко и красиво построены: Возможно, я вернусь туда с другими людьми Когда искуплю свою вину. (из ‘Дворца искусств’, АЛЬФРЕД ТЕННИСОН, 1836)

Дискография и фильмография

ДИСКОГРАФИЯ

В первой левой колонке указаны песни из репертуара Нико. Во второй колонке указаны композиции Нико, хотя и не обязательно в хронологическом порядке (в настоящее время это невозможно определить). Справа указаны имена композиторов и авторов текстов других песен.

колонка.

Дата выпуска и звукозаписывающая компания указаны на оригинальном издании. Последующие издания, включая переиздания на CD, могли осуществляться последующими компаниями, которые могут

в разных странах они различаются.

Студийные пластинки

Я, The Velvet Underground и Нико Март 1967: Verve

1. Роковая женщина 2. Все завтрашние вечеринки 3. Я буду твоим зеркалом

2. Девушка из Челси, июль 1968: Воодушевление

4. Прекраснейшее из времен года

5. Наши дни

6. Младшая сестра

7. Зимняя песня

8. Тогда это было одно удовольствие

9. Девушки из Челси

10 Пожалуйста, сохрани Его у себя

11 Где-то есть Перо.

(Лу Рид) (Лу Рид) (Лу Рид)

(Коупленд/Браун) (Джексон Браун) (Кейл/Рид)

(Джон Кейл) (Нико/Кейл/Рид) (Рид/Моррисон) (Боб Дилан) (Джексон Браун)

313

Нико

12 Окутывай свои проблемы мечтами (Джон Кейл) 13 Хвалебная речь Ленни Брюсу (Тим Хардин)

В “Мраморном указателе”, март 1969: Электра 141 “Рассветные лужайки”

152 “Там никого нет”

163 Новая песня

174 “Лицом к ветру”

185 “Юлий Цезарь” (“Памятный сувенир”) 196 “Замороженные предупреждения”

207 Светлый вечер

218 Розы на снегу a 229 Нибелунги i

IV “Берег пустыни”, январь 1971: Повторение

23: 10 “Уборщик безумия”

24: 11 “Сокольничий”

25: 12 “Мое единственное дитя”

26: 13 “Маленький кавалер” (поет Ари Булонь) 27 14 Боялся

28 15 Боялся

29 16 Мюттерляйн

30 17 Все это принадлежит Мне

В Конце… Ноябрь 1974: Остров

3118 Прошло совсем немного Времени

32 19 Тайная сторона

33 20 Ты Забыл Ответить

34 21 Невинный и тщеславный

35 22 Долина царей

36: 23 У нас есть золото

В конце концов (“Двери”)

38 “Любовь к Германии” (Фаллерслебен/Гайдн)

Драма в изгнании, август 1981: “Аура” 1983: “Целлулоид”

39: 24 “Чингисхан”

40: 25 “Пурпурные губы”

41: 26 “Еще один шанс”

314

Генри Хадсон

Дискография и фильмография

43 “Я жду человека” (Лу Рид)

44 28 “Шестьдесят сорок”

45 29 “Сфинкс”

46 30 “Полет Орли”

47 “Герои” (Боуи/Ино) VII “Камера-обскура”, август 1985: Банкет нищих

48: 31 “Тананор”

49: 32 “Выиграй немного”

50 “Моя забавная Валентинка” (Роджерс/Харт) 51 “Любовь к женщине” (Хейманн/Гилберт) 52 33 Я в страшной опасности

53 34 54 35

В моем Сердце Пусто Выхожу на Арену

Одиночки 55 Я Молчу 56 Последняя миля

[Воскресное утро] Роковая женщина

Все завтрашние вечеринки я буду Твоим зеркалом Вегас

Саэта

Шествие

Все завтрашние вечеринки Тайная сторона

Роковая женщина

Герои

Еще один шанс

Моя забавная Валентинка В моем сердце Пусто Я жду своего мужчину Фиолетовые губы

57 36

BS 57

59 38

(Гордон Лайтфут) Сентябрь 1965 года: Немедленный (Олдхэм/ Пейдж) [переиздано Май 1982 года]

Март 1967 года: Воодушевление

Июнь 1967: “Воодушевление”

1981: “Щелкающий нож”

1982: Один на двоих

Июнь 1983: Аура Июнь 1985: Банкет нищих

1985: Аура

315

Нико

Концертные пластинки Первый концерт ACNE, 1 июня 1974 года Июнь 1974 года: Island

ВТОРОЙ концерт Nico en personne в Европе 1983 года: Один на двоих Frozen Warnings Саэта Фиолетовые губы в эти дни Пожалуйста, сохрани Это у Себя Герои Шествие

60/40

Сфинкс Роковая женщина Я Жду Своего Мужчину [так в оригинале] Рейс в Орли

III Нико: Live in Denmark, 1983: VU Records Саэта Вегас Шестьдесят сорок Долина царей Уборщик безумия Я сохраню это при себе Роковая женщина Я Жду Своего Мужчину [так в оригинале] Герои

IV “Делай или умри”, 1983, Международный кинофестиваль “Достучись” Уборщик безумия Саэта Все завтрашние вечеринки Там никого нет Роковая женщина

конец

V “Голубой ангел”, август 1985: Аура Роковая женщина Все завтрашние вечеринки Герои

Дискография и фильмография

В ожидании мужчины конец

Пожалуйста, оставим это при себе Девочки из Челси

VI Нико: За железным занавесом, апрель 1986: Замок Ночь всех святых с польского шоссе Еще один шанс Замороженные предупреждения Песня одинокой девушки [Песня о том, что ты - безумец]

Выиграй немного

Кониг

Фиолетовые губы

Все завтрашние вечеринки Я в страшной опасности конец

Моя забавная Валентинка

60/40

Тананори

Уборщица Безумия В моем сердце Пусто Роковая женщина

VII Live Heroes 1986: Рекорды выступлений (США) Герои Шествие Моя забавная Валентинка На все завтрашние вечеринки Тайная сторона Роковая женщина

конец

Нико: Живу в Токио, февраль 1987: Касл В моем сердце пусто Фиолетовые губы Тананор Уборщик безумия Ты забыл ответить

60/40

Моя забавная Валентинка

317

Нико

Все вечеринки, которые состоятся завтра

Да, это лучшие девушки [так в оригинале] Роковая женщина

конец

IX Nico: The Peel Sessions Ноябрь 1988: Strange Frui/Би-би-си Тайная сторона Там никого нет Уборщик безумия Замороженные предупреждения

X Нико в мэрии Челси, август 1992: “Большие надежды ” (записано в июне 1986) Tananore Еще один шанс Шествие В Моем Сердце Пусто Привратник Безумия Сфинкс Ты Забыл Ответить Я В Страшной Опасности

60/40

Все завтрашние вечеринки Фиолетовые губы Роковая женщина Саэта конец

Другие записи

I Hanging Gardens, 1990: Restless Records (Нидерланды) “Висячие сады” Звук Ты забыл ответить Вегас Вечер в ожидании человека Твой голос Твое слово против моего Мне будет семь Строка [на самом деле Саэта]

318

d

II Кевин Айерс: “Исповедь доктора Дрима”, 1974: Остров Необратимое повреждение нервной системы

Дискография и фильмография

Второй Баухауз: Банкет нищих Я жду Мужчину [сингл]

Четвертый Марк Алмонд: Мы - звезды, 1988: Parlophone Твои поцелуи обжигают |

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Дата выхода указана только в стране-производителе.

1 “Сладкая жизнь” (Италия, 1960) Режиссер: Федерико Феллини 35 мм, черно-белый, 190 минут.

2 “Стриптиз” (Франция, 1963) Режиссер: Жак Пуатрено Черно-белый, 35 мм, 95 мин.

3 “Шкаф” (США, 1965) Режиссер: Энди Уорхол

16 мм, черно-белый, 70 мин.

4 “The Velvet Underground и Нико” (США, 1966) Режиссер: Уорхол/Моррисси

16 мм, черно-белый; 70 мин.

“5 Девушек из Челси” (США, 1966) Режиссер: Уорхол/Моррисси

16 мм, черно-белый/clr; 195 мин.

6 “Подражание Христу” (****) (США, 1967) Режиссер: Уорхол/ Моррисси

16 мм, цветной, 8 часов.

7 “Саусолито” (****) (США, 1967) Режиссер: Уорхол/Моррисси

) 16 мм, цветной; 30 минут.

Нико

8

10

11

12

13

14

15

16

E7

“Хай Эшбери” (****) (США, 1967) Режиссер: Уорхол/Моррисси

16 мм, цветной; 30 минут.

Нико-Катрина (****) (США, 1967) Режиссер: Уорхол/Моррисси

16 мм, цветной, 30 мин.

Я, мужчина (США, 1967) Режиссер: Уорхол/Моррисси

16 мм, черно-белый, 100 мин.

“Шрамы внутри” (Франция, 1970/1972) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, цветной, 60 мин.

“Атанор” (Франция, 1973) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, цветной, без звука, 20 мин.

“Высокие уединения” (Франция, 1974) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, черно-белый, немой; 75 минут.

“В прошлом” (Франция, 1975) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, черно-белый, 80 мин.

“Хрустальное озеро” (Франция, 1976) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, цветной, 80 мин.

“Путешествие в сад смерти” (Франция, 1977) Режиссер: Филипп Гаррель 35 мм, цветной, 55 мин.

“Голубое сияние” (Франция, 1978) Режиссер: Филипп Гаррель

35 мм, черно-белый, без звука, 50 минут.

Дискография и фильмография

18 Балхаус Бармбек: Давай поцелуемся и попрощаемся (Германия, 1988) Режиссер: Кристель Бушманн 35 мм, цветной; 80 минут.

(****): Отдельные фрагменты “24-часового фильма” под названием ****, также известного как “ЧЕТЫРЕ ЗВЕЗДЫ”.

Источники

Переводы с немецкого были сделаны Наташей Шармберг, с

французского - автором и Беном Гулдом.

Бодрийяр, Жан: “Соблазнение”. Макмиллан, Лондон, 1990 г. (На французском языке: под ред. Галилея, Париж, 1979 г.).

Глава 1

Гиршович, Лукаш: Третий рейх и арабское прошлое. Ратледж, Лондон, 1966 (оригинал. Варшава, 1963).

Раушнинг, Герман: “Революция нигилизма”. Европа Verlag, Цюрих, 1938 (перевод с английского Э.В. Дикса, Windmill Издательство, Суррей, 1939).

Грюнбергер, Ричард: Социальная история Третьего рейха. Виденфельд и Николсон, Лондон, 1971.

Ворч, Томас: Шпрее Вальд. Государственный университет Германии, 1991.

Брауэрайен и Мальзерейен в Европе. Хапп-Штедт, Германия,

1976.

Нисецкого, Вольноски (ред.): Польская Корона, Львов, Польша,

1740.

Полный атлас мирового опыта, том 3. Зюдвестверлаг, Мюнхен,

1975.

Глава 2 Грубер, Франк и Рихтер, Герхард: “Великий октябрь” Бундесреспублика, 1946-1955.

323

д Нико

Ежегодный журнал (Оккупация союзниками), том 189. Лонгманс, Лондон, 1947.

Бергер, Иоахим: Берлин, фрайхитлих и бунтариш. Гебель Немецкий университет, Берлин (1991?).

Германия, Западная Германия, 1945-1949. Немецкий университет Ч. Бек, Мюнхен, Германия, 1976.

Беккер, Говард: Немецкий Ютуб, связанный или свободный? Киган, Пол, Тренч, “Трабнер и компания”, Лондон, 1946.

Цинк, Гарольд: Соединенные Штаты в Германии, 1944— 1955. Компания “Д. Ван Нострандт”, Принстон, США, 1974.

Некролог Зары Линдер, “Таймс” (Лондон), 8.7.81.

Глава 3

Сиефф, Жанлу: фотографии Сиеффа, 1950-1990, современность,

1990.

Кезич, Туллио: “Сладкая жизнь Федерико Феллини” (расшифровка фильма). Каппелли, Рим, 1960.

Майвальд, Вильгельм: “Разделитель шпилей”. Ширмер/Мозель, Мюнхен, 1985.

Хемингуэй, Эрнест: “Праздник, который можно устроить”. Графтон, Лондон,

тер 4 Страсберг, Ли: Драма страсти — развитие сюжета

Метбод. Издательство “Блумсбери Пресс”, Лондон, 1988. Миллер, Артур: Временные повороты — это жизнь. Минерва, США, 1987 год. Шелтон, Роберт: “Нет пути домой” (биография Дилана). Hodder & Stoughton, Лондон, 1980. Хейлин, К. Дилан, “За кулисами”. “Викинг”, Лондон, 1991.

Глава 5 Букер, Кристофер: Больные неопбиликозом — исследование в

революция в жизни Англии в пятидесятые и шестидесятые годы. Коллинз, Лондон, 1969 год.

,

Источники

Хьюисон, Роберт: “Слишком много”. Метуэн, Лондон, 1986.

Маршалл, Черри: “Кошачья прогулка”. Хатчинсон, Лондон, 1978.

Афтел, Мэнди: “Смерть Роллинг Стоуна”. Сиджвик и Джексон, Лондон, 1982.

Бут, Стэнли: “Истинные приключения Роллинг Стоунз”. Хайнеманн, Лондон, 1985.

Баэз, Джоан: “И голос, которым можно петь”. Саммит (США), 1987 год.

Глава 6 Энди Уорхол, совместно с Пэтом Хэккеттом: “Попизм 60 —х”.

Харкорт Брейс Йованович, НьюЙорк, 1980.

Энди Уорхол, совместно с Джерардом Малангой: “Кинопробы: Дневник”. Издательство “Кулчур Пресс”, НьюЙорк, 1967.

Ultra Violet: “Знаменит за 15 минут” — “Мои годы с Энди” Уорбол. Метуэн, Лондон, 1989.

Тернер, Флоренция: “В Челси”. Харвест/HBJ, НьюЙорк, 1987.

Стайн, Джин и Плимптон, Джордж: Эди — американка. Биография. Кнопф, НьюЙорк, 1982 год.

Рид, Лу: “Между мыслью и выражением” — избранная лирика Лу Рида. “Викинг”, Лондон, 1992.

Глава 7

Бокрис, Виктор: Уорбол. “Пингвин”, Лондон, 1989.

Мансано, Альберто: “Райнас дель Рок Канкьонес”. Эспираль, Испания.,

1987.

Глава 8 Что происходит (редактор: Мак Косек), журнал The Velvet Общество признательности андеграунда, Стюарт, Флорида, США.

глава 9 Альбен, Мишель: “Джим Моррисон у дверей”. Париж, 1973.

Денсмор, Джон: “Всадники на шторме”. Издательство “Блумсбери Пресс”, Лондон, 1991.

325

d

Нико

Копланс, Джон: Энди Уорхол (с каталогом фильмов). Новое Йоркское графическое общество, НьюЙорк, 1970. Джонс, Дилан: Темная звезда. Блумсбери, Лондон, 1991.

Глава 10

Дорман, Л., и Роулинс, К.: Леонард Коэн, “Пророк сердца”. Издательство “Омнибус Пресс”, Лондон, 1990.

Моррисон, Джим: “Дикая природа”, утраченные произведения Джима Моррисона. Издательство “Виллард Букс”, НьюЙорк, 1988.

Беркли БАРБ (США), интервью провел Ричард А. Огар, 1.9.67.

Глава 11 Соланас, Валери: Манифест подонков. Издательство “Феникс Пресс”, Лондон, 1991.

Глава 12 Куран, Жерар: Филипп Гаррель (ретроспективная программа, брошюра). Студия 43, Париж, 1983.

Глава 13

Джакомони, Антуан: Фотографии, публицистика Ла Сирен, Женева,

1991.

Адриан, Ив: “Нововидение” (“Признания в любви”) Период). Ассоциация гуманоидов, Париж, 1980.

Ален Пакади: “Молодой человек - это шик”. “Стрелец”, Париж.,

1978.

Беккер, Джиллиан: “Дети Гитлера” — история о Группа Баадера-Майнбофа. Липпинкотт и Ко, США, 1977. Раубелл, Р.: Die Baader-Meinhof-Gruppe. De Gruyte, Берлин.,

1973.

Источники

Глава 14

Некрологи: Tbe Times (Лондон), 22.7.88, Guardian, 23.7.88, Chicago Tribune, 23.7.88, Los Angeles Times, 23.7.88, New

| “Йорк Таймс”, 23.7.88, “Освобождение” (Париж), 23.7.88, die tages

|© (Берлин) 23.7.88, Independent (Лондон) 25.7.88, Bild

(Германия) 27.7.88, Variety (США) 27.7.88, Melody Maker

30.7.88, New Musical Express 30.7.88, Billboard 6.8.88,

Rolling Stone 8.8.88, Village Voice 16.8.88, Creem (США)

Октябрь 1988; Das Orchester (Германия) Октябрь 1988, Downbeat

(США) 12.11.88, начало декабря 1988 года.

Другой

Журналы, кроме тех, которые конкретно указаны в тексте:

Melody Maker 3.10.87, 21.3.87, 24.5.86, 17.8.85, 2.11.85,

18059085..27.7.85, 23.3.85, 26.1.85, 28.5.83, 29.1.83, 093. 2 5.9.82, 30.1.82, 17.10.81, 12.9.81, 29.8.81, 29.4.78, 21.12.74, 16.11.74, 15.6.74, 25.5.74, 18.9.71,

ЭДУАРД 71, 23.1.71, 28.3.70, 21.3.70, 27.8.65, 13.8.65, 28.5.65. (New Musical Express, соответствующий выпуск

- 1965-1988; Sounds, аналогичный выпуск 1980-х годов.)

Creem Ноябрь 1987, сентябрь 1980, май 1975, декабрь 1974; Variety (США) 15.9.82, 23.7.80, 13.6.79; Rolling Stone 15.12.88, 17.8.87, 14.3.85, 12.9.74, 4.2.71; Рачок, май 1975, Март 1972, август 1968, июнь 1968, сентябрь 1967; том 8 “Джаз и поп”, август 1968.

Фильмы и съемки Октябрь 1960, декабрь 1963, февраль 1965, июнь 1970; Очаровательная утка июнь 1963; Фильмы для кино июнь 1963; “Синемонд”, декабрь 1962; “Французский фильм”, июнь 1963; “Киноревю”, январь 1963; “Образ и сын”, апрель 1972; “Синема” Апрель 1972.

- Текст песни:

“Птицы Святого Марка” (стр. 171-2) Джексона Брауна. Авторские права на музыку “Открытого окна” 1970 года и “Атлантик Мьюзик” Корпорация, США. Используется с разрешения автора.

Нико

‘Chelsea Girls’ издана Sunbury Music Limited, США, в 1967 году, воспроизведена с разрешения Metal Machine Music., Inc., издательством Viking Books (Penguin Group, Великобритания), 1992.

‘Das Lied vom einsamen Madchen’ издан издательством “Меридиан”, Мюнхен.

‘Панегирик Ленни Брюсу” издан издательством “Т.М. Мьюзик”, США, 1968. _

“Пожалуйста, сохрани это при себе” издан Warner Bros, США © | 1965, 1968. |

“Я не говорю” Гордона Лайтфута, опубликовано Warner | Chappell

Music Limited и воспроизведено с разрешения International Music Publishers Limited.

“Это было одно удовольствие”, первоначально опубликованное Sunbury Music. Limited, США, 1968.

‘Уборщик безумия’ издан Warlock Music Limited.

“The Kids” издан Metal Machine Music, Inc. и воспроизведен с разрешения издательства Viking Books (Penguin Group, Великобритания).

‘My Funny Valentine’ издана компанией Chappell Music Limited.

‘My Only Child’ и ‘Mittterlein’ изданы UFO Music.

‘Take This Longing’ издана компанией Stronger Music, Inc., 1969.

“Вы забыли ответить”, опубликованную издательством Bee Bee Music.

Автор приложил все разумные усилия, чтобы связаться с владельцами авторских прав на все цитируемые материалы. Любое упущение в признании авторских прав-внесение изменений является непреднамеренным, и издатели, при получении уведомления, исправят любое такое упущение в последующих изданиях.

| Реклама, 280-81 Эме, Анук, 63, 64, 68 лет — Алмонд, Марк, 307, 319 лет Ашра, 258, 276, 307 лет - Одер, Мишель 235 - Омон, Жан-Пьер 32, 59, 235 | Омон, Тина 59, 129, 190, Ч 231, 233-6, 258, 269 | Аведон, Ричард, 68 лет Эйерс, Кевин, 174, 267-8, 319

. — Баадер, Андреас 206, 261-4 и Баэз, Джоан 103, 112, 114, 207 - Бейли, Дэвид 63, 94, 95, 98,

100, 129, 179

Бейкер, Чет 91, 207, 306 — Бейкер, Том 190 Бард, Стэнли 130, 152 и Бардо, Фредерик 235 —— Баухаус, 303, 319 | “Битлз”, 97, 99, 102, 106,

Берлин, Бригид (Полк) 124, 130,

205

Орхидеи, 293, 297 Булонь, Ари (Паффген, Эмерсон) 2, 81-2, 83, 85-9,

92, 99, 104, 122-3, 151-2, 155-6, 160, 161, 170-71, 172, 176, 179, 215, 216,

220, 222, 223, 229, 20Н

241, 243, 251-3, 256-7, 269, 270-71, 276-7, 280, 282. 295, 297, 303, 306-11, 314

Булонь, Эдит (Делон) 87,

214, 228, 231, 269, 276-7

Боуи, Дэвид (Джонс) 237, 268,

275, 283, 288, 315

Браун, Джексон 63, 168, 169,

120-72, 173, 174, 196; 208, 221, 313

Брокс, Виктор 54, 55, 82, 91,

159, 310

Брюс, Ленни 209, 314

Бакли, Тим 168, 169

Берроуз, Уильям 67, 90, 130,

294

Быдгощ (Бромберг) 8-9, 10

Колдер, Тони 116, 120

Кейл, Джон 64, 81, 126, 132,

140, 142, 145, 146-7, 148, 150, 158, 167, 169, 172, 1735 175, 177, 1559. 195.

196, 199, 204, 208—9, 215,

217,218.27. 228. 298. 230, 237, 242, 248, 250, 251-3, 262, 264, 265, 267, 268, 279-83, 286-8, 304, 313, 314

Кассаветис, Джон 71

329

Нико

Касл, 144, 178, 184, 187,

189, 212, 214

Шанель, Коко 45, 49-50, 51, 70,
77, 131

Клеман, Рене 65 лет
Клементи, Пьер 231-4, 246
Коэн, Леонард 104, 130, 170,
171, 195, 208, 210, 224

Коулман, Орнетт 82, 196, 267
Коллинз, Джуди 90, 170, 210, 217,
263

Коттрелл, Эдит 279, 295
Коттрелл, Пьер 276, 278

Де Лаурентис, Дино 59, 60-61
Де Мениль, Франсуа 239
Дебс, Хассад 258, 274
Делон, Ален 65-6, 68, 77-8,
80-81, 85-7, 100, 101, 123, 215, 216, 223, 249, 277, 2985

Денсмор, Джон 177
Дитрих, Марлен 1, 30, 91,
100, 108, 114, 116, 117, 131, 145, 147, 156, 170, 202, 211, 278

Дом, 136, 141, 143, 145,

147, 159, 160, 168, 169, 170, 173, 195, 248, 268

Дюге, Надетт’ 282-5

Дилан, Боб (Циммерман)

89-91, 102, 111-13, 115, 116-17, 121, 123, 134, 139, 158, 170, 173, 182, 201, 208, 210, 212, 224, 236, 313

Экберг, Анита 62-3, 91

Эллиот, Рэмблин Джек 168 Эллиот, мама Касс 182, 212 Эмерсон, Эрик 153, 155-6, 158 Ино, Брайан 264, 267, 315 Эпштейн, Брайан 126

Фейтфулл, Марианна 104, 106,

114, 116, 117, 207, 237, 283

330

ФБР 249

Феллини, Федерико 1, 35, 59,

60-62, 78, 85, 100, 104, 129, 176, 211, 235, 269

Филдс, Дэнни 168, 177, 178,

184, 185, 190

Форд, Эйлин, 71 год

Гарбо, Грета 1, 30, 91-2, 100,

108, 116, 131, 145, 157, 211, 311

Гаррель, Филипп 204, 231, 233,

235, 243-7, 253, 255, 256, 259, 268, 269, 274, 275-6,

278, 279. B2

Жене, Жан 39, 44, 68

Джакомони, Антуан 282-3, 284

Гинзберг, Аллен 47, 71, 104,

130, 141, 166, 178, 194

Грэм, Билл 143, 144

Греко, Джульетта 53, 68, 70

Гроссман, Альберт 112, 115,

116, 123, 134, 135, 143

Хардин, Тим 168, 170, 173,

209, 310, 314

Харрисон, Дик 298, 299

Хемингуэй, Эрнест 39-42, 45,

48, 67, 84

Хендрикс, Джими 115, 182, 184,

207, 255, 266

Хеннин, Мартин 298-300

Хепберн, Одри 32, 35, 40,

44, 48, 53, 153

Хольцман, Джей Джей 215

Хьюз, Фред 200-201, 203,

204, 239

Международный бархат (снизу)

130-31

Джонс, Брайан 104-9, 110, 112, 115,

116-20, 123, 136, 165, 166, 176, 178, 181, 182, 185, 236-7, 240, 251, 256, 276

Джонс, Фил 293-5

Джоплин, Дженис 115, 130, 182 Хуан Карлос де Борбон-и-Борбон (Король Испании Хуан Карлос)

57

Кальфон, Жан-Пьер 233 Казан, Элиа 76, 218 Кнеф, Хильдегард 32, 202, 305

Лиандер, Зара 30, 117, 202,

209, 241

Ли, Дориан 51

Лайтфут, Гордон 116, 117,

159, 315

Локвуд, Дидье 279 Лоуэлл, Роберт 202

Мачадо, Китай, 68 лет

Маланга, Жерар, 109, 111, 123,

126, 139, 153-4, 161,

176, 203

Мальдонадо-Босток, Карлос де

42, 46, 58, 70, 72, 73, 77,

79-80, 87, 243

Мангано, Сильвано 59, 60-61

Маркович, Интер, Стефан 215-16

Маркуанд: Кристиан, Надин, Серж 58-9

Мастроянни, Марчелло 61,

62-3, 85

Мейвальд, Вильгельм 40, 43-8,

51, 58, 66, 69, 83, 85,

87, 88, 94, 96, 104, 109,

122

Маккартни, Пол 99, 179-81,

241

Мид, Тейлор 197

Майнхоф, Ульрика 261, 262,

277-8

Мекас, Йонас 124

Менкен, Мари 154

Миллер, Артур 76, 130

Митчелл, Джони 104, 210, 217,

248

Индекс

Моне, Анна-Софи 50, 70-71,

79

Монро, Мэрилин 32, 75, 100,

101, 114, 115, 218

Мавр, Лили 76

Моро, Жанна 72-3

Моррисон, Джим 3, 7, 47, 105, 112,

132, 144, 166, 176-9, 181, 184, 185, 186, 189, 190, 194, 196, 198, 201, 212, 215, 218, 2269005. 2235. 255-6, 262, 263, 266, 274, 276, 308, 310, 313

Моррисон, Стерлинг 143, 147,

160, 169

Моррисси, Пол 28, 116, 124,

126, 127, 134, 138-9, 141, 145, 148-9, 152, 157, 10. 167, 171,178, 187-8, 192, 194, 200, 203, 204, 211, 219, 243, 276, 306, 310

Мьюир, Джефф 299

Майерберг, Майкл 125-8, 138

Николсон, Айви, 51 год, 190 лет Nico films:

**** 193. 319-20

Анж-Пасс, номер 275, 320

Берсо-де-Кристаль, номер 276,

320

“Блю дез ориджинс”, 278, 320 кв.м.

Девушки из Челси, 143 кв.м.,

150-54, 156, 157, 173, 174; 179, 187, $9. 190, 192, 194, 211, 289, 319

Внутреннее пространство рубца, Ла

244-6, 251, 253, 256, 259, 268, 320

Сладкая жизнь, Ла 2, 3, 40, 59,

60-64, 78, 84, 90, 91, 94, 96, 100, 101, 102, 151,218,319

331

£e

Высокие температуры, номер 269,

320

Я, 2 человека 190-92, 194,

202-3, 320

Изречение Христа 192, 194,

197, 232, 319

Пляж Солейль 65, 66, 89

Стриптиз 78, 82-4, 89,

100, 194, 319

Путешествие по саду мертвых

278, 520

Амстердам 241, 272,

273-4, 283, 293

Берия 2, 8-10, 12-21, 23,

25, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 37. 38, 40. 44, 45, 48. 58, 60, 90, 94, 97, 108, 122. 167, 172, 173, 212, 214, 225, 228, 230, 240, 241, 258, 259, 261, 272, 273, 274-5, 277 , 278, 286. 300, 302, 305, 307, 309

Кельн 2, 4-9, 18, 37, 88

Египет 233, 245

Ибица 3, 38, 45, 54, 55, 56,

Люббенау 9-17, 47, 99, Манчестер 20, 97, 246,

НьюЙорк 21, 25-6, 69,

Панс 7, 38-44, 47-8,

177, 220

284, 285, 291, 293, 297, 301, 302, 303, 306, 307, 308

71, 72, 75-7, 91, 109, 110, 122-8, 130-43, 144-50, 151, 152, 157,

159, 160, 163, 167, |

168, 170, 176, 177, 182, 190, 193, 195, 212, 222, 223, 228, 232, 237, 239, 242, 248, 251, 278, 286, 302, 305, 310

49-52, 56, 58, 66, 67-8, 77, 79-80, 81, 83-4, 85, 88-92, 104, 109, 122, 151, 179, 199, 211, 214, 215, 224, 228, 231-3, 241, 245, 247-51, 254, 255-60, 268, 269, 272, 274-6, 278, 279, 282, 292, 295, 307

57-8, 75, 79, 82-3, 87, 93, 108, 116, 122, 123, 253, 261, 303

173, 207. 242, 254, Рим 58, 59-60, 62, 64,

273, 274, 308 233, 234, 254

Лондон 88, $9, 90, 94-101, Сан-Франциско 143, 167, 13

111, 112, 115, 116, 181, 187, 188, 193, 19

Позитано 129, 234, 235,

121, 122, 163, 179, 288

180, 182, 236, 241, записи: 246, 253, 254, 262, Камера-обскура 304,

264, 267, 280, 283, 315

284, 285, 292, 295, Девушка из Челси, 170 лет, де ‘

296-7, 302, 303 209, 210, 211, 215, 274,

| Число проигравших : 105, 107, 110, 313

143, 144, 167, 176, 251, 253, 314

178-9, 185, 187, 190, Драма изгнания 283, 30

207, 212, 213, 214, 314-15

228, 276 Висячие сады 308, 31

1n /Последняя миля

117 118. 120, 315

“Конец 262, 263, 265.

6, 267, 280, 288, 290,

04, 314

> Мраморный индекс 218,

228-9, 251, 251, 265.

281, 314

be Velvet Underground с бу 148, 156, 174. 313

дэм, Эндрю Луг 101.

. 104. 108-9. 110-11, 116, 117-18, 120. 121.

а 81. 315 : [Роберт Оливо} 124,

433, 154-5 . 156, 193, 197

1CO0.4 Свекла (Шуле) 5-х?! 14, 17, 18, 20, 22 е М4, 25, 29-30, 31. 33.

34. 40-41, 57-8, 77-8, 79, 87, 93, 99. 108, 123, 172, 204, 240.

241 фэн. Вильгельм, 2, 4-7 у 117-18. 119, 159 Рона 154 — “э. Анита 105, 107, 119. |, 243, 276

ки - 45. 68-9.

| Т8-81. . 198, 279 нс

208

скорая помощь, Д.А. 111. 182

ва 202, 219 , идентификационный номер Жака 78-9, 83, 519

1. 237, 239, 251.

Анна-Мария 50, 51, 55,

7. 256, 306

Филипп 282-4

Индекс

Тростник, низкий 39. 126, 127, 152-5, 139, 140, 145, 147 “r3

138, 139. 160. 167. 170.

173, 174, ?97. 256, ОСН.

281, 313

“Роллинг Стоунз”. Тот самый 101-4, 106,

109-10, 114, 120, 125. 126. 144, 182. 236

Роне, Монс 59,465

Сартр, Жан-Поль 39, 68, 74

Шрамы, 284

Шнесдер, Роми 65, 110

Шульц, Альбер: 10-12, 17-18

Шульц, Берта 12 лет

Семья Шульц 8. 9. 15

Себер, Жан 249. 269. 275

Седевак, Эди 109-10, 124,

125, 133-5. 136, 157, 139-40, 142. 156-7. 165.

180. 189, 194, 202. ? 56.

255. 310

Северн, Стивен 2

Сифт. Жанлу 50

Симмонс, Джек 144, 178, 184.

212, 214

Сирк, Дуглас 50

Сиу, сунсы 138, 278, 280.

281. 287

Сикс, Аэрон 283

Смит, Парм 278-9, 283

Субнер, Пауледит (англ|!

$1, $7, 88, 92. 151. 160.

214, 251, 2M

Марионетки, лгунья и Остальные 215. 257,

259

Серасберг. Ли, 70,75,76

Суперзвезда, в конце концов (Фон Шейн)

130, 135, 142, 190

Тангенн Дрим 271

Тилден, Пак 195, 197

Тобас Херберт 57-8. 44, 45. 47. СТАРШИЙ, 99

Трэверс, Мэри 115

Нико

Трентиньян, Жан-Луи, 59 лет

Трюффо, Франсуа, 72 года, 100-101,

292

Тцара, Тристан (Розенфельд) 52

Ульбрих, Лутц 258, 270, 272-4,

276, 307

Ультрафиолетовый (Коллин-Дюфрезен)

136, 139, 145, 152, 161, _187, 190, 193, 203

Вали, 234, 250

Velvet Underground, The 35,

397 105. 123, 125-7, 132,

138, 139—40, 142-5, 148,

156, 158, 161, 162, 174, 176-80, 196, 215, 239, 277, 281, 282, 287, 310, 313

Velvet Underground Общество признательности, The

287

Вишес, Сид 287

Висконти, Лукино 66, 85

Да здравствует Сьюзан Хоффман 26, 136,

156, 194, 200, 203, 218,

м7, 230, 231, 235, 249,

310

Уорхол, Энди 1, 3, 25, 47, 49,

58, 61, 95, 109-11, 123-8, 130-32, 134-45, 147-8,

152-3, 155—63, 165, 166,

168, 174, 175, 176, 179, 180, 182, 187-93, 197, 199, 200, 202-5, 208, 210, 212, 228, 230-32, 236, 251, 257, 269, 306, 310, 311

Уилсон, Том 149, 166, 173, 208

Уайз, Алан 27, 132, 284, 285,

291, 292, 296-8, 301-4, 308-11

Вольф, Хельма (Шульц) 8-18, 20,

23-4, 29-30, 32-4, 40-41, 45, 58, 72, 87, 93, 108, 123, 163, 173, 214, 223, 228, 240, 275, 308

Вольф, Ульрих 9, 11-16, 18, 20,

23, 33, 47, 65, 122, 173, 275, 309

Воронова, Мэри 130, 154

Юные негодяи, 128, 141

Зузу 74, 104, 107, 231, 232,

276, 278

ОКУФ.-

-о тех, кто

Сказала в. ОНА дала мне ПОНЯТЬ, что она одна, что она всегда была рядом, но не сейчас, а во вторник, и что она никогда не увидит ее.

и они подумали, что она шутит.

Будучи девушкой с обложки пятидесятых, сиреной шестидесятых, богиней Луны семидесятых и Верховной жрицей панка восьмидесятых, Нико дрейфовала

_ бродит по обществу, как призрак. Всю свою жизнь она

боролась против идолопоклонства мужчин, чтобы утвердить свою независимость как исполнительницы, сначала с помощью Velvet Underground, а затем и как автор диссидентских песен. За ее внешностью в стиле Гарбо скрывалась одинокая женщина , пытающаяся сохранить независимость в быстро меняющемся мире и справиться со своей влюбленной матерью и проблемным сыном, существование которого отрицал его отец-кинозвезда.

Эта необычная биография, которую Нико попросила Ричарда Уиттса написать незадолго до ее смерти, раскрывает причины ее отговорки. Эксклюзивные материалы от Дэвида Бейли, Джексона Брауна, Джона Кейла, Феллини, Игги Попа., Сьюзи Су, Вива и другие — друзья, родственники и враги — составили окончательный отчет о женщине, чье влияние на популярную музыку и стиль признается только сейчас.

‘Исчерпывающая биография Уиттса раскрывает печальную сторону жизни Нико… она никогда не перестает вызывать сострадательное восхищение потерянной, но непоколебимой душой, стоящей за этим пронзительным голосом и сногсшибательным взглядом”, - пишет журнал Q Magazine.

- В нем сочетаются сострадание, скептицизм и восхищение…“От нее исходило нечто большее, чем красота, нечто более возвышенное, иное обольщение”, - писала Джин Бодрийяр о ней. Уиттс помогает нам понять, в чем заключалось это соблазнение”.

эй

ISBN 0-86369-655-4

Фотография на обложке Антуан Джакомони

Биография

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: £6,99 *АВСТРАЛИЯ: $16,95*
РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЦЕНА 9 7780863 696558”»

b

Она называла себя “нацисткой наркоманкой-анархисткой’, `